

Книжный червь Переводы книг

ТЕПЛИЧНЫМИ ЦВЕТКАМ

ОНА
ПОВЗРОСЛЕЛА
ВО
ВСЕХ
СМЫСЛАХ

КРИСТА & БЕККА
РИТЧИ

Рик Мэдоуз вновь встретил Дэйзи... и она повзрослела... во всех смыслах. Двадцатипятилетний Рик Мэдоуз знает, как сложно его полюбить. Унаследовав миллиард долларов, став звездой легкой атлетики и будучи лидером по натуре, он все равно соответствует понятию «симпатичный мудака». Но он и не стремится завести новых друзей. Или нажить врагов. Рик просто хочет свободно взобраться на три самых сложных горы Йосемити без нервов и заминок. Однако планы меняются, когда Рик получает тревожный звонок от девушки из Парижа — девушки, которую он никогда не мог иметь. Дэйзи Кэллоуэй восемнадцать. Ну, наконец-то! Став независимой, она может попрощаться с деспотичной матерью и продолжить строить свою модельную карьеру. Следующая остановка — Париж. Но Неделя моды начинается со взрыва, и перед девушкой предстает вся неприглядная сторона индустрии моды. Дэйзи хочет доказать своей семье, что готова к самостоятельной жизни, но когда все выходит из-под контроля, она вынуждена обратиться за помощью к Рикку. Из всех сил пытаюсь разобраться в новом мире свободы, она раздвигает границы и бесстрашно выходит за рамки дозволенного. Но Рик знает, что каждое импульсивное действие скрывает под собой глубинную боль. Он должен двигаться с Дэйзи в ногу, потому что если отстанет, то ее мото-девиз — «живи так, словно сегодня умрешь» — может попросту сбыться.

Криста и Бекка Ритчи

Тепличный цветок

Оригинальное название: Krista Ritchie, Becca Ritchie «Hothouse Flower» (Calloway Sisters #2) 2014

Переведенное: Криста и Бекка Ритчи «Тепличный цветок» (Сестры Кэллоуэй #2)

Перевод: Алена Мазур

Редакторы и оформитель: Дарья Федюнина, Анастасия Токарева

Обложка: Анастасия Токарева

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРОВ

Для всех наших сердечных, добрых и любвеобильных поклонников.

С этого момента, данная книга становится Вашей. Она представляет собой нечто большее, чем просто роман. Было бы нечестно подарить вам что-то меньшее, чем книгу о семье, братьях и сестрах, друзьях и реальных проблемах, способных разрушить все это в одночасье. Роман «Тепличный цветок» изначально был простой книгой, но мы хотели, чтобы герои стали реальными для вас, такими же, какими они являются для нас. Чтобы вы узнали их, всех и каждого. Все их отношения. Каждый шрам. Каждую битву. И любовь. Мы хотели дать вам все это и не оставить обманутыми ваши ожидания. Потому, надеемся, что когда вы прочтете последнюю страницу, то поймете, почему книга вышла такой объемной, и почему мы отказались давать вам что-то меньшее.

Вот так. Эта книга Ваша, целиком и полностью.

Приятного прочтения J

ХОХО Бекка и Криста

P.S. Рекомендовано к прочтению после романа «Коснуться Небес», а в идеале после прочтения всех предыдущих книг серии «Зависимые».

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РИКА

Моя жизнь полна нетрадиционных вещей, аномалий и гребаных неловких ситуаций.

Если вас легко обидеть матерным словом или неуместными разговорами, то значит, черт возьми, где-то Вы ошиблись поворотом. Вы не поймете меня, если не сможете найти со мной общий язык, и я уж точно не собираюсь пытаться объяснить вам свои действия или мотивы.

Я грубый.

Со мной сложно.

Я тот, кого Вы обычно избегаете.

Так что я предупреждаю вас сейчас. Отступите.

Потому что если однажды Вы войдете в мою жизнь, то уже не сможете меня оставить, я Вам не позволю.

РИК МЭДОУЗ

Каждый понедельник был пиздец как похож на предыдущий. Без разницы было мне десять или двенадцать лет. Пятнадцать или семнадцать. Водитель по имени Андерсон вошел в мой дом в пригороде Филли в середине дня. Спустя десять минут он высадил меня возле загородного клуба, и я увидел отца, как и всегда сидящего в за тем же долбаным столом у того же дьявольского окна с видом на два красно-зеленых теннисных корта. Он заказал все ту же гребаную еду (филе миньон со столетним скотчем) и задал мне те же самые ебанные вопросы.

— Как твои дела в школе?

— Хорошо, — ответил я. Мой средний бал был 4.0. Мне было всего 17 лет, и представители программы привлечения студентов из различных колледжей предлагали мне пополнить ряды их легкоатлетов. Все свое свободное время я занимался скалолазанием, увлекаясь обоими видами спорта в равной степени. Я строил этот план в своей голове еще со старшей школы. Собирался поступить в колледж за счет своих успехов в беге. И таким образом, я бы не прикоснулся ни к одному десятицентнику его гребаных денег. Я бы позволил своему трастовому фонду сгнить. Я собирался держаться как можно дальше от отца и матери. И в конце концов планировал найти покой и забыть о всей лжи, что так долго вешали мне на уши.

Мой отец потягивал скотч.

— Твоя мать не хочет рассказывать мне о том, как у тебя дела, и ты тоже не открываешь свой дьявольский рот, чтобы дать развернутый ответ. Так что мне остается делать? Попросить незнакомцев задать тебе пару вопросов? Позвонить твоему учителю? Они подумают что я, охренеть какой, ужасный родитель.

Я смотрел на поверхность стола, не прикасаясь к своему сэндвичу с курицей. Я принимал от него еду, когда мне было десять. И всегда ел гамбургеры, когда мне было одиннадцать. Но когда мне исполнилось 15, я проснулся и наконец признал, что все это время ел в компании дьявольского монстра.

— Мне нечего сказать, — ответил я ему.

— Ты что вдруг оглох? Как прошла у тебя *неделя*? Что, блядь, ты делал? Это не суперсложный вопрос, — он опустил стакан с виски на стол. — Чушь! — пробормотал отец и указал на меня пальцем руки, которая все еще удерживает стакан. — Предполагалось, что ты будешь умным сыном, — а затем он подозвал официанта и заказал еще одну порцию скотча.

Мои мышцы напряглись при упоминании Лорена, а неуправляемый гнев наполнил и распалил все мое тело.

Я все еще не научился контролировать эту злость. Она просто поглощала меня, будто дьявольский лесной пожар.

— Мы можем на этом прерваться? — спросил я. — Мне, черт побери, нужно кое-куда.

Подошел официант и наполнил стакан отца на четверть. Отец приказал парню налить еще и тот подчинился, наполнив стакан на три четверти.

Джонатан Хэйл плавал в миллиардах долларов, полученных от Хейл Ко., компании детских товаров. Он платил за то, чтобы персонал загородного клуба закрывал глаза на то,

что их клиент распивает алкоголь в компании несовершеннолетнего. И к данному моменту это стало, мать вашу, в порядке вещей.

Мой желудок сжался, когда я посмотрел на алкоголь. Всего четыре дня назад я решил прекратить пить. Я знал, что каждый понедельник должен был проходить проверку у отца. И я бы ни за что не сказал ему, что бросаю. Я не хотел говорить с ним об этом. Я просто избегал гребаной выпивки. Игнорировал ее.

Официант налил еще один стакан виски для меня и закупорил хрустальный графин.

Он оставил нас, не сказав больше ни слова.

— Пей, — настаивал мой отец.

— Мне не нравится скотч.

Отец наклонил голову.

— С каких это пор?

— С тех самых, с которых он стал твоим любимым долбаным напитком.

Он покачал головой.

— Ты и твой брат любите восставать против меня, будто мелкие панки.

Я сердито взглянул на него.

— Во мне нет *ничего* от панка.

— И откуда тебе знать? — легкомысленно ответил он. — Ты даже не знаком с ними.

— Черт возьми, я просто знаю, — я схватил себя за колено, которое начало подергиваться. Мне хотелось убраться отсюда куда подальше. Я не мог сидеть здесь и разговаривать о Лорене. Я всегда знал, что у меня есть сводный брат. Было чертовски сложно принять тот факт, что ребенок Джонатана Хейла был родственником и мне. Мы с ним по сути делили одного отца. Но мой отец и мать никогда не упоминали об этом до того, как мне исполнилось 15. После того, как моя мать назвала меня сыном-ублюдком, я попросил отца конкретизировать. И в конце концов, он выложил мне три факта, которые прояснили картину, начавшую формироваться у меня в голове.

Первый факт: Джонатан изменил Саре, моей матери, с другой женщиной, когда мне было несколько месяцев.

Второй: "Другая" женщина забеременела. Лорен родился через год после моего рождения, и эта женщина оставила своего сына на Джонатана. Окончательно и бесповоротно. Что и изменило всю картинку.

Третий факт: Я жил с Сарой. А мой сводный брат жил с нашим отцом. Но весь чертов мир поверил, что ребенок Сары — Лорен Хейл. А не я. Я был Мэдоуз. Мне дали фамилию семьи неудачников моей матери, живших в Нью-Джерси, которые к тому же не хотели иметь с моей мамой ничего общего.

Моя мать была Сарой Хейл.

Мой отец был Джонатаном Хейлом.

А я был ничьим сыном.

После того как истина вышла на поверхность, отец *всегда* напоминал мне о Лорене. Каждый раз он задавал один и тот же гребаный вопрос, и я не желал слышать его сегодня.

Он покрутил свой стакан.

— Почему ты стал таким слабаком?

Мои ноздри расширились. Я не мог поверить, что когда мне было 9 лет, я, черт побери, считал отца клевым. Позволяя мне распивать с ним его виски, он вел себя так, будто мы близки. Отец и сын. Все выглядело, как будто он любил меня так сильно, что позволял

нарушать некоторые чертвы правила. Но я гадал, было ли это всего лишь уловкой, чтобы приучить меня к чему-то плохому, сделать подобным себе.

— Я попал в аварию, — сказал я ни с того ни с сего.

Он подавился своим скотчем и откашлялся.

— Что? — нахмурился Джонатан. — Почему я только сейчас узнаю об этом?

Я пожал плечами.

— Спроси у мамы.

— Эта сука...

— *Эй*, — перебил я его, в моих глазах пылал гнев. Мне, пиздец, как надоело слушать то, как он ее унижает. Я, блядь, устал выслушивать клевету моей матери на отца. Мне просто хотелось, чтобы они оба *прекратили все это*. Они развелись, еще когда я был ребенком, мне еще и года не было. Когда же борьба между ними закончиться?

Отец закатил глаза, но в его взгляде появилась серьезность, обеспокоенность. Если в груди Джонатана Хейла и было сердце, то оно на хрен утонуло в море выпивки.

— Что случилось?

— Я въехал в почтовый ящик соседей, — вообще-то, я не помню как приехал домой. Помню лишь, что четыре раза проехал на красный свет. Я на фиг сбил забор. По сути, я отключился за рулем и проснулся, когда машина уже врезалась во что-то.

Я не ехал домой с пьяной вечеринки, нет-нет.

Я просто напился в одиночку, сидя на футбольном поле подготовительной школы Лорена. Я охренеть, как ненавижу Академию Далтон. Я был вынужден перевестись в частную школу Мейбелвуда, в часе езды от нашего дома лишь потому, что моя мать не хотела видеть лицо Лорена каждый чертов день. Ну, и потому, что никто не должен был узнать, что я его сын.

Так что Лорен ходил в ближайшую школу, в которую должен был ходить я, в то время как я был изгнан и выброшен.

И я чертовски ненавидел своего брата. Он, блядь, *вызывал отвращение* в каждой клеточке моего гребаного тела. Моя мать помогла взрастить во мне этот тошнотворный гнев. Она постоянно говорила:

— Твой брат самовлюбленный мудака, утопающий в *наших* деньгах. Если ты будешь рядом с мальчишкой Джонатана Хейла, то не добьешься этим ничего хорошего.

Я кивал и думал: *Ага, чертов ублюдок*.

Но проходили дни, и в мою голову закрадывались сомнения.

Возможно, мне стоит с ним познакомиться.

Возможно, следует поговорить с ним.

Но он же испорченный богатенький мальчишка.

Как и я.

Не то, что ты.

Он не заботится ни о чем, кроме себя.

Как и я.

Не то, что ты.

Он пьяный неудачник.

Как и я.

Вчера я думал о том, чтобы поехать к маме и кое о чем поговорить. Думал попытаться уговорить ее прекратить эту бессмысленную вражду, эти разглагольствования о неверности

Джонатана Хейла, и перестать так интересоваться жизнью его незаконнорожденного ребенка.

— Ты слышал уже, что Лорена Хейла исключили за пропуск уроков? — спросила она с ненормальным блеском в глазах. Его неудача была поражением Джонатана. И в целом, для мамы, это приравнивалось к гребаному успеху.

Но я не мог ничего сказать. Кто я такой, чтобы говорить женщине забыть о подобном? Ей изменили. Она заслужила право сходить с ума, но мне приходилось наблюдать за тем, как эта ненависть съедала ее в течение почти двух десятилетий. Ее страдания были несправедливы. Она была так одинока.

Но глубоко внутри своего сердца я желал, чтобы мама отпустила все это, и следом за ней я мог бы сделать то же самое.

Так что да. Мой отец чертовски разозлил мою маму. И возможно, если бы она была сильнее, то смогла бы справиться с этим. Может, если бы я был сыном получше, то мог бы ей помочь.

Я проезжал мимо Далтона, и на меня обрушилась волна сильнейшей ярости. Просто потому, что никто не знал *настоящего* меня в Мейбелвуде. Они называли меня Риком чертовым Мэдоузом, звездой атлетом всей Америки, отличником, получавшим выговоры за использование матерных слов практически каждый второй день.

По документам у Лорена были оба родителя, мои родители.

У него была фамилия.

У него было наследство размером в миллиарды долларов.

А я даже не знал, как много они ему сказали, знал ли он обо мне хоть что-то. Я не сосредотачивался на этом. Я не мог бы совладать с тем фактом, что все это время он крал их у меня. У меня не было *ничего*, кроме споров и криков, последствий развода. Я был *настоящим* чертовым ребенком Джонатана и Сары Хейл.

Так почему же я, блядь, должен притворяться бастардом? Почему Лорен получил жизнь, которая предназначалась мне?

На футбольном поле я *выпил залпом* бутылку виски. И моя боль отступила. Я разбил бутылку о стойку ворот, надеясь, что Лорен футболист и порежет свои чертовы ноги, так, чтобы каждый раз, когда он ощутит боль от порезов, то это было моих рук дело.

На следующее утро после этого я проснулся после того, как из-за слишком большого количества выпитого алкоголя, практически убил себя, резко повернув руль автомобиля. Мне стало холодно изнутри. Я был так близок к смерти. И мне не хотелось быть таким. Потому я дал себе обещание. Мой отец не разрушит меня, как и мой сводный брат. Даже моя мать. Я собрал все свое дерьмо в кучу.

И двинулся дальше.

Я собирался поступить в колледж.

И найти собственный покой.

На хуй. Их. Всех.

Мой отец расслабился.

— Почтовый ящик — это не проблема. Твой брат делал вещи и похуже, — он покачал головой, прогоняя мысленные образы. А затем Джонатан бросил на меня быстрый взгляд, и я уже знал, *что* за вопрос сейчас последует. — Ты хотел бы с ним встретиться?

Я открыл было рот, но отец прервал меня.

— Прежде чем сказать нет, выслушай меня. Он сильно отличается от тебя...

— С меня, на хрен, хватит, — я больше не собираюсь растрчивать свою энергию на Лорена. С меня довольно.

— Ему нелегко нести бремя фамилии Хейл. Наши деньги заработаны на продажах *детских* товаров. Так что Лорену приходится терпеть множество насмешек...

— Меня это не *волнует*, — усмехнулся я. Мы оба жили во лжи, но моя ложь была куда хуже. — Мне никогда не позволяли рассказать людям о том, кто мой отец. У него такая же ситуация? Мама когда-то сказала, что окружающие относились бы ко мне иначе, узнай они о том, что мой отец миллиардер и генеральный директор, но по факту, вы оба пытались на хуй скрыть меня, — я откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Твою ж мать, ей пришлось оставить себе фамилию Хейл, потому что таковы были условия развода, тогда как я должен был перейти на фамилию Мэдоуз.

— Не совсем так, — сказал он. — Мы пытались скрыть тот факт, что Лорен — не сын Сары. Она была беременна всего раз. Мы не могли узаконить вас обоих, при этом не погубив мою репутацию.

Вот почему моя мать держала рот на замке на счет измены — чтобы защитить Джонатана. И каждый день, в который она была вынуждена помогать этому бездушному болвану, разъедал ее изнутри. Но мама сделала это не ради денег. Я не думал, что любое количество денег стоит той гребаной боли, что она вытерпела из-за этой лжи.

Все это была ради спасения репутации.

— Почему выбрали его? — спросил я. — Почему Лорен стал тем, кого не скрывали от окружающих?

Ты любишь его больше.

Лицо отца оставалось пустым, его черты не дали мне даже намека на ответ. На нем был одет нарядный костюм, в котором Джонатан выглядел дорого.

— Просто так все вышло. Было проще дать тебе девичью фамилию твоей матери. А у Лорена был единственный вариант. И этим вариантом был я.

Я сжал свои зубы.

— Знаешь, я просто рассказываю друзьям, что мой отец умер. Иногда даже я нахожу умные способы избавиться от тебя. *О, и кстати, мой папа утонул, плавая на лодке, это был несчастный случай; погиб в своей золотой охуенной яхте, пока срал на унитаза.*

Отец стал призраком или демоном, с которым я встречался по понедельникам. И ничем более того.

Джонатан облизал свои губы и сделал глоток скотча, так и не встречаясь со мной взглядом. Он почти что рассмеялся. Отец нашел мои слова забавными.

— Послушай, Джонатан, — сказал он.

— Я — *Рик*, — покачал я головой. — Сколько, блядь, раз мне это тебе повторять? — я больше не хотел носить его имя, так же как и не хотел унаследовать его гены. Я планировал использовать свое второе имя постоянно.

Отец снова закатил глаза, а затем вздохнул.

— Лорен не похож на тебя. Он не преуспевает в спорте. Не думаю, что он когда-то сдаст успешно тест своей жизни. Он растрчивает свой потенциал, ходя на вечеринки. Если бы ты с ним познакомился, то мог бы помочь...

— Нет, — отрезал я. Я опустил локти на стол и наклонился близко к отцу. — Я не хочу иметь ничего общего с твоим сыном. Так что перестань меня, бля, спрашивать.

Он вынул свой бумажник и передал мне фото, пару раз отец уже показывал мне его

ранее. На снимке Лорен сидел на ступенях особняка нашего отца, дома, в котором мой брат вырос. Я всегда искал сходство в наших чертах лица и из-за этого чувствовал себя хреново.

У нас был одинаковый цвет глаз, только его глаза были более янтарными, а мои коричневыми. Мое лицо было более угловатым, но по телосложению мы были практически идентичны, крепкие, но не громоздкие. На этом фото на брате был одет синий галстук и белая рубашка под униформой Академии Далтон. Он смотрел не в камеру, но его челюсть была точеной, я не замечал этого прежде. Он выглядел словно чертов гандон, будто считал, что куда лучше открыть пивка с друзьями, чем сидеть на том крыльце.

— Он твой брат...

Я подвинул снимок ближе к отцу.

— Он для меня *никто*.

Джонатан прикончил второй стакан скотча и положил фото обратно в карман. Себе под нос он ворчал что-то о моей матери "суке". Она никогда не хотела, чтобы я знакомился с Лореном, так же как и сама отказывалась вступать с ним в контакт. Насколько я знал, Лорен, как и весь чертов мир, думал, что Сара — его мать. Или может, кто-то наконец-то открыл ему истину. О том, что это он гребаный ублюдок.

Я не мог этого знать.

И если честно, меня это особо не волновало.

В любом случае, чтобы это изменило для меня?

ЧЕРЕЗ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

РИК МЭДОУЗ

Я бегу. Не от чего-то. У меня есть чертова цель — конец длинной улицы с выстроенными в линию четырьмя домами в колониальном стиле и акрами газонной травы. Это место очень уединенное. Сейчас 6 утра. Небо едва ли достаточно светло для того, чтобы я мог разглядеть свои топающие по асфальту ноги.

Я охрененно люблю раннее утро.

Люблю наблюдать рассвет даже больше, чем закат.

Я продолжаю бежать. Мое дыхание соответствует заданному, профессиональному ритму. Благодаря тренировкам по атлетике в колледже и скалолазанию — развлечению, к которому я реально пристрастился — мне не нужно *думать* о вдохах и выдохах. Я просто *дышу*. Я фокусируюсь на конце улицы и иду к цели. Черт побери, я не замедляюсь. Не останавливаюсь. Я знаю, что мне нужно сделать и, блядь, просто делаю это.

Я слышу, как кроссовки моего брата ударяют о цемент дорожки за моей спиной, как его ноги двигаются так же быстро, как и мои. Он пытается не отставать от моего шага. Он не так уж и плох в беге. Мой брат по жизни убегает от чего-то. Я прислушиваюсь к тяжести ударов его ног, и хочу схватить его за чертовы запястья, и толкнуть, чтобы он бежал передо мной. Хочу, чтобы ему удалось сбросить бремя и почувствовать просветление, ощутить второе дыхание.

Но он слишком сильно согнут, чтоб достичь чего-то стоящего. Я не замедляюсь, не даю возможности ему меня нагнать. Я хочу, чтобы он сам подтолкнул себя так далеко, как только может. Знаю, ему это по плечу.

Просто нужно, блин, постараться.

Через одну минуту мы достигаем конца улицы, которую определили конечной точкой, и останавливаемся возле дуба. Ло тяжело дышит, не столько от истощения, сколько от злости. Его ноздри расширяются, а скулы становятся неестественно угловатыми. Я вспоминаю, как повстречал его впервые.

Это было где-то три года назад.

И он смотрел на меня тогда так же раздраженно, и в его янтарных глазах было такое же «я, пиздец как, ненавижу этот мир» выражение. Ему тогда был двадцать один год. Наши отношения балансировали где-то между перепадами и стабильностью, но никогда не были идеальны.

— Ты можешь проявить ко мне тактичность хоть раз? — спрашивает Ло, отбрасывая длинные пряди светло-каштановых волос со лба. По сторонам его волосы подстрижены очень коротко.

— Если бы я замедлился еще сильнее, то мы бы просто *шли пешком*.

Ло закатывает глаза и хмурится. Несколько месяцев он находится в не лучшем состоянии, и эта пробежка должна была бы помочь ему избавиться от напряжения. Но она не помогла.

Я вижу напряженность в мышцах его груди, в том, как ему едва удастся нормально дышать.

Он присаживается и трет глаза.

— Что тебе надо? — спрашиваю я его серьезно.

— Чертов стакан виски. Один кубик льда. Думаю, ты можешь сделать это для меня, старший *братан*?

Я сердито смотрю на него. Ненавижу когда он называет меня *братаном*. Это так чертовски унижительно. Я могу сосчитать на пальцах одной руки те разы, когда он называл меня "братом" с чувством привязанности или восхищения. Обычно он ведет себя так, словно я еще не заслужил этот титул.

Может, так и есть.

Я знал о Лорене Хейле практически всю свою жизнь и не сказал ему даже простого «*привет*». Я часто вспоминаю себя в пятнадцать, шестнадцать и семнадцать лет, когда мой отец каждую гребаную неделю спрашивал: "Ты бы не хотел познакомиться со своим братом?"

А я отклонял его предложение каждый раз.

Когда я был в колледже, то смирился с тем фактом, что никогда его и не узнаю. Я думал, что нашел покой. Перестал ненавидеть Лорена Хейла лишь за то, что он существует. Я прекратил слушать рассказы моей матери о ребенке, который попросту не имел права на рождение. Понемногу я перестал общаться с отцом, утратив с ним любой контакт, потому что не нуждался в нем.

Однако, я использую трастовый фонд. Воспринимая это, как оплату за всю ту ложь, с которой мне приходилось жить ради этого долбаного мудака.

Но в один день все изменилось. Моя идеалистичная спрячь-голову-в-песок жизнь развалилась. Во время студенческой вечеринки в честь Хеллоуина на улице началась потасовка. Я наблюдал, как четыре парня из моей атлетической команды, в которой я был капитаном, противостояли одному худощавому пареньку. Я узнал его по всем тем фото, что мне показывал отец.

Он не был таким, каким я его себе представлял. Ло не был окружен братьями из студенческих братств, разбивая пивные бутылки об их головы.

Он был сам по себе.

Его девушка вмешалась в драку позже, чтобы защитить моего брата, но было уже слишком поздно. Она пропустила ту часть, где мои друзья по команде обвинили Ло в краже дорогой выпивки из запертого шкафа. Она пропустила ту часть, в которой Ло спровоцировал парня на агрессию.

Мой коллега по команде бил моего брата. А я стоял и наблюдал за тем, как ему разбили все лицо.

Это был тот гребаный момент, когда я осознал, как был неправ. Я не увидел в нем болвана с сотней друзей и наличными, в которых бы он купался. Он не был качком или атлетом, как я. Я понял, что мой брат *хотел* быть избитым, просил о боли. И я увидел в нем кого-то настолько нахрен сломленного, больного и израненного.

Четверо против одного.

Все это время я хотел иметь его жизнь. Мне было ненавистно играть роль бастарда, тогда как я был настоящим законнорожденным сыном. Но если бы нас поменяли местами, если бы я жил с алкоголиком отцом, то оказался бы в таком же плачевном состоянии, как Лорен.

Это был бы я: избиваемый, пьяный, слабый и одинокий.

Мой отец пытался мне сказать, что Ло непопулярный ребенок, которого я себе выдумал.

Брат был просто еще большим аутсайдером, чем я. Разница лишь в том, что у меня была внутренняя сила для самозащиты. Меня не избивал отец, как это было с Ло. Я даже никогда не думал о гребаном ужасе жизни с Джорданом круглосуточно семь дней в неделю, не думал, каково это слышать каждый день «*Почему ты такой слабак?*». Я был ослеплен. Мог видеть лишь то, что было не так со мной. Я не мог понять Лорена, которому тоже перепала не сладкая доля.

В ту ночь на вечеринке я оставил свой притворный покой, построенный для меня одного. Это не было инстинктивной реакцией. Я стоял там и наблюдал за тем, как Ло избивали, прежде чем решился вмешаться. Но после того, как я принял это решение, то никогда от него не отступал.

— Ты хочешь стакан виски? — я бросаю на него еще один взгляд. — Почему бы мне просто не толкнуть тебя под чертов товарный поезд? Это практически тоже самое.

Он встает и нервно смеется.

— Ты хотя бы знаешь, на что это похоже? — Ло разводит руками, а его глаза налиты кровью. — Я *ощущаю* себя, будто теряю свой ебанный рассудок, Рик. Скажи, что мне следует сделать? А? Ничто не забирает эту боль, ни бег, ни секс с девушкой, которую я люблю, *ничего*.

Я не был в такой же ситуации, как он, по крайней мере не настолько.

— У тебя был уже рецидив несколько раз, — говорю я. — Но ты не можешь вернуться туда, где был.

Он качает головой.

— Так что? — я прищуриваю глаза. — Ты собираешься выпить пива? Собираешься осушить бутылку виски? А что потом? Потом ты разрушишь отношения с Лили. Будешь ощущать себя *дерьмом* на утро. Ты, блядь, захочешь умереть...

— А как ты думаешь, чего я хочу прямо сейчас?! — кричит он, и его лицо краснеет от боли. И мои легкие сжимаются. — Я ненавижу себя за то, что не придерживаюсь трезвости. *Ненавижу*, быть в таком состоянии снова.

— Ты находился под пристальным вниманием, — талдычу я в ответ, осознавая, что Лорену не нужно, чтобы я сейчас был таким крутым парнем, каким инстинктивно себя преподношу ему. Иногда я слишком сильно подталкиваю людей к чему-то.

— Ты находишься под таким же пристальным вниманием, и я не видел, чтобы ты нарушал свою трезвость.

— Это другое, — я не пил алкоголь уже девять лет. — СМИ говорили об ужасной херне, Ло. И ты справился первым способом, который знал. Никто не винит тебя. Мы просто хотим помочь, — все мы находимся на публичной сцене, под пристальным взглядом камер, а все потому что имеем дело с девочками Кэллоуэй, дочерьми содового магната.

Находясь в близких отношениях с Кэллоуэй мы будто привязаны веревкой к прожектору. И это, блядь, невесело. Я одел бейсболку, просто потому что пытаюсь замаскироваться, и к счастью, у операторов есть дела поважнее, чем снимать нас с братом рано утром.

Но уже в полдень они будут здесь, пытаюсь получить хоть небольшое видео с нашим участием.

— Ты не веришь им, верно? — вдруг спрашивает Ло, все еще резким тоном.

— Кому? — спрашиваю я.

— Новостям, всем этим репортерам... ты же не думаешь, что наш отец действительно

сделал все это со мной?

Я пытаюсь скрыть отвращение.

Кто-то рассказал прессе, что Джонатан физически оскверняет Ло. После чего слухи лишь обострили ситуацию. Я не знаю, мог ли наш отец бить его... или приставать к Ло. Мне не хочется верить в это, но внутри таится сомнение, говорящее «*А что если? Что если, это имело место?*».

— Это долбанная ложь! — кричит на меня Ло.

— Ладно, ладно, — я поднимаю руки, пытаюсь его успокоить.

Лорен был таким раздраженным, злым и агрессивным, пытаюсь найти способ исправить все это. К сожалению, его решением стала выпивка.

Наш отец подал иск о диффамации (*клевете — прим. пер.*), но уже не важно, что скажет суд, это не изменит взгляд людей на отца и Ло. Они все равно будут обливать грязью нашего отца и жалеть Лорена. Нет способа вернуть все обратно.

— Мы просто должны двигаться на хрен вперед, — говорю я ему. — Не волнуйся о том, что думают люди.

Лорен глубоко вздыхает и смотрит на небо, будто хочет убить стаю птиц.

— Ты говоришь про это дерьмо, Рик, словно это самая простая штука на свете. Знаешь, как сильно это раздражает? — брат оглядывается на меня, и черты его лица становятся острыми, словно лезвие.

— Я продолжу говорить это, просто чтобы раздражать всю эту хрень в тебе.

Для чего же еще нужен старший брат?

Он шумно вздыхает.

И я шутя тру его по затылку, а затем подталкиваю в сторону дома. Я убираю руку с его плеча, и Ло останавливается посреди дороги, а его брови сходятся на переносице.

— И касательно твоей поездки в Калифорнию... — он делает паузу. — Знаю, я не спрашивал об этом несколько месяцев. Я был слишком поглощен самим собой...

— Не волнуйся об этом, — я киваю головой в сторону белого дома в колониальном стиле. — Идем, приготовим что-то на завтрак для девочек.

— Подожди, — говорит он, протягивая ко мне руку. — Мне нужно это сказать.

Но я не хочу этого слышать. Я уже принял решение. Я не еду в Калифорнию. Не тогда, когда мой брат в такой хреновом состоянии и столь близок к срыву. Я его спонсор. Так что должен быть здесь.

— Мне нужно, чтобы ты уехал, — говорит он. Я открываю рот, но Ло меня перебивает. — Я уже слышу твои глупые долбанные отговорки. Но я велю тебе *ехать*. Заберись на свои горы. Сделай все то, в чем нуждаешься. Ты планировал это так долго, и я не собираюсь разрушить все твои планы.

— Я всегда могу перенести это. Эти горы, мать их, так и никуда не денутся, Ло, — еще с 18 лет я хотел самостоятельно взобраться на три горы, расположенные друг за другом, в Йосемити. Несколько лет я работаю над собой, чтобы преодолеть этот вызов. Я могу подождать еще немного.

— Я почувствую себя крайне *хреново*, если ты не поедешь, — говорит он. — И в результате я напьюсь. Могу тебе это обещать.

Я сердито смотрю на него.

— Ты мне не нужен, — говорит он со злостью. — Мне, блин, не надо, чтобы *ты* держал меня за руку. Мне нужно, чтобы ты хоть раз в жизни проявил свой чертов эгоизм, как это

постоянно делаю я, чтобы я не чувствовал себя будто полнейшее дерьмо по сравнению с тобой, хорошо?

Я внутренне содрогаюсь. Я был эгоистом в течение стольких гребаных лет. Я не заботился о нем. Мне не хочется стать тем парнем снова.

Но в его словах я слышу мольбу. Слышу *«пожалуйста, бя, езжай. А то я схожу с ума»*.

— Ладно, — говорю я рефлексивно. — Я поеду.

Его плечи инстинктивно расслабляются, и он еще раз глубоко вздыхает. Ло кивает самому себе. И я гадаю, как давно этот груз давит ему на грудь.

Я не могу объяснить, почему так сильно его люблю. Может потому, что он единственный человек, понимающий на что походит оказаться под воздействием манипуляций Джонатана. Или возможно, потому что глубоко внутри знаю, что Ло — это душа, которая нуждается в любви сильнее, чем кто-либо, и я не могу не ответить полной взаимностью.

Я снова обнимаю его за плечи и говорю:

— Возможно однажды, ты будешь в состоянии обогнать меня.

Он сухо и невесело смеется.

— Ага, возможно, если я сломаю тебе обе ноги.

Я усмехаюсь.

— А ты когда-нибудь станешь таким быстрым, что сможешь это сделать?

— Дай мне палку для лакросса, и мы посмотрим.

— Этому, черт возьми, никогда не бывать, младший брат.

Я говорю это без презрения.

Я никогда его не презирал. И никогда не буду.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

У меня есть теория.

Друзья не навсегда. Они даже *не на время*. Они просто приходят в вашу жизнь и потом оставляют вас, когда что-то или кто-то меняется. Ничто не привязывает их к вам. Ни кровь, ни верность. Они просто... мимолетны.

Обычно я не столь цинична, но сегодня утром на экране моего ноутбука, который располагался у меня на коленях, высветилось сообщение из Facebook. Мне следовало удалить свой аккаунт еще пару лет назад, примерно в то же время, когда моя семья попала под общественное внимание — когда моя старшая сестра была объявлена на всю страну сексуально-зависимой.

Но, увы, у меня тогда была другая теория.

Бабочки, радуги и руки, сложенные в виде сердца — это было буквально самым главным тегом в моем, забитом всяким хламом мозге, когда я думала о понятии дружба.

И вот сейчас Клео Маркс запостила на своей стене следующее: *Во время вечеринки по случаю сладкого шестнадцатилетия Дэйзи Кэллоуэй, она не могла заткнуться, постоянно говоря о сексе. Это все, что ее волнует. Ну, знаете, она изолированная секс-зависимая, как и ее сестра. Все девочки Кэллоуэй шалавы.*

Эти красивые слова написала моя бывшая лучшая подруга. И даже при том, что она упоминает событие двух с половиной летней давности, этого достаточно, чтобы собрать 457 комментариев, большинство из которых выражают согласие с ее заявлением.

Четыре месяца прошло с тех пор, как я закончила подготовительную школу, а меня все еще посещают призраки моих бывших друзей. Словно призраки ада из прошлого.

Ко мне тянется рука и ударяет о ноутбук, закрывая его.

— Прекрати растрачивать на них свои чертовы эмоции.

Высокий, ростом в 6 футов, парень находится в моей постели. Рядом со мной. На нем одеты лишь домашние штаны. А я сижу у изголовья кровати, одетая лишь в белые хлопковые шортики и короткий красно-синий топ с надписью «*Дикая Америка*».

Со стороны, мы, вероятно, выглядим как пара, только проснувшаяся от утренних лучей солнечного света, проникающих сквозь занавески.

Но между нами нет прикосновений. Нет поцелуев. Ничего, выходящего за понятие дружбы.

Реальность намного сложнее.

— Когда ты проснулся? — спрашиваю я, избегая любых разговоров о моих старых друзьях.

Он еще даже не сел. Парень все еще лежит под моим зеленым одеялом и простыней, пробегая руками по своим растрепанным темно-каштановым волосам. Слово "привлекательные" не описывает даже сотую долю охуенности его волос. В течение дня они выглядят такими же торчащими, как и сейчас, но парень об этом и так знает.

— Черт, у меня есть вопрос получше, когда ты заснула? — он смотрит на меня с упреком, прищуривая глаза.

Я не спала. Но ему об этом известно и так.

— Хорошие новости в том, что к рассвету я закончила упаковывать вещи.

Он приподнимается и пододвигается немного ближе ко мне. Я напрягаюсь от его близости, напоминая о том, что он мужчина, и его тело прямо сейчас возвышается над моим. Это неплохое напряжение. Скорее просто чувство настороженности, от которого я всего на секунду задерживаю дыхание. От которого моя голова немного идет кругом, а сердце пускается в странный танец. Мне нравится это.

Опасность этого момента.

— Плохие же новости в том, что меня не волнуют твои вещи и их упаковка, — говорит он грубо. — Меня волнуешь ты, — он тянется через меня к прикроватной тумбочке, чтобы достать банку с таблетками. Мышцы парня сжимаются, когда он случайно касается моей груди. Мы оба делаем вид, что не заметили это короткое прикосновение, но напряжение возросло еще на несколько градусов, и в воздухе будто повисло предупреждение не пересекать эту невидимую грань.

Дабы хоть немного разрядить обстановку, я встаю с кровати и бросаю в парня декоративной подушкой.

— Тебя *волнуют* мои вещи. Так как ты думал, что я никогда не закончу их упаковывать.

— Потому что у тебя чертов синдром дефицита внимания и много других вещей, — он наблюдает за мной, путешествуя взглядом по всей длине моих голых ног. — Присядь на секундочку, Кэллоуэй, — вместо того, чтобы проявить ко мне какие-то знаки симпатии, парень просто начинает читать обратную сторону этикетки на баночке с таблетками, при этом озабочено хмурясь.

Я уже говорила о теории насчет ограничения продолжительности дружбы?

Ну так вот, у каждой теории есть исключение.

Рик — исключение моей теории.

Когда каждый мой друг называл меня практически сексуально-зависимой и медиа-шлюхой, что было подобно кинжалу в сердце, Рик был единственным человеком, который вытянул эти лезвия из моей груди. Он даже пытался защитить меня от окружающих. Он словно мой волк — опасный, очаровательный и заботящийся — но я никогда не смогу приблизиться к нему, боясь, что он укусит меня.

Он — мой последний реальный друг. Но я знаю, что это не совсем верно. Он — единственный настоящий друг, который у меня когда-либо был.

— Каких таких других вещей? — спрашиваю я, улыбаясь, по-прежнему стоя возле изножья кровати и его лодыжек.

— Гиперреактивность, бесстрашие, сумасшествие, и вероятно, вдобавок ты еще и самая счастливая несчастная девушка, которую я встречал.

Я подпрыгиваю ближе, чтобы толкнуть матрас, но Рик быстро хватает меня за икры ног. Падая на спину, я сильно смеюсь и поворачиваюсь к нему лицом, ложась на бок. Но моя улыбка исчезает, как только Рик бросает мне в лицо баночку с таблетками. Она попадает мне прямо в лоб, а затем падает на одеяло.

Ну, какой же он мудака.

— Ты уменьшила дозировку, — говорит он.

— Это сделал врач. Он волновался, что я могу быстро пристраститься к Амбиену (*снотворный препарат — прим. пер.*).

— А ты ему говорила, что не можешь, блядь, без этого уснуть?

— Нет, — признаю я. — Я была слишком занята, объясняя ему, что не хочу быть зависимой, как моя сестра или твой брат. И врач сказал, что было бы хорошо начать

снижение дозировки снотворного, — я убираю прядь моих окрашенных светлых волос за ухо. Они длиною до талии и потому постоянно лезут туда, куда не надо. Прямо как сейчас. Я практически обвита ими.

Чувствую себя словно Рапунцель. Вот только она с ними обходилась довольно грубо.

Рик бросает на меня сердитый взгляд.

— Не спать — это, блин, не решение, Дэйзи.

— У тебя есть предложение получше? — спрашиваю я серьезно. Я устала и осознаю, что сегодняшний день, как и большинство предыдущих, буду функционировать исключительно за счет энергетических напитков и эндорфинов в виде таблеток для похудения. Ура! Ура!

Он делает глубокий вдох.

— Я не знаю. Прямо сейчас, я правда обеспокоен тем, что ты не спала, и я знаю это потому, что ты не кричала во сне и не пинала меня. Если ты не разбудила меня посреди ночи, то это значит, что все это чертово время ты бодрствовала, — он качает головой, продолжая свою мысль. — Когда ты в Париже, то обычно делишь комнату с еще одной моделью?

— Нет, — говорю я. — Нет, я бы не стала, — потому что тогда бы она услышала мои крики, и пришлось бы объяснять, почему мне сняться столь неистовые ночные кошмары. А об этом никто не знает, кроме Рика. Ни мои сестры: Лили и Роуз. Ни муж Роуз. Не жених Лили (он же приходится братом Рику).

Только он. Этот секрет Рик хранит уже полгода. Когда четыре месяца назад я окончила школу, то переехала из дома своих родителей в квартиру в Филли. Все стало немного хуже, чем раньше, так что Рик ночует здесь.

Сначала он спал на диване.

Но я не могла уснуть, а его близость помогала унять внутреннюю тревогу.

Тревога — такое странное слово. Прежде, я никогда и ни о чем не тревожилась. Не на самом деле. До тех пор, пока моя семья не попала под внимание СМИ.

Впервые в жизни, я и правда испугалась.

Я испугалась не акул или аллигаторов, или высоты, или бесшабашных трюков.

Я испугалась людей. Того, что они могут со мной сделать. Или того, что они уже сделали.

Рику отлично известны все мои страхи, потому что я никогда ему не лгала. Два года назад, когда мне было 16, он протянул мне мотоциклетный шлем, предлагая научить водить мой Ducati. Тогда он сказал мне:

— Если ты хочешь, чтобы мы стали друзьями, то не должна притворяться со мной. Я утопал во лжи большую часть моей чертовой жизни, и это не то, что я особо ценю. Так что ты можешь сейчас сказать мне всякую чушь по типу *«Я не знаю, о чем ты говоришь, я маленькая и наивная»*. Но я не играю в эту игру. И никогда не стану в нее играть.

Тогда мне понадобилось больше минуты, чтобы осознать серьезность его слов. Но я поняла их. Если я желаю быть его другом, то не могу спасти свою репутацию. Мне нужно просто быть собой. И тут особо не было о чем спрашивать. Но оглядываясь назад сейчас, я не уверена, что тогда вообще понимала, кто я.

— Ладно, — согласилась я тогда. И я все еще верна своему обещанию. Никакой лжи. А в ответ, Рик открылся передо мной, как никто другой. К тому же, он был тем, кто всегда готов меня выслушать.

— Ты переживаешь о том, что поедешь в Париж самостоятельно? — спрашивает он. — Тебе придется спать одной в течение четырех месяцев.

— Я же не могу держать тебя постоянно рядом со мной, верно? Или может есть все-таки Рик Мэдоуз в виде ручной клади или карманная версия Рика? — я стараюсь не засмеяться.

— Я не гребаный плюшевый медвежонок.

Я ахаю.

— Правда? А я-то думала, что это именно о тебе.

Он бросает мне в лицо подушку.

И я широко улыбаюсь.

Рику нравится бросать вещи.

— Если ты боишься, то может быть тебе не стоит ехать на Неделю моды без мамы.

— Нет, — говорю я. — Мне нужно сделать это самостоятельно, — я хотела этого так долго, еще до того как пресса и папарацци сбросили на нас вагон дерьма. Я мечтала о том, как посету все достопримечательности города; а если мама поедет со мной, то не позволит это сделать. Она будет тягать меня по встречам с дизайнерами одежды, запудривая им мозги, в надежде сделать меня лицом их линии.

— Ладно, у тебя есть мой номер, — говорит Рик, — если до чертиков испугаешься, звони мне, окей?

Я киваю, и он слезает с моей кровати, направляясь в гардеробную, где в одном из ящичков комода держит кое-какую свою одежду. Мгновение я внимательно разглядываю черты его лица. Рик небритый, потому выглядит немного старше своих реальных двадцати пяти. А его брови сходятся вместе, от чего между ними появляется морщинка, словно у парня плохое настроение. Но на самом деле он просто задумался.

Это его обычное выражение лица, такое нереально привлекательное, будто бы говорящее «*Я защищу тебя, даже если это меня на хрен убьет*»; думаю, мне бы не нравилось это выражение, не знай я Рика лично.

Но я его знаю, и эта его хмурость притягивает меня словно магнит, или будто мотылька тянет на пламя. Ну, все эти пошлые штучки, которые люди говорят о притяжении.

Но кроме физического влечения (которое, я уверена, у любой девушки будет слишком сильным по отношению к такому парню, как Рик Мэдоуз), что-то еще манит меня к нему, что-то более сильное и чистое. Наша дружба построена на трех годах без-секса. На разговорах и смехе, и да, возможно, немного на флирте. И все, что под этим подразумевается.

А еще есть потребность.

Я не осознавала, что *нуждаюсь* в нем, пока ночные кошмары из моих снов не стали кошмарами моей жизни. А он тот парень, который хочет убить всех моих монстров. Жаль только, что он не может изгнать их из моей головы.

Даже если попробует.

Когда Рик находит чистую рубашку и джинсы, он выпрямляется, и наши взгляды встречаются. Мне не следует больше смотреть на его мускулы, но я не могу отвести взгляд, они такие рельефные. Большинство людей, глядя на него, сказали бы, что Рик атлет, а не просто какой-то мускулистый качок. Он настолько проворен, что может быстро взобраться на любую гору, но в то же время Рик достаточно силен, чтобы поднять свой вес одним пальцем.

Черная татуировка с красными, оранжевыми и желтыми вкраплениями, покрывает все его правое плечо, правую половину груди и ребра. Это сложный рисунок феникса со связанными цепью лодыжками. Цепь опоясывает Рика, а с боку с нее свисает якорь, заканчивающийся на его берде, сейчас скрытом домашними брюками на шнурке.

Он выглядел как тот, с кем вы мечтаете просыпаться рядом по утрам, но думаете, что это никогда не случится в реальности.

Несмотря на темноту, что так часто видна в его глазах, есть нечто опасное и в его чертах лица, резкое, что-то, что так сильно меня гипнотизирует.

Я не могу отвести взгляд.

Даже при том, что должна.

Его глаза прищуриваются сильнее с каждой следующей секундой.

— Не смотри на меня так, Дэйзи.

— Я никак на тебя не смотрю.

— Я могу сказать, когда кого-то тянет ко мне, — говорит он буквально в следующую секунду.

— Как? — я хочу эту власть, что есть у него. Хочу знать, считает ли он меня сексуальной. Но быть может, Рик никогда не ответит мне.

Взгляд Рика опускается к моей майке, открывающей узкую линию живота. Он глубоко вздыхает, и что-то меняется в его глазах, его взгляд будто говорит «*ты охренительно красива*». «*Я хочу тебя коснуться*». До этого он никогда так на меня не смотрел, а даже если и смотрел, то скрывал.

Я бы хотела, чтобы его взгляд не влиял так на меня, но ощущаю, как к моему затылку приливает жар. Я стараюсь удержать свое самообладание, не желая быть еще одной глупой девчонкой, павшей на пути Рика. Он просто немного облизывает свою нижнюю губу, оценивающе глядя на мое тело.

И буквально через секунду наши взгляды встречаются, и на этот раз в его глазах еще больше жара.

— По такому взгляду, который ты бросаешь на меня, сладкая.

Ох. *Он назвал меня сладкой*. На секунду я заикливаюсь на этом слове, не слыша больше ничего.

— Дэйзи? — он смотрит на меня.

И я улыбаюсь.

— Ты назвал меня сладкой.

Он закатывает глаза и повторяет.

— По этому твоему *взгляду* я знаю, что тебя тянет ко мне.

— Упс, — говорю я, уклончиво пожимая плечами. Я просто *смотрела*. Я не планировала накинуться на него. Даже не фантазировала о его члене внутри меня. Честно. Мои мысли были чисты. Может быть не прямо сейчас, но они такими *были*.

— Охренительное преуменьшение.

Я встаю с кровати снова так, чтобы не смотреть на него снизу вверх.

— Я могу смутиться и начать психовать, если ты этого хочешь, — я театрально прикладываю руку к груди. — О, Рик, я круто облажалась. *Убей меня сейчас*, — протягиваю к нему руку и снова прыгаю на матрас. — Доктор, яду мне.

Его губы изгибаются, и парень почти что улыбается. А полуулыбка от Рика — это практически усмешка. И я радуюсь ей.

— Мило, — говорит он. — Просто помни...

— Мы друзья, — заканчиваю я за него. — Платонические отношения без секса. Я помню. И я согласилась на это, если *ты* вдруг забыл.

— Я не забыл, — он кивает головой в сторону ванной. — Я собираюсь, черт возьми, принять душ, а потом уйти. Увидимся вечером дома у твоих сестер. Они все еще собираются организовать для тебя вечеринку в честь отъезда?

— Ага, — через четыре дня я буду работать моделью на Неделе моды в Париже. Одна неделя уйдет на работу. И еще три недели во Франции будут лично для меня. Эта мысль почти вызывает у меня улыбку. Мне никогда не разрешали путешествовать по Франции, и как модель, я часто езжу в кучу красивых стран и городов, но редко когда реально их вижу. Так вышло, что это впервые, когда моя мать не сопровождает меня. Я знаю, что это Роуз убедила ее дать мне немного свободного пространства. И за это я обнимала свою старшую сестру, пока она меня не сбросила с себя.

Я плюхаюсь на кровать и обнимаю свои ноги, оказываясь к Рику немного ближе, чем секунду назад.

Он смотрит на мой ноутбук, который сейчас стоит на подушке.

— Ты говорила с Роуз о Клео?

Я хмурюсь.

— Откуда ты знаешь, что это Клео написала о мне на Facebook?

— Я мог видеть чертов экран ноутбука.

Я качаю головой.

— Боюсь, если расскажу Роуз, то столкнувшись с Клео, она раздует из этого инцидента еще большую проблему.

— Это и так большая долбаная проблема. Это выходит за рамки комментария на Facebook, и тебе об этом известно.

На мгновение мое горло сжимается.

Рик сурово смотрит на меня, и молчание начинает давить на мой живот. Он ожидает, что я выдохну задерживаемый воздух, но когда видит, что я не могу сказать и слова, то заканчивает эту беседу за меня.

— Просто держись подальше от социальных сетей.

И прежде, чем Рик делает шаг к ванной, дверная ручка моей комнаты поворачивается, так как кто-то пытается открыть дверь.

— Дэйзи, — кричит нервный женский голос из-за двери.

Невозможно ошибиться.

Это уже стало рутиной.

За дверью моя мать.

И единственный вопрос в том, куда на этот раз мне стоит спрятать Рика Мэдоуза?

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Мама стучит довольно громко.

— Почему ты всегда закрываешь дверь? — *потому что знаю, что у тебя есть ключ от моей квартиры и привычка заставить врасплох.*

На мгновение Рик замирает, возводя взгляд к потолку, а затем указывает на ванную комнату. *Я буду здесь,* — говорит он одними губами.

Что? — отвечаю я так же беззвучно и притворяюсь, что я шокирована и растеряна.

Он машет на меня рукой, прежде чем взъерошить мои волосы. Это невинный, игривый жест. Вот только из-за двери слышится голос мамы:

— К этому времени ты должна была уже проснуться. Может, предоставить тебе возможность жить отдельно, не было такой уж хорошей идеей, — Рик замирает, и наши тела, в каком-то роде... напрягаются в унисон.

Моя рука случайно задевает мышцы его пресса, так же как его недавно задела мои груди. Но в отличие от меня на нем нет футболки. Так что его теплая кожа посылает жар по моему телу, и щеки заливаются румянцем лишь от того, что я ощущаю, как сжимаются его мышцы. Я поднимаю на Рика взгляд, и он смотрит на меня в ответ. Кто-то из нас должен отступить первым, но мы оба стоим будто вкопанные.

Рик надевает рубашку, которую все это время держал в руках, но при этом он все еще находится слишком близко ко мне. Я наблюдаю за тем, как растягиваются его мышцы, когда он просовывает голову через горловину, а руки через рукава. Как хлопок опадает к его талии, скрывая кубики пресса. Он смотрит на меня лишь раз, будто бы проверяя, погасили ли его действия хоть часть явного напряжения между нами.

Неа.

По факту, я думаю, что меня лишь сильнее *манит прикоснуться* к его телу, а нарастающее возбуждение велит мне *не отступить ни на шаг.*

Рик запускает пальцы в мои волосы, расчесывая их и поправляя после того, как сам же их взлохматил, чтобы я не выглядела словно после секса или чего-то в этом роде.

— Дэйзи, ты там?! — восклицает мама, и в ее голосе слышится беспокойство.

Иди, — велит беззвучно Рик.

Он убирает прядь волос мне за ухо, а затем открывает дверь ванной. Проскальзывая внутрь, Рик аккуратно закрывает ее за собой.

— Прости! — кричу я маме. Я бросаюсь и открываю двери спальни. — Я же говорила тебе, мне просто нравится уединение.

Я слышу ее фырканье.

— От кого? Ты живешь одна, — она делает паузу. — Ты уверена, что не хочешь вернуться в семейный дом в Вилленове? Там бы у тебя была компания, — по факту, ей одиноко без меня. Об этом свидетельствуют мамины непредвиденные визиты в любой час утра, дня и ночи. Я — ее младшая дочь, последняя из четырех дочерей, сбжавшая из ее гнездышка.

До сегодняшнего дня нам с Риком довольно сильно везло во время ее таких незапланированных набегов. Я всегда слишком боялась оставлять дверь открытой, так что мама никогда не могла войти в мою спальню, прежде чем Рик спрячется. Но с другой

стороны, у меня не хватает смелости сказать ей прекратить заезжать ко мне в гости. Это равносильно тому, чтобы сказать маме прямо в лоб: *эй, мам, мне уже восемнадцать, так что отныне меня не волнуют ты и твое мнение. Спасибо.* Но так говорить крайне невежливо, верно? Я и так переехала жить отдельно довольно скоро после совершеннолетия. И к тому же я люблю маму достаточно сильно, чтобы все еще желать видеть ее как часть своей жизни. Я просто не хочу, чтобы она была столь... настойчива.

Когда я наконец-то открываю дверь, она влетает в комнату, как всегда элегантная в своем темно-синем платье и жемчужном ожерелье вокруг шеи. Моя мама довольно худая женщина. Обычно она собирает волосы в гульку на затылке. У нее такие же каштановые волосы, как и у моих сестер; ну, у меня тоже были бы такие же, если бы модельное агентство позволило мне перекрасить их в естественный цвет.

Мамин взгляд быстро и внимательно исследует комнату. На кресле валяются моя майка, джинсовые шорты и рубашка, еще пару предметов одежды лежат на столе и даже на краю кровати. У меня привычка бросать вещи где ни попадя и забывать о них. Даже когда Рик у меня в гостях, я особо не убираюсь. Его квартира выглядит хуже моей, и это еще одна причина, по которой моя мама его ненавидит.

Он слишком неряшлив для тебя, Дэйзи, — говорит мне она. И добавляет: *У него нет работы. Он живет за счет своего трастового фонда. Он лишь катается на мотоцикле да лазает по горам. И все время выглядит, как сумасшедший. Плюс, он в родстве с той ведьмой, Сарой Хэйл. И при этом даже не разговаривает с собственным отцом.* (Что касается вражды Хейлов, то моя мама состоит в команде Джонатана Хейла, потому что он лучший друг моего отца.) *А Рик — сын стервозной Сары Хейл.* (По мнению мамы, это прилагательное — ее основная характеристика.) *О, и еще он слишком взрослый для тебя.*

Пункт о "слишком взрослый" обычно идет в конце, так как даже при том, что Рик старше меня на 7 лет, для мамы это не столь важный фактор. Фактически, раньше она пыталась свести меня с тридцатилетним мужчиной. Он разбогател, купив права на какую-то популярную песню. Через месяц после своего восемнадцатого дня рождения, согласно договоренности своей матери, я почти пошла с ним на свидание. Но благо, мой отец вышвырнул его вон.

Папу волнует разница в возрасте.

— На прошлой неделе я звонила Хильде, чтобы она убралась здесь, — говорит мама, задирая нос. — Разве она этого не сделала?

— Я отослала ее, — объявляю я. — Я пытаюсь быть максимально независимой, — а это означает *не* нанимать уборщицу, чтобы та сложила мою одежду в шкаф. — Лили и Лорен не нуждаются в том, чтобы Хильда убирала у них в квартире, — сейчас они живут в Принстоне, Нью Джерси, с Роуз и ее мужем. Это не очень далеко от нас.

Мама возражает.

— Они могут убирать за собой, — *верно*. Ее взгляд опускается к моему животу, и мама щипает меня в районе талии. — Ты же не набрала вес прямо перед Неделей Моды, правда? — критикует она.

Набрала ли я вес?

Но прежде, чем я успеваю опустить взгляд, чтобы оценить свой вид, мама говорит:

— Не важно. С тобой все будет в порядке, — она поправляет мне волосы — должно быть, они все еще растрепаны — пробегая пальцами по прядям так аккуратно, словно они — драгоценное золото. — Уверена, что ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой в Париж? Я

могла бы составить тебе компанию, пока тебе будут делать макияж.

— Я просто хочу увидеть, каково это — быть самостоятельной, — говорю я, пытаюсь не обидеть ее чувства.

Мама слабо улыбается, претворяясь, что рада за меня.

— Я люблю тебя, — говорит она мне, а затем целует в щеку. — Давай пойдем завтра за покупками. В полдень. Я попрошу Нола заехать за тобой.

— Хорошо.

И как только я думаю, что все прошло гладко, и мама направляется к выходу, в ванной включается душ.

Хотя, Рик знает, что она еще не ушла.

Мама хмурится и вытягивает шею, словно суслик. Она сосредотачивается на двери в ванную.

— Кто-то провел с тобой ночь?

Я не смущаюсь и не схожу с ума. В этой ситуации мне почти что хочется засмеяться. Боже, что же за жизнь я проживаю?

— Это Лили, — лгу я. — Хочешь поговорить с ней?

Я знаю, что мама ответит "нет". Лили сексуально-зависимая, и этот факт плохо повлиял на дела компании моего отца. Негативный отклик прессы оставил свой след на нашей семье различными образами, большая часть которых крайне неприятна моей матери. Я не ненавижу Лили за это, не после того, как наблюдала воочию весь тот стыд и вину, что переживает моя старшая сестра. Но мама не может оставить в прошлом весь свой негатив. Она все еще не в силах простить Лил.

— Я не хочу ее беспокоить, — говорит она. — Будь на связи. И не закрывай больше свою дверь, — она всегда говорит мне это, перед тем как уйти. Мама выходит из спальни, и через мгновение до меня доносится звук закрывающейся входной двери. Как только я его слышу, то открываю двери ванной.

Пар покрывает зеркала и витает дымкой в воздухе. Я не могу видеть ничего находящегося за душевой занавеской с принтом маргариток. Мне слышны всплески воды о фарфор, и невозможно не заметить спортивные брюки Рика на зеленом коврик перед ванной. Прямо сейчас он голый. *Ну, не глупи, Дэйзи.*

— Моя мама почти что поймала тебя, — говорю я.

— Хорошо, — отвечает он. — Значит, она может назвать меня "невоспитанным выродком" прямо в лицо, — ага, она именно так его и назвала, когда была здесь в прошлый раз. Рик в тот раз тоже скрывался в ванной и слышал каждое ее оскорбление.

— Эй, я вступилась за тебя тогда и делала так и раньше.

— А я и не обижаюсь, — говорит он, — но твою мать на самом деле ни хрена не волнует твое мнение по поводу чего угодно.

Я не могу обижаться на его слова, на самом деле. Я знаю, что в них есть доля правды. Всего два раза в жизни я открыто высказывала матери свое истинное мнение. Я сказала ей, что предпочла бы заняться чем-то другим — чем угодно — кроме модельного бизнеса. И она мне ответила, что я веду себя инфантильно и неблагодарно, так что мне пришлось заткнуться. Если бы я сорвала съемки в последнюю минуту, то в ответ она бы взглянула на меня, будто бы спрашивая: *и это моя дочь? Эта маленькая грубая выскочка?*

Разочарование для мамы подобно тыканью пальцем в ее утробу, где я когда-то тоже была. Думаю, в этом есть метафора.

Рик внезапно выключает душ и тянется за висящем на крючке желтым полотенцем. Я бывала рядом с множеством полуодетых, почти что голых моделей мужчин, чтобы сейчас испытывать хоть какое-то возбуждение. Но все абсолютно иначе, когда ты лично знаешь этого полуобнаженного мужчину. Все по-другому, когда тебя привлекает в парне нечто большее, чем просто его тело, когда тебе нравится *все* в нем.

А в Рике Мэдоузе мне нравится все.

Душевая занавеска отодвигается в сторону, и Рик выходит из ванной с низко обернутым вокруг талии полотенцем; капельки воды все еще стекают по его груди и прессу. Я собираюсь развернуться и уйти, дав ему немного уединенности, но тут парень говорит:

— Иди сюда.

Он стоит возле раковины. И я наблюдаю за тем, как Рик открывает зубную пасту и выдавливает линию на свою щетку, а затем на мою. Он протягивает мне мою Oral B. И я аккуратно принимаю ее, а затем мы оба одновременно чистим зубы, притворяясь, что не смотрим друг на друга в зеркале, даже при том, что в действительности именно этим и занимаемся.

Со стороны выглядит так, словно мы — пара.

Но мы не пара. И никогда ей не станем.

Просто некоторые вещи слишком сложные, чтобы когда-то произойти в реальном мире. И я знаю, что это одна из таких вещей.

РИК МЭДОУЗ

Мне пиздец как надоело принимать холодный душ, вот почему вчера я сказал себе «*да пошло оно все на хуй*». Мне нужно начать ночевать у себя дома, там, где я свободно могу подрочить.

Каждое утро одно и то же. Просыпаюсь в кровати Дэйзи. Пытаюсь скрыть свой ужасный чертов стояк. Принимаю душ. Бегаю с братом. Снова принимаю душ. Прикладываю все свои хреновы усилия, чтобы, лаская свой член, не думать о ее длинных ногах и прекрасной чертовой улыбке.

Обычно мне это удается. Иногда нет.

Я просто долбаный человек.

Я выезжаю на улицу и медленно направляю свой Ducati по дороге, проезжая мимо каждого огромного хренового дома в колониальном стиле. Четыре седана тянутся вслед за мной. Они преследуют меня с того момента, как я выехал со своей квартиры в Филли. Два автомобиля даже пересекают двойную черту, чтобы оказаться рядом со мной и, приоткрыв окно, несколько раз клацнуть своими камерами.

За это время я должен был бы уже привыкнуть к подобному дерьму, но нет. И не думаю, что когда-то смогу, не после того, как видел превращение бесстрашной девушки в полном, блядь, порядке в боящуюся темноты травмированную личность. Это не просто камеры и агрессивные медиа. Это все, что приходит вместе с ними — гребаные друзья Дэйзи со школы — одно из таких последствий внимания СМИ.

Я показываю средний палец в сторону ближайшего седана. По крайней мере, мой шлем тонирован, и они не могут сделать снимок моего лица. Набирая скорость, я отрываюсь от них. Четыре машины пытаются угнаться за мной и зажать между собой. Но я набираю обороты, переключаю передачи и уношусь на бешеной скорости.

К тому моменту, когда я подъезжаю к дому с воротами и живыми изгородями, скрывающими большую часть здания, журналистов и след простыл. Я набираю код, и металлические ворота скрипят, открываясь.

Дэйзи, вероятно, было более сложно уйти от чертового хвоста СМИ и добраться до дома своих сестер. Мне следовало остаться вместе с ней. Она живет на два этажа ниже меня в одном и том же квартирном комплексе. Я мог бы отвлечь папарацци, пока она уехала бы в другом направлении, но я не сделал этого. Я поздно выехал, потому что рыл в интернете информацию о препарате Амбиен, гребаной когнитивной терапии и других снотворных — о чем угодно, что могло бы решить проблему Дэйзи.

И я все еще в поисках способа помочь ей без использования медикаментов.

Опуская подножку, я паркую свой Ducati и смотрю на белый дом с черными ставнями, широкое крыльцо с креслами-качалками и флагшток посреди лужайки со свежескошенным газоном. Это мило, что все ребята живут здесь вместе. Мой брат, его девушка, Роуз и ее муж. Раньше я тоже жил с ними, и это не тот опыт, который мне хотелось бы повторить. Потому что как бы сильно я не любил своего брата, мне иногда чертовски требуется передышка. Ему нравится доводить меня до бешенства. Я терпелив, но волнуюсь, что, если бы жил с ним постоянно, то слетел бы с катушек и разорвал его на части.

А я не хочу бить Ло.

Это та линия, которую я боюсь пересекать еженедельно.

Я открываю входную дверь собственным ключом. Поперек арки, соединяющей гостиную и кухню, натянут желтый баннер. С надписью: BON VOYAGE, ДЭЙЗИ. Неопрятные каракули похожи на почерк Лили. Баннер висит так низко, что приходится нагибаться, чтобы попасть на кухню.

Мой брат стоит возле плиты, разбивая яйца в большую миску. Коннор наблюдает за ним, держа стакан воды. Обычно он пьет красное вино, но с тех пор как Ло на реабилитации, Коннор не употребляет алкоголь рядом с ним.

— Эй, Бэтти Крокер, — говорю я, опуская свой шлем на барную стойку. — Где твой фартук?

Ло одаривает меня скупой улыбкой.

— Там же, где твои часы, — он отворачивается обратно к миске с яйцами. — Ты опоздал на час.

— Ага, я знаю, — говорю я. — Вы все оставили мне гребаные мерзкие сообщения.

Я очень сомневаюсь, что у тебя есть возможность взглянуть на часы, но ты опаздываешь уже на сорок шесть минут. Приезжай, и я с удовольствием тебя за это вознагражу. — Коннор

Если ты разочаруешь мою младшую сестру, я лично отрежу твои яйца и скормлю их кошке Коннора. — Роуз

Ты не мог бы приехать вовремя? Пожалуйста?? — Лили

Девочки начинают раздражаться. И я тоже не очень благосклонен к тебе. — Ло

— Мое сообщение было лучшим, правда? — спрашивает Коннор и улыбается, делая глоток воды.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы к чертям не закатить глаза.

— Лучшим было сообщение твоей жены.

— Это невозможно.

— Она сказала, что собирается скормить мои яйца Сэди, — я подхожу к Ло и разглядываю жарящийся на сковороде бекон и разложенное на тарелке печенье.

— Она слишком часто использует эту угрозу, — говорит нам Коннор.

Я заглядываю под полотенце, обнаруживая запеченный киш из шпината.

— Может, у меня и нет собственных часов, — говорю я, — но я знаю, когда наступает темное время суток, и крайне уверен, что никто из нас не страдает утренним похмельем. Так что зачем здесь... — я наклоняю миску к себе, — ...овсянка?

— Дэйзи захотела устроить завтрак вместо ужина, — объясняет Ло. — Так что мы готовим.

Я оглядываюсь, замечая, что в гостиной тихо.

— Ага? А где, черт возьми, девушки?

— Дэйзи в гараже. А Роуз с Лили в ванной, — спокойно отвечает Коннор.

— Почему они, блин, вместе в ванной?

Ло качает головой.

— Я пытался спросить об этом же, и Роуз аргументировала данную потребность *женской менструацией*. А потом просто захлопнула дверь у меня перед носом.

Коннор отвечает:

— А я был достаточно умен, чтобы не спрашивать об этом, — он прислоняется к шкафчику, как всегда выглядя идеально в своих черных слаксах и белой рубашке. Парень

выглядит на все свои деньги — а это свыше чертова миллиарда долларов наследства компании его матери.

— А ты, принцесса, боишься загадить корону и потому не помогаешь Ло? — спрашиваю я, воруя кусочек яблока из фруктового подноса.

— Я предлагал разбить яйца, но Ло сказал, что из них не получится нормальные сабмиссивы, — говорит мне Коннор.

И вот сейчас я, конечно же, закатываю глаза.

— Мог бы лучше использовать свои умения на практике, — говорит Ло, передавая Коннору миску с яйцами и венчик.

Я иду к холодильнику и достаю пакет с апельсиновым соком, замечая краем глаза, как Ло что-то шепчет Коннору. Они затыкаются, когда видят, что я наблюдаю.

— Что? — спрашиваю, откручивая крышку пакета. Уже не впервые они сплетничают, словно гребаные девчонки. Мы все крайне выборочно делимся друг с другом информацией.

— Мы говорили, — говорит Ло, выступая перед Коннором.

Коннор невинно взбивает яйца.

— Вы говорили? — повторяю я, глядя на них поочередно. — Ладно, не обращайтесь на меня внимания. Я же не знал, что кто-то из вас умеет говорить.

Ло игнорирует мой сарказм и наклоняет голову.

— Мы просто думаем, что это странно.

Я хмуро смотрю на них.

— Ты мог бы выражаться немного поконкретнее, Ло. Я не могу понять, о чем идет речь с твоих двух слов.

— Прости, — говорит Ло сухо. — Я забыл, что ты не Коннор.

Коннор улыбается.

— Ну и зачем ты сейчас делаешь комплимент его интеллекту? — спрашиваю я брата. — Разве недостаточно того, что все должны лицезреть его сертификат общества Менса (*организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта — прим. пер.*), висящий на стене в гостиной? — а рядышком висит такой же сертификат его жены. Они оба раздражающе умные люди.

Коннор вставляет:

— Мне не нужны подтверждения того, что я умнее всех вас. Я и так знаю, что это правда.

— Так зачем было вешать сертификат? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Он хорошо смотрелся на стене.

Я качаю головой.

— Это гребаное чудо, Кобальт, что я до сих пор тебе не врезал.

— Итак, вернемся к делу, — говорит Ло, пристально глядя на меня.

Я хватаю стакан из шкафа. *Блядь, он же не в курсе, правда?* Мое сердце начинает учащенно биться. *Как бы он мог узнать, что я сплю в кровати Дэйзи?* Он не мог. У меня просто чертова паранойя. Это информация, которой я *никогда* не захочу с ним поделиться.

— И что это за дело? — я наливаю апельсиновый сок, слушая Лорена.

— Мы считаем странным то, что ты давно не приводил к нам девушек.

Я хмурюсь. *Так вот в чем вопрос?*

— Ну и что?

Ло переминается с ноги на ногу, выглядя немного смущенным.

— А то... что ты обычно встречаешься с кем-то, меня девушек раз в неделю.

— Знаешь, что, — говорю я брату, — вот поэтому я, черт возьми, и не живу больше со всеми вами, — я поднимаю вверх палец. — *Во-первых*, мне нравится моя приватность, а это значит, что я не стану вас знакомить с той *парой* женщин, с которыми встречаюсь каждый месяц, — я поднимаю второй палец. — *Во-вторых*, вам *всем* нравится раздувать из мухи слона. И *в-третьих*... — я опускаю первые два пальца и показываю им средний.

После чего разворачиваюсь к парням спиной и медленно попиваю апельсиновый сок.

Только что я соврал своему брату.

Это схоже с прогулкой босяком по горящим углям. Мне ненавистно лгать ему, и я поступал уже так раньше. Но с каждым разом не становится легче. Я буквально вижу, как раскалился воздух, размывая грани наших с Ло отношений. Но я не наш отец, я не стану ранить своих сыновей ради собственной репутации.

Я лгу, чтобы защитить Дэйзи.

Чтобы защитить Ло.

Я лгу, потому что ложь, в данном случае, ранит меньше правды. И когда правда выйдет на поверхность, я хочу быть уверенным, что Ло будет достаточно силен, чтобы принять ее. Прямо сейчас же, он еще даже и не близко к этой стадии.

Так что я не могу сказать: *Да, мужик, я перестал встречаться уже как четыре гребаных месяца тому назад, потому что был слишком занят, заботясь о младшей сестре твоей девушки, потому что ночевал у нее дома и даже спал с ней в одной постели, просто чтобы она, бля, так сильно не боялась. И я не скучаю по тем другим девушкам, я скучаю по сексу.*

Я не привык мастурбировать каждый чертов день.

— Рик, — говорит Коннор, и я оборачиваюсь, встречаясь с ним взглядом и понимая, что в его лице есть некое осознание происходящего и подозрение. — Это просто странно. Ты тот, кого я называю серийным любовником, также как и Дэйзи; но с тех пор как она достигла совершеннолетия и переехала в *твой* квартирный комплекс, никто из нас не видел тебя с какой-то другой женщиной.

— Ну и что? — говорю я, глядя то на Коннора, то на Ло. — Ватсон и Холмс? Мне неприятно рушить ваши иллюзии, но нет никакой хреновой тайны за семью печатями.

— Прекрати нести всякую чушь, — говорит Ло. — Это странно, и ты знаешь...

— Я *не* с ней, — перебиваю я. — Я не трахаю Дэйзи. Я не прикасаюсь к ней. Я обещал тебе, что не сделаю этого, — мы проходили это около двух лет тому назад. Но Ло по-прежнему смотрит на меня, словно я в шаге от предательства, словно я предпочту ему какую-то девушку, словно я собираюсь пересечь огромную долбанную черту и разрушить наши с ним отношения.

Но я не собираюсь. И, черт возьми, не хочу. Потому что в конце дня, если мы с Дэйзи будем вместе, а потом что-то пойдет не так, и мы расстанемся, я потеряю своего брата. Она ему как младшая сестра. Он вырос с девочками Кэллоуэй. Дэйзи знает его всю свою гребаную жизнь. А я знаю Ло всего три года. И бога ради, я именно тот, кого вышвырнут на помойку. Все запутано. И ничто это не изменит. Мой член твердит одно. Тогда как разум говорит иное. У меня есть нравственные нормы. Ло неоднократно меня предупреждал. У меня есть пять пунктов против и ни одного за.

И что, вашу мать, я собираюсь с этим делать?

— Ладно, — говорит Ло, наблюдая за мной, хмурясь и замечая в моем взгляде гнев.

Черт возьми, я такой испорченный. Если он когда-то узнает, что я сплю в постели Дэйзи, что я практически ее сосед по комнате, то на хрен убьет меня. На самом деле, зная извращенный ум Лорена Хейла, *убийство* могло бы стать неплохой опцией, и я думаю, что позволил бы ему это.

— Послушайте, — говорю я Лорену и Коннору, — я встречаюсь с девушками в течение недели, иногда даже по два раза, если они не выносят мне мозг. Но тем не менее, я не собираюсь тащить кого-то из них в Принстон, чтобы познакомиться с вами. Вот серьезно. Отношения связывают вас с кем-то, кто должен иметь для вас хоть какое-то значение, — мой взгляд пробегает по выражениям их лиц. — А я не нашел еще девушку, с которой хочу связать свою жизнь, и даже не знаю, смогу ли ее когда-то найти.

— Ты найдешь, — говорит Ло, уверенно кивая, словно пытается убедить в этом самого себя.

— Все будет в порядке, даже если я никого такого не повстречаю, — я и так окружен людьми, о которых беспокоюсь. Этого может быть достаточно.

Пристальный взгляд Ло встречается с моим.

— Ты не будешь одинок вечно.

Он произносит это, как заявление. Думаю, Ло хочет лучшего для меня, но с другой стороны, мне кажется, что эта часть его натуры сражается с эгоистичной стороной моего брата. Той, что говорит ему: *Мне нужны все 100 % тебя, или я пойду ко дну.*

— А что если буду? — говорю я. — Ло, я не вырос вместе с Лили Кэллоуэй. У меня не было лучшего друга, который бы затем стал моей девушкой, — Лили жила буквально по соседству с Лореном; друг семьи, которому он доверял во *всем*. Сейчас они помолвлены. Я не завидую их отношениям, базирующимся на взаимной зависимости, но благо с годами переросшими в более здоровую связь.

Я просто осознаю, что Ло отличается от меня, даже при том, что мы во многом схожи.

— Я, пиздец как, привык полагаться на самого себя, — добавляю я.

Ло просто качает головой, словно я — идиот, потому что не стремлюсь к чему-то большему. Но возможно, я не заслуживаю большего. Возможно, моя цель в этой гребаной жизни — помочь моему брату встать на ноги.

Коннор передает Ло миску со взбитыми яйцами, а мой брат не решается вылить их в унитаз.

— Давайте подождем, пока придут девочки.

— Как дела у Лили? — спрашиваю я.

Брат ставит миску на столешницу.

— Лучше, чем у меня, — он потирает затылок. — Она пытается остановить воздействие на меня отца и алкоголя, но если честно, это иногда просто чертовски сложно, — его янтарные глаза обращены ко мне. — Его юристы сказали, что не могут связаться с тобой, чтобы задать несколько вопросов. Я ответил им, что ты не хочешь привлечь к себе внимание.

— Спасибо, — говорю я.

Ло пожимает плечами.

— Ага, обращайся.

Я провожу руками по волосам, ощущая на себе взгляд Коннора, будто он блядский психиатр. У меня много проблем, ладно? Я не хочу видеться с отцом, и сейчас связующим

звеном между нами служит Ло.

— Я пойду проверю, как там Дэйзи в гараже, — говорю я им, избегая разговора, в котором парни точно попытаются убедить меня увидеться с Джонатаном Хейлом. И к тому же, я хочу, бля, узнать, что она там в одиночку делает.

— Скажи ей, что еда почти готова, — говорит Ло.

Я киваю, направляясь к запасному входу.

У каждого есть своя роль, и я знаю свою — следить за Дэйзи и Ло.

Я просто не хочу когда-то встать перед выбором между ними.

Но если этот день все же настанет, тогда убейте меня.

РИК МЭДОУЗ

Я закрываю за собой дверь и практически сразу нахожу Дэйзи. Она сидит на своем припаркованном Ducati, таком же как и мой, только ее мотоцикл красный, а мой черный. Она прислонилась спиной к бачку с топливом, а на коленях у нее лежит карта, между зубами зажат колпачок от маркера.

Ее беспечная натура *всегда*, пиздец как, притягивает меня, даже когда я желал бы оставаться на приличном расстоянии. И тут отнюдь не помогает то, что девушка вытянула ноги. Я так безумно рад, что она сейчас ни с кем не встречается. Я буквально *ненавижу* ее бывших парней и ненавижу тех мужчин, что глазуют на нее, как на ту, с кем верят, что могут трахнуться. Они не могут. Она вне их гребанной лиги, и однако, она все еще отлично их развлекает.

И это меня раздражает.

— Ты же знаешь, что вечеринка внутри дома, — говорю я грубо, — и ее устроили для *тебя*, — я иду по бетонному полу прямо к ней.

— Знаю, — бормочет Дэйзи, а затем выдает, — Роуз и Лили закрыли двери прямо передо мной, когда я пыталась войти в ванну вместе с ними. А Коннор с Ло выглядели так, словно хотели поговорить о чем-то наедине, так что я посчитала, что позволю всем обсудить свои дела.

Я хмурюсь.

— Зачем твоим сестрам так поступать?

— Лили на пять лет меня старше, а Роуз на семь, — говорит Дэйзи, пожимая плечами. — Я привыкла, что они меня отталкивают. Это синдром младшего ребенка. — Она садится и подает мне карту.

Я быстро разглядываю ее.

— Это для твоего путешествия по Калифорнии, — объясняет Дэйзи. — Я пометила некоторые места, которые должны быть клевыми.

— А еще ты нарисовала чертов смайлик на Северной Дакоте.

— Только потому что Северная Дакота — самый счастливый штат. Все это знают, — она усмехается, и в ее глазах мерцает свет, чего не было уже долгое время. Это так красиво, что не выразить словами. По ночам этот свет понемногу угасает. Словно Дэйзи Кэллоуэй работает от солнца.

— Кто такое сказал? — спрашиваю я, складывая карту и засовывая ее в задний карман.

— Я прочитала это где-то, — говорит она. — Забыла точно где, но уверена, что источник был надежным.

— Ага, и это сказала девушка, ежедневно читающая гороскоп.

Она театрально ахает.

— Откуда ты это знаешь? Ты читал мой дневник?

— Нет, я просто сплю в твоей кровати.

— Я думала, что это был другой парень, — шутит она.

Я внимательно разглядываю ее позу поверх мотоцикла, то, как ее ноги раскинуты по разные стороны от сиденья, то, как они напряжены в неподвижном положении. Раньше я уже ездил вместе с ней на таком же мотоцикле. И вместо того, чтобы обнять меня за талию

или грудь, Дэйзи хваталась за мои бедра. Мне все время приходилось убирать ее ладони подальше от своего члена.

Ей нравится дразниться, наблюдать за тем, насколько сильно она сможет толкнуть меня; ни одна девушка не играла со мной так, излучая уверенность. И это на хрен сводит меня с ума, мне невольно хочется еще чаще находиться рядом с ней, подсознательно стараться создать те моменты компромисса, что вызывают у нее такую неистовую радость.

Но между нами есть негласное понимание. Мы оба знаем, что не можем пересечь некую черту.

— Ты приглашаешь и других парней к себе в кровать? — спрашиваю я, приподнимая брови. Злость разливается болезненным жжением в мышцах, когда представляю всех тех неудачников, с которыми она была, которые трахали ее, были намного старше ее. *Не думай об этом.*

— В последнее время нет, — ее огромный свитер сползает с плеча, оголяя его, он почти что манит меня прикоснуться к Дэйзи. — Упс.

Мое тело напрягается, и все, что останавливает меня от активных действий, так это воображаемый образ незнакомого парня, возбуждающегося при виде ее снимков. Я не хочу быть одним из таких парней.

Она поправляет свою рубашку, и я читаю надпись у нее на груди: *У-ла-ла.*

Где-то год назад Дэйзи начала покупать одежду с фразами — это ее своеобразный способ общения с папарацци. И это мило.

— Ты ездил раньше вот так? — спрашивает она, игриво улыбаясь.

— Задом наперед?

Дэйзи кивает.

— Нет. Я не хотел убить себя в результате очередной пришедшей в голову безумной идеи, — говорю я сухо.

— А мне кажется, было бы прикольно так сделать, — отвечает она на мой сарказм. — Но тебе придется тоже сесть на мотоцикл, чтобы вести его, — ее зеленые глаза становятся нереально большими. — Может попробуем?

Я не отказываю ей в реализации этих диких фантазий. На прошлой неделе мы сняли колеса со скейтборда и попытались балансировать на грани мусорного бака. На самом деле это было веселее, чем звучит. Но данная затея — я на мотоцикле с сидящей ко мне лицом Дэйзи — крайне интимна. Я даже не знаю, осознает ли она это.

— Моя голова может столкнуться с твоей, — говорю я. — Мне будет сложно дотянуться до газа и тормозов.

— Ты сможешь обернуть руки вокруг меня и схватиться за руль, — говорит она. — Я могу доказать, что это сработает, — Дэйзи пододвигается ближе к бачку, освобождая место, чтобы я мог сесть. — Если ты, конечно, не боишься.

Я прищуриваю глаза.

— Ты можешь называть меня долбаным трусом или любимым угодным тебе нарицательным, сладкая. Я не поведусь на это, — *в отличие от моего члена.*

— Значит, я попробую проехаться задом наперед без тебя. Как насчет такого? — она делает вид, что собирается повернуть чертов ключ зажигания. У меня даже не возникает сомнения, что она не блефует.

Дэйзи делала и более дикие вещи в свое свободное время, например, училась рафтингу или пилотажу. Я лично видел, как однажды она слетела с этого черного мотоцикла. Я

наблюдал за тем, как она врезалась в дерево, спускаясь на борде по черной трассе. И во время каждого этого безрассудного события я был рядом, заботясь о ней почти каждый раз, как она падала.

— Ладно, — говорю я легкомысленно. Я подхожу к ее Ducati, и она убирает руки от ключа. Закидывая ногу, я располагаюсь на сидении так, как сделал бы это обычный человек — лицом по направлению движения. А Дэйзи сидит спиной к рулю.

Наши колени соприкасаются, и я радуюсь тому, что не могу дотянуться до руля, надеясь, что она откажется от этой затеи. Но Дэйзи не собирается сдаваться. Она закидывает ноги поверх моих и пододвигается к моему телу. *Блядь.*

Она сидит на мне буквально верхом, тогда как ее спина находится напротив топливного бака, буквально, лежа на мотоцикле. Я трогаю чертов газ и тормоз на руле, вытягивая свои ноги под ее телом, а руки над ним, тогда как ее грудь вздымается и опадает в размеренном ритме. И в целом все выглядит так, словно я вот-вот толкнусь в ее киску. Словно все идет к чему-то, к чему, пиздец, как *не должно* идти.

— Ты испорченная девочка, Кэллоуэй, — говорю я. Мой член умоляет меня пододвинуться еще немного вперед, и в этот момент я представляю ту единственную вещь, которая может умерить мой пыл. Моего брата, выбивающего из меня все дерьмо. И чтобы это точно сработало, я представляю, что слышу плаксивый голос Лили. Она думает обо мне, когда хочет избавиться от навязчивых сексуальных позывов, так что мне не стыдно использовать ее с той же целью.

И это срабатывает. Я не двигаюсь. И выражение моего лица остается мрачным, не выдавая признаков *раздражения*, хоть я в некотором роде и правда раздражен. Вся эта ситуация дарит мне не очень хорошие ощущения. И тем не менее, я каждый раз оказываюсь втянутым во все это дерьмо, потому что оно касается Дэйзи, а мне приятна ее компания, очень сильно.

— Ты прав. В некотором роде, это положение неудобное, — дразнится она. — Мы не соприкасаемся так хорошо, как должны, — ее губы снова растягиваются в озорной усмешке. — Я знаю, как мы можем все исправить...

Убейте меня.

— Не надо, — говорю я прежде, чем ее лицо приближается к моему, а наши губы почти что соприкасаются. Мы никогда не целовались. И я не собираюсь начинать это сейчас. Ее стопы упираются о заднюю часть мотоцикла, а бедра все еще раздвинуты достаточно широко.

Я, блин, клянусь, что если она качнется напротив моего паха еще раз, то я сброшу ее. И это не будет милым жестом дружбы.

Дэйзи улыбается еще шире, видя явное предупреждение в моем взгляде.

— Я просто собираюсь снять свои ботинки. А ты о чем подумал?

О своем языке в твоем рту. И о моем твердом члене внутри тебя.

Мой взор мрачнеет, и я пытаюсь игнорировать ее глупую улыбку и блуждающие по сидению мотоцикла, а затем ласкающие ее бедра, руки. Какая-то часть ее тела постоянно находится в движении.

Я говорю:

— О чем-то, что слишком грязно для твоих девственных ушей.

Она занимает такую же, как моя, позу, так что ее грудь оказывается в дюйме от моей. Я опускаю руки ей на колени, чтоб не позволить Дэйзи пододвинуться еще ближе.

А она отвечает более серьезным тоном:

— Я лишилась девственности еще в пятнадцать.

— Я имел в виду то, что ты не должна выставлять свои груди, сидя на мотоцикле. И я знаю, что ты не девственница, — Дэйзи просила свою сестру дать ей пару советов на тему секса перед своим шестнадцатым днем рождения, а я был тем, кто помог Лили с этим смириться. Я заменял своего брата, который в тот момент был на реабилитации, а Дэйзи направо и налево твердила, что у нее был секс. Я же просто надеялся, что ее первый раз не был настолько ужасным.

И в некотором роде, мне хотелось, чтобы она остановилась после этого первого парня и подождала кого-то получше. Кого-то по типу... сам не знаю. Не думаю, что кто-то на этой планете достаточно хорош для нее. Ага, это безумно эгоистично. Но мне плевать.

Я добавляю:

— И я не удивлен, что ты лишилась ее в столь раннем возрасте.

Она кивает.

— Потому что моя старшая сестра сексуально-зависимая, — разве этот факт делает ее такой же?

— Нет, потому что ты перепробовала множество вещей, и уверен, что на тот момент, боялась упустить хоть что-то.

Она немного улыбается.

— А ты когда лишился девственности?

— Мне тоже было пятнадцать, — говорю я. — И я переспал с восемнадцатилетней девушкой, — мой первый раз был на чертовом поле для гольфа в три часа утра.

Дэйзи прерывает мои воспоминания.

— Тебе тогда нравились женщины постарше?

— Мне нравятся все женщины, сладкая.

Ее улыбка становится кривой.

— Я тебе нравлюсь?

Да, убейте же меня кто-нибудь.

— Дэйзи...

Она поднимает руки, опуская ладони мне на грудь, потому что между нами по-прежнему очень мало пространства. Мое тело немеет под ее руками.

— Я знаю, прости, мне не следовало об этом спрашивать, — она быстро убирает руки и тяжело дышит.

Я стараюсь не смотреть на нее. Но она так прекрасна, не из-за своей охренительной естественной красоты — не из-за макияжа или дерзкого взгляда ее зеленых глаз, гладкой кожи или изящного личика.

Дэйзи прекрасна, потому что она может заставить улыбнуться даже самого грустного человека на планете Земля. И даже самому одинокому парню она может подарить некое большее чувство. Она молодая и дикая. Неиспорченная и по-настоящему чертовски наивная. Она — это все те вещи, что кричат вам об *огромном гребаном риске*.

— Знаешь, за всю жизнь я переспала только с шестью парнями, — объявляет она.

Я еще сильнее хмурюсь.

— Ага? — я на самом деле не хочу знать все эти детали, даже несмотря на то, что мазохистская часть меня жаждет их. — Некоторые посчитали бы, что шесть парней за 18 лет — это много.

Она пожимает плечами.

— Что ж, я испила не из одной чаши.

— И каково оно было? — бросаю я. Хотя, мне и не следовало бы об этом спрашивать.

Но тем не менее я спросил. И не собираюсь забирать свои слова обратно.

Я просто жду ее ответа, потому что знаю, что Дэйзи мне ответит.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Мне правда следует пояснить историю своей сексуальной жизни старшему брату парня моей сестры? (Ага, звучит как скороговорка.) Но знаете, я сама начала эту тему, так что теперь должна ее закончить. Я стараюсь не бросать дело на полдороге. *Вперед, Дэйзи. Никаких тормозов.* Ну да, я могу это сделать.

Я смотрю в его глаза, такие напряженные и суровые; обращаясь ко мне, его взгляд никогда не становится нежным. Непосредственная близость не смягчает воцарившееся между нами напряжение, но мне нравится эта связь с ним слишком сильно, чтоб спрыгнуть с мотоцикла. И эй, Рик тоже не движется. Так что думаю, это хороший знак.

— Первый парень был отстойным, — говорю я ему. — Мы переспали всего раз. Это длилось около тридцати секунд.

Вероятно, мне следует смущаться, но кажется, что все это происходило со мной сто лет назад. Я просто помню, что села в его кровати и подумала *и это все? Вот это и есть секс? И что, вашу мать, в нем такого впечатляющего?*

Лицо Рика не выражает никаких эмоций, оно просто хмурое и задумчивое. Ну и ладно. Я могу продолжать и не реагировать на его напряженное молчание. *Давай, давай, давай.*

Облизываю губы и говорю:

— Со вторым парнем мы переспали два раза. И он продержался, может, минуты три.

— Сколько им было лет? — спрашивает Рик.

— Они были всего на несколько лет старше меня. То есть, я встречалась с парнями, которым было за двадцать, но у нас не могло быть секса. Мне тогда еще не было 18, - и я не была готова нарушить закон и отправить парня за решетку лишь за то, что он со мной переспал.

— Я знаком с большинством твоих бывших парней, которые были значительно старше тебя, — напоминает он. — К слову, они были полными гребаными дебилами.

— Они не были так плохи.

— Джулиан? — спрашивает он. — Думаешь, он был лучше долбанной крысы?

— Коннор называл его обезьянкой.

— Коннор оказал ему охуенный кредит доверия.

— А еще Коннор называл тебя собакой, — говорю я, морща нос. — Как думаешь, если ты пес, то я кошка или белка?

— Как мы пришли к этой теме? — спрашивает Рик, словно это самая глупая из всех возможных тем для беседы.

— Я хомяк, правда? — я топорщю свою нижнюю губу.

— Никакой ты, бля, не хомяк, — он закатывает глаза и проводит рукой по своим волосам. Не думаю, что парень осознает, как горяч, когда делает подобное. — Ты птица.

— Птица.

— Ага, чертова птица, не желающая прекратить летать и чирикать.

— Типа орел?

— Ты симпатичнее орла, — он вновь закатывает глаза. — Блядь.

— Ты назвал меня симпатичной, — я тыкаю пальцем ему в грудь, и улыбка расплывается по моему лицу.

Рик смотрит на мою руку.

— Джулиан, — говорит он, возвращаясь к началу нашей беседы. — Он все еще тебе нравится? Потому что если это так, то мы должны провести с тобой чертову разъяснительную беседу.

Я быстро качаю головой.

— Нет, он мне не нравится.

Джулиан вообще-то меня пугал. Он ездил с нами в путешествие в Альпы. Я даже не осознавала, насколько сильно его боюсь, пока не попыталась с ним порвать, а он не стал меня слушать, говоря, что я слишком молода и ничего не понимаю. Может, так оно и было. Не знаю. Все, что мне известно, так это то, что я не хочу бояться человека, с которым встречаюсь. Это не входит в список тех опасных вещей, которые мне нравятся.

— И, как тебе известно, — говорю я, — я не была в восторге ни от одной из девушек, с которыми ты встречался. Одна из них даже называла Лили шлюхой, — и за спиной у Рика, она буквально дернула мне волосы. *Сильно*.

— Я бросил ее в ту же секунду, как она это сказала, — напоминает мне он. — А ты была с этим идиотом в течение целого месяца.

— Я пыталась с ним порвать, — отвечаю я. — Я даже написала ему письмо. Оно гласило что-то типа: *Джулиан, думаю, нам лучше остаться друзьями. Чмоки-чмоки, Дэйзи*.

Рик стонет, но его рука неосознанно перемещается с моего колена на бедро. От возбуждения мое сердце учащает свой ритм.

— Или обнимашки и поцелуйчики были лишними?

— Да, кто вообще бросает парня с помощью гребаной записки?

— Тот, кто напуган, — я не так бесстрашна, как хотели бы в это верить мои сестры.

— Ты не чертова трусиха. Ты просто встречалась с неправильными парнями, — он смотрит на свою руку и убирает ее с моей ноги. А затем взгляд Рика порхает по небольшому пространству между нами и снова возвращается к моим глазам. — Кто-то из них продержался дольше пяти минут?

Я пытаюсь вспомнить.

— Думаю, шесть минут — наивысший показатель.

— Ты, правда, засекала время?

— Хм, я просто ждала, когда это закончится.

Рик кривится.

Мне довольно сильно не по душе все, что связано с сексом. Прелюдия. Сам процесс. И все, что после. Ничто из этого мне не в радость.

Я продолжала пробовать, надеясь, что станет лучше.

Но пока что не стало.

Это все еще неудобно и неловко. Ничто в сексе не дарит мне удовольствия, о котором говорят другие девушки. Какой там оргазм? Накал страстей? Головокружение? Самые яркие ощущения мне дарят парашютный спорт и поездка на мотоцикле вниз по крутому склону вместе с Риком. Вот это, наверное, и весь оргазм, который у меня был.

— Секс — это глупо, — говорю я Рику.

— Лишь тогда, когда ты с парнем, который не может тебя удовлетворить.

Я краснею от его слов.

— Роуз просто говорила мне попробовать переспать с большим количеством парней и посмотреть, что из этого выйдет.

От этих слов, кажется, Рик готов спрыгнуть с мотоцикла и пойти разыскивать мою сестру.

— Ты надо мной, блин, издеваешься?

— Я думала, это было мило. Она сторонница практики и опыта.

— Она была гребаной *девственницей*.

— Ну, теперь она не девственница, — отмечаю я.

Рик бросает на меня сердитый взгляд.

— За всю свою жизнь она спала с одним парнем, а тебе говорит трахать всех, кого найдешь. *Она* не спит с кем попало, Дэйзи. Ты понимаешь, на что я намекаю?

— У нее нет опыта в области экспериментирования в сексе, поняла, — киваю я. — Я пыталась поговорить с Лили на эту тему, но она чувствует себя некомфортно от подобных разговоров со мной, — я пожимаю плечами. — Хотя, иногда ее пробивает на откровенность. Просто сложно угадать день, когда моей сестре будет достаточно хорошо, чтобы данная тема ее не смущала.

Рик немного расслабляется от упоминания о зависимости Лили и ее стыда относительно всей этой темы.

— Может, я делаю что-то не так, — говорю я. — Разве для парней нормально так быстро кончать?

Рик снова проводит рукой по своим густым волосам. Раньше он никогда не уклонялся от ответа в разговорах со мной, потому я не ожидаю этого от него и сейчас.

— Вероятно, ты их чертовски возбуждаешь, и когда они оказываются с тобой в постели, то слишком быстро кончают. Это размышление на их, блин, счет, а не на твой.

— Так что, мне нужно найти парня, которого я не привлекаю? — в этом нет смысла.

Рик качает головой.

— Нет, Дэйзи. Тебе нужно, чтобы парень понравился тебе так же сильно, как ты нравишься ему. Таким образом, ты сможешь кончить вместе с ним.

— Но что, если парень, который мне нравится, *эмоционально* недоступен?

— Оставайся одна, — предлагает он.

— Навсегда?

Все тело Рика напрягается. Я не знаю, значит ли это *нет* или *да*. Но внутри меня все кричит: *Ответь мне что-нибудь! Моргни раз если да, дважды — если нет!*

А затем гаражная дверь открывается.

— Эй, — зовет Ло, — обед... — его голос прерывается, когда он замечает нас вместе на мотоцикле.

Ну вот.

Рик медленно встает с мотоцикла, делая вид, что ничего неправильного не произошло. Я подражаю его невинной экспрессии и следую за парнем, перекидывая ногу через сидение и вставая.

В глазах Ло поблескивают убийственные искорки, когда он смотрит на брата.

— Я прервал что-то?

— Нет, — отвечает Рик холодно. — Мы просто говорили.

Ло кивает, словно пытается в это поверить.

— Если вы *просто* разговаривали, то почему ее ноги были обернуты вокруг твоей талии?

— Ло, — я пытаюсь его перебить, но Рик поднимает руку, останавливая меня. Думаю,

это только между ними.

Но на самом деле меня не очень волнует мнение Ло. Он всегда был в некотором роде продолжением нашей семьи. Все началось с того, что Ло стал лучшим другом Лили. А затем ее парнем. А сейчас женихом. И она всегда брала его с собой во все отпуска семьи Кэллоуэй. Он был ее плюс один.

Определение «старший брат» для меня подойдет Ло очень хорошо.

Что в какой-то степени делает все наши отношения с Риком немного странными, но в тоже время, Рик ощущает себя таким отстраненным от Ло; барьер между ними формировался годами разлуки. Так что, возможно, все не настолько странно, насколько могло бы быть.

— Мы друзья, — говорит Рик брату.

— Друзья не ведут себя так, — отвечает Ло, указывая на мой Ducati, словно эта ситуация осквернила меня. Хотя, я бы очень даже *хотела*, чтобы Рик Мэдоуз изнасиловал меня на том мотоцикле. Я задаюсь вопросом, как грубо он бы трахал меня.

И была бы я в состоянии получить от этого оргазм.

Рик пощипывает переносицу.

— Что, бля, ты хочешь, чтобы я сказал?

— Что то, что я видел, было ошибкой! — кричит Ло.

Рик ничего не отвечает, так что это делаю я.

— Это было ошибкой, — говорю я Ло. — Я хотела посмотреть, каково будет кататься на мотоцикле задом наперед. И мне нужна была его помощь.

Ло сердито смотрит то на меня, то на Рика.

— И это самая лучшая ложь, на которую ты способна?

Я улыбаюсь.

— Вообще-то это правда.

Но мои слова лишь сильнее заводят Ло.

— Это не чертова шутка, Дэйзи. Он на семь лет тебя старше. Он был с большим количеством девушек, чем ты можешь себе представить.

— Нет, я как раз представляю, что он спал со многими женщинами, но вероятно, в свои 25 я достигну не меньшего количества партнеров.

Ло кривится, словно этот образ вызывает у него отвращение.

— Прямо сейчас я в альтернативной реальности.

— Правда? Круто. Там веселее, чем здесь? Думаю, да, — я поворачиваюсь к Рикю. — А ты как думаешь?

— Угомонись, — говорит он мне, а затем бросает взгляд на брата. — Ло...

— Ты недостаточно хорош для нее, — отвечает Лорен. — Ты ведь это осознаешь?

Челюсти Рика сжимаются, а плечи напрягаются.

— Я забочусь о Дэйзи так же сильно, как и ты, если не больше, так что не нужно нести эту супер волнительную хрень.

— Это не хрень, если ты трахаешься с ней.

— Мы не трахаемся! — восклицает Рик.

В гараже становится больше народа. Коннор. И обе мои сестры.

Роуз отлично выглядит в черном платье под горло и на высоких каблуках, когда выглядывает через дверной проем. Она похожа на идеальную пару рядом с вечно уверенным Коннором Кобальтом.

На Лили одета одна из рубашек Ло и пара легинсов, и она тоже выглядывает через проем, пытаясь дотянуться до Ло, стоящего возле Escalade Роуз. Я завидую ее коротким каштановым волосам, едва достигающим до плеч.

— Что происходит? — шепчет она Ло.

— Я поймал их, трахающимися на мотоцикле.

Рик стонет.

— Да ну! Мы оба были на мотоцикле полностью, блядь, одетые. У нас *никогда* не было секса! — он качает головой. — Сколько раз мне нужно это повторить? Знаете что, мы могли бы уже тысячу раз трахнуть, раз вы все и так на 100 % уверены, что мы уже это сделали.

Мои глаза расширяются. Правда?

— Вот это да, — передергивает Ло, поднимая руки. — Я не могу поверить в то, что вы ребята, сделали это всего лишь раз. Так что прошу, избавьте меня, черт побери, от образа вас, трахающихся тысячу раз.

— Вы оба, — говорит Коннор, спускаясь на три ступени в гараж. — Остановитесь на секунду, — он становится ровно посередине между братьями. — Вы оба чрезмерно реагируете.

— Мне не нравится, бля, когда меня обвиняют в том, чего я, черт возьми, не совершал, — рычит Рик.

— Ага? А как ты думаешь, себя чувствует папа?! — орет Ло.

Это подобно падающей бомбе; враждебный голос Ло, раздававшийся на весь гараж, резко обрывается. Дыхание Рика шумное и прерывистое, но он не предпринимает попыток ответить Ло. Это риторический вопрос.

Ло возвращается к основной теме.

— Ей восемнадцать.

— Ну вот опять, — говорит Рик, вскидывая руки в воздух. — Просто послушай это, Ло. Ей восемнадцать. Она тебе как младшая сестра. Ее мама ненавидит меня. Я знаю. Я знаю. Я блядь, все это *знаю*.

Лицо Ло кривится, выражая целую серию эмоций, и Лили тянется, обнимая его за талию. В ответ он успокаивается.

Роуз упирает руки в боки.

— Я не вижу здесь проблемы.

— Дорогая, — говорит Коннор, качая головой. — Не делай все только хуже.

Она фыркает.

— Они оба поддаются...

— Я не поддаюсь, — вдруг говорит Рик, не глядя на меня. — Потому что ничего, мать вашу, не произойдет, — его взгляд встречается с Ло и на мгновение смягчается. — Ладно?

У них обеих проблемы с доверием.

И я знаю, что из-за вранья Рика брату и сокрытия того, что он спит в моей постели, легче не становится. Если бы Ло узнал, он бы не одобрил это *и* нашел бы способ нас разделить, обосновав данное решение моим же благом. Но думаю, мне во благо быть вместе с Риком. Я практически не могу спать без него. Для бесстрашного сна по ночам мне нужно спокойствие, а оно базируется на присутствии рядом другого человека. Иначе, о сне не может идти и речи.

Но я не удерживаю Рика под дулом пистолета. Если бы он хотел уйти, я бы отпустила его. Предполагаю, что тогда бы мне пришлось найти ему какую-то замену. А я не думаю, что

это выполнимая задача. Возможно, глубоко внутри, я знаю, что хочу Рика Мэдоуза.

— Идемте есть, — говорит Коннор. — А то яйца остынут.

Мы все ждем, что кто-то из братьев сделает первый шаг. В их власти оставить или продолжить спор.

Ло открывает рот, желая оставить последнее слово за собой.

— Я не звал тебя в свою жизнь, чтобы ты мог замутить с младшей сестрой моей девушки. Не заставляй меня сожалеть, что принял тебя.

Эти слова раздражают. Я ощущаю их будто четкий пинок под дых.

Ло уходит, исчезая внутри дома, и Рик тоже не ждет меня. Он идет прямо следом за братом. Коннор уходит следующим, оставляя меня наедине с сестрами.

— Ну, — говорю я им, — на моих вечеринках всегда возникают конфликты, верно?

— Тебе нужны объятия? — спрашивает меня Роуз. — Потому что если надо, Лили может тебя обнять.

Лили смотрит на Роуз с немым вопросом: *правда?*

— Ты обнимаешься лучше, чем я. Я знаю свои слабости, — Роуз кивает на меня. — Но серьезно, ты в порядке?

Я пожимаю плечами.

— Ага, — они думают, что у меня к Рiku есть огромная привязанность, и пока он мне нравится, я понимаю лучше других, что нам можно, а чего нельзя. Я признала это как реальность уже давно, но фантазия о *нас* как паре все равно постоянно в моей голове.

Я бросаюсь сестрам навстречу и обнимаю их за плечи.

— Спасибо за украшения вечеринки, кстати. Они прекрасны.

Сестры улыбаются.

И это развеивает весь мрак в моем сердце, оставшийся там от ситуации с Ло. Но с другой стороны, этого недостаточно, чтобы забрать ту панику, что приходит ко мне в ночное время. Иногда я хочу, чтобы всегда светило солнце. Хочу, чтобы я могла быть постоянно с этими пятью людьми и никогда не сталкиваться с окружающим миром в одиночку.

Но Париж — это моя проверка.

Я хочу пройти ее, хоть, часть меня и гадает, смогу ли я стать той бесстрашной девушкой снова. Может быть, слишком многое изменилось, чтобы вернуть все, как было.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Я мою посуду после ужина, так как предложила именно такое распределение обязанностей: Ло и Коннор готовили, я убираю. Все делают вид, что ничего такого не случилось в гараже, и это в принципе ожидаемая линия поведения. Мы с Риком попадаемся ребятам на глаза в момент нашей близости уже не в первый раз.

Эта борьба изматывает, и подобные конфликты стали по-странному предсказуемыми.

Рик входит на кухню, тогда как все остальные в гостиной. Я поднимаю взор, ожидая, что кто-то из ребят следует за ним.

— Они знают, почему я здесь, — говорит он, в ответ на мой долгий взгляд.

Я хмурюсь.

— Ты пришел помочь мне с посудой?

Он хватается миску со шкафчика.

— Нет. Мы все видели, как ты гоняла по тарелке свою яичницу около тридцати минут, — он достает пакет мюсли с другого шкафчика, это его любимая марка сухих завтраков. Уверена, Рик оставил ее здесь после утренней пробежки с Ло.

— Я съела фрукты, — говорю я ему. Неделя Моды не за горами. Я хочу так сильно есть, как никто. Но благо, у меня нет проблем с самоконтролем.

Рик открывает холодильник и достает молоко.

— Охуеть как расчудесно, — говорит он мне. — Теперь я уж точно спокоен.

— А еще я пробовала бекон.

— Не ври мне.

— Ладно, я не ела бекон, но хотела, — я опускаю последнюю тарелку в посудомойку, а затем забираюсь на столешницу. Он ставит миску с хлопьями возле меня.

— Знаешь, что я сегодня, блин, узнал? — спрашивает Рик, и его выражение лица реально мрачное. — Роуз только что сообщила Коннору, моему брату и мне, что из-за твоего низкого веса, у тебя нерегулярные месячные.

О боже. Я стону.

— Она не сказала вам, ребята, такого, — иногда открытость Роуз не к добру. Когда дело касается *ее* личной жизни — она немая. Или по крайней мере, старается быть таковой.

— Ага, так и сказала.

Я бы не хотела, чтобы Роуз делилась подобной информацией с кем-то, кроме Лили или Поппи, нашей старшей сестры.

— Все не так плохо, проблемы возникают только тогда, когда я...

— Изводишь себя голодом, — невозмутимо заканчивает Рик. А затем качает головой. — Ты не можешь нормально питаться, не можешь спать...

Я широко улыбаюсь в ответ на его слова, потому что вспоминаю цитату из фильма. Ничего не могу с собой поделать. Я цитирую строки:

— *Так бывает, что не можешь ни есть, ни спать, хочешь дотянуться до звезд, преодолеть границы, все те всемирно известные банальности,* — я делаю паузу, ожидая, что Рик драматично скажет ах-ха. Но он выглядит смущенным. — *Для этого нужны двое,* — кажется, что это ему ни о чем не говорит. — Фильм с Мэри-Кэйт и Эшли. Они изображали любовь.

Его брови приподнимаются.

— Забавно. Но не любовь вызывает у тебя данные проблемы.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я.

Он раскидывает в стороны руки.

— Прости, но где все парни, с которыми ты встречаешься все то время, пока я ночую в твоей постели?

— Я могу быть влюблена в *тебя*, — я бросаю ему наживку, гадая, поймается ли он, но Рик лишь одаривает меня напряженным взглядом.

— И ты правда влюблена? — дразнит он в ответ, не сдавая своих позиций.

Парень оборачивает против меня мой же маневр. Мне хочется ответить "да". Но правда ли я влюблена в Рика? Откуда мне знать?

— Я не уверена.

— Ну, значит можешь быть чертовски уверена, — говорит Рик, — что та любовь, которую я дарю женщине, никогда ее не ранит, — он передает мне полную миску с хлопьями и молоком. — Съешь мюсли.

Серьезность воцаряется на кухне еще пуще прежнего.

— Ты слышал сегодня утром мою маму, — она ущипнула меня за бедро, сжав кожу так сильно.

— Ага, — его брови приподнимаются. — К черту твою мама.

— Эй, — восклицаю я.

— Эй что? Она только и знает, что проявляет жестокость к Лили. Постоянно борется с Роуз. И относится к тебе, словно ты чертова маленькая кукла, которую ей нравится одевать и всем показывать. Это *на хуй* сводит меня с ума, я не могу смотреть, как ты делаешь то, что сама же ненавидишь, лишь чтобы порадовать других.

Я не поклонник модельного бизнеса, не после того, как буквально выросла в нем. Мне просто становится тревожно. Так что я не могу оспорить точку зрения Рика.

— Все совсем иначе, когда от этих людей зависит твоя карьера. Дизайнеры одежды и агенты рассчитывают на меня. Если я не смогу влезть в одежду, тогда не просто разочарую себя, а еще и обижу их.

Я встречаюсь с Риком взглядом, но все, что вижу, так это ту знакомую непоколебимость, о которой часто говорит Лили. Она любит поговаривать, что брат Рика — лед. И это абсолютно точно. Но Рик, он похож на скалы, на которые так любит взбираться — такой же твердый.

— Не будь чертовым манекеном.

— Я не такая.

— Правда? Потому что я вижу девушку, голова которой забита чужими мыслями, желаниями и мечтами.

— Думаю, это называется марионетка.

— Значит, не будь гребаной марионеткой.

Мой взгляд опускается в пол. Я и раньше слышала, как он говорит о чем-то с подобной твердостью, но сейчас его слова проникают в мое сознание, будто самая значимая истина.

— Возможно, после Недели Моды, я скажу ей снова о том, как чувствую себя, — возможно, я наконец-то смогу противостоять своей матери. — В любом случае, почему тебя это так волнует? — спрашиваю я, желая услышать в ответ что-то типа "*потому что я забочусь о тебе*".

Но вместо этого он говорит:

— У меня была такая же ситуация с собственной матерью. И это пиздец как не круто.

Ему сложно говорить о Саре Хейл, в основном из-за того, что произошло два года назад. Из-за того, что она изменила все в наших жизнях. И я не уверена, что это было к лучшему.

— Ешь свои чертовы мюсли, — говорит он грубо.

И я ем. После того, как четыре ложки хлопьев попадают мне в рот, Рик выглядит довольным. Мне нравится видеть его удовлетворенным. Нравится, когда я могу сделать приятно всем близким людям, но это сложно, так как моя мама стоит на одной стороне каната, а мои сестры, Рик, Коннор и Ло — на другой.

Численно они превосходят ее, но моя мать меня вырастила. Разве это не козырь?

Рик наблюдает за тем, как я ем, чтоб не дай бог, я не обманула.

— Эти хлопья отстойные, — говорю я, закидывая в рот десятую ложку.

— Они полезны, но если ты хочешь шоколада, то в холодильнике есть шоколадное мороженое.

Я практически стону.

— Не соблазняй меня.

Рик почти начинает улыбаться.

— После Недели Моды... обещаешь, что поговоришь с ней?

Я киваю.

— Ага, ага.

— Не агакай мне дважды, — отвечает он.

— Почему, это слишком?

Он наклоняется ближе, так, что руки парня оказываются по разные стороны от *меня*, упираясь в столешницу.

— Потому что это звучит фальшиво, сладкая.

— Так, если я дважды испущу стон...

Он накрывает мои губы своей большой ладонью, касаясь моих щек и подбородка.

— Не будем об этом, не сегодня.

Кажись, я немного пересекла эту линию. Мы соблазняем и дразним друг друга, зная, что ничего более этого не может случиться. Такова наша условная договоренность.

Я доедаю почти все хлопья, оставляя несколько кусочков мюсли плавать в остатках молока.

— Прости за то, что случилось в гараже. Я толкнула тебя слишком далеко, — я ставлю миску и прыгаю со столешницы. Но Рик так и стоит на месте, прямо передо мной. Его руки все еще на столешнице.

И я оказываюсь к нему еще ближе, чем до этого.

— Ты не делала этого, — говорит он. — Если бы я, черт возьми, хотел быть с тобой в этом смысле, то уже бы был. Тебе исполнилось восемнадцать шесть месяцев назад.

Его слова не должны меня ранить, но от них мой желудок будто завязывает в узел, а мюсли подступают к горлу. Я слглатываю их. Думаю, *хотеть* и быть немного разные вещи. Я считала, что он хотел быть со мной, но знал, что не может. Оказывается, я ошибалась. На самом деле, Рика никогда по-настоящему не влекло ко мне. Иногда мы флиртуем, но он никогда не становился от этого возбужденным.

По крайней мере, я не видела выпирающей твердой длины под его брюками.

Мне хочется проверить все эти умозаключения.

Но я понимаю, что не следует, даже несмотря на любопытство. Не знаю, как по-другому я могу узнать, нравлюсь ли ему так же как он мне. Он не демонстрирует своих чувств, как это делаю я.

Рик такой скрытный, что все, что мне остается, так это просто обернуть вокруг его груди свои руки, обнимая. Он — мой волк, и я правда гадаю, укусит ли он меня сегодня. Не думая дважды, я обнимаю его, пока его тело каменеет. Я поднимаю взгляд, тогда как никто из нас не в силах даже шелохнуться.

— Дэйзи...

Мои длинные ноги касаются его сильных ног. А мои бедра прижимаются к его тазу, чуть ниже его паха; так как Рик ростом около метра девяносто, а я метр восемьдесят. Я четко ощущаю, как напрягаются его мышцы, и замечаю как темнеют его глаза. Это проверочное объятие, если можно так сказать. И тем не менее, я чувствую животом, что парень не возбужден. Он просто напряжен, словно ждет, когда я отодвинусь.

Вместо того, чтобы обнять меня в ответ, Рик кладет одну руку мне на голову, сомневаясь.

Я вздыхаю. Ладно, эта проверка не дала мне окончательного ответа.

— Спасибо, — говорю я. Это единственное слово помогает ему расслабиться. — Я рада, что мы можем быть просто друзьями, — это лучше, чем ничего.

Взгляд его темных глаз порхает по чертам моего лица. В течение нескольких минут Рик молчит, мы оба не меняем положения наших тел. Опасно стоять здесь вот так, после того, что случилось в гараже, но думаю, нас на одинаковом уровне манит эта опасность.

Его большой палец касается моей щеки.

— Ты выглядишь чертовски уставшей.

— Я дремала сегодня.

— Ты, блин, не дремала, — говорит он.

— Я вздремнула сегодня в обед. Что ты скажешь на это?

— Иди и вздремни, черт возьми, — отвечает он невозмутимо.

Улыбка так и стремится изогнуть мои губы. Я смеюсь и затем наклоняюсь вперед и прижимаю свою щеку к его груди. И когда я закрываю глаза, тело Рика вновь замирает. Он такой теплый. Секунду я слушаю тихий звук его сердцебиения и могу поклясться, что оно учащенное. Но возможно, это просто потому что я *надеюсь* произвести хоть какой-то эффект на Рика Мэдоуза.

— Что ты делаешь? — спрашивает он сурово. Его руки возвращаются к моей голове, от чего я осознаю, что ниже Рика. Знаете ли, сложно найти парня, который выше меня, это одна из причин, почему меня раньше тянуло к мальчикам моделям.

— Сплю, — говорю я, улыбаясь.

— Когда это я стал твоей чертовой подушкой? — спрашивает он нежно.

— Шшшш, — шепчу я, — здесь я в безопасности.

И как раз когда я думаю, что Рик развернется и уйдет, он удивляет меня, наклоняясь и целуя в макушку. Но это длится лишь секунду, а затем его руки отпускают меня. Парень хмурит лоб и глядит на что-то поверх моего плеча. Я поворачиваю голову и смотрю в направлении его взгляда, замечая на кофеварке журнал *Разгром Знаменитостей*.

— Кто все еще покупает этот мусор?

— Лили, — говорю я. — Думаю, моя сестра надеется, что люди забудут о нашей семье.

— А она мечтательница, — Рик отходит от меня, хватая журнал. Он так быстро

пролистывает его, что я едва успеваю разглядеть обложку до того, как Рик выбрасывает издание. *Это фото! Лили Кэллоуэй встречается с ее женихом и его братом.*

— Что это за фото? — спрашиваю я из любопытства, изгибая при этом бровь.

— Мы втроем обедали в ресторане Лакки, что в центре города. Пресса может продолжать утверждать, что я пристаю к твоей сестре, но мы все знаем, что это...

— Дерьмо, — заканчиваю я. — Бред собачий, — я передразниваю его. — *Гребаная чепуха.*

Рик смотрит на меня так сердито, что от этого его взгляда большинство людей бы уже испугалось. Но не я. Мой взгляд не отрывается от его глаз, и через секунду уголки его губ вздрагивают от улыбки.

— Когда это твой рот стал таким чертовски грязным, Кэллоуэй? — спрашивает Рик.

— В тот момент, как я подружилась с тобой.

— Тогда, это хорошо, — говорит он, ероша мои волосы своей огромной рукой. — И кстати, я поеду прямо следом за тобой, когда мы отправимся сегодня домой.

— Предполагалось, что тебе отведена роль моей подушки, а не телохранителя, — напоминаю я. — У меня уже есть один, — его зовут Майки Блэк. Ему сорок, и до этого он работал тренером по физической подготовке в Калифорнии. В отличие от телохранителя Лили, который не сильно мускулистый и носит не подходящие ему по размеру костюмы, мой любит одеваться зимою в бермуды и безрукавки. Он реально крутой.

— Он не может не отставать от тебя, — говорит Рик, становясь рядом со мной. Он наблюдает за тем, как я засовываю миску в посудомойку.

— Этим летом, он научит меня серфингу, — опровергаю я.

— Но он водит Harley, а эти мотоциклы не могут ездить так же быстро, как твой спортивный. Я никогда не видел, как едя с тобой, он был бы в состоянии обогнать машину папарацци, — и это правда. В конце концов я оказываюсь окружена внедорожниками. Как было сегодня вечером. Я пыталась обмануть их, но машины так быстро гнались за мной, что я превысила допустимую скорость. И в результате Майки где-то потерялся, двигаясь со скоростью восемьдесят миль в час, против моей в сто пять.

— Зато он пахнет как соленая вода и конфеты, — говорю я Рик. — Иногда даже как кексы.

Рик просто смотрит на меня.

— Это весомые аргументы, — говорю я.

— Не для меня.

— Нет *ничего* лучше кексов, разве что шоколадные кексы, но они просто разновидность кексов.

— Секс, — говорит Рик. — Секс лучше шоколада, — он всегда говорит мне это.

— Не для меня, — я точно повторяю его слова.

Его взгляд опускается к моим губам. Клянусь вам. Но это происходит так быстро. Может, мне просто хотелось, чтобы так было... Не знаю, зачем я себя мучаю. Это все равно не может ничего изменить, даже если Рик признает, что я ему нравлюсь сильнее, чем просто друг.

Потому я просто отпускаю этот момент. Как поступаю всегда.

— А почему ты думаешь, что можешь ехать со мной наравне? — спрашиваю я.

Рик снова наклоняется ближе ко мне.

— Потому что, — говорит он, — я — тот, кто научил тебя ездить на мотоцикле.

Я улыбаюсь. Это верно, он научил меня.

РИК МЭДОУЗ

— Посмотри на меня, — говорю я Дэйзи, стоя возле двери ее спальни. Я поворачиваю замок. — Закрыто.

Она зевает, сидя на кровати и поджав ноги к груди. Ее взгляд обманчиво спокоен, но напряженные плечи свидетельствуют об обратном.

Каждую ночь я делаю одну и ту же хрень. Сначала я подхожу к окну и отбрасываю зеленые занавески, пытаюсь открыть створку. Дэйзи наблюдает за тем, как мои бицепсы сжимаются, а мышцы изгибаются в определенных местах, тем самым убеждая себя, что я и правда *приложил силы, и окно точно надежно закрыто*.

— Закрыто, — говорю я.

Я прохожу мимо кровати и изгибаю брови, глядя на усмехающееся лицо Дэйзи, а затем направляюсь в ванную. Я проверяю, нет ли никого за душевой занавеской, просто потому, что если солгу ей, что посмотрел, а на самом деле не посмотрю, то буду чувствовать себя чертовым мудаком. Хотя, вероятность того, что кто-то пробрался в комнату и спрятался в ванной выше моего понимания. Но если я не проверю, а это реально случится, то я *никогда* не смогу себе этого простить.

Честно.

Я наполняю стакан водой из-под крана, а затем возвращаюсь в спальню. Дэйзи так сильно вцепилась руками в свои колени, что кончики ее пальцев покраснели. Ее позвоночник вытянут в вертикальном положении, а взгляд замер на окне.

— Дэйз, — говорю я, обходя кровать с ее стороны. — Я только что проверял там, — я беру ее бутылочку с таблетками с прикроватной тумбочки. Затем опускаю колено на матрас так, чтобы закрыть своим телом ей вид на окно. — Эй, — мое сердце начинает ускоренно биться.

— Ага... — она моргает несколько раз, а затем одаривает меня самой вымученной улыбкой, которую мне когда-либо доводилось видеть.

Стараясь ее отвлечь, я бросаю бутылку ей в лицо, и Дэйзи ловит ее на лету.

— Ты не мог бы еще раз проверить? — спрашивает она.

— Конечно, — я передаю ей воду и возвращаюсь к окну. Ее глаза расширяются, а грудь вздымается, пока я показываю, что окно закрыто. В тот момент, как я пытаюсь открыть окно, девушка вздрагивает от страха.

Не знаю, что происходит в ее чертовой голове прямо сейчас, но думаю у нее есть куча причин бояться. Мое сердце разрывается, когда вижу ее такой.

— Ты в порядке, — говорю ей. — Видишь, все к чертям закрыто.

Она накрывает мои губы своей рукой и кивает, сдерживая слезы.

— Прости. Я взвинчена, если долго не сплю.

— Знаю. Тебе не нужно, черт возьми, передо мною извиняться, — я возвращаюсь к двери ванной и закрываю ее со стороны спальни. Через неделю после переезда Дэйзи в эту квартиру, я установил на двери засов, просто чтобы ей было спокойнее.

Ее руки дрожат, когда девушка пытается открыть пузырек с таблетками. Я сажусь на кровать рядом с ней, одетый лишь в спортивные брюки. На ней пара хлопковых желтых шорт и майка с надписью: *А ну прекратите фукать на кексы*. Я оскорбил ее долбаную любовь к

кексам три дня назад и все ожидал, когда же она достанет эту майку. Так что не удивлен, что Дэйзи решила одеть ее в последнюю ночь перед отъездом. Завтра в обед она улетает в Париж. А через шесть дней я еду в Калифорнию.

Может и к лучшему, что мы побудем немного порознь. Коннор и мой брат считают чертовски странным тот факт, что за последние четыре месяца мы ни с кем не встречаемся, и предполагаю, мы наконец-то сможем изменить это.

Я краду пузырек из рук Дэйзи и с легкостью его открываю. А затем кладу ей на ладонь две таблетки.

Дэйзи колеблется.

— Знаешь, у меня ведь не было ночных страхов или других симптомов до того, как я начала принимать эти таблетки.

Я провожу рукой по волосам.

— Дэйзи, ты говорила об этом своему гребаному доктору, — ради бога, я был вместе с ней, когда она консультировалась с тремя разными врачами, специализирующимися по расстройству сна, о своем состоянии. Ей делали электроэнцефалограмму. Она прошла множество тестов сна. И они все советуют ей принимать долбаные таблетки. Потому что без Амина она вообще не сможет спать. Она страдает бессонницей, ПТС, и единственное что в силах ей помочь — это регулярная терапия.

— Это не дает мне настоящего сна, понимаешь? — говорит она, глядя на таблетки у себя на ладони. — То есть, они помогают мне впасть в некий полу-сон.

Парасомния, момент между сном и бодрствованием — ага, я изучил все, что с этим связано. Дэйзи не удавалось глубоко поспать уже больше шести месяцев подряд.

— И все же, это лучше, чем совсем не спать.

Она кивает, глубоко вздыхая, и забрасывает таблетки в рот. Делая небольшой глоток воды, она опускает стакан на прикроватную тумбочку. Я наблюдаю, как девушка ныряет под одеяла и опускает голову на подушки, глядя прямо в потолок. Ее глаза становятся стеклянными.

— Что не так? — спрашиваю я.

— Я боюсь спать, — признается она шепотом. — Я не хочу снова видеть кошмары, — из ее слишком уставших глаз вырываются слезы. — Но я буду бояться всю ночь, если и не засну. Это отстойно.

Хотел бы я забрать ее проблемы. Я не привык быть бессильным, не привык ощущать боль, наблюдая, как она проходит через все это, и делать вид, что мое присутствие хоть чем-то помогает.

Я наклоняюсь так, чтобы она смотрела прямо на меня.

— Дэйзи, — говорю я уверенно, вытирая ее слезы своим большим пальцем. — Никто не войдет в это гребаную комнату, — обычно я не делаю так, но сегодня ей явно хуже. Я тянусь к тумбочке со своей стороны и открываю ящик. Доставая пистолет 45-го калибра я показываю ей патроны. — Хорошо?

Я наблюдаю, она снова выдыхает и кивает.

Затем я проверяю предохранитель и прячу пистолет под своей подушкой.

Дэйзи закрывает глаза, и я поддвигаюсь к ней под одеялом так, чтобы девушка чувствовала тепло моего тела. Мы делаем это уже так долго, что теперь я знаю, что может ее хоть немного успокоить, а что вызывает страх. С расстояния в несколько сантиметров я замечаю бусинки пота у нее на лбу.

— Шшшш, — шепчу я. — Ты в безопасности, — я тру ее предплечье, и она движется еще ближе ко мне. Мы оказываемся на расстоянии меньше сантиметра. Ее ноги переплетаются с моими, словно это очень естественное положение. Дэйзи поворачивается спиной к моей груди, оборачивая мою руку вокруг своей талии и прижимаясь своей попкой к моему члену, но вероятно, она не так сосредотачивается на этом последнем факте, как я.

Знаете, сколько блядь выдержки мне нужно, чтобы находиться в подобной гребаной позиции с этой охренительной девушкой почти каждую чертову ночь и не совершить роковой безумный поступок?

Столько контроля, сколько я никогда даже не мог предположить, что у меня имеется.

* * *

Я ожидал, что сегодняшняя ночь будет не из легких, но я не думал, что вместо кошмара произойдет такая хрень. Нет, не лунатизм. Прежде я еще никогда не заставлял ее за подобным.

Дэйзи пинает меня, пытаюсь разбудить, что в принципе обычное дело. Она ерзает на месте, ее длинные гладкие ноги движутся назад-вперед, ударяясь о мои голени.

Я не пытаюсь остановить ее. Она все равно не среагирует, пока не проснется окончательно.

Дэйзи хватает свою подушку, зарывает в нее свое лицо и стонет.

Она все еще спит. Это чертов побочный эффект от лекарства, и такое случалось около пяти раз за последнее четыре месяца. Я не собирался рассказывать ей о подобных инцидентах, когда она возбуждается посреди ночи. Все равно Дэйзи не смогла бы вспомнить это, даже при том, что ее глаза открыты и кажутся ясными, как у лунатика. Я подумал, что если расскажу ей об этих столах, то девушка смутится, потому просто промолчал. Но подобный случай произошел во время одного из тестов сна, так что она все равно узнала об этом.

И кстати, Дэйзи не выглядела оскорбленной, узнав. Я забыл, что она не Лили. Она гораздо менее застенчивая, более наглая и, вероятно, раз в пять безумнее своей сестры. Узнав, Дэйзи просто сказала мне, что если это снова произойдет, мне немедленно нужно покинуть ее постель, а то она случайно может меня изнасиловать.

Она где-то прочитала, что есть такое понятие как секс во сне, на что в ответ я сказал ей выбросить из головы даже мысль о том, что она в силах изнасиловать меня спящим или бодрствующим.

Дэйзи ворочается, беспокойно ерзая, а затем замирает, когда ее спина оказывается напротив меня; одно ее колено согнуто и прижато к груди. Она дрожит, а затем вновь стонет, это звук полнейшего безудержного удовольствия.

Я встаю, опираясь на локти, и секунду наблюдаю за ней. Мой член начинает твердеть, особенно когда девушка стягивает простынь к своей талии. Ее майка задралась к груди, а соски торчат под тонкой тканью.

Блядь. Мне нужно пойти в ванную.

Я собираюсь опустить эту майку вниз и уйти, но ее голос останавливает меня.

— Я не могу, — стонет она нежно, а затем ее стоны перерастают в серию прерывистых криков. — Ахх... ахх... ахх...

Ебанный божечко. Прямо сейчас мне хочется оказаться очень глубоко внутри нее.

Ее спина выгибается.

— Рик!

По крайней мере, она думает, что я внутри нее.

Раздражаясь, я сбрасываю одеяло со своего тела. *К черту ее майку.* Я оглядываюсь. Ее груди, даже при том, что они небольшие, буквально убивают меня. Я слезаю с кровати, тогда как моя эрекция буквально норовит прорвать чертовы спортивные штаны. Тело Дэйзи такое худое, как никогда прежде. Сначала мне хочется ее накормить, а затем жестко трахнуть. Оба эти действия кажутся невероятными в реальной жизни, а последнее вообще не может никогда произойти.

— Я... не могу... — стонет она. Видите, даже во сне, она, на фиг, знает, что это неправильно. Так что вот. — Рик... Рик... — кричит она снова женственно, возбужденно, так что я на мгновение замираю. — Рик, аххх! — мне нужно войти в чертову ванну до того, как она кончит прямо здесь.

Мне требуется минута, чтобы отпереть засов и проскользнуть за двери. Прикрывая их, я стягиваю свои штаны вниз по бедрам. *Блядь.* На полке вместе с полупустой зубной пастой (которая мне сейчас ни к чему) и гелем для укладки волос (та же история), я ищу лосьон. Я даже и не осознавал, что в этой ванной царит такой гребаный беспорядок. Мы с Дэйзи крайне редко убираемся.

Я часто издевался над тем, что Коннор мастурбировал будто сумасшедший, когда Роуз не хотела отдать ему свою девственность, а сейчас я сам собираюсь делать тоже самое. Разница лишь в том, что меня не ждет в конце концов эндшпиль (*заключительная часть шахматной партии — прим. пер.*). В итоге у меня не будет девушки. Я не охочусь на нее. Я просто ей помогаю, и когда это закончится, мы оба просто двинемся дальше.

Я становлюсь над унитазом и упираюсь одной рукой в стену. Я закрываю глаза и поглаживаю свой твердый член, который пиздец как умоляет меня поместить его внутрь женщины, но я говорю ему *нет* уже несколько месяцев. Образы начинают наполнять мою голову, стимулируя возбуждение, и в центре этих картинок находится та самая желанная светловолосая девушка с ее длинными гребаными ногами и нереальными криками наслаждения.

Я моментально перестаю тереть свой стояк.

Облизывая губы, я смотрю на стену. *Почему, бля, тебе нужно представлять именно ее?* Представь кого-нибудь другого. Черт побери, кого-нибудь охеренно другого. Я пытаюсь думать о девушке, которую уже трахал раньше, той, что полностью отличается от Дэйзи. У нее большая грудь, большая задница и полные бедра. Мне нравятся изгибы. Нравится спортивное телосложение. Если честно, мне все нравится в женщинах. Не думаю, что Дэйзи об этом известно. Я говорил ей, еще когда Дэйзи было 15, что у меня есть определенный тип девушки, при этом я описал полную противоположность ее же конституции, чтобы просто у моей подруги не появлялось никаких дурных идей.

И вот поглядите в каком я сейчас дерьме, дрочу представляя *ее*. *Перестань думать.* Я пытаюсь. Хочу кончить, так что снова начинаю себя ласкать и пытаюсь не утратить в воображении образ этой другой девушки, представляя, как мой член скользит между ее ног. *Трахни... меня.* Я ускоряю движения рукой, от чего мое дыхание становится прерывистым.

Моя рука на стене сжимается в кулак.

И затем образ огромной груди и задницы превращается в моей голове в воспоминания о криках Дэйзи. *Аххх... аххх... ахххххх... Рик, Рик!* Они сменяются на изящное личико, то с

раздражающе заразительной улыбкой, то, что своим светом способно осветить весь город. Ее губы приоткрываются, и с них срываются стоны, она улыбается каждому из них.

Прекрати ее представлять. Я останавливаюсь, моя рука замирает. Я, блин, не могу этого делать. Я хватаю с плиточного пола журнал, несколько страниц смялись от попадавшей ранее на них влаги. Это журнал о моде, и у меня занимает некоторое время, чтобы найти в нем фото девушки без избыточного количества макияжа. Я продолжаю листать, пока не останавливаюсь на развороте седьмой страницы.

С Дэйзи.

В черном шнурованном белье.

Ее небольшие груди кажутся большими, благодаря пуш-ап эффекту бюстгалтера. На ней одеты трусики-танга, демонстрирующие ее округлую попку и стройные бедра. Ее ярко подведенные глаза будто бы говорят *приди и трахни меня*, что сейчас мне особо не помогает.

— Чертовщина.

Неужто против меня сегодня ополчился весь мир?

Я отбрасываю журнал и снова закрываю глаза, шумно выдыхая. *К черту все.* Представлять ее у себя в голове — это тот грех, с которым я могу жить. Это линия, которую я уже пересекал раньше, но не часто, и это подталкивает меня на шаг ближе к пересечению другой черты.

Но я уверяю себя достаточно, чтобы возобновить ласки своей рукой. *Ахх... ахххх... Рик!* Стон вырывается из моего горла. *Трахни меня.* Я пульсирую в своей руке, толкаясь бедрами навстречу, представляя как погружаюсь между бедер Дэйзи, как ее спина изгибается в экстазе, который девушка не в силах сдержать.

Это образ, который я вряд ли увижу в действительности. Я так возбужден, так нуждаюсь в освобождении накопившегося за последние часы напряжения. До моего слуха доносятся ее крики из комнаты. Я представляю, как она кончает, как оргазм искажает черты ее лица. И ее тело все мое, защищено моими собственными гребаными руками, пока мой длинный член полностью погружен в нее. И это заводит меня в новое, неизведанное место, бросая за недостижимую доселе грань.

Я кончаю. Если один только этот образ настолько хорош, то какой же была бы реальность. *Но это не может случиться.*

Ага, я знаю.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

У меня уходит минута на то, чтобы сориентироваться в пространстве. Я касаюсь своего виска, пытаюсь осознать, где нахожусь. Протягиваю руку и нащупываю свой компьютер. Я в своей постели. Ладно, вероятно я еще толком не проснулась, но тем не менее почему-то уже сижу. Конечности болят так, будто молотила ими всю ночь. Я тру свои воспаленные глаза и хлопаю ладонью по матрасу возле моих ног. Простыни спутаны и скручены, а Рика нет рядом. Может его даже нет в комнате.

Паника зарождается внутри меня, и сердце подскакивает к горлу. Моя голова поворачивается к окну, и я представляю мужчину, заползающего в комнату с битой в руках или с камерой, или с тем и другим одновременно. Мои занавески остаются неподвижными, не развиваются от сквозняка, из чего следует, что окно плотно закрыто.

Ты в безопасности, Дэйзи. Перестань трусить. Я повторяю эту мантру раз за разом, медленно поворачиваясь в сторону двери в ванную.

Дверь приоткрыта. Дверь *приоткрыта*. Нет. *Это просто Рик. Все нормально.*

Я бросаю взгляд на другую стену. Дверь спальни... тоже приоткрыта. *Это просто Рик. Я в безопасности.*

Но что, если это не он? Что, если кто-то ворвался в квартиру и напал на Рика? Что, если они причинили ему вред и создали ловушку для меня? Эта дикая, шальная мысль, но глубоко в моем подсознании, я верю, что она очень реальна. Я аккуратно сажусь на колени и задерживаю дыхание, пока поток адреналина струится по моим жилам. Я поднимаю подушку Рика и нахожу под ней пистолет.

Дрожащими пальцами я беру его и направляю ствол на двери. Из гостиной доносится дребезжащий звук. Я подпрыгиваю и резкий вскрик срывается с моих уст. *Заткнись, Дэйзи. Что, если они тебя услышат?*

А затем дверь медленно начинает открываться.

Рик останавливается, замечая направленный на него прицел.

— Дэйзи?

Что я делаю? Пистолет выскользывает из моих потных руки и падает на одеяло. Я не могу дышать. Конечно же, это просто Рик. Он подходит ко мне, и мгновение я моргаю. Рик опускает колено на матрас и кладет свои большие руки на мои щеки.

— Дэйзи, посмотри на меня.

Я не могу дышать. Я задыхаюсь, пытаюсь вдохнуть воздух в сжатые легкие.

— Где... что... — я стараюсь взглянуть на окно. Почему я сама себя пугаю? Там нет никого. Это все в моей голове.

— Шшц, — он трет мою спину. — Просто, блин, дыши, Дэйзи, — возвышаясь надо мной, он внимательно следит за мной, пытаюсь понять мою стадию паранойи и тревоги.

Я делаю глубокий вдох, и мое тело на этот раз справляется с поставленной задачей. *Я в безопасности.* Не могу перестать дрожать. Неожиданно Рик берет меня под руки и, прежде чем могу осознать происходящее, парень садится на кровать, опираясь спиной об изголовье, и усаживает меня себе на колени. Он снимает с себя чистую серую футболку Пенсильванского университета, и я хмурюсь, но глобально я так возбуждена и вымотана, что не могу сейчас разбираться с этим или протестовать. Его волосы влажные, а на бедрах одеты

черные джинсы.

Рик спокойно вытирает мой лоб своей футболкой. И я понимаю, что покрыта слоем пота. Моя майка влажная и прилипла к животу и груди.

— Прости, — шепчу я, выдыхая. Все силы покидают меня в одно мгновение. Словно я использовала всю энергию на тот момент паники.

— Что, бля, я говорил тебе об извинениях?

Я хватаюсь за его предплечье, и он служит опорой, чтобы я могла находиться в вертикальном положении, поддерживая мое тело свободной рукой.

— Я почти пристрелила тебя.

— Неа.

Мои глаза встречаются с его, и я вижу в них ту же жесткость.

— Ты не можешь этого знать.

— Пистолет был на предохранителе, — говорит он мне.

Ох. Хорошо. Узел у меня в желудке начинает ослабевать.

Рик расчесывает мои влажные волосы, убирая их с моего лица, и вытирает мою кожу шеи.

— Я думал, ты еще долго не проснешься, — признается он. — Мне не следовало, черт возьми, оставлять тебя, — обычно он будит меня, прежде чем уйти на пробежку с Ло или в спортзал, так что я знаю, Рик еще вернется ко мне позже.

— Все в порядке, — говорю я, снова смотря на его влажные волосы. — Ты принимал душ?

— Я выбежал за чистой одеждой к себе в квартиру, — он качает головой. — Я принял душ там. Думал, что у меня есть немного времени, — он делает паузу. — Ты уверена, что сможешь справиться со всем этим в Париже, будучи одна в течение целого гребаного месяца?

— Не знаю... но я должна постараться. Не хочу бояться больше по ночам, — я сажусь немного ровнее. — Все будет иначе, — говорю я Рикю. — Во Франции меньше папарацци, меньше камер и никого из моих старых друзей.

— Черт, надеюсь, ты права.

Я тоже надеюсь.

Через пару минут мое дыхание наконец приходит в норму, Рик снимает меня со своих коленей и усаживает так, чтобы моя спина прислонялась к изголовью. Он встает с кровати и хватается за пистолет. Я наблюдаю за тем, как быстро движутся его пальцы, проверяя предохранитель и наличие патронов в магазине. А затем он нагибается и открывает сейф в своей прикроватной тумбочке. После ввода кода тяжелая металлическая дверца открывается.

Мне очень хочется, чтобы Рик оставил пистолет вне сейфа, но я не хочу выглядеть слишком напуганной, так что позволяю ему убрать оружие вне поля зрения. Я встаю и ищу по комнате чистую одежду. Душ. Энергетический напиток. Проверить статус вылета. Позвонить сестрам и попрощаться. Заставить Майка доставить меня в аэропорт. А затем улететь.

Я могу сделать все это.

* * *

Мне ненавистен тот факт, что прямо сейчас мои трусики влажные. Единственный

оргазм за всю мою жизнь я получила во сне. Во сне. И я не помню абсолютно ничего. Даже самого малейшего отрывка сна. Это жестоко.

По крайней мере душ придал мне немного сил. Чувствую себя новым человеком, или как минимум тем человеком, которым я хотела бы быть. Бесстрашной, готовой к любым новым приключениям. Я открываю жалюзи, и солнечный свет заливает темноту моей унылой комнаты. После того как я подзарядилась двумя порциями энергетического напитка, у меня хватит сил на все, что угодно.

Рик передает мне еще одну банку лимонного шипучего напитка «Вспышка Молнии!», так как я о ней попросила.

— Это последняя, — говорит он мне. — Давай посмотрим, удастся ли тебе побить меня, Кэллоуэй, — он садится на край моей постели, рядом со мной. Эти энергетики производства многомиллиардной компании Физзли, принадлежащей моему отцу, так что это мои самые любимые шипучки.

— Один, — говорю я. — Два... — Рик подносит край банки к своим губам так же, как и я. — Три, — мы оба делаем первый глоток одновременно. Газированная жидкость скользит вниз по моему горлу, пока краем глаза я наблюдаю, как дважды дергается кадык Рика, прежде чем он подбрасывает пустую банку, сигнализируя о своей победе.

На три секунды позже я заканчиваю со своим напитком.

— Ты слишком медлительна, — говорит парень.

— Это и есть испытание Рика Медоуза? — спрашиваю я. — Тебе нравятся только те, кто умеет быстро глотать? — я хитро усмехаюсь, и он приподнимает брови.

— Да что ты знаешь об искусстве глотания?

Я пожимаю плечами.

— Знаю, что я не имею ничего против него.

Его мышцы напрягаются, когда наши взгляды пересекаются. Рик сжимает банку в руке, а затем бросает ее в дальний мусорный контейнер у моего комода. Она попадает прямо в цель. Я ощущаю, как сменилось его настроение от игривого веселья до полнейшей серьезности.

Может, я пересекла линию. *Хорошая работа, Дэйзи.* Я пытаюсь исправить ситуацию, добавляя:

— Мы не обязаны говорить о глотании, — *заткнись ты уже.* Я вскакиваю с постели, продолжая поиски чистой одежды. Начинаю поднимать свитера и джинсы, пиджаки со стульев и пола, а затем складываю их обратно в шкафчики.

Рик по-прежнему сидит на краю кровати, упираясь предплечьями о колени и переплетя свои пальцы; в такой позе он немного горбится. Его взгляд уставлен в пол, а мысли явно направлены внутрь самого себя.

— Мы можем поговорить?

Это не к добру. Фраза *можем ли мы поговорить* никогда не ведет ни к чему хорошему. Прежде чем парень может сказать еще хоть слово, я выпаливаю:

— Тебе не обязательно ввязываться во все эти неловкие прощания. Мы вскоре увидимся снова, — я буду в Париже всего месяц. Я не бросаю своего друга навсегда. Верно?

— Я думаю, нам обоим следует начать снова встречаться, — произносит он вдруг.

Я начинаю двигаться немного быстрее, подхватывая ворох одежды и пытаюсь запихнуть ее в шкаф. *Я думаю, нам обоим следует начать снова встречаться.* А что, по-моему, должно было случиться? Эти отношения не могли закончиться тем, что мы оба за руку

уходим в закат. Рик просто был рядом, чтобы помочь мне встать на ноги. Тем не менее, в течение четырех месяцев никто из нас не выражал желания встретаться с кем-то еще. Были только мы двое, критикующие наши предыдущие отношения, не важно были ли они короткими или длительными.

— Остановись же ты, твою мать, на секунду, — говорит он грубо.

Я замедляюсь и сосредотачиваюсь на складывании свитера с огромной надписью: *Всегда молодая*.

— Если ты этого хочешь, — я пожимаю плечами. — Предполагаю, я могу снова начать встречаться.

Он проводит рукой по своим волосам.

— Ты можешь быть одинока. Я не говорю тебе обязательно найти парня. Я просто... — он окунается в собственные мысли, и его челюсти сжимаются.

— Нет, я все поняла, — говорю я, кивая. — Мы оба обычно много встречались, и ты перестал это делать из-за меня. Это несправедливо по отношению к тебе, — и все это из-за моих ночных кошмаров. Сейчас же у него будет целый месяц вдали от меня, время, в которое он не обязан спать в моей постели, конечно же, Рик хочет заниматься сексом. Он наконец-то решил это сделать.

— Я хочу быть чертовски предельно честным с тобой, — говорит он. Я прислоняюсь к комоду и встречаюсь со взглядом его темных глаз. — Я не привык к воздержанию на такой длительный период и думаю, что в наших общих интересах, чтобы мы оба снова открылись для отношений с другими людьми.

Его слова не должны так сильно ранить меня, но они ощущаются, как острое лезвие, вогнанное в мой живот.

— Так мне следует найти свой номер семь? — спрашиваю я. — Может он продержится дольше пяти минут, — я стараюсь улыбнуться, но наигранная усмешка слишком быстро соскальзывает с моего лица.

Не могу понять, о чем думает сейчас Рик. Черты его лица непоколебимы, как скала. Такие же унылые, как и всегда. Парень встает и делает пару шагов в моем направлении.

Я смотрю на изгибы его пресса и сложную татуировку у него на плече. Мне не следует предлагать подобное, не стоит говорить это, но слова слетают с уст, прежде чем успеваю их осмыслить:

— Ты мог бы быть моим номером семь.

— Дэйзи... — он шокировано смотрит на меня.

И мой желудок скручивает.

— Неужели тебе и правда все равно, что меня будут трахать другие парни? — я представлю его с другой женщиной, и от этого мне становится плохо на физическом уровне. Мне не хочется, чтобы Рик встречался с другой, хоть я и знаю, что неправильно такое чувствовать, но как мне изменить свои эмоции? Как избавиться от них? Возможно, он прав. Возможно, нам нужно начать встречаться с другими, чтобы избавиться от *этого*.

— На фиг неважно, что я там чувствую, — говорит он. — Я на семь лет тебя старше.

— Тебе исполнилось двадцать пять *всего* полторы недели назад, — на самом деле он старше меня чуть меньше, чем на семь лет. Но каждый год в феврале на мой день рождения, Рик говорит: *"Я старше тебя на шесть лет"*, но одновременно с тем использует *"Я, бля, мужик, а ты маленькая девочка"* тон.

— Прямо сейчас я старше тебя на семь долбаных лет.

— Правда? Мне стоит написать жалобу на женщину, родившую меня на семь лет позже, чем был рожден ты. Какая же ужасная, преужасная штука.

Рик почти что улыбается.

— Ты знаешь, о чем я, — говорю я, более серьезно. — Я начала работать моделью, когда мне было 14, и с тех пор как я вошла в эту индустрию, никто никогда не обращался со мной как с подростком. Я делала вещи, которые обычные люди совершают после двадцати лет.

Я чувствую себя так, словно уже закончила колледж, отгуляла на вечеринках, напилась вдоволь, наэкспериментировала, и при этом мне всего лишь 18. Это основная причина, по которой я не жажду поступать в университет. Я получила порцию всего этого в 15, 16 и 17 лет. И к тому же не могу себя представить, сидящей за партой весь день напролет.

— Я слышу тебя, — говорит он. — И понимаю, но не могу пренебрегать нашей разницей в возрасте, потому что ты младшая сестра девушки моего брата. И ничто не изменит сей факт.

Я кладу свитер на столешницу комода. И когда поднимаю взгляд, Рик стоит возле меня.

— Так что же произойдет, когда мы оба через месяц вернемся в Филли? — спрашиваю я. — Мы просто продолжим с того места, на котором закончили или разойдемся разными дорожками?

Он упирается локтями о комод.

— Я не хочу обманывать тебя, Дэйзи. Мы не можем быть вместе. Я рядом с тобой, чтобы помочь, пока у тебя проблемы со сном.

Возможно, мне следует перестать себя мучить и просто постараться тоже двинуться дальше.

— Я могу попробовать найти кого-то в Париже или же попытаюсь справиться сама. Я уже и так продвинулась. Возможно, я стану твоим старым другом из Нью-Йорка, — говорю я. — Я могу переехать туда, когда вернусь с Недели Моды и начать новую...

— Ты собираешься переехать в Нью-Йорк? — Рик хмурится.

— Я не знаю... возможно, — говорю я осторожно.

Парень внезапно выпрямляется и притягивает меня к своей груди. Он обнимает *меня*. По собственной инициативе. Но эти объятия больше похожи на прощальные, чем на какие-либо еще. Боль журчит в моем теле.

И тут дверь в спальню медленно открывается, Рик так и не закрыл ее за собой на замок.

Мы вместе поворачиваем головы и видим мою маму в дверном проеме, с прижатым к уху телефоном. Ее глаза увеличиваются до размера блюдец, при виде меня, обнимающейся с парнем, по ее мнению, не достойным моего времени и внимания.

Мы с Риком медленно отходим друг от друга, но при этом он не выглядит виновато, скорее немного злым на ее внезапное появление.

— Что это было? — резко спрашивает мама.

— Рик пришел попрощаться, — говорю я ей, пытаясь игнорировать напряжение, витающее в воздухе. — Я почти уже собралась, так что Майки должен быть здесь с минуты на минуту, — я не думала, что мама заглянет ко мне сегодня. Я попрощалась с ней и отцом вчера у них дома.

Мама внимательно разглядывает голую грудь Рика.

— Почему ты без футболки? — восклицает она.

— Потому что я снял ее, — говорит он, прищуривая глаза. Он берет свою футболку с

моего одеяла и натягивает ее через голову. Но при этом кажется, что парень даже и не думает оставить меня наедине с моей слишком взволнованной мамой.

Вышагивая на своих высоченных каблуках, мама подходит к моей кровати. Ее пальцы перебирают жемчужное ожерелье на шее, когда она осматривает простыни, скомканные так, будто на них трахались.

— Я плохо сплю, — говорю я ей, решая сказать правду, но это звучит похоже на ложь. — Я ворочаюсь и пинаюсь по ночам.

Она игнорирует меня и смотрит прямо на Рика.

— Если я *когда-нибудь* узнаю, что ты встречаешься с моей дочерью, то я лично перерою все твое прошлое, и если ты переспал с ней, когда она была несовершеннолетней, я закопаю тебя заживо. Ты знаешь, что светит за статью об изнасиловании?

У Рика появляется раздраженное выражение лица, словно говорящее "*нет, я чертов идиот.*"

— Мам, — вставляю я. — Он ничего не сделал.

Рик не разрывает зрительный контакт с моей матерью.

— Вы хотите сделать ударение на разнице в возрасте, как мило, Саманта. Вперед, ну же, сделайте это. Я клал хуй на ваше мнение обо мне.

Она судорожно вздыхает, так что кости на ее шее выпирают.

— *Я никогда* не находилась рядом с кем-то, кто бы относился ко мне столь неуважительно, — она сжимает губы. — Чему тебя учила твоя мать?

— Тому, как ненавидеть моего отца, — говорит Рик не задумываясь. — Тому, как ненавидеть моего сводного брата. Разве это не реально полезные вещи, а?

Моя мама запинается, пытаюсь отыскать ответ.

— Думаете, я такой же ебнутый, как и моя мать, — продолжает он, — но по факту я не разговаривал с Сарой больше года, — и тем не менее он все еще не может избавиться от того, что его ассоциируют с ней. Это его генетическое наследие.

— А что насчет твоего отца? — отвечает мама. — Джонатан хотел бы поговорить с тобой, но ты игнорируешь *все* его звонки, все сообщения...

— Он и правда рассказал вам об этом?

Она вновь касается своего ожерелья.

— Он рассказал моему мужу, а мой муж рассказал мне, — я прямо вижу всю эту картину. Мой отец и Джонатан — лучшие друзья в конце концов.

— Я не в тех отношениях с моим чертовым отцом, чтобы общаться с ним. Давайте сойдемся на этом.

Моя мама испускает раздраженный смешок.

— Он переживает сейчас самое трудное время в жизни из-за этих обвинений против него. Ты хоть знаешь, что означало бы твое слово для прессы? — Джонатан был обвинен в надругательстве над Ло, и Рик не затрагивает эту тему в разговорах со мной. Я даже не уверена, правдивы ли эти обвинения. Из нас шестерых я последняя оказываюсь в курсе происходящего, я не вхожу в узкий круг.

— Вам нужно, черт побери, остановиться, — говорит Рик, становясь по-настоящему злым. — Держитесь от этого в стороне.

— Все, что тебе нужно сделать, так это сказать прессе, что эти обвинения — *ложь*, — говорит она. — И тогда имя Джонатана было бы очищено...

— Вы хотите, чтобы я защитил этого сукиного сына? — ругается Рик, а его глаза

пылают гневом. — Я устал постоянно пытаться очистить его репутацию. Он облажался уже давным-давно, и не моя работа пытаться сделать из него хренового ангела в глазах прессы.

— А что насчет Ло? — спрашивает моя мать. — Эта ложь ранит его так же сильно, как и Джонатана, — из нее снова вырывается истеричный смешок. — Ты прям как твоя мать, готов отправить *каждого* в преисподнюю, лишь бы ранить Джонатана. Когда же ты остановишься?

Рик выглядит так, будто ему дали пощечину. Парню требуется мгновение, чтобы прийти в себя. И когда он начинает говорить, его голос становится ровным и холодным, как обычно.

— Я не делаю ничего, чтобы уничтожить моего отца. Я просто пытаюсь двигаться дальше и хочу, чтобы мой брат сделал тоже самое. Вы же хотите, чтобы я защитил Джонатана, но я, мать вашу, не могу. Я не могу защищать того, кто на самом деле может быть виноват.

— Он *не* виноват.

— Я, *черт побери*, не знаю этого наверняка! — орет Рик.

Моя мама кажется шокированной.

— Ты думаешь, что он мог пасть так низко? Что он мог сделать что-то столь ужасное с твоим родным братом?

— Я видел, как он хватал чертову шею Ло с неистовой злобой, — отвечает Рик. — Он всегда называл меня слабаком, а я выигрывал национальные соревнования по бегу, так что представьте себе, как он называл Ло, который не достиг *ничего*?

Мама сильнее сжимает губы. Ее щеки покраснели.

— Он лучше, чем ты думаешь. Мы все не идеальны, — и прежде, чем Рик успевает что-то ответить, она подходит ко мне и говорит. — Я пришла сюда поговорить с тобой, а не спорить с сыном Сары.

Сын Сары. Вот кем она его считает прежде всего. Это так глупо.

— Что-то важное? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Я разговаривала с представителем твоего агентства, и они забронировали несколько встреч для тебя после Недели Моды, так же паре компаний было объявлено о том, что ты будешь в Париже.

Мое сердце начинает колотиться, а ее слова спутываются у меня в голове. Мне требуется минута, чтобы переработать их.

— Подожди, мне придется работать после Недели Моды? Но я думала...

Ее телефон звонит. Мама смотрит на экран.

— Глупо тратить попусту еще три недели во Франции, — она набирает сообщение. — Тебе нужно использовать по максимуму все время там.

Мое свободное время.

Я чувствую, как оно ускользает между моими пальцами, будто песок. Чувствую, как усталость бьет меня, словно огромный кулак. Мне нужен перерыв. У меня не было перерыва уже много месяцев. Я мечтала о свободном времени в красивой стране. Предполагалось, что это будет моим отпуском. Я поставила независимость превыше всего.

Чувствую себя, будто мама забрала мое мороженое и бросила его в кипяток.

Но быть может, я просто вовсе не заслужила мороженое. Я еду в Париж и буду проживать в роскошном отеле. Разве так важно, что мне придется работать? Я зарабатываю за день столько, сколько большинство людей зарабатывает в год, и все, что я делаю, это

просто хожу по подиуму и принимаю позы.

Будь благодарна. Я пытаюсь. Я правда пытаюсь. Но эта печаль просто наваливается на меня, как бы я не желала улыбнуться и ответить маме "*хорошо, спасибо за данную возможность*".

— Дэйзи, — говорит Рик, занимая мою сторону. Он смотрит на меня, будто говоря "*пошли ее на хуй*".

— Мам, — обращаюсь я к маме.

Она занята тем, что набирает сообщение.

— Мы можем перенести эти встречи? Я встречу с дизайнерами в другое время. Мне просто хочется пару недель провести в свое удовольствие в Париже.

— Тебя уже забронировали. Если ты отменишь встречи, то это плохо повлияет на твою репутацию, и тогда другие дизайнеры об этом узнают, — она кладет свой телефон в сумочку. — Пройдет месяц, прежде чем ты узнаешь об этом, и тогда ты вернешься домой, чтобы делать бутерброды, — она целует меня в щеку. — Хорошего полета. Напиши мне, когда приземлишься, — она проверят время. — Я опаздываю на ланч с Оливией Барнс, — мама смотрит на Рика так, будто это он виноват в ее опоздании.

А затем она уходит.

И я не останавливаю ее.

Когда дверь закрывается, мое сердце бьется так быстро, а легкие сжимаются все сильнее и сильнее. Мне нужно отпустить это. Нужно *дышать*. Я окидываю взглядом мою комнату, пытаюсь найти способ сбежать.

— Дэйзи. Дэйзи, остановись, бя, на секунду, — говорит Рик.

Я хватаю ключи от своего мотоцикла из кармана пиджака.

— Я собираюсь быстро прокатиться, — но когда прохожу мимо Рика, он хватается за запястье и вырывает ключи из моей ладони. — Рик...

— Ты не можешь сесть за руль в таком состоянии. Когда в последний чертов раз ты так делала, то чуть не вылетела с шоссе.

Я помню. Я была очень, очень близка к тому, чтобы вылететь в кювет. Я слишком сильно раскрутила обороты мотоцикла. Никогда раньше не видела Рика таким испуганным, как в тот день; когда мы встретились на парковке, он выглядел так, словно одновременно хотел меня обнять за то, что осталась живой и убить за то, что практически совершила фатальную ошибку.

Я делаю глубокий вдох, медленно выдыхая через рот.

— Мне правда нужно немного свежего воздуха.

— Давай пробежимся вместе пол часика, — говорит он. — Ты почувствуешь себя лучше.

— Как так?

Он притягивает меня ближе так, что мои ступни касаются его.

— Ты сможешь нормально дышать, — он быстро осматривает мое лицо. — Или ты можешь просто поплакать и выпустить все разом.

Все мое тело болит, и эти слова почему-то еще сильнее ранят меня.

— Что?

— *Отпусти это.*

Я мотаю головой.

— Я не могу.

— Почему, блядь, нет? Прекрати пытаться подавить свои эмоции, Дэйз. Нормально быть прямо сейчас расстроенной. То, что только что сделала твоя мать было дермовым.

Я снова качаю головой. *Кто я, чтобы жаловаться?* Я не хочу быть незрелой, эгоистичной девушкой. Не хочу быть такой, какой меня вероятно считают люди — наследницей многомиллиардного состояния. Сучки не ездят в Париж, чтобы повеселиться. Как это выглядит со стороны?

— Ты живешь, словно в аду с тех пор, как стало известно о сексуальной зависимости Лили, и ты никому об этом не рассказываешь, кроме меня. Перестань пытаться быть сильной. Просто, черт, поплачь, Дэйзи. Покричи. Поори. Нахрен разозлись.

Все внутри меня раскалывается на кусочки. Напряжение, которому я не хочу противостоять. Я не готова справиться со всем этим прямо сейчас.

— Мы можем пойти на пробежку? — спрашиваю я. — Я побегу с тобой вдоль улицы.

Черты его лица становятся серьезными, но парень кивает.

— Ага. Обувайся...

Мой телефон звонит, перебивая Рика. Я смотрю на определитель номера.

— Это Майки. Предполагаю... — *мне нужно идти.* Наши с Риком взгляды встречаются, и он просто качает головой.

— Мне не хочется оставлять тебя в таком состоянии, — говорит он.

— Я буду в порядке.

— И будешь в состоянии вынести весь полет, сидя в том чертовом кресле, не двигаясь так долго?

Сейчас это звучит более устрашающе, чем всего пару часов назад, и все лишь потому, что моя мама пришибла меня этой новостью.

— У меня нет выбора.

— У нас у всех есть выбор, — говорит он. — Просто некоторые выборы сложнее других.

— Не волнуйся обо мне, — говорю я ему. — Я хочу, чтобы ты отправился в Калифорнию и взобрался на те горы, — я делаю паузу. — И береги себя.

Он может умереть там. Без страховки, без веревок, он полагается лишь на свои умения, руки и тело. Один неверный шаг, и Рик может соскользнуть и упасть. Он не любит говорить о риске, и я не желаю отговаривать его от взятия этих трех гор, этого свободного соло в Йосемити. Это было целью его жизни, и я не стану удерживать его от ее реализации.

— Ты тоже, — говорит парень, его голос низкий и напряженный.

На этом мы должны снова обняться, но существует такое множество нерешенных вопросов, плюс то, что моя мама свалила на меня и бросила.

Мы не прикасаемся друг к другу.

Не говорим больше ни слова.

Мы просто покидаем друг друга, возможно, тем самым позволяя двигаться дальше. Я уже могу представить себя внутри того самолета, а Рика с другой девушкой. Все в этой поездке в Париж кажется отстойным, но я не подведу кучу дизайнеров, чтобы просто вернуться обратно в Филли.

Я не могу.

РИК МЭДОУЗ

Дэйзи уехала. Учитывая разницу во времени, у меня даже не было шанса пока что с ней поговорить. А в нормальное время она слишком занята, так что я не имею ни малейшего представления, спала ли она за последние два дня. Не могу перестать думать о последнем увиденном мной выражении ее лица — выражение чистейшей сломленности. Словно из ее тела кто-то взял и вырвал физический орган. Я видел это выражение и раньше, оно появляется у нее на лице только тогда, когда девушка чувствует себя в ловушке.

Мне просто нужно поверить, что она в порядке.

И попытаться игнорировать тот факт, что я дал ей разрешение трахаться с другими парнями. Ненавижу это, один только образ Дэйзи с другим парнем прямо сейчас доводит до кипения мою кровь. Но сам-то я не могу даже трахнуть других девушек, пока Дэйзи все еще ждет меня. А с другой стороны, она может ждать вечно, и это несправедливо по отношению к ней.

Я замечаю Ло, он лежит на силовом тренажере. Спортзал практически пустой ранним утром, в зале с силовыми тренажерами нет никого, кроме моего брата, меня и Коннора. Мы всегда встречаемся здесь в 6 утра, чтобы не попасться на глаза папарацци.

— Как Лили? — спрашиваю я, бросая взгляд на Коннора, который качает ноги, просматривая биржевые сводки на плоском экране над панелью тренажера.

— Нормально, — говорит Ло, поднимая штангу к груди, издавая при этом хрюкающий звук. Я выхватываю груз из его рук и ставлю штангу на держатель. Он садится, вытирая пот со лба полотенцем. — Каково оно, не нянчиться ни с кем?

— Я не нянчился с Дэйзи.

С вечера прощальной вечеринки, у нас с братом были крайне натянутые отношения, обострившиеся лишь при упоминании ее имени. Ничего нового. Одно и то же дерьмо раз за разом. К данному моменту я уже привык к этому.

Ло смотрит на свое полотенце.

— Я все еще не понимаю вашей с ней дружбы. Ну... типа о чем вы говорили?

Он забрасывает удочку.

— Мы не трахаемся.

Ло сердито смотрит.

— Я не говорил, что вы трахались, но глобально думаю об этом.

Я закатываю глаза. Может я чего-то не понимаю. Черт, я уже ничего не знаю.

— Мы говорим на обычные темы. О мотоциклах, спорте... — *сне, медикаментах, братьях и сестрах, родителях*, — ... еде.

— Она выглядела реально истощенной в вечер вечеринки, — говорит Коннор, вставая со своего тренажера и направляясь к нам. Он достает бутылку воды из своей сумки. — Роуз спорила из-за Дэйзи с Самантой около часа по телефону.

Я щелкаю одной из костяшек своих пальцев.

— Их мама оказывает на Дэйзи слишком на фиг сильное давление.

— Может, все станет лучше, пока она в Париже, — говорит Ло более оптимистично, чем обычно. Думаю, он просто радуется, что Дэйзи не рядом со мной.

Я киваю Коннору.

— Эй принцесска, хочешь посоревнуемся в подтягиваниях? — Ло ненавидит подтягивания, так что он может наблюдать и считать.

— Я не знаю, — говорит Коннор расслаблено. — А ты расплачешься, если я выиграю? Если да, то давай.

— Просто тащи свою задницу к стенке для подтягивания.

Ло разминает руки.

— Эй, не говорит так о его заднице.

— Ты вызываешь ревность у моей первой любви, — шутит Коннор, направляясь со мной к стенке.

Я уже привык к их шутливым перебранкам. Они лучшие друзья. И живут вместе уже почти два года. Их отношения друг с другом гораздо лучше, чем мои с кем-либо из них двоих. Я, вашу мать, ревную? Возможно, немного.

— Вы оба такие чертовски милые, — говорю я, хватаясь руками за перекладину. Я скрещиваю свои лодыжки, и Коннор делает тоже самое на соседней от меня перекладине.

— Готовы? — говорит Ло, отходя немного, чтобы судить. — Начали.

Я подтягиваюсь, мои ключицы касаются перекладины, а затем я плавно опускаю тело вниз на стартовую позицию. *Один.* Я выдыхаю. *Два.* Мои мышцы горят, но я даже не близок еще к усталости или истощению. *Три.*

Я продолжаю считать про себя, пока Коннор с такой же легкостью не отстает от моего ритма. Он правда в чертовски отличной форме. Я даже не осознавал это, при нашей первой с ним встрече, тем более что парень постоянно носит чопорную одежду, костюм или рубашку. Но он поддерживает свое тело в хорошей здоровой форме, как и я.

Ло, вероятно, задумался, так как спустя какое-то время он говорит:

— Думаю, что снова собираюсь отправиться в реабилитационный центр.

Десять. Я немного замедляюсь, мои мышцы все еще напряжены. Я хмурюсь, подтягиваясь еще раз.

— Тебе не нужно решать это прямо сейчас, — говорю я на одном дыхании.

Коннор сильнее, чем я сосредоточен на этом хреновом вызове, так что думаю, он обогнал меня уже на пару подтягиваний.

— Это помогало мне раньше, — отмечает Ло. — Я оставался трезвым в течение долгого времени, к тому же Лили сейчас в хорошей форме. Она будет в порядке и без меня.

Но сейчас все иначе. Тогда он не был знаменит. Никто не знал его имени. Общественность не кричала о зависимости Лили. Он был просто богатеньким ребенком из Филли.

— Ты думаешь, это правильный шаг? — спрашивает Ло.

Пятнадцать. Обычно я могу подтянуться двадцать два раза, но сейчас от нервов у меня на лбу выступает пот, а руки слабнут уже на шестнадцатом подтягивании. Я касаюсь ногами пола.

— Я не знаю, — говорю я, расстегивая липучку на перчатках. А затем стягиваю их с рук. Коннор делает последнее подтягивание, едва вспотев.

— Двадцать три, — восклицает он, победно улыбаясь. Он знает, что побил меня. Я ударяю его в грудь, надеясь сбить эту игривую спесь, но он неожиданно перемещается, и я ударяю собственную мышцу.

— Да пошел ты, — говорю я ему легкомысленно.

Он усмехается.

— Ты меня любишь.

— Ты говоришь это всем, — отвечаю я. — И я охренеть как сомневаюсь, что весь мир любит тебя, Кобальт.

— Весь мир и не должен любить меня, — говорит он, снова хватая свою бутылку воды. — Только те, что имеют для меня значение.

— Это мило. Надеюсь, ты написал об этом в своем дневнике сегодня утром?

— Нет, я прочитал это в твоём, — шутит он.

Я отталкиваю его, и Коннор переключает свое внимание на моего брата. Коннор никогда не забывает основную линию разговора.

— Когда ты думаешь поехать на реабилитацию?

Ло пожимает плечами.

— Может на этой недели, пока Рик поедет в Калифорнию. Это кажется подходящим временем.

Комок застревает в моем горле. Это не подходящее время. Я бы хотел быть рядом с ним, пока он проходит реабилитацию. Мне не по душе знать, что брат находится вдали от Лили, меня и Коннора, вдали от всех, кто его реально любит. Последний раз, когда он был на реабилитации, я был рядом. Я приезжал и встречался с ним. И если честно, я правда офигеть как сомневаюсь, что он может справиться с критикой со стороны СМИ, сфокусировавшись на своем восстановлении. Я беспокоюсь, что этот шаг может послужить для него последней каплей.

Коннор кивает.

— Лично я думаю, это хорошая идея.

Плечи Ло приподнимаются, и я знаю, что он относится к мнению Коннора с уважением. Но затем его взгляд встречается с моим.

— А ты что думаешь?

Он не может поехать в реабилитационный центр.

— Я хочу, чтобы ты поехал со мной, — говорю я.

В ответ он хмурится. Это не его хреново нормальное выражение, так что я не понимаю, насколько брат негативно относится к этой идее. Даже не знаю, почему я вообще считал, что у этого парня в начальной школе были друзья. Он, вероятно, пережевал бы их и выплюнул.

— Что? — говорит Ло в конце концов.

— В Калифорнию, — говорю я. — К черту реабилитацию, я прослежу, чтобы ты не пил. Это будет путешествие автомобилем на запад. Ты и я.

— Ветер в волосах, — добавляет Коннор, улыбаясь и попивая свою воду.

— Заткнись на хуй, — говорю я, шутя.

Лицо Ло напрягается, словно парень обдумывает предложение. Он бросает взгляд на Коннора, а затем на меня, после чего говорит:

— Если я поеду с тобой, то думаю, что Коннор тоже должен поехать.

Я сердито смотрю на него, потому что могу почувствовать, как Коннор злорадствует, стоя рядом со мной.

— Почему?

— *Почему?* — говорит Коннор, словно это самый тупой вопрос в истории человечества. Я чувствую, что он хочет сказать *"Потому что я — это я."*

Мне нужно остановить его, прежде чем он это скажет, и в ответ я на хрен его придушу.

— Серьезно, — говорю я Ло. — У него есть жена, которая тебя кастрирует, если ты

вернешь парня домой не в должной форме. Что, если он сломает ноготь?

— Тогда я сделаю маникюр, — острит Коннор. — Это решение любого вопроса. Ты просто должен *подумать*, чтобы найти его. Но думать — задача не из легких.

— Мы с тобой чертовы друзья? — спрашиваю Коннора, хмурясь. Ло просто наблюдает за нами, немного веселясь, но в действительности думаю, он размышляет над моим предложением.

— Я не уверен, что вообще существует понятие "чертовы" друзья, так что не могу тебе ответить.

— Вы только посмотрите, я знаю что-то, чего не знает Коннор Кобальт.

— Когда дело доходит до сленга, матерных слов и лучших пожарных гидрантов, на которые ты писал, то да, я тебе проигрываю.

— Иди на хуй.

— Ты продолжаешь говорить это, но все никак реально не пошлешь меня, — его губы изгибаются в улыбке.

Ло перебивает нас:

— Если вы двое будете так раздражать меня всю поездку, то я выбираю реабилитацию.

— Так ты едешь со мной? — спрашиваю я, внутренне замирая. Чувствую себя так, будто уклонился от пули, но ружье вот-вот перезарядят.

— Ага, но как я и говорил, если Коннор поедет с нами. Никаких обид, Рик, но я боюсь, мы поубиваем друг друга, если будем вместе так долго, — если мы поднимем наши семейные вопросы, то вполне можем поубивать друг друга.

Коннор — великий миротворец в нашем круге друзей. Ему нарочно нравится меня раздражать, но когда все начинают спорить, он единственный способен всех успокоить. Так что могу понять мотивацию Ло.

— Ладно, я согласен, — говорю я.

Мой телефон гудит в шортах. Думаю, это Дэйзи, в Париже сейчас час ночи. Я проверяю сообщение.

Я бы хотел с тобой увидеться перед тем, как ты к чертям собачьим убьешь себя в горах. — Джонатан

Я сержусь и удаляю сообщение.

— Кто это был? — спрашивает Ло. — Ты выглядишь раздраженным.

— Моя мать, — лгу я. Она, кстати, тоже писала мне прошлым вечером раз пять. Я никогда ей не отвечаю на ее идентичные сообщения: *Приезжай увидеться со мной. Извини меня. Рик, пожалуйста. Мне нужно тебя увидеть. Я тебя люблю.*

Я всегда буду любить свою маму, потому что она моя мать. Но я никогда не смогу ее простить за то, что она сделала мне, Лили, девочкам Кэллоуэй, моему брату и непреднамеренно даже Коннору.

Она прочитала мои личные сообщения Ло, где шла речь о секс-зависимости Лили. А затем мама продала эту информацию СМИ с заголовком: *Дочь основателя и генерального директора Физзли — закореневшая сексуально зависимая.* Предательство Лили было не из-за денег. Мама сделала это, чтобы ранить Ло, чтобы ранить Джонатана.

Но в то же время она чертовски ранила и меня.

Сейчас мы все шестеро известны по вине Сары Хейл.

Спасибо, мама.

РИК МЭДОУЗ

Чрезвычайная ситуация! SOS! — Лили

Я успеваю съесть всего кусочек своего чертового сэндвича в Lucky, прежде чем Лили присылает мне сообщение с просьбой о помощи. Оно кажется слишком комичным, как для серьезной просьбы. Я заворачиваю остатки сэндвича в бумагу, из-за чего кусочки помидоров и салата выпадают.

— Ребята, вы получали сообщение от Лили? — спрашиваю я у сидящих напротив Коннора и Ло.

Ло замирает, сжимая банку с шипучкой Физзли.

— Нет, что она хочет?

Довольно необычно, что Лили прислала мне сообщение и не прислала его Ло.

— Еще не знаю, — беру телефон и отвечаю на ее сообщение: *Что случилось?*

Коннор снимает блокировку со своего телефона и пролистывает сообщения. Возбуждение проявляется в чертах его лица, думаю, в большей мере, чем парень того хочет.

— Пришла новая партия наручников, дорогой? — спрашиваю я, прежде чем двумя руками поднимаю свой сэндвич.

— Надеешься, я прикую тебя к моей постели? — шутит он, его лицо вновь не выражает эмоций. — Я бы превосходно справился с реализацией твоих фантазий, но Роуз крайне разозлилась бы, увидев следы когтей на изголовье.

— У меня что есть когти? — говорю я, приподнимая брови.

Он смотрит на меня в ответ, тоже изгибая *одну свою бровь*. Вот же придурок.

— Ты счастливчик, обычно я не позволяю собакам спать в своей кровати, но ради тебя готов сделать исключение.

Я показываю ему средний палец, и нога Ло нервно дергается под столом. Он поднимает руки в жесте, говорящем мне *"ну что за хуйня?"*

— Что там с моей девушкой?

Как раз вовремя, мне звонит Лили. Я беру трубку и прежде чем успеваю задать вопрос, она отвечает.

— Роуз проколола шину и отказывается вызывать эвакуатор.

— Я могу и сама ее заменить, — слышится ледяной голос Роуз. Она фыркает, видимо пытаюсь поднять чертову запаску.

— Она на пятидюймовых каблуках, — отмечает Лили. — Я впечатлена. Вот правда, не было бы еще круче, если бы она знала, что творит.

— Я могу читать, — кричит Роуз. — У меня тут есть инструкция. Мне не нужен мужчина, чтобы заменить гребаную шину.

Я чешу подбородок. Коннор и Ло сердито смотрят на меня, слыша лишь мои реплики и не понимая, что происходит. Думаю, Кобальт может выхватить у меня долбаный телефон прямо из рук.

Отводя взгляд, он говорит:

— Роуз не отвечает на мои сообщения, — вот откуда берет истоки его волнение — Коннор способен ощутить, когда что-то идет не по плану, как никто другой.

— Хочешь, чтобы я подъехал к вам? — спрашиваю у Лили. В любом случае я собираюсь

это сделать, так как зачем еще бы ей звонить мне. Жестами показываю Ло, чтобы он попросил счет. Вероятно, мне придется доесть свой сэндвич по дороге. Ло останавливает официантку.

— Просто, чтоб ты знал, Роуз не может заменить шину, — говорит Лили.

— Разве у нее нет мужа для подобных ситуаций? — даже при том, что Коннор носит костюмы и ездит на лимузине, я очень даже уверен, что он достаточно умен, чтобы заменить гребаную шину.

— Она не хочет, чтобы он потом тыкал ей этим в лицо.

Я снова закатываю глаза.

— Я могу сделать это лучше Коннора, — настаивает Роуз на заднем плане. — Мне не нужна его помощь.

Лили вздыхает.

— Боюсь, она собирается убить на это час времени, а затем какой-то незнакомец остановится, чтобы помочь нам.

— Вот зачем я всучила тебе перечный спрей, — говорит ей Роуз. После чего она раздраженно рычит. — Почему это так чертовски сложно?

— Может, потому что это долбаная шина, — невозмутимо предполагаю я.

На что Лили отвечает:

— Тебе повезло, что Роуз этого не слышала, — значит я не на громкой связи. Должно быть Лил разворачивается к Роуз и добавляет. — И я не буду распылять перечный спрей в милого незнакомца, остановившегося нам помочь.

— Ты должна это сделать, если он попробует тебя изнасиловать, — отвечает Роуз.

Они такие, блин, драматичные.

— Никто не собирается насиловать ни одну из вас.

Услышав это, Ло и Коннор тянутся через стол, пытаясь забрать мой телефон. Я поднимаю его повыше над головой и отклоняюсь назад.

— *Братан*, — усмехается Ло, — я не шучу. Дай мне с ней поговорить.

— Это Ло? — спрашивает Лили. — Ты должен приехать сам, Рик. Ло поссорится с Роуз, и в результате у нас будет еще больше проблем. Она и так в плохом настроении, — в ее голосе появляются нотки тревоги, и я представляю, как Лили нервно кусает ногти.

— Я приеду помочь вам. Просто вышли мне адрес, — говорю я Лил перед тем, как положить трубку. Ло бросает в мою сторону убийственный взгляд, а Коннор выглядит раздраженным. Недавно Роуз возвела между ними серьезную чертову стену. У них и до этого были странные отношения, полные игр разума, которые лично для меня были невдомек.

— У девочек спустилась шина, — объясняю я. — Лили сказала, что Роуз не хочет тебя там видеть, — я киваю Коннору. — А так как с недавних пор ты действуешь на нервы Роуз... — я киваю Ло. — Она и тебя не хочет там видеть, — я встаю и открываю свой бумажник, бросая на стол столдолларовую купюру. — Я за рулем.

И мне по-любому придется взять с собой Коннора и Ло.

Это их жена и невеста.

А я просто чертова физическая сила.

* * *

Когда мы приезжаем, Роуз сидит на корточках возле правой задней шины, у которой

повреждены протекторы, а резина сплющена, словно колесо обо что-то порвалось. Она осторожно осматривает шину с безопасного расстояния, чтобы не испачкать руки. Не потому что она гребаная девчонка, а потому что у Роуз ОКР (*обсессивно-компульсивное расстройство* — прим. пер.). Она с ума сойдет, если у нее под ногтями окажется слой грязи.

А к своему черному платью девушка относится, словно оно живое создание, которое она пытается защитить. Даже не так. Если бы ей пришлось выбирать между заботой о выброшенной на обочину кошкой и спасением сумочки от дождя, она выбрала бы гребаную сумочку. Ее попка буквально сидит на лодыжках из-за столь высоких каблучков, но тем не менее платье зафиксировано так, чтобы, не дай Бог, не коснуться земли.

Я паркую машину у ее Escalade. Проселочная дорога довольно пустынна, а вблизи нет домов, пейзаж включает в себя лишь горизонт холмов, деревья и траву. Первым из машины выскакивает Ло, направляясь напрямиком к Лили, которая истерично грызет свои ногти, листая руководство; из ее заднего кармана джинс торчит баллончик перечного спрея.

В ту минуту, как Лил замечает Ло, все ее тело вытягивается, а у Лорена на лице появляется столь несвойственная ему улыбка, что возникает у брата лишь в присутствии Лили. Я никогда не сталкивался с понятием истиной любви в жизни, пока не познакомился с ними.

Ребята целуются, а я направляюсь к Роуз, собираясь ей помочь, как раз когда Коннор выбирается из машины и закрывает за собой дверь.

Ло не может промолчать в подобной ситуации.

— Это и все, что вы сделали? — спрашивает он у Роуз. — Я-то думал, что ты Чудо-Женщина.

Она фыркает, а ее щеки краснеют от злости.

— Не сейчас, Лорен.

— Сколько гениальности нужно, чтобы просто сменить шину? — дразнит ее Ло, улыбаясь. Лили ударяет его кулаком в плечо, и он игриво морщится. Потирая руку, он обращается к невесте. — Это больно, любимая.

— Будь милым.

Он целует ее в висок.

— Я просто счастлив, что с тобой все хорошо.

От этих слов она снова улыбается. Это умиляет. Все это. Но одновременно с тем оно меня чертовски раздражает, потому что я думаю о Дэйзи. В нормальной ситуации она бы тоже была здесь. Она бы стояла у меня за спиной, и через плечо заглядывала на машину, желая помочь.

Но вместо этого я понимаю, что мне придется поднять Escalade домкратом без чьей-либо помощи в вопросе подачи инструментов. На этот раз все ребята разбиваются на пары, а я остаюсь сам по себе.

Возможно, год назад я и чувствовал себя нормально будучи пятым колесом.

Но теперь все не так.

Сейчас это раздражает.

Я не отгоняю Роуз от машины и бессмысленного разглядывания колеса. Оставляю эту задачу Коннору.

Он подходит к ней, засунув руки в карманы.

— Если ты пытаешься доказать то, что лучше меня, то должна была бы уже понять, что я даже не стал бы пытаться самостоятельно сменить шину, — говорит он ей. — Я был бы

достаточно умен, чтобы вызвать эвакуатор.

Она бросает на него сердитый взгляд, при этом прищуривая глаза.

— Не переводи тему на восхваление самого себя, Ричард.

— Это ты перевела на меня стрелку, когда не захотела позвонить и попросить меня приехать, — он хватается ее за запястье и с силой поднимает на ноги.

Распрямляя складки на платье, Роуз буквально кипит от злости. Я наклоняюсь и начинаю возиться с шиной, но ребята достаточно близко, чтобы я мог слышать их разговор.

— Чего ты боишься? — спрашивает Коннор Роуз, хмурясь.

— Je n'ai pas peur, — отвечает она ему на беглом французском. Я с легкостью перевожу: *Я не боюсь.*

Обычно я веду себя так, будто не понимаю их. Они думаю, что я также невежественен в вопросе иностранных языков, как Лили и Ло, но я свободно говорю на французском еще с раннего детства. Мне просто не хочется никому объяснять, откуда я знаю этот язык. Так что проще игнорировать их.

— Alors, dites-moi ce qui ne va pas, — говорит Коннор. *Тогда скажи мне, что не так.*

Роуз выдергивает из его хватки свою руку и приподнимает подбородок.

— Я хотела сделать это самостоятельно.

— Это нечто большее, — отвечает Коннор. — Нам обоим известно, что дело не в шине. Ты отталкиваешь меня уже несколько недель.

— Если ты такой умный, то разве не должен был бы уже понять в чем дело? — она скрещивает руки на груди, будто бросая ему вызов.

Глаза Коннора прищуриваются.

— Ne jouez pas ce jeu avec moi, chérie. Vous perdrez. — *Не играй со мной в эту игру, дорогая. Ты проиграешь.*

Я оглядываюсь через плечо; Роуз выглядит немного нервной, прерывисто вдыхая и выдыхая воздух. Она напугана. Но как и Коннор, я не представляю, что именно ее пугает.

— Эй, — зову я Роуз. Она бросает на меня взгляд, а затем смотрит на шину, словно выражая недовольство тем, что я слишком медленно работаю. Я сдерживаюсь, чтобы не показать ей средний палец. — Кстати, куда вы с Лили направлялись?

— За покупками, — отвечает Роуз, слишком быстро.

Я с ходу знаю, что это ложь.

— Я, бля, рад, что спросил, — я качаю головой и хватаю запасную шину.

Коннор внимательно всматривается в выражение лица Роуз, тоже осознавая, что она лукавит.

Роуз говорит:

— Ты знал, на что шел, еще когда женился на мне.

— Жизнь полна вызовов, — его губы приподнимаются в улыбке. — Il n'y a rien de mieux. — *Нет ничего лучше этого.*

Роуз почти что расслабляется, услышав эти слова. Он поглаживает ее гладкие волосы, а затем целует в лоб. Прежде чем успеваю закрепить запаску, замечаю, что Лили и Ло подошли к моей Infinity.

Он прижал ее тело к машине. Но они не целуются, вместо этого Ло что-то шепчет ей на ухо, при этом улыбаясь, а на его щеках образуются ямочки. Лили краснее так, что похожа на огромный томат, так что очевидно, что Ло шепчет ей пошлости. Я никогда не видел, чтобы тема секса смущала еще кого-то так же сильно, как Лили; знаю, это скорее из-за того, что

девушка стыдится своей зависимости. Но сейчас она явно увлечена словами моего брата, глядя на него огромными жаждущими глазами.

Я качаю головой.

Ощущаю себя здесь единственным нормальным человеком.

Но все это полнейшая чепуха. Никто из нас на самом деле не нормален. Мы все немногостранные кусочки этого мира. И моя обычная половинка ненормальности находится сейчас в тысячах километров, в Париже.

Я просто надеюсь, что ей удастся хоть немного спать.

Когда я представлю ее мирно спящей, то могу перестать беспокоиться. Это единственное, что не дает мне впасть в безумие, что все еще удерживает меня здесь. Без этого образа я двинулся бы умом.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

4:30 утра.

Я прилетела в Париж три дня назад, и за все это время я спала всего 5 часов. Не уверена, может ли это вообще считаться сном. Я проснулась крича и борясь с невидимым врагом, как его обычно называет Рик. Я едва ли могу вспомнить, что именно меня так напугало в кошмаре, но точно знаю, что не хочу возвращаться к этому сновидению.

Прямо сейчас я накачана кофеин содержащими напитками и таблетками для похудения. Я привыкла курить сигареты, так как никотин довольно хорошо помогал мне бодрствовать дольше обычного. Но когда Рик учил меня водить мотоцикл, то убедил бросить эту пагубную привычку. С тех пор я не прикасалась к сигаретам. Я вообще не тяготею к никотину. Мне просто очень хочется спать, или по крайней мере получить укол адреналина.

Вчера на подиуме я подумала, что на своих пятидюймовых каблуках буквально грохнусь на гладкую поверхность пола. На мне был одет павлиний головной убор. И я была *очень* близка к тому, чтобы махнуть на все рукой и свалить куда подальше с показа, побежать по улице и окунуться в ледяное озеро. Даже не знаю, почему в тот момент это казалось таким привлекательным. Хотелось чего угодно, только не стоять тут, выжидая. Не сидеть на креслах, в ожидании. Так много ожидания. Я не могу решить, то ли мне скучно, то ли я устала.

Я держу чашку с горячим кофе, пока стилист вплетает каждую маленькую прядку моих волос в косу. Я выгляжу как медуза, или может как девушка на пляже Венеции. Думаю, мне бы понравилась эта укладка, если бы не нужно было так долго сидеть на одном месте. Я ерзаю на сидении так часто, что стилист угрожает мне забрать мой кофе.

Эта работа подошла бы миллиону людей лучше, чем мне.

Вокруг гудит народ, все постоянно шастают, но, как правило, все это движение и шум исходит не от моделей. Обычно всю суматоху создают ассистенты продакшн группы, с их гарнитурами, планшетами, плюс визажисты и дизайнеры. А модели, как и я в основном неподвижны. Мы обычно представляем собой не больше чем порядковый номер одежды, которая висит на передвижной стойке.

Темноволосая модель с россыпью веснушек на щеках садится на соседний от меня стул. Ей заплетают аналогичную с моей косу. Я познакомилась с ней месяц назад, когда она подписывала контракт с Revolution Modeling, Inc. Тем же агентством, с которым работаю я. Наши гостиничные номера напротив друг друга. Кристине всего 15, и она худая, как вешалка. Она напоминает мне те времена, когда я только начала свою карьеру. Тихая, сдержанная, наблюдательная — просто следует указаниям.

Она в четвертый раз зевает.

— Возьми, — говорю я, передавая ей свой кофе.

— Спасибо, — она улыбается. — Мои родители обычно не позволяют мне употреблять кофеин, но думаю, они бы поменяли свое мнение, если бы знали, сколько я работаю.

— Они не приехали с тобой? — я хмурюсь. Моя мама обычно контролировала мой распорядок в течение Недели Моды. Сперва я думала, что она делала это, дабы защитить меня, но позже я стала задаваться вопросом, а не хотела ли она просто быть частью этого мира, может она сожалела, что сама упустила свой шанс. Сейчас этот вариант кажется более

вероятным.

— Нет. Они не могли себе позволить прилететь.

Она из Канзаса и рассказывала, что буквально обанкротила своих родителей, когда полетела в Нью-Йорк в надежде встретиться с модельным агентом. Сейчас она — единственный кормилец своей семьи. Я не могу себе представить подобное, думаю, присутствие Кристины вызывает у меня некий стыд.

— Если кто-то предложит тебе кокаин, — говорю я ей, — просто откажись, ладно?

Ее глаза округляются, и девушка бросает взгляд на наших стилистов, которые и глазом не моргнули на эти слова. Большинство наших коллег выбирают кокаин в виде формы улучшения самочувствия. Когда мне было 15, я тоже пробовала его на Неделе Моды. Помню, тогда какой-то парень потряс передо мной пластиковым пакетиком и сказал: "Это поможет тебе бодрствовать."

После того как я приняла две дорожки, то официально повзрослела или просто почувствовала себя так на вершине кайфа.

Кристина отходит от шока, осознавая, что никого вокруг не волнует тот факт, что я признала распространение наркотиков среди нашего окружения, а затем кивает.

— Ага, ладно.

Я откидываюсь на спинку стула, как только визажист подходит, чтобы поработать со мной. Таким образом мной сразу могут заниматься два стилиста. Визажист берет меня за подбородок и поворачивает к себе лицом, она укоризненно смотрит на мешки у меня под глазами.

Мой желудок издает слышимое бульканье. На что стилист подает мне батончик мюсли.

— Просто съешь пару кусочков, — говорит она. — Позже сможешь их вырвать.

— Я не страдаю всей этой булимической херней, — говорю я, — и анорексической тоже, — я ощущаю, как визажист пододвинулась немного ближе, чтобы лучше слышать. Иногда я забываю, что они могут продавать все, что я скажу в глянцево-журналы сплетен. Их цитаты подпишут как "внутренний источник". — Спасибо за батончик, — говорю я. Я с удовольствием его съем. Так как на данный момент реально очень голодна.

Мое тело уже начинает медленно поедать само себя. Это главная причина, по которой я хочу бросить модельный бизнес. Мое здоровье ухудшается из-за проблем со сном, плюс постоянные диеты, и в результате я могу нанести непоправимый вред.

Я жую батончик мюсли, который на вкус скорее похож на древесную кору, чем на арахисовое масло и миндаль. Кристина заканчивает раньше меня, хотя бы потому, что ее волосы короче, и заплетать их быстрее. А я пробуду здесь еще пару часов, клянусь вам. По крайней мере визажист подключила к своей работе еще одну девушку. Я попыталась убрать прядь волос с моего лица, но стилист ударила меня по руке, отбрасывая ее в сторону.

Стул возле меня занимает кто-то следующий. Это парень модель, и у него в руках полная фруктов ваза. Он замечает батончик мюсли у меня в руке.

— Где ты это взяла? — спрашивает парень завистливо.

— Люди мира, — говорю я, кусая еще раз и передавая ему остаток батончика. — А что не так с фруктами?

Он откусывает кусочек мюсли и откидывается на своем стуле, словно прибывает в пищевой нирване. Это вызывает у меня улыбку, впервые за то время, что я в Париже.

— Углеводы, — говорит парень, отвечая на мой вопрос. — Кейтеринг привозит нам только фрукты и овощи, — он делает глоток воды из своей бутылки. — Они сказали, что мы

можем есть все, что захотим, но толи кто-то стащил до этого все кекеры и бутерброды, то ли меня обманули.

— Они не хотят, чтобы мы переедали, — говорю я. — Были годы, когда отбор был не таким жестким.

— В прошлом году, — отвечает он мне, кивая. — Прошлый год явно был лучше. У них были кексы.

Я стону.

— Не говори о кексах.

— С черникой и банановым маслом.

— Ты такой жестокий, жестокий человек... — я замолкаю, когда мне удается бросить на него взгляд и понять, что я никогда раньше не встречалась с этим парнем.

— Иан, — говорит он, еще раз кусая батончик. Парень мускулистый, а не такой тощий, как все остальные мужчины модели. Его лицо наделено классической красотой, как у греческой статуи. Думаю, я видела его в рекламе одеколona. Он протягивает мне остатки батончика.

— Можешь доесть, — говорю я.

— Я поменяюсь с тобой, — он поднимает один из фруктов. — Это не кекс, но... — Иан улыбается. И конечно же, его улыбка великолепна, у него идеальные белые зубы, блестящие и здоровые.

Мне нравится этот парень. Он говорит со мной на одном пищевом языке.

— Я возьму, — мы меняемся. — Я Дэйзи, кстати.

— Я знаю. Думаю, я сел тебе на лицо (*в сленговой речи подразумевается оральный секс* — прим. пер.) сегодня на автобусной остановке.

Я шутливо ахаю.

— Сел мне на лицо? Это невозможно. Я не позволяю незнакомцам подобных вольностей.

Он смеется. Стилист брызгает голубой краской ему на волосы. Дизайнеры реально безумны. Мне следовало бы это знать, так как моя сестра Роуз — одна из них. Хотя ее сюда никогда не приглашали. Она по-прежнему работает в Филли.

— Итак, — говорит он, — мой рост метр восемьдесят восемь, у меня голубые глаза и каштановые волосы, мне двадцать пять лет... — он наклоняет свою голову ближе ко мне в тот момент, когда стилист заканчивает распылять на его волосы краску, — я могу перечислить свои параметры, но что-то мне подсказывает, что тебя не интересует обхват моей груди.

Это напоминает мне о подобном разговоре с Риком. Он пытался уговорить меня съесть кекс.

— *Твои бедра никто не измеряет по утрам,* — сказала я ему.

— *Это можно организовать,* — ответил Рик. — *Ты съешь чертов кекс, если я измерю обхват своих бедер?*

— *И твоей задницы.*

— *Ты хочешь знать размер моей задницы?* — его брови приподнялись.

— *Ага.*

— *Тогда съешь кекс.*

Моя улыбка становится шире от вспоминания о том моменте по сравнению с той, когда я обратила внимание на привлекательность Иана.

Я качаю головой парню модели и отвечаю:

— Нет, только твоей задницы.

Он усмехается.

— Я предоставляю эту информацию только тем девушкам, которые мне реально нравятся.

— Черт, — говорю я. У меня в желудке образуется ком. Мы флиртуем. Я не хочу предаваться воспоминаниям о Рике, когда веду шутливую беседу с Ианом. Это вызывает у меня отвращение к самой себе. Хотя, может тошнота от фрукта или от нескольких кусочков батончика. *У нас с Ианом могли бы завязаться хорошие отношения.* Он мог бы стать моим номером семь. Это ведь то, чего так хотел Рик, верно? *Прекрати предугадывать будущее, Дэйзи. Отпусти Рика и свое прошлое.*

На лице Иана играет легкая улыбка, когда он смотрит на меня.

— Хочешь, встретимся позже? — спрашивает он.

Возможно, комментарий на счет его задницы значил больше, чем я того хотела. Рик никогда не флиртовал со мной во время наших разговоров. Иногда я забываю, что не все парни, как он. Большинство ребят идут к цели, не видя препятствий. Они хотят секса. Всего. Они не останавливаются на грязных разговорчиках. *Может это и к лучшему.* Хоть и не кажется сейчас таким.

Но я думаю о том времени, когда после показа поздно ночью вернусь в свой номер. В балконных дверях нет засовов, так что кто-угодно может ударить по стеклу снаружи и разбив его, открыть дверь изнутри. В первую ночь в Париже я не могла уснуть, потому что пялилась на эту дверь. Может, если Иан будет рядом, то это поможет мне успокоиться... а может, секс поможет мне уснуть без Амбиена (*снотворное — прим. пер.*). Я не пробовала раньше этот метод, но с другой стороны, у меня и не было желания рассматривать секс в роли заменителя лекарства.

Мне не хотелось повторить ошибки Лили.

Но на данном этапе это кажется хорошим выходом из сложившейся ситуации. Так что я даю Иану свой номер. Я не собиралась давать никому свой гостиничный номер телефона, но думаю, не будет никакого вреда от того, что я дала его Иану.

Меня преследует ощущение, что у меня практически нет выбора. Что вокруг происходит куча негатива, а позитива так мало, что выбор глобально невелик.

— А ты не подскажешь, где я могу найти этих людей мира с их батончиками мюсли? — спрашивает Иан, размахивая пустой оберткой от батончика.

Я улыбаюсь. А он не так уж плох.

Думаю, я только что сделала свой выбор.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

К тому времени как я возвращаюсь в свой номер, на часах уже 2 ночи, и у меня остается время лишь на то, чтобы умыться да расчесаться, прежде чем Иан постучит в двери.

Я выглядываю через глазок, проверяя, он ли это. Даже через полотно двери я могу учуять аромат его одеколona, но тем не менее парень выглядит довольно обыденно, одетый в простые джинсы и голубую футболку. Я все еще смотрю через глазок, по многим причинам сомневаясь, стоит ли его впускать. Он вновь стучит. От этого резкого шума я вздрагиваю. *Ты можешь это сделать.*

Я поворачиваю ручку, и когда Иан разглядывает мои джинсовые шорты и мешковатый свитер, то улыбается.

— Мило, — говорит он, указывая на надпись у меня на груди: *Булимия — это же 1987.*

Он даже, наверное, знает, что это из фильма *Смертельное влечение*. Может Иан и правда мне подходит.

— Добро пожаловать в мою обитель, — я жестом приглашаю его войти. Я все еще не распаковала чемоданы, так что у меня не было возможности разбросать все по номеру. Мой чемодан на колесах стоит возле телевизионной тумбы, при этом он по-прежнему застегнут на молнию. Гостиничный номер оформлен в золотых тонах, а покрывала на кровати красные, здесь более чисто и опрятно, чем у меня дома в Филли, а цвета кажутся очень сочетаемыми.

— И номер у тебя тоже милый, — говорит он.

— Ага, здесь довольно круто.

Он проходит глубже в комнату, направляясь к балконной двери, на закрытие и зашторивание которой я потратила нереально много времени. Иан отдергивает шторы в сторону, и мой пульс учащается. Я слышу, как *щелкает* единственный замок на двери, а затем он открывает стеклянную дверь, выходит на улицу, чтобы насладиться видом на город.

— Святое дерьмо, — говорит он, его голос довольно громкий, так что я могу слышать его, находясь в номере. — Моя комната выходит на многоуровневую парковку. Это...

Я оставляю его на балконе в одиночестве, закрываю двери на все замки, тем самым надеясь обезопасить нас обоих. Я даже еще раз выглядываю в глазок. В коридоре гостиницы пусто. *Хорошо.*

А затем я иду к кровати, ожидая пока Иан вернется с балкона. Я не хочу привлекать внимания папарацци, на случай если они здесь. Не хочу, чтобы они сфотографировали меня на балконе или смогли вычислить, в каком номере я остановилась.

— Ага, вид реально хороший, — говорю я.

Иан возвращается в комнату, но оставляет раздвижную дверь полностью открытой.

— Ты не мог бы ее закрыть? — спрашиваю я, пытаюсь не показаться парню параноиком. Я слабо улыбаюсь ему. — Сегодня вечером немного прохладно.

— Конечно, — он закрывает двери, а затем задергивает занавеску. Но он не закрыл замок. Мне просто придется это сделать, когда Иан уйдет. *А что если он не уйдет? Что если у меня с ним будет секс?* Тогда я закрою дверь, когда он уснет. Не волнуйся.

Я сажусь на краешек кровати и скрещиваю ноги, гадая, о чем же думает Иан, чего он хочет прямо сейчас. Он смотрит на меня более голодным взглядом, чем несколько минут

назад. Его глаза опускаются к моим ногам, останавливаясь на месте между бедрами.

Парень засовывает руку в карман. *Проверяет наличие презерватива*, — думаю я. Но вместо этого он вытягивает пакетик с белым порошком.

— Я подумал, что ты выглядела уставшей сегодня утром. Хочешь поправиться? — он направляется к моему комоду и начинает разделять порошок на две линии.

— Нет, — говорю я. — Я проглотила энергетик Взрывка молнии! и еще Взрывное топливо. Не думаю, что кокс с ними хорошо сочетается.

Я выпрямляю ноги и затем встаю, нервно шагая, пока не подхожу к парню сбоку.

— Ага, я заметил, что ты была под чем-то, — говорит он, — ты ерзала на стуле все утро.

— Взрывное топливо делает меня немного беспокойной, когда я употребляю вместе с ним кофеин. Совсем другое дело, если вместо кофеина пить таблетки для диеты, — они похожи на инъекцию эндорфинов, помогают улучшить самочувствие лучше любого энергетика, если не говорить об употреблении кокаина или других запрещенных препаратов.

— Ладно, я помогу тебе успокоиться, — говорит Иан, он тянется ко мне одной рукой и потирает мои плечи. Это именно то, чего мне хотелось. За вычетом кокса, возможно, мой выбор мужчин стал лучше.

Свободной рукой Иан берет свою свернутую трубочкой стодолларовую купюру и через нее вдыхает обе дорожки. После чего парень вытирает нос и поворачивается ко мне, его взгляд опускается к моим губам. Он ведет меня к кровати так, что задняя часть моих голени ударяется о матрас, а сердце начинает учащенно стучать.

— Ты и правда красивая, Дейзи, — говорит он. А затем прижимает свои губы прямо к моим, и не проходит и пары секунд, как его язык атакует мой рот. *Все не так уж плохо*. Я стараюсь не поперхнуться, сдерживая воздух в легких, но его рот обрабатывает чуть ли не половину моего лица, а слюни парня стекают на мой подбородок.

Я ненавижу поцелуи.

Очень, очень сильно.

Я решаю отвлечь Иана, стягивая его рубашку, и тем самым разрывая этот странный влажный контакт. На его устах появляется кривая усмешка, а зрачки кажутся немного суженными. Я ожидаю, что вот сейчас Иан уложит меня на кровать, опустив мою голову на подушку, и прижмет к моему телу всем своим весом. Данный образ вызывает у меня румянец.

Но вместо этого он сам забирается на кровать и тянет меня сверху на него так, что я оказываюсь в идеальной позиции наездницы.

И вот тогда он кладет свои руки за голову, принимая позу полнейшей релаксации. Может, так или иначе, нам стоит просто пропустить всю эту неловкую прелюдию. Я делала так с номером три и четыре, таким образом избежав целого часа неловкости. Но тогда зачем все это, если оно закончится так скоро, а затем он просто уйдет? Я хотела, чтобы он провел со мной ночь, верно?

Так что я начинаю целовать широкие плечи парня, лизать его твердые кубики пресса и мышцы мускулистой груди. Он наблюдает за мной, слишком часто издавая стоны.

— Ниже, малышка, — настаивает он. Одна его рука выскользывает из-под его головы, но лишь для того, чтобы провести пальцами по его же волосам. Рот Иана открывается, пока парень наслаждается моими действиями. — *Ахх, да*.

Я расстегиваю пуговицу и молнию на его джинсах. Его эрекция просматривается даже через красные плавки. Я прекращаю его касаться, так как собираюсь стащить свой свитер;

мои груди довольно небольшие, поэтому я не ношу под свитером лифчик. Приподнимаясь на кровати, возвышаясь над парнем, я расстегиваю молнию на собственных шортах. Иан просто наблюдает за мной, его выражение лица захмелевшее, и я знаю, что он уже ощущает действие наркотика.

Через мгновение он садится и проводит руками по моим бедрам, его ладони огрубелые по сравнению с моей гладкой кожей. Как только я освобождаюсь от шорт, он усаживает меня обратно себе на колени. Все это кажется более механическим, нежели чувственным.

— Я хочу тебя вот здесь, — говорит он мне. Парень хватает мои руки и опускает их на свою промежность, помогая мне нащупать его член. Не то чтобы мне нужна была в этом какая-либо подмога. Моя голова гудит от беспорядочной энергии, тот вид ощущений от которых по коже распространяется зуд, а сердце начинает стучать чрезмерно быстро. Из-за этих ощущений мне сложно осознать, как я себя чувствую в данной ситуации, сидя верхом на парне, с его членом в руках.

Он снова нападает своим языком на мой рот, одновременно с тем двигая моей рукой вверх вниз по его стояку. К счастью, вскоре парень прерывает этот поцелуй, чтобы испустить стон. Иан смотрит вниз между нашими телами, на то, как его большая рука сжимает мою маленькую поперх его теплой кожи члена.

Я опускаю голову, прислоняясь лбом к его груди. Думаю, мне просто хочется чего-то большего. Я даже не знаю, что именно означает это *большее*. Я просто продолжаю искать его с разными парнями. Но существует ли оно в реальности? Может быть; может, оно скрывается от меня. Сейчас же я не чувствую никакого влечения, никакой нервной дрожи, возбуждения или еще чего-то. Единственное возбуждение в моей жизни вызывают кофеиносодержащие смеси.

Иан приподымает мою голову так, чтобы ему была видна моя грудь, пока я работаю над его членом руками. Не думаю, что я делаю это внимательно или хорошо, но кажись, для него это неважно. Возможно, одна идея о том, что молодая (известная) блондинка сидит верхом на нем, является достаточной симуляцией для этого парня.

Сейчас он целует мою шею. Но прежде, чем даже как следует поцеловать ее, его губы перемещаются к моей груди. Язык парня щелкает по моему соску, а затем он его прикусывает. *Сильно*. Я морщусь, и с моих уст срывается вскрик, довольно громкий звук. Ой. Ой. Ой.

Наверное, Иан воспринимает этот возглас как признак одобрения и удовольствия, потому что прикусывает мой сосок *еще сильнее*.

Я отталкиваю его, пихая рукой в живот. Но он хватается за запястье и возвращает мою руку к своему члену. Парень прижимает мое лицо к своему плечу, будто утешая, но на самом деле, он делает так лишь для того, чтобы ему было удобнее дотянуться до моей попки.

— Тебя трахали до этого в задницу? — спрашивает он, издавая хрюкающий звук. Темп, который он задает моим рукам на его члене, замедляется.

— Однажды, — отвечаю я. Моя грудь пульсирует. Мне следует прекратить все это. *Но, может, все станет лучше, если еще немного подождать*. Возможно, мне не нравится секс, потому что я не пробовала его в достаточно жестком исполнении, или может я прикладываю недостаточно усилий. Я уговариваю себя пережить все это.

Тем временем Иан сжимает мою попку, а затем его палец проскальзывает к мой анус, туда, куда ранее *никогда* не проникал ни один палец. Я замираю, а мои глаза расширяются от ужаса. Ладно, мне совсем не по нраву все происходящее. Разве это нормально? Почему-то

я вдруг осознаю свой возраст и то, что я в постели с двадцатипятилетним мужчиной.

Парнем, который одного возраста с Риком.

Все это кажется странным. На физическом, эмоциональном и умственном уровнях; я ерзаю и пытаюсь изогнуться так, чтобы он больше не мог меня *там* трогать. Я даже не волнуюсь о том, чтобы он кончил. Просто опускаюсь вниз, присаживаясь у его ног.

— Я очень устала, — лгу я. — Может, мы можем перенести это на другую ночь.

Он оценивающе смотрит на меня.

— Это твой первый раз? Я не собирался напугать тебя. Обещаю, что буду более осторожен.

— Я не девственница, — говорю я. — Я говорила тебя, что...

— Тебе не обязательно лгать. Меня не волнует, что у тебя не было никого до этого. Это даже в каком-то роде сексуально, — он усмехается. — Я буду аккуратен, обещаю, — он сжимает мою руку и снова притягивает мое тело к себе на колени.

Его член все еще твердый, я ощущаю это, так как он прижимается к моим трусикам так, словно парень собирается отодвинуть их в сторону и насадить меня на свой стояк. Я не хочу быть сверху. Я не хочу больше с ним спать.

— Я сухая, — говорю я ему. — Ты причинишь мне боль, — так было в мой первый раз. Он был слишком коротким и очень, очень болезненным.

— Ты станешь влажной, как только я окажусь внутри тебя — он убирает волосы с моего лица.

Когда-то давно Рик сказал мне: "Какой мудака вообще войдет в девушку в ее первый раз не убедившись, что она возбуждена?" *Вот этот мудака.*

Совет Рика был таков: "Ты должна держаться подальше от любого парня, который не доставит тебе оргазм по крайней мере дважды, прежде чем трахнуть. Помни это."

Прошло два с половиной года, и я помню этот совет, но все еще не следую ему. Не все ребята хотят тратить время на то, чтобы довести меня до оргазма, прежде чем приступить к главному шоу.

Может именно это Рик и имел тогда в виду. Может, мне не следует быть с парнем, который сперва сосредотачивается на себя и лишь потом на женщине.

— Я не могу, — говорю я Иану. Я быстро слезаю с его колен, прежде чем он успевает схватить меня, а затем натягиваю свой свитер через голову. Когда оглядываюсь, Иан все еще лежит на матрасе, словно я в любую секунду могу передумать, вернуться и трахнуться с ним. — Думаю, тебе стоит уйти.

Он облизывает губы, а потом засовывает свой член в плавки. После чего парень натягивает джинсы на бедра и слезает с кровати.

— Я понял, — говорит он. — Ты еще не готова. Может завтра ночью?

— Не думаю, что буду готова завтра. Прости, — отвечаю я, встречаясь взглядом с его голубыми глазами.

Он приближается ко мне на несколько шагов, и я пытаюсь казаться более уверенной, так обычно делает Роуз. Я распрямляю плечи и вытягиваюсь во весь рост. На лицо натягиваю выражение, которое обычно использую, когда должна выглядеть сердитой во время фотосъемки. Прищуренные глаза. Напряженные губы. Мрачный взгляд.

Но он отнюдь не испуган моим сердитым видом.

— Ты не хочешь даже закончить начатое? — спрашивает Иан.

— У меня есть парень, — выпаливаю я вдруг, надеясь что это оттолкнет его. Может,

если у него есть чувство морали...

Но Иан испускает короткий смешок.

— Если бы у тебя был парень, он был бы во всех новостях, особенно если бы папарацци поймали вас за изменой друг другу.

— У нас сейчас момент передышки друг от друга, — говорю я. *Что ты делаешь, Дэйзи?* — Я просто не чувствую себя комфортно, трахаясь с кем-то так быстро.

— Я могу понять намек, — говорит он, хватая маленький пакетик с комода. — Если передумаешь, у тебя есть мой номер. Может, увидимся еще, — на этом я провожаю его к двери. Он оглядывается и нежно целует меня в щеку.

Я слабо улыбаюсь ему в ответ.

А затем Иан уходит, не сказав больше и слова.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Замок. Замок. Замок. Замок. Я мчусь через комнату, проверяю за душевой занавеской в ванной, а затем подпираю дверь ванной стулом, блокируя дверную ручку. Когда заканчиваю запирающую раздвижную балконную дверь, то направляюсь к зеркалу и осматриваю свою грудь, которая все еще пульсирует от боли.

Я приподымаю свитер. И вижу, что из соска *сочится кровь*. Он укусил меня так сильно, что мой сосок не просто красный и опухший, с ранок возле него идет кровь. Почему, ну *почему*, со мной случаются подобные вещи? Кроме того Иан так сильно сосал мою грудь, что останется синяк.

Мне придется маскировать его макияжем. Надеюсь, завтра никто не заметит этого. Надеюсь, костюмер окажется скромным, а не слишком любопытным и назойливым, надеюсь, дизайнер не расстроится этим.

Отличная работа, Дэйзи.

В моем номере царит полнейшая тишина. Никто не произносит ни слова. Не издает ни звука. Я сама. Я переодеваюсь в свободную ночную рубашку и трусики-шортики, а затем забираюсь на постель. Мне не хочется принимать Амбин и пережить еще один кошмар. Так что я просто лежу без сна, вздрагивая от завываний ветра за окном, скрипов потолка и звуков голосов из коридора. Каждая клетка моего тела начинает кричать, всякий раз как веки закрываются от усталости.

Ладно. Попробуем новый план. Я достаю свой ноутбук из рюкзака и усаживаюсь, прислоняясь спиной к изголовью. Нет, я не стану открывать социальные сети. Хотя, возможно... возможно, мне может помочь порно. Возможно, я мастурбировала не достаточно усердно, чтобы достичь оргазма. Конечно же, я могу сделать все правильно.

И эта задача отвлечет меня от панического страха. А это самое главное.

Я открываю свой компьютер... но даже не представляю с чего бы начать. Проверяю время, сейчас 3 ночи в Париже и 9 утра в Принстоне, Нью-Джерси. Она уже встала. Я нахожу свой телефон и нажимаю кнопку быстрого набора, включая громкоговоритель, так что я могу параллельно копаться в интернете.

— Эй, — говорит Лили, зевая. — Как там Париж... — ее голос смолкает, и я слышу, как она кому-то шепчет. — Это Дэйзи, — должно быть Ло рядом с ней.

— Париж красив. Послушай, у меня есть вопрос.

— Ко мне? — спрашивает она, немного удивляясь, но в то же время в ее голосе слышно волнение. Роуз — это наш "знаток, по всем вопросам", так что обычно я обращаюсь со всеми вопросами к ней, но с Лили мне проще общаться. Когда, конечно, у нее есть время со мной поговорить.

— Ага, — говорю я легкомысленно. — Итак, какой хороший порно сайт ты знаешь, чтобы он при этом не угробил мой компьютер?

Следует длительная пауза. Она сомневается.

— Я даже не знаю...

— Пожалуйста, — я слышу отчаяние в своем голосе. Смотрю на часы, затем на входную дверь, и мое сердце делает кувырок. — Я не скажу никому, что ты мне сказала.

Думаю она просто не хочет, чтобы я последовала по ее стопам, особенно с тех пор, как

СМИ утверждают, что я мини-версия Лили, основывая это лишь на анализе моих недлительных отношений с парнями. Я молода и более развратна, чем обычные восемнадцатилетние девушки, но я не злоупотребляю сексом, как это делала Лили. Да, я спала со многими парнями, потому что пытаюсь понять, как сделать все правильно, пытаюсь найти того правильного парня, с которым все получилось бы.

Однако сейчас это уже даже не кажется значимым в моей жизни. Ну, вернее это не было значимым, пока Рик не сказал, что нам обоим нужно начать встречаться с другими. Если честно, я просто хочу хорошо спать по ночам.

— Я вышлю тебе название смской, — шепчет она немного драматично. Могу представить, как Лили бросает взгляд на Ло и краснеет. Я тут же начинаю улыбаться.

— Спасибо. Поговорим попозже?

— Ага. Я попытаюсь позвонить тебе, но эта разница во времени...

— Я знаю, это отстойно.

— Люблю тебя, пока, — говорит она мне быстро, прежде чем положить трубку, вероятно, обезумев от присутствия Ло. Буквально через секунду я получаю сообщение.

Kinkyme.net — Лили

Я логинюсь на порно сайте и кликаю на самое популярное видео. Проходит всего пара секунд, пока оно загружается. Сначала экран темный, лишь слышно чье-то тяжелое дыхание, мужское и женское. Я нажимаю кнопку "проигрыш", надеюсь, что вскоре появится изображение, потому что сами эти вздохи мне явно не помогут.

Наконец появляется картинка.

О мой бог. Девушка с шелковистыми каштановыми волосами лежит на кровати, ее запястья привязаны к изголовью, а голова откинута в экстазе, пока парень доминирует сверху над ней.

Но меня приводит в шок не их позиция или тот факт, что это *порно*.

Я знаю эту девушку. И этого парня.

Это Роуз и Коннор.

О мой бог. Выключи. Выключи!! Я пытаюсь нажать клавишу выхода и оставить этот образ в прошлом, но он не исчезает. На экране начинает мигать надпись **ПОДПИШИСЬ НА ВИДЕО!** Я не хочу подписываться на видео с сексом моей сестры и ее мужа!

Они никогда даже не собирались разбомбить этим видео весь интернет, так что я *очень* уверена, что ребята не обрадовались, узнай, что я прямо сейчас смотрю. Последний год круто ударил по ним, учитывая то, что продюсер постоянно продавал их тайно снятое видео в спальне порносайтам. Конечно, прошло несколько юридических разбирательств, но все к чему они привели — видео осталось в интернете.

А сейчас я случайно наткнулась на один из этих эпизодов.

Я пытаюсь не смотреть на экран. Закрываю глаза, закрываю компьютер, открываю его снова, но видео все еще проигрывается, все еще слышится тяжелое дыхание. Я могу услышать и увидеть буквально все. Я заполняю графы для подписки, так как кажется, сейчас это единственный выход, чтобы выйти из этого окна.

Набираю вымышленное имя и почтовый адрес, параллельно я улавливаю как Коннор проскальзывает пальцами под бриллиантовый ошейник Роуз. Он поднимает ее голову так, что их губы встречаются, и она издает резкий вскрик, тогда как он продолжает вколачиваться между ее бедер с неистовой грубой силой. А затем она кончает. Он выходит из нее, чтобы сменить позицию.

О МОЙ БОГ! Я только что видела огромный член Коннора.

Я теперь навечно морально изуродована.

Пожалуйста, кто-нибудь, *выжгите* мне глаза. Я заполняю еще пару страничек с информационными полями, щелкаю и щелкаю.

И наконец-то видео исчезает.

Спасибо тебе, господи. Оно исчезло. Я облегченно выдыхаю. Разве мой мир мог стать более странным? Не-а, я просто увидела секс своей сестры с ее мужем. И она была привязана к изголовью. Я *никогда* теперь не смогу смотреть на Коннора Кобальта так, как смотрела до этого. Думаю... Думаю, мне нужна реабилитация после такого.

Пока я пытаюсь собрать весь свой здравый смысл, мой ноутбук издает звенящий звук, это звонок со Скайпа. Кто-то *мне* звонит?

Имя звонящего: РИК_МЭДОУЗ

Не очень-то креативно, но это в стиле Рика. Мой никнейм — дитяцветок20, довольно красочно по сравнению с его. Я задаюсь вопросом, нас тянет друг к другу из-за этого несоответствия, из-за различий. Или может, он — инь моего янь. Несовершенное сочетание, но для нас оно идеально подходит.

Чем дольше я смотрю на входящий звонок с его именем, тем больше мой желудок стягивает узлом. Сегодня ночью у меня почти случился секс с другим парнем. Я делала ему довольно ужасную мастурбацию. Стоит ли мне вообще после этого говорить с Риком? *Но с другой стороны, вы ведь не пара. Он сказал тебе встречаться с другим парнем.* Моя совесть предоставляет мне отличный аргумент.

Так что я кликаю, и прежде чем на экране появляется изображение с камеры его ноутбука, моя вина сменяется на нервное возбуждение. Он звонит *мне*. Это значит, что он думает обо мне, верно? Я пытаюсь скрыть улыбку, от чего болят щеки. *Перестань улыбаться. Будь прохладной с ним.*

Я делаю глубокий вдох.

Наконец-то открывается окно звонка, и мои губы искривляются.

До меня доносится скрипучий женский голос, который раздражающе льется через динамики:

— Да, да, прямо там! Боже, да. Святые..!

Даже в полутемной комнате я могу различить их конечности. Загорелые ноги девушки раскинуты в стороны на краю кровати, ее спина изогнута. Она стискивает волосы Рика, а его голова расположена между ее бедрами, тогда как колени опущены на пол; все его тело скрыто от моего взгляда кроватью.

Он не собирался мне звонить. Это произошло по ошибке. Должно быть, она случайно ударила ноутбук своими размахивающими руками, слишком наслаждаясь, чтобы заметить, что кому-то звонит по Скайпу.

Ну что ж, за последние пять минут я стала свидетелем наличия сексуальной жизни у троих самых близких мне людей. Хотя Рик просто удовлетворяет ее... стоп, в Филли сейчас лишь утро! Значит, это второй раунд, после того как они трахались всю ночь.

Разочарование, беспокойство и боль пытаются испортить мне настроение в край.

Но прежде чем закрыть компьютер, я отвлекаюсь на конституцию девушки. Она выглядит намного старше меня — полные груди, около третьего размера, широкие бедра (фигура в виде песочных часов) и волнистые каштановые волосы. Мне бы хотелось, чтобы вместе они выглядели странно, но она выглядит более гармонично рядом с ним, нежели я.

Даже несмотря на то, что скорее всего ей около 28–29 лет, он доставляет ей удовольствие так легко и просто.

Она практически тает на кровати.

Ревность атакует меня, и мое лицо замирает в отвращении.

Мои суставы просто не работают, я не могу закрыть компьютер. Я мучаю себя, наблюдая за ними, но где-то на подсознании мне хочется это видеть, возможно, это подкрепляет тот факт, что мне самой нужно двигаться дальше. *Ты должна была просто трахнуть с Ианом.*

Подлая совесть.

Девушка издает крик удовольствия, когда достигает оргазма, сжимая простыни в кулаки. Должно быть она снова ударяет по компьютеру, потому что появляется текстовое сообщение **ЗВУК ОТКЛЮЧЕН**. Теперь я не могу их слышать. Она ударяет снова. **ЗВУК ВКЛЮЧЕН**. Все снова работает.

Она тяжело дышит, спускаясь с вершины кайфа, которого лично я никогда не испытывала.

— О мой бог, — говорит девушка Рику, трясая головой. — Это было...

Он поднимает голову, и я вижу его лицо впервые, пока он целует ее колено. Мои внутренности делают кульбит. Взгляд, который он бросает на нее, будто говорит *Я хочу тебя и ты прекрасна*.

Если это не признак того, что он двигается дальше, то даже не знаю, что это.

РИК МЭДОУЗ

Эмилия переводит дух. Я стою у подножья кровати, а она смотрит на пуговицы моих джинс. Она абсолютно голая на моих простынях, в моих апартаментах, слой пота покрывает ее кожу. Обычно, я нафиг трахнул бы ее прямо здесь, не особо колеблясь.

Но то, что случилось прошлой ночью тревожит мою хреново голову, и мое тело остается неподвижным.

Я познакомился с Эмилией несколько месяцев назад в спортзале, а прошлой ночью позвонил ей и пригласил пойти на игру Филадельфийских орлов. Это было моей первой чертовой ошибкой. Обычно я хожу смотреть футбольные матчи с братом или Дэйзи. Вчера, сидя на трибуне, я повернулся к Эмилие, отмечая ее прекрасные каштановые волосы, огромные сиськи и все остальное, чего я не касался месяцами.

Я думал, что захочу этого. Думал, мое тело откликнется на зов плоти со всецелой гребаной радостью.

Но нет.

Нисколечко.

Пара парней с камерами сделали наши совместные снимки во время игры. Так что Дэйзи, черт возьми, увидит, как Эмилия вешалась на мою руку, фото уже появились онлайн. И мне должно было бы быть все равно, что Дэйзи при этом почувствует — мы все-таки не пара — но это к чертям взрывает мой мозг.

Христа ради, я сам сказал Дэйзи трахнуться с другим парнем. И тем не менее, *я все еще* надеюсь, что она так и не найдет никого, даже если этот кто-то может быть для нее достаточно хорош.

У меня в голове возникает ужасный образ. Какой-то парень-модель трахает Дэйзи. Ее руки на его спине, ногти вонзаются в плоть, пока он раскачивается напротив нее. Это неправильно. Это выглядит неправильно, даже если ей удастся кончить. Потому что тогда она кончит с ним, а не со мной. Я хочу оторвать его от ее тела. Хочу чертовски избить его лицо за то, что забрал ее у меня.

На самом же деле, это меня следует, вашу мать, избить, верно? *Почему ты вообще* сказал ей трахнуться с другим мужчиной? Я не могу, бля, быть без нее. Не могу. Вот почему я здесь с Эмилией. Вот почему я снова должен ходить на свидания, даже если это убивает меня изнутри.

Но данная гребаная картинка — ее близость с кем-то другим — это *так* чертовски больно. Я тону, мое горло жжет как от соленой воды, а ярость льется ручьем по венам.

— Рик, — воркует Эмилия. — Ты в порядке? — она садится, ее ноги свисают, болтаясь, с кровати, а ее рука прикасается к моей. *Я не потерял весь свой долбанный мозг. Мне просто нужно на улицу, пробежать миль восемь и потом идти взбираться на горы. Но если бы я сказал это вам, вы бы захотели пойти со мной или сказали бы, что я сумасшедший?*

Прошлой ночью я не трахался с Эмилией. Она заснула прямо здесь, слишком уставшая, чтобы ехать домой, а я завалился на своем диване в гостиной. Мы проснулись около получаса назад, она явилась ко мне голышом, а затем затянула в спальню.

Мой член даже не стал твердым.

Да и сейчас он не реагирует. Раньше со мной такого не бывало. Я настолько погряз в

собственных чертовых мыслях, что не могу насладиться происходящим в реальности.

Эмилия выглядит смущенной, и на ее лице начинает читаться неуверенность.

Мой взгляд ожесточается, и я наклоняюсь вперед, глядя ее волосы.

— Эй, — говорю я ей. — Дело не в тебе, блин, правда, — я даже целую ее в щеку так, чтобы она поняла, что не сделала ничего неправильного. *Все дело во мне. Это чертово клише сейчас на самом деле несет в себе истину.*

— Мы можем сделать это медленно, — говорит она. — Я правда не возражаю, Рик.

— Ага, — я качаю головой. — Я не в настроении, чтобы двигаться медленно, — *просто трахни ее.*

Она кусает свою губу, а затем засовывает один из моих пальцев себе в рот и посасывает его. Я бесстыдно воображаю на месте ее губ губы бледно-розового цвета, вместо ее волос светлые волосы, воображаю ту яркую улыбку и тот энергичный и полный гребаной жизни смех Дэйзи.

И в результате мой член напрягается. *Трахните меня.*

Я чувствую себя полным дерьмом, а Эмилия усмехается от уха до уха, и мой палец зажат между ее зубами. Она отпускает его. Я все еще сомневаюсь, что крайне несвойственно для меня.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спрашивает она.

Просто трахни ее.

— Ляг на спину, — говорю я резко.

Она пододвигается к изголовью. А мой ноутбук скользит ко мне, когда девушка случайно дергает за простыню. Она говорила, что сегодня утром проверяла свою почту, но ей следовало нафиг закрыть компьютер, прежде чем мы начали баловаться.

Я поднимаю свой ноутбук, чтобы переставить его на комод. Бросаю взгляд на экран...

Что за... Дэйзи. Я вижу Дэйзи в окне звонка Скайпа, но она закрывает его в тот момент, когда наши взгляды встречаются.

Что за нахуй.

Неужели Дэйзи...

Сколько она, бля, видела? Я чуть не бросаю гребаный ноутбук об стену, злясь на ситуацию, в которой оказался, злясь на самого себя. Что, черт возьми, происходит? Почему это *хреново* дерьмо должно было произойти? Именно в тот день, когда я пытаюсь занять свой мозг чем-то другим нежели благополучием Дэйзи, это имеет обратный эффект. Я просто не понимаю, что я теперь должен делать.

Не понимаю, почему все дерьмо происходит с людьми, имеющими благие намерения. Мне кажется, что я отбываю вечный тюремный срок из-за плохой кармы, заработанной моим отношением к брату в детстве.

— Что не так? — спрашивает Эмилия.

— Мне нужно кое-кому позвонить. Давай в другой раз, ладно?

— В чем дело? — спрашивает она.

— Это очень сложно объяснить, — я указываю в сторону гостиной. — Мне нужно позвонить другу. Ты можешь принять душ, а затем я отвезу тебя домой.

Она колеблется, прежде чем сказать:

— Ладно.

Эмилия наклоняется вперед, ожидая поцелуй, но в результате я просто целую ее в лоб. Я не жду ее реакции, чтобы узнать обиделась ли девушка, или я ранил ее гребаные чувства, я

просто закрываю за собой двери и сажусь на диван, опуская компьютер на колени.

Я звоню по Скайпу Дэйзи, ожидая, что она ответит на мой звонок.

Но она не отвечает.

Я набираю ей снова, а затем достаю свой телефон. Я пишу ей смс: *Черт, возьми, ответь мне.* Ответ приходит практически мгновенно.

Я поговорю с тобой по телефону. — Дэйзи

Нет. Мне нужно видеть твое лицо.

Она отклоняет мой третий звонок по Скайпу, так что я вынужден позвонить ей по долбаному мобильному. Она отвечает.

— Прости, — говорит она с ходу. — Ты звонил мне по Скайпу буквально три минуты назад. Я думала, ты хотел поговорить. Я не видела многого, правда. Просто... возвращайся к своим делам...

— Я не могу. Нам нужно, черт возьми, об этом поговорить.

— Не о чем разговаривать, — говорит она быстро.

Я тру свои глаза.

— Дэйзи... — что мне сказать? *Мне жаль, что я довел до оргазма другую женщину?* Дэйзи не моя девушка. Я даже предупредил ее, что снова буду ходить на свидания. Но если я делаю все правильно, тогда какого хрена ощущаю себя так, будто должен объясниться?

Я знаю ответ, просто чертовски не хочу его признавать. Это не может оказаться моей реальностью.

— Послушай, прости за то, что тебе пришлось это увидеть. Поверь мне, это последнее, что мне бы хотелось, чтобы произошло.

— Все в порядке. Это просто вишенка на верхушке реально очень странной ночи. Такой странной, что думаю, мне понадобятся годы, чтобы очистить от этого свой мозг.

Я хмурюсь, а мои глаза прищуриваются, глядя на пол.

— Никто не врывался в твой номер, правда ведь... — *блядь, Рик.* Я провожу рукой по волосам. Не могу даже представить это дерьмо. — Предполагаю, что никто такого не стал бы делать, — не хочу, чтобы она даже думала, что кто-то может такое совершить.

— Все не настолько странно, — отвечает она, и ее голос немного писклявый. Ее паранойя практически сочится из телефонной трубки. В секунду дыхание Дэйзи становится более частым.

— Эй, — восклицаю я. — Ты принимала сегодня ночью Амбиен?

Она прочищает горло, пытаясь успокоиться.

— Приму, после того, как мы поговорим.

— Черт, обещаю тебе.

— Я, *черт*, обещаю тебе, — говорит она. Я слышу улыбку в ее голосе.

А еще слышу, как кто-то несильно ударяет по дверной раме моей двери в спальню. Я поднимаю взгляд. Эмилия стоит в проеме, одетая в одну из моих футболок. Она едва прикрывает ее бедра.

— Полотенца? — шепчет она.

Я указываю на шкаф в коридоре, и она на носочках крадется туда, при этом моя футболка задирается ей чуть ли не до талии. Но я не смотрю на ее голый зад. В основном потому, что это чувствуется словно измена Дэйзи. Вина просто продолжает накатывать на меня.

Я жду, что Эмилия вернется в мою комнату, чтобы подслушать мой разговор. Меня не

первый день преследуют СМИ, так что я отлично знаю, что друзья могут хотеть не только трахнуть с вами по-быстрячку. С незнакомцами все еще хуже. Подслушать один из моих разговоров, а затем продать его в какой-нибудь гребаный журналчик — способ, которым воспользовалось пятеро из моих давних друзей по колледжу, чтобы заработать свой самый легкий банковский чек.

Но я не утруждаю себя ненавистью к ним. Я все еще отправляюсь кататься на сноуборде и хожу на долбаные вечеринки, когда меня приглашают. Два года назад, когда девочки Кэллоуей, мой брат и Коннор были замешаны в этот публичный хаос, я осознал, что нам придется объединиться, чтобы выжить. С того момента я знал, что отныне будет сложно доверять кому-либо не из нашей шестерки. А вы бы как себя чувствовали, если бы лишь простой факт по типу *Я ненавижу Джастина Бибера* мог быть продан в раскрученный популярный журнал?

На том конце телефонной связи царит тишина.

— Ты еще здесь? — спрашиваю я Дэйзи.

— Ага, — она делает паузу. — Я не хочу разрушать время твоего... свидания. Мы поговорим позже.

— Да пошло оно, — говорю я. Я не мог дозвониться Дэйзи в течение нескольких дней. Она даже не позволяет мне взглянуть ей в лицо. Не представляю, сколько за все это время ей удалось поспать. Я просто хочу убедиться, что с ней все в порядке. — Что странного в сегодняшней ночи?

— Ты правда не захочешь знать.

— Ну, теперь, я *реально* чертовски хочу этого.

Она коротко вздыхает.

— Я видела член Коннора.

Что?

— Прости, что?

— Я смотрела порно и случайно наткнулась на секс видео Роуз и Коннора. И там был его член. Странно, что мне удавалось не увидеть это в течение целого года. Я думала, так будет и дальше, думала, что не увижу это видео *никогда*.

Я откидываюсь на спинку дивана и сжимаю переносицу, ощущая отвращение. Не много вещей могут реально смутить Коннора Кобальта, но знание о том, что младшая сестра его девушки видела его во время секса правда может сработать. Мое лицо застывает в гримасе.

И мне трудно представить образ чьего бы то ни было члена, кроме своего. Тошнота спиралью раскручивается по мне.

— Ты что-нибудь скажешь? — спрашивает она.

— Я даже не видел те видео.

— Завидуешь?

— Ни капельки, — говорю я ей. Включается душ, его шум слышен даже через стены. Я бросаю взгляд на закрытую дверь спальни, а затем вновь смотрю на половые доски. — Дэйзи, ты ведь не смотрела порно лишь для того, чтобы заснуть, правда? — это то, чего никто бы из нас не хотел для нее.

— Нет... — кажется, что ей есть что еще добавить, так что я жду. Мне слышно, как девушка ерзает на своей кровати. — У меня сегодня ночью был парень.

Температура в комнате падает на 10 градусов. Мое сердце снова погружается в океан, в ту песчаную воду, оно просто скользит по моему горлу, утопая. Я вижу, как парень старше ее

трахает Дэйзи, что есть мочи, и в результате, я чуть ли не кидаюсь к журнальному столику, чтобы опрокинуть его. Но во время беру себя в руки и делаю глубокий вдох.

— Да? — несколько раз провожу рукой по волосам, приводя в беспорядок уже и так запутанные пряди.

— Ага, — отвечает она, останавливаясь на этом.

— Вы смотрели порно вместе? — я встаю на ноги и направляюсь на гребаную кухню, одной рукой прижимая телефон к уху. Я открываю холодильник, но там нет ничего, кроме воды и остатков сэндвича из Лакки. *Не бей кулаком в стену, Рик.*

— Это вне сомнения могло бы стать еще одной странной вещью сегодняшней ночи, но нет, мы не смотрели порно вместе.

— Он все еще у тебя? — *не думай, бля, об этом.* Я открываю морозильник, чтобы отвлечь себя. Он такой же пустой, как и холодильник. Упаковка перемороженной курицы и подставка со льдом. Последние четыре месяца я почти не проводил время в своей квартире. Ну, разве что, чтобы взять какую-то чистую одежду и снаряжение для скалолазания. Все остальное время я был у Дэйзи.

Я спал в одной с ней постели. Я заботился о ней. Она моя. Она чувствует, что принадлежит мне. Я не хочу ее ни с кем делить, ни с одним гребаным парнем. Я не хочу быть ни с какой другой долбанной девушкой.

Все это ощущается словно отвратительное предательство. Как мы вообще пришли к этому?

— Нет, — говорит она. — Он ушел. Я думала, что не делаю это неправильно, так что собиралась посмотреть порно.

— А *это*, это что? — спрашиваю я, найдя в шкафчике пакетик овсянки. Я разрываю его зубами и высыпаю в миску. Когда открываю бутылку с водой, Дэйзи отвечает.

— Секс. Я не могу получить оргазм. Думаю, проблема в моей физиологии, — заявляет она безэмоционально. Я вспоминаю, что когда-то она говорила, что раньше у нее был оргазм. Мы были в Канкуне в весеннем отпуске, и она сказала, что был случай, когда они с парнем пропустили всю прелюдию, сразу перейдя к сексу, и в результате она ощутила что-то большее. Я должен был бы быть счастлив за нее, однако я ощутил большую радость, когда Дэйзи призналась, что это был отнюдь не оргазм. Что она считала это оргазмом, но после разговора с сестрами, поняла, что ощущения были недостаточно яркими, чтобы считать это реальной кульминацией.

— Ты *можешь* получить оргазм, — говорю я. — Уверю тебя, сладкая.

Ответа не следует. Я назвал ее сладкой, и хотя я и делаю это бессознательно, но знаю, что каждый раз, слыша это слово, она улыбается.

— Дэйзи?

— Гм? — она немного посмеивается. — Можешь это повторить?

— Нет, — я осознаю, что вылил в миску с овсянкой пол бутылки воды. — Черт, — проклинаю я. Теперь можно выбросить ее в помойку.

— Прости, — говорит она.

— Нет, дело не в тебе, — говорю я ей. Высыпав свою овсянку в мусорное ведро, я с силой бросаю миску в раковину, и она раскалывается. Да, что ж не так со мной сегодня? Я качаю головой. — Я, блин, ненавижу говорить с тобой по телефону.

— Я тоже.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я прислоняюсь к шкафчику и смотрю на дверь спальни, наблюдая, откроется ли она снова. Я должен быть очень осторожен с людьми, которых привожу домой. Полтора года назад девушка, с которой у нас был одноразовый секс, украла мои черные боксеры. А затем она продала их за три тысячи долларов на eBay.

— Ты была осторожна с тем парнем? — спрашиваю я.

— У нас не было секса, — говорит Дэйзи.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. *Спасибо гребаному господу.*

— Он тоже часть странности этой ночи?

— О, да, — отвечает она. — Я просто не понимаю, почему знакомлюсь с людьми, и они кажутся такими замечательными, а затем, когда дело доходит до постели, они просто становятся... не такими, — она замолкает на пару минут. — Думаю, проблема во мне самой.

— Я уже ненавижу этого долбанного парня, — и это реальное приуменьшение.

— Ты бы ненавидел его еще больше, если бы увидел прошлой ночью. Он думал, что я девственница, и был рад лишить меня невинности в день нашего знакомства.

Я бросаю сердитый взгляд. Хочу перемотать время и забрать ее оттуда. Хочу сказать ей *не* встречаться ни с одной хреновой душой. Я желаю, чтобы мой брат не предъявлял мне свои претензии.

— Держись от него подальше.

— Так и планирую.

Душ выключается.

— Эй, Дэйзи?

— Да?

— Сейчас почти четыре утра в Париже. Прими чертов Амбиен и ложись спать, ладно? Позвони мне, как будет минутка.

Она колеблется.

— У меня есть минутка прямо сейчас.

— Тебе нужно поспать перед тем, как идти на работу.

— Это бессмысленно. Я должна быть в студии в пять тридцать, чтобы успеть уложить волосы и сделать макияж. Амбиен может вырубить меня на несколько часов, так что я просто буду бодрствовать.

Дверь спальни открывается, и в дверном проеме появляется завернутая в полотенце Эмилия, ее волосы сухие.

— У тебя закончилось мыло, — говорит она. — Я не могу найти в ящиках запасное, — она даже еще не приняла душ.

Блядь. Я хватаю ключи с кухонного стола.

— Я найду тебе что-нибудь. Жди здесь.

— Тебе не обязательно идти и покупать что-то, — говорит она.

— Я и не иду. Займу кое-что в квартире моей подруги. Она живет подо мной.

— Я пойду с тобой, — говорит Эмилия. — Подожди секунду, — она снова исчезает в моей спальне, и я замечаю, как девушка натягивает на себя вчерашнее синее платье.

Телефон все еще прижат к моему уху.

— Дэйзи...

— Я пойду.

— Нет, — говорю я резко. Я не хочу прекращать говорить с ней, особенно учитывая то, что следующий час она может провести в приступе паранойи. А я могу отвлечь ее от

страхов. Даже будучи за тысячу миль это все еще возможно.

— Ты уверен? — спрашивает она.

Эмилия выходит из комнаты, улыбаясь мне.

— Ага, — говорю я Дэйзи. Я указываю на дверь и пропускаю Эмилию первой. Закрываю дверь, мы направляемся к лифту. Эмилия смотрит то на меня, то на телефон, который по-прежнему прижат к моему уху. На него она смотрит дольше. *Моя подруга*, — говорю я одними губами.

Эмилия кивает, а затем пытается сосредоточиться на экране спускающегося к нам лифта. Я нажимаю чертову кнопку пару раз, даже несмотря на то, что она уже горит, надеясь, что лифт придет быстрее и спасет меня от этого неуклюжего напряжения.

РИК МЭДОУЗ

— Я вчера разговаривала со своим врачом, — рассказывает мне Дэйзи по телефону, пока лифт опускается. — Она хотела, чтобы я снова описала то, что случилось у Лакки. Сказала, что это поможет избавиться от кошмаров.

— И помогло? — спрашиваю я коротко, более остро ощущая рядом с собой высокое тело Эмилии. Но Дэйзи одинокая, испуганная девочка в Париже, так что она важнее Эмилии. Она всегда будет важнее. Особенно учитывая связывающее нас прошлое и многочисленные события, которые сломили эту девушку на психологическом уровне.

— Я не знаю, — говорит она. — Это не помогло мне раньше. Сколько бы раз я не произносила эти слова, — она декламирует ровным тоном. — *Какой-то злой парень на улице возле закусочной Лакки назвал меня пиздой и разгромил мой мотоцикл. Я не продвигаюсь ни на дюйм.*

Меня передегеривает от слова *пизда*. Ирония в том, что я ненавижу маты, ага, знаю. Но это слово имеет особо гадкое шершавое звучание, оно вызывает зуд у меня в ушах. Подсознательно я знаю, что это потому, что отец называл так мою мать, раз за разом. Это слово вызывает у меня тошноту.

— Ты упускаешь очень важную огромную чертову часть этой истории, — говорю я, — и это уж точно не то, что можно забыть за один день.

— Ну, вообще-то прошел не один день, — восклицает она в ответ. — Это было *больше* года назад, — если говорить об этом конкретном инциденте, то да, он был давно. Но это не единственное происшествие, возникшее в результате сверх внимания СМИ. Некоторые люди гордятся тем, что ненавидят девочек Кэллоуэй лишь за то, что те богаты, независимы и известны. Пресса любит выставлять их в образе привилегированных снобов, так что в результате люди считают их именно такими. Но это не давало права тому ебаному парню разбить Ducati Дэйзи. И тем более это не давало ему права нападать на нее при свете дня, когда она пыталась остановить разрушение своего мотоцикла. Хотел бы я быть там.

Я бы, вероятно, убил его ко всем чертям.

Но тогда я лишь отвез ее в больницу, потому что она не хотела никому больше рассказывать о происшествии. Не хотела беспокоить свою семью.

Так или иначе, но они все равно узнали, за исключением того факта, что ей сломали ребро. Или того, что после этого события у нее осталась психологическая травма. Ребята думают, что все обошлось несколькими синяками.

Я, блин, не виню ее сестер или своего брата за то, что ничего не заметили. Она отлично делала вид, что все с ней в порядке, даже при том, что это было далеко не так. Дэйзи ненавидит нытье, слезы и приступы гнева, потому что думает, что если проявит что-либо из этого, то покажется людям незрелой. Когда она тусуется со всеми нами, ребятами, которым больше двадцати лет, Дэйзи готова делать, что угодно, лишь бы избежать этого ярлыка. Сам господь запретил ей вести себя соответственно своему возрасту.

Но *вашу ж мать*, когда на вас нападает парень, то разве кто-нибудь может упрекнуть вас в том, что вы хотите об этом кричать? Вы имеете полное право говорить об этом и испортить окружающим неделю, обременяя всех своими эмоциями.

— Не пытайся убедить меня в чем-то еще, — говорю я ей. — На этот счет я буду крайне

упрям.

Двери лифта открывается. Я делаю шаг в коридор, Эмили следует за мной, прямо у меня за спиной.

— Ладно, — говорит Дэйзи, — а ты как? Тренируешься?

— Трачу на это все свое время, с тех пор как ты уехала, — говорю я, останавливаясь перед дверью квартиры Дэйзи. На дубовом полотне красуется золотистая табличка 437. Я вставляю ключ и бросаю взгляд на Эмилию, которая смотрит на номер квартиры.

— Какое самое короткое время? — спрашивает Дэйзи. — Тренируешься, поднимаясь на ту гору, что ты мне показывал как-то?

— Ага, можешь дать мне минутку? Не клади трубку.

— Ладно.

Я кладу в карман телефон так, что бы суметь использовать обе руки. Открываю дверь, и Эмилия проскальзывает следом за мной в квартиру. Она быстро осматривает апартаменты. Здесь аналогичный дизайн, что и в моей квартире, вот только у Дэйзи желтый диван, зеленые подушки и разноцветные фонарики на потолке.

— Твой друг — девушка, — говорит Эмилия, глядя на одежду, разбросанную по древесному полу.

— Разве я не говорил этого? — я чертовски уверен, что говорил.

— Я должно быть не расслышала.

Я веду ее через гостиную, проходя мимо маленькой кухни с горой посуды в раковине. Мне следует прийти и помыть ее для Дэйзи. Уверен, половина грязной посуды перепачкана мной. Я наступаю на скейтборд.

— Смотри под ноги.

— А она неряха.

По правде, обычно я не замечаю этого.

— Она более опрятна, нежели я.

Эмилия натывается на плетеное кресло, и в результате оно сбивает пурпурную доску для серфинга, которая стояла возле стены. Я ловлю доску, прежде чем та ударяет Эмилию по голове.

Ее глаза расширяются. Облегченно вздохнув, она говорит:

— Она серфит, но при этом живет в Филадельфии?

— Она учится, и в свободное время летает в Калифорнию, но это бывает редко, — я не добавляю, что летаю вместе с ней и взбираюсь на Йосемити, пока она серфит на побережье с Майком.

Понимание вспыхивает на лице Эмили.

— Это квартира Дэйзи Кэллоуэй, — она кивает сама себе. — Она богата, — ее губы напрягаются, и теперь девушка разглядывает каждый предмет мебели, одежды и аксессуаров. — У тебя есть ключи от ее квартиры?

Я не отвечаю. Просто иду в спальню Дэйзи. Дверь в ванну открыта, и я указываю на нее.

— После тебя, — я не хочу, чтобы она, блядь, шныряла по спальне Дэйзи.

Но она в любом случае это делает.

Ее взгляд скользит по кровати Дэйзи, зеленое покрывало неаккуратно заправлено поверх постели. За одну лямку Эмилия поднимает белый лифчик с ближайшего к ней стула и крутит его на пальце.

Я выхватываю его из ее руки, при этом сурово глядя на девушку.

— Не трогай ее вещи, — я бросаю лифчик на кровать Дэйзи.

— Почему нет? Я собираюсь использовать ее мыло, верно? — она ждет, что я опровергну.

Я смотрю на нее еще суровее.

Но девушка не обращает на меня внимания, вновь разглядывая комнату и останавливая взгляд на ванной.

— Может я просто приму душ здесь?

— Почему ты этого хочешь? — спрашиваю я, прищурив глаза. — Эта ванная ничем не отличается от моей.

Эмилия пожимает плечами.

— Ты вообще хоть представляешь, сколько девушек хотели бы быть ею? Наследница миллиарда долларов. Супермодель в семнадцать...

— Ей восемнадцать, — отвечаю я. Я опираюсь локтем на чертово кресло. — Послушай, она мой друг. Она достаточно хороший человек, чтобы не волноваться о том, что ты используешь ее мыло или трогаешь ее вещи. Но лично меня волнует, если мы проведем здесь более, чем несколько минут.

— Я быстро, — говорит Эмилия, а затем разувается и входит в ванную. Я захожу следом и захлопываю дверь. Она молниеносно снимает свое платье. Девушка ожидает, что я оценю ее тело. Но я этого не делаю. А еще я не извиняюсь.

Она заходит в душ, задергивая занавеску.

— Она что, не может позволить себе стеклянную душевую кабинку? — спрашивает Эмилия, стоя в ванной.

Люди забывают, что у меня почти столько же денег, сколько у девочек Кэллоуэй, просто они все лежат на моем трастовом фонде. А я никогда не использую его больше, чем нужно. Самая дорогая вещь, которой я владею — моя чертова машина.

— Не думаю, что стеклянная душевая кабина находится вверху ее списка приоритетов, — говорю я Эмилии достаточно громко, чтобы она услышала меня за шумом воды.

Я прикладываю телефон обратно к уху.

— Эй, ты еще там? — я прекрасно понимаю, что Дэйзи слышала весь наш разговор.

— Ага, — говорит она. — Скажи ей не использовать твой шампунь. Он не пахнет так же хорошо, как мой.

На это я улыбаюсь. Вероятно, она усмехалась бы пиздец как шире, если бы видела, что я тоже смеюсь.

— Мой шампунь делает свою работу. А это самое главное.

— Обычно я не волнуюсь о стоимости, но ты пользуешься шампунем за девяносто семь центов. Единственная работа, которую он выполняет, так это *распространяет* запах лемонграсса.

— Рик, — зовет Эмилия. — У нее здесь мужской шампунь.

Я отнимаю телефон от уха и говорю:

— Я знаю, и бля, не спрашивай об этом.

— Тебе все равно? — удивляется Эмилия.

— Ага.

Потому что это мой шампунь.

После секундной паузы, она спрашивает:

— У нее есть запасная бритва, которую я могу использовать?

Я собираюсь сказать: *Я, бля, думал, ты собиралась принять душ по быстрому.* Но голос Дэйзи раздается из динамиков. Только я ее слышу.

— В шкафчике за коробкой тампонов.

По какой-то причине, меня тянет к девушкам с высокими запросами, к ревнивым и выжившим из своего гребаного ума девушкам. Я привык к импульсивным, несносным и выводящим из себя женщинам. Моя мама говорила, что все девушки, которых я приводил домой были "отборными сумасшедшими". Может, она права.

Возможно, мне нравятся немного чокнутые.

Однако, я лезу в шкафчик, отодвигая пачку тампонов, чтобы найти бритву. Как только я хватаю одну, замечаю пластиковую баночку с круглыми капсулами. Я знаю, что это. Я просто, черт возьми, не понимаю, что это делает здесь в Филли, а не в Париже. Я беру таблетки контрацепции Дэйзи, проверяю даты. Баночка почти полная, отсутствуют всего пара капсул. Похоже на то, что она прекратила принимать их около недели назад, и все было бы нормально, если бы она не призналась, что чуть не трахнулась с парнем во Франции.

— Ты нашел ее? — спрашивает Дэйзи.

— Ага, — говорю я резко. Не могу сказать ей о контрацепции, когда Эмилия прямо здесь.

— Что там?

Я замираю.

Эмилия выглядывает из-за душевой занавески, а с ее руки капает вода. Она прищуривается, внимательно глядя на таблетки.

— О, черт, — говорит она, смеясь.

Я кладу их в карман и сердито смотрю на нее, так сердито, как только могу.

— Держи свою бритву, — я бросаю бритвой в девушку. Она ловит ее, но вместо того, чтобы закончить принимать душ, она выключает воду и выходит, оборачивая полотенце вокруг своего тела.

— Дай мне взглянуть на это, — говорит она, улыбаясь.

Я удерживаю телефон возле уха и говорю:

— Я перезвоню тебе.

— Что происходит? — спрашивает Дэйзи.

— Это она? — глаза Эмилии загораются, когда она смотрит на телефон.

Мне не нравится это чертово выражение на ее лице.

— Эй, Дэйзи, — зовет Эмилия громко, так, чтобы моя подруга ее услышала, — спасибо за шампунь. Он пахнет, как души детей.

— А она забавная, — говорит мне Дэйзи, и в ее словах слышна улыбка. Обычно она не злорадствует не над кем, боясь показаться незрелой.

— Нет, она не такая, — говорю я легкомысленно, при этом зло глядя на Эмилию. Она смысленная. За одну секунду она крадет баночку с капсулами у меня из кармана.

— О мой бог, — смеется Эмилия и размахивает таблетками. — Мужской шампунь, и она прекратила принимать таблетки, — девушка смотрит на телефон. — Эй, Дэйзи, тебе нужно сказать своим ебарям, чтобы они одевали свои конфетки, дорогая, или же ты станешь шестнадцатилетней и беременной.

— Мне восемнадцать, — говорит Дэйзи категорически, но только я могу слышать ее голос.

Я сердито смотрю на Эмилию.

— Тебе нужно на хрен уйти.

Ее улыбка угасает.

— Я просто пошутила, Рик, — она бросает таблетки обратно мне. Я ловлю их одной рукой. — Дэйзи знает это.

— Но я, блядь, не шучу.

Я слышу истеричный голос Дэйзи у своего гребаного уха.

— Стоп, Рик, ты не можешь просто вышвырнуть ее. Она может продать эту информацию прессе.

Эмилия и так, вероятно, сделает это. Я закатываю глаза и качаю головой.

— Я отвезу тебя домой. Просто не делай из этого большого дела, — я поднимаю таблетки, сжимая их между двумя пальцами и показываю ей, что именно я имею в виду.

— Ага, прости, — ее взгляд устремляется к столешнице. — Это ее расческа?

Охуенно.

— Я подожду тебя в спальне, — меня не волнует, что она еще сделает, по крайней мере она *не будет* мне мешать в течение пяти или около того минут. Я сажусь на матрас, пока Эмилия причесывает свои волосы. — Ты здесь, Дэйзи? — спрашиваю я, кажись, в миллионный раз.

— Ага, насчет таблеток... Мне не нравится их принимать в течение Недели Моды. Моя мама говорит, что я набираю вес, когда принимаю их. Так что... не сходи с ума.

Если бы я не сказал ей встречаться с другими гребаными парнями, то ей бы вообще не нужна была контрацепция прямо сейчас. Мои ноздри расширяются, и мне нужна минутка, чтобы собраться с ответом.

— Это твое тело. Просто будь очень осторожна.

— Буду, — говорит она. На линии повисает молчание. — Эй, Рик?

— Да?

— Не трахай ее в моей постели.

Я кривлюсь.

— Я бы никогда этого не сделал.

— Просто хотела убедиться.

Я выпускаю протяжный выдох.

— Я скучаю по тебе.

Трахните меня. Зачем я сказал ей подобную хренотень?

Потому что это правда.

Дэйзи отвечает:

— Прошло всего четыре дня.

— По ощущениям кажется, что дольше.

— Ага, — говорит она нежно. — Так каково твое последнее время восхождения?

Я почти улыбаюсь. Она помнит, что я говорил, что собираюсь побить свой последний рекорд.

— Две минуты, семьдесят три секунды, восемьдесят футов восхождения.

— Я горжусь тобой, — говорит она. — Ты кричал "Я гребаный боженька", когда достиг вершины?

— Такое делаешь только ты, сладкая.

Опять следует длинная пауза, и я не могу сдержать улыбку, которая расплывается от уха

до уха.

Успокоившись, Дэйзи смеется и говорит:

— Я сделала это всего лишь раз, и то даже не была настоящая гора.

Это была скалолазная стенка. И ей потребовалась неделя, чтобы завершить самый трудный курс. В конце обучения она подняла кулаки вверх от чувства триумфа и закричала ту цитату из фильма *Почти знаменит*. Весь спортзал аплодировал ей.

Это и правда было чертовски мило.

— Чувствуешь себя лучше? — спрашиваю я. Кажется, что сейчас ее не мучает приступ паранойи или долбанной нервозности.

— Когда говорю с тобой, да, чувствую себя лучше.

— Значит, звони мне. Я говорил тебе, что я абсолютно не против этого.

— Я не хочу беспокоить тебя... разница во времени...

— Я отвечу на твой звонок, даже если он будет в четыре утра или в полночь, Дэйз. Просто мне чертовски сложно звонить тебе, потому что я не знаю твой график показов.

Следует длительная неловкая пауза, в течение которой, думаю, Дэйзи пытается подобрать верные слова. В итоге она останавливается на следующем:

— Спасибо, Рик, — она произносит мое имя с той искренней и не наигранной симпатией. — Я правда имею это в виду.

— Я знаю.

— Я должна уже собираться ехать на укладку и макияж. Позвонить тебе позже?

— Я отвечу.

Я всегда тебе, черт возьми, отвечу.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Стилисты и публицисты бесконечно болтают по своим гарнитурам, бегая за кулисами с выпученными глазами. Мои же глаза меня доконали. Я постоянно их тру, пытаюсь унять сухость от недостатка сна.

Модели с трудом передвигаются по этому сумасшедшему скоплению народа, спеша сменить свои наряды. Я сижу на одном из кресел для нанесения макияжа, пока стилист подкручивает мои длинные светлые локоны и укладывает их в форме сложной огромной ленты. Чем больше лака и булавок она использует, тем сильнее я ощущаю вес своей головы.

Когда девушка стилист заканчивает, я бреду к вешалкам с одеждой и нахожу свой наряд. Это ничто иное как простая огромная черная тряпка, задрапированная в форме банта. Да, платье — гигантский бант. Я сегодня бант, ну правда, мои волосы это тоже бант с лентой.

Я начинаю раздеваться, чтоб одеть эту штуку.

— Дамы в коллекции Хейвайндол поторопитесь!

Ну вот. Обнаружить проймы оказалось бы сложно, даже если бы я раньше примеривала это платье. Просто на то, чтобы найти вырез для головы, уходит минут десять.

Я стою возле Кристины, у которой ситуация обстоит отнюдь не лучше моей. Она пытается втиснуться в пару серых слакс, идущих в паре с блузкой в виде банта, пока висящей на вешалке возле девушки. Когда Кристина подпрыгивает на правой ноге, ткань вдруг рвется.

— О, нет, — говорит она, широко распахнув глаза и вертя головой из стороны в сторону, пытаюсь понять, видел ли кто-то этот кошмар. — Что же мне делать? — ее покрытые веснушками щеки краснеют.

Дизайнер, эксцентричная тощая дама, осматривает каждую модель пристальным прищуренным критическим взглядом.

— Вылезай из них, — говорю я Кристине, прежде чем она разразится слезами. Я останавливаю стилиста, которая только что причесала мои волосы, и показываю ей дыру, прежде чем это заметит дизайнер.

— У меня есть набор для шитья за моим рабочим местом. Оставайтесь здесь, — говорит она нам.

Кристина стоит одетая в лифчик и трусики-танга. Я тоже пока не одеваюсь дальше. Фактически, на мне нет даже лифчика, потому что мое платье-бант оголяет часть груди и бока. Моя грудь все еще болит от издевательств Иана над моим соском, но я использовала консилер, чтобы скрыть желтоватый синяк. Так что следы укуса почти незаметны, и никто пока ничего об этом не говорил.

Люди стараются не смотреть на то, как мы переодеваемся, и к тому же большинство персонала за кулисами женщины. Но когда я смотрю по сторонам всего раз, то замечаю пару мужчин, задержавшихся у двери.

У одного из них камера.

И мое сердце уходит в пятки. *Камера.* Я застываю на месте, мои конечности деревенеют. Их не должны допускать за кулисы. Не с камерами.

Не в то время, когда мы переодеваемся.

Однако, возможно, все в порядке. Никто ведь не выгоняет их отсюда. Не то, чтобы мы не привыкли быть голыми. То есть... у меня не было пока никаких обнаженных снимков,

даже при том, что я могу уже сниматься топless, так как мне исполнилось 18. Но мне просто не хочется выставлять на обозрение всему миру свои груди, будь то в рамках высокой моды или нет.

Однако, что если эти парни папарацци, надеющиеся сделать быстрый снимок для журнала.

Это не к добру. Я бросаю взгляд на Кристину, которой всего 15, она невинна и новичок здесь. Она как я три года назад. Тошнота закручивается вихрем в моем животе. Моя кожа покрывается мурашками, и я инстинктивно закрываю собой Кристину. Если они снимают фото, то постараются снять меня, а я не хочу, чтобы ее уловили заодно со мной. Я закрываю ее от мужчин, ворвавшихся в место, которое я всегда считала "храмом" — они нарушили линию между зрителями и моделями. Хотя, наверное, нет никакой линии. Каждый мог увидеть всю меня.

Не люблю чувствовать себя такой значимой.

Кристина возится с блузкой, ее глаза стеклянные, девушка все никак не может поверить, что потерпела такую неудачу со своими брюками.

Я уже разобралась со своим платьем и натянула его на себя.

— Давай сюда, — я помогаю ей надеть блузку, застегивающуюся на множество петелек и состоящую из большого количества кусочков ткани. Тем временем я продолжаю оглядываться на парней, чьи объективы направлены прямо на мой зад.

Камера щелкает.

Даже мигает вспышка.

Теперь у них есть мое фото. Не голой, но в комнате есть еще пара не одетых девушек. Так что у них явно не было права фотографировать их, не думаю, что ребята получили на это разрешение. Может быть год назад я не придала бы этому значения. Может, просто проигнорировала сей факт. Но сейчас мне хочется наорать на фотографов, однако, мое подсознание уносит мысли сразу в нескольких направлениях.

— Двадцать минут! — орет девушка с планшеткой. — Модели, выстройтесь в линию. В линию!

Как раз когда Кристина вытягивает свои длинные каштановые волосы через воротник блузки, приходит девушка-стилист с ее зашитыми брюками.

Я ощущаю жар, направленный на мое тело, камеры. Щелчок.

Стилист поправляет мои волосы, так как я их немного спутала, одевая платье; толстая ткань ощущается так, словно весит все 10 килограмм.

— Те парни, — говорю я, пока стилист быстро убирает выбившуюся прядь с моего лица, — они не должны быть здесь.

— Кто? — она оглядывается, но не видит того же, что и я. Они *прямо там*. На расстоянии меньше, чем в двадцать футов, снимают всех моделей, не только меня одну. Мое сердце бешено колотится. *Вероятно, они просто собираются написать статью о Неделе Моды, используя при этом какие-то фоновые фото. Это же нормально.*

Однако, ощущения кричат об обратном. Моя стоимость меньше, чем стоимость одетой на мне одежды. Я всегда это знала. С платьями обычно обращаются более обходительно и гуманно, чем с любой из моделей. На одной из моих съемок, мне сказали стоять в бассейне с водой четыре часа подряд без перерыва.

На улице было -1 по Цельсию.

Вода в бассейне была без подогрева.

А мне тогда было четырнадцать.

Однако, в приоритете было платье.

— Будь осторожна с платьем, Дэйзи. Чтобы ты не делала, платье не должно касаться воды.

Почему тогда, *черт возьми*, фотограф захотел устроить съемку в бассейне посреди зимы?

Это был один из многих не лучших опытов в моей жизни. Мне повезло, что мама была рядом, контролируя процесс, но в большую часть времени она исчезала, чтобы поболтать с дизайнерами и агентами. Иногда ее присутствие вообще не играло никакой роли.

К тому времени, как дизайнер добирается до меня, я уже истощена, замучена и валюсь с ног. Женщина внимательно изучает то, как платье сидит на мне, облегает ли оно в нужных местах.

— Нет, — вдруг говорит она.

— Что? — мои плечи опускаются, а живот урчит так, что это могут услышать окружающие. — Что не так?

— Все! — орет на меня дизайнер. Я вздрагиваю. — Ты набрала вес с момента нашей последней встречи.

— Это не так, — говорю я. Мой пульс подскакивает к новым высотам. *Я ведь не набрала вес. Знаю, что не набрала.*

— Мы можем взвесить ее, — предлагает стилист.

— Это неправильно, — говорит дизайнер, касаясь рукава платья. — Оно сидит на тебе не так, как должно, — она пытается поправить платье, но, как по мне, оно и так нормально на мне сидит. Я не представляю, как моя голова должна переместиться на место, куда указывает эта женщина. Я же не могу ее снять и переместить в другое место.

— Нет, нет, нет, — дизайнер щипает мою тощую талию, а затем ее руки опускаются к моей попке. Она тянет ткань вниз и сжимает мою задницу. — Слишком туго. Ее бедра очень жирные.

Я пытаюсь улыбаться и вынести то, что прямо сейчас дизайнер сует свои руки туда, куда мне бы *не хотелось*, чтобы она меня касалась.

Я не ела нормальной пищи уже несколько дней. Не представляю, как я могла набрать хоть что-то. Просто дизайнер меня недолюбливает. Вероятно, я ее как-то обидела.

— Я хочу другую модель, — заявляет она. — Приготовьте ее, уложите волосы и сделайте макияж. *Сейчас же.*

Мои глаза округляются.

— Подождите, прошу, позвольте мне все исправить. Не выгоняйте меня из шоу.

Я участвовала не в одном показе на этой неделе, но увольнение даже с одного такого показа станет супер-проблемой для моей мамы.

— Платье выглядит на тебе отвратительно, — говорит она. Выстроившиеся в линию модели следят за тем, как дизайнер меня поносит, неоднократно оскорбляя. — У тебя перевес. Я даже не знаю, почему другие дизайнеры с тобой работают.

Челюсть Кристины отвисает.

Говоря следующие слова, я стараюсь сдерживать все эмоции при себе, но мои глаза жгут от непролитых слез.

— Значит, я ничего не могу сделать...

И тут дизайнер насильно срывает платье с моего тела. И все, что мне остается, так это

попытаться не свалиться на своих высоких каблуках. Она раздела меня догола. На мне нет лифчика. Одни лишь, ничего не прикрывающие, танга. Две секунды, и я стою голая в комнате, заполненной одетыми людьми. Холод щиплет мои руки и ноги, но смущение разливается жаром на щеках.

Дизайнер фокусируется на новой модели. Блондинке. Высокой. Худой.

У нас с ней явно один и тот же размер.

Милая стилистка причесывает волосы модели. А я одна, и никто не собирается поведать мне, что же делать, куда идти, или даже просто дать мне одежду, чтобы прикрыться.

Когда я оборачиваюсь, то встречаюсь с объективами камер. *Щелчок, вспышка. Щелчок, вспышка.*

Именно в этот момент, в свои 18 лет, когда меня снимают голой без моего на то согласия, я ощущаю себя изнасилованной своей собственной карьерой. Мне могло бы быть сейчас 15, и тогда все было бы в порядке, я бы знала, что ничего не произойдет. Мне могло бы быть 14. Но разве сейчас это важно? Сейчас мне 18. И мне следует быть более внимательной. Я понимаю, что это неправильно, и обида поражает меня в самое сердце, безжалостно раня.

Следующие 10 минут я трачу на попытки отыскать свою одежду, проходя мимо людей, со сложенными на груди руками. Пытаясь не заплакать. Но слезы продолжают жечь глаза, и боль от всей этой ситуации тяготит в моей груди будто кирпич, тянущий меня на дно океана.

Я не хочу находиться здесь больше ни минуты.

Я просто хочу домой.

РИК МЭДОУЗ

Остановившись на парковке, я снимаю свой шлем, выключаю зажигание мотоцикла и замечаю зеленый, словно лес, припаркованный у информационного центра джип Салли. Я набираю его номер, быстро обувая свои кроссовки для скалолазания и закрепляя на талии мешочек с магнезией (*средство для подсушивания рук — прим. пер.*).

Сегодня дует сильный ветер, деревья в карьере Бельфонте шуршат в унисон. Но все не так уж плохо, чтобы я не мог взбираться. Небо чистое, а это самое главное.

Приближающаяся буря может на хрен убить меня.

В тот момент, когда на телефонной линии раздается щелчок, я говорю:

— Ты снова флиртуешь с ресепшеонисткой, Сал?

На прошлой неделе мне пришлось вытягивать его из информационного центра, прежде чем черные облака затянули небо. Он простаивал там, склонившись над столом и болтая с рыжеволосой девушкой, одновременно с тем посылая гребаные заигрывающие взгляды Хайди, блондинке двадцати с чем-то лет, живущей в близлежащем общежитии колледжа.

— Сказал опоздавший чувак, — отвечает он. — Миссия принята и выполнена еще час назад. Поздно, поздно, поздно — это слово следует сделать твоим именем, фамилией и отчеством.

— Она что, отшила тебя снова? — спрашиваю я, направляясь к отвесной стороне утеса.

— Не в этот раз. В субботу у меня свидание, так что все скептики могут отсосать мне яйца.

Я улыбаюсь, переходя на бег. Не хочу, бля, опоздать. Салли собирается взбираться рядом со мной, тоже сольно, так что он размещает свое снаряжение на поверхности скалы и взбирается, а затем ему придется отклониться назад и убрать все снаряжение. Сольное восхождение не включает никаких излишеств. У меня есть лишь молотый мел и чертовы кроссовки.

Вот и все.

Порыв ветра пускает рябь на коричневой воде, что течет через карьер. Я взбирался на Бельфорт по большинству стандартных маршрутов. Но прежде чем я уеду в Калифорнию, Салли хочет, чтобы я взобрался по тому маршруту, который когда-то был моим первым сольным маршрутом в горы. Это своего рода последний чертов крик "ура" на тот случай, если взбираясь на Йосемити я вдруг умру.

Так что да, я потратил три часа на то, чтобы доехать сюда. В целом это не далеко от мест, в которые я обычно путешествую для скалолазания. Если я не тусуюсь со своим братом или Дэйзи, то взбираюсь в горы. В Пенсильвании реально сложно отыскать действительно сложные для восхождения горы. Здесь довольно мало маршрутов выше 200 футов.

И ни одного длиной с хотя бы одну из гор, на которые я собираюсь взобраться в Йосемити. Для сравнения, высота самого высокого из трех маршрутов в Йосемити 2900 футов. Я летал в Калифорнию в прошлом году, чтобы потренироваться с Салли, используя традиционное оборудование; обычно в таких наших совместных подъемах Салли всегда страхует меня.

Я доверял ему свою жизнь так много раз, что и не счесть.

Мы хорошо спланировали мой маршрут, но даже несмотря на четкость данного плана,

восхождение на все три горы без страховки и моего друга детства все еще наводит на меня хренов ужас. Никакое количество уверенности не может унять это устойчивое чувство страха. Оно всегда будет у меня на подкорке.

Еще одна минута, и я достигаю ровной поверхности скалы при этом даже не сбив дыхания. Я осматриваюсь и не вижу синюю ветровку Салли и его шорты цвета хаки, в которые парень сегодня одет. Его бледно-белая кожа почти всегда стораает от палящего солнца.

— Где ты, черт побери? — спрашиваю я его, прижимая телефон к уху.

— Исчез как по волшебству. Я потомок клана Уизли. Я наделен силой.

Будучи ребенком, он никогда не гордился своими рыжими волосами, пока не вышел фильм о *Гарри Поттере*. Я помню, как мы познакомились в базовом летнем лагере по скалолазанию, нам тогда было по шесть лет, а Салли был тощим и тихим мальчиком. Однако, это чертовски быстро изменилось.

— Ты сегодня охуенно милый, — говорю я ему.

— Потому что сейчас особый момент, — напоминает он мне. — Взгляни вверх.

Я наклоняю шею, и мой взгляд скользит по глади плоского известняка, а затем я замечаю, машущего мне с высоты в 120 футов Салли.

— Ты взобрался без меня? — я хмурюсь. — Я думал, ты хотел сделать это вместе?

— Этот план был в силе, пока я не приехал сюда, — его ноги свисают с утеса. — Я думал, что мы взглянем в лицо утесу, но вместо этого увидел здесь лишь сорняки и грязь. Так что я очистил скалу на пути твоего восхождения, — мне едва видно, как он пожимает плечами. — Я не хотел, чтобы ты умер в Пенсильвании, подымаясь на сто двадцатифутовую гору. Если Рик Мэдоуз и покинет нас, то сделает это на реально большой скале.

— Спасибо, мужик, — говорю я, стараясь выразить своим тоном все свое почтение. Если бы взбираясь, я натолкнулся на неустойчивые камни и трещины в зацепах, то это было бы не к добру. Так что я благодарен за такого друга, как Адам Салли, особенно после все тех неурядиц, что возникали у меня в колледже после того, как я стал знаменит.

Салли никогда особо не волновался по этому поводу. Он даже практически не упоминает об этом. Мы познакомились в летнем лагере, взбираясь вместе на скалу, и делаем это и по сей день. Несколько месяцев в году я его не вижу, так как в течение уже нескольких лет парень много путешествует по миру с одним лишь рюкзаком, прогуливая колледж. Чтобы заработать немного он преподает альпинизм в спортзале. Но когда мы встречаемся, кажется, что расстались буквально вчера. Это с родни тому, чтобы снова оказаться в летнем лагере, начиная прямо с того места, на котором мы закончили.

Он такой друг, который останется со мной на всю жизнь. Не потому что мы делимся друг с другом хреновыми тайнами или горестями — мы не делаем ни того, ни другого — наша дружба базируется на общей страсти к скалолазанию. И даже несмотря на то, что я знаю, что могу умереть в одиночестве, взбираясь на гору, мне повезло разделить все мои достижения и триумфы с кем-то еще, кто понимает важность и суть достижения вершины.

— Я засеку время, — говорит мне Салли. — Каков был твой первый рекорд?

— Ты, бля, знаешь все мои результаты, — он всегда рассказывал о них детям в лагерях, злорадствуя над моей скоростью восхождения каждый год. А затем, когда мы оба работали инструкторами, этот хрен рассказывал об этом профессионалам. А тогда, когда мы сами стали профессионалами, он стал рассказывать об этом каждому, кто был готов его слушать.

— Напомни мне, — говорит он.

Я опускаю руку в мел, а затем начинаю взглядом прокладывать маршрут наверх, чертов обрыв скалы покрыт кучей трещин и дерна.

— В первый раз я взобрался на эту гору, потратив на это гребаный час тяжелой работы, — отвечаю я ему.

— А какое твое последнее время восхождения?

Я хлопаю ладонями, отряхивая лишний мел.

— Шесть минут, тридцать восемь секунд.

Знаю, Салли сейчас улыбается. Мне даже не нужно на него смотреть, чтобы знать это.

— Увидимся наверху.

Мои губы растягиваются в улыбке.

И я взбираюсь.

* * *

Я не смотрел на свой секундомер, пока Салли засекал мое время, но восхождение ощущается иначе, чем год назад, когда я в последний раз одолевал эту гору. Я чувствую себя легче, свободнее. Сильнее.

Я уже у вершины, цепляюсь за скалу, моя рука скользит по самой маленькой расщелине горы, ее глубина столь незначительна, что я могу просунуть и зацепиться лишь кончиками пальцев. Я поддерживаю свое тело этим единственным захватом, пока тянусь к следующему выступу, месту, где стыкаются два камня.

Я двигаюсь быстро, не останавливаясь, чтобы перевести дух или обдумать альтернативные пути подъема. Вот, к чему я, вашу мать, стремлюсь и потому просто делаю это.

Мои мышцы натянуты, каждый дюйм моего тела задействуется, пока я принимаю новое положение. И в этот момент я должен удерживать все свое тело на двух пальцах. Я нахожу подходящую основу, чтобы перенести свой вес.

Бросаю один или два взгляда вниз и усмехаюсь. У меня нет проблем с высотой. А еще я знаю, что если упаду, то умру, но люди не осознают, каким уверенным я себе ощущаю. Если бы я не считал, что способен сделать это, то не делал бы.

— О мой бог, у него нет веревки! — слышу я пронзительный женский крик, становящийся громче, по мере того, как я приближаюсь к вершине. На ней надет шлем, а возле женщины стоит ее инструктор, помогающий ей пройти этот сложный маршрут.

— Я знаю, — говорит Салли, все еще сидя на краю утеса. — Это мой друг, — его улыбка растягивается буквально от уха до уха.

— Он сумасшедший, — говорит другой мужчина.

— Он профессионал, — поясняет им инструктор. — Вам же я не советую пока что даже думать о свободном сольном восхождении.

И затем я одолеваю последние десять футов, это самая простая часть склона. Мои мышцы почти не болят. У меня осталось еще много сил, и это подкрепляет мою гребанную уверенность двигаться к взятию поставленных целей на Йосемити.

Я подтягиваю свое тело на выступ рядом с Салли. Люди просто наблюдают за мной, и я пытаюсь не устанавливать ни с кем зрительный контакт, на случай если они интересуются знаменитостями, реалити-шоу и другим подобным дерьмом. Возле инструктора собирается несколько человек, выглядя так, словно они не собираются к нам подходить.

Я поворачиваюсь к Салли, на лице которого играет дурацкая улыбка.

— Что? — спрашиваю я.

Он расстегивает молнию своего рюкзака и достает заранее купленный торт, во время восхождения вся белая глазурь размазалась по пластиковой крышке контейнера.

— Здесь была надпись: *Покори эту сучку*, — он снимает крышку и тыкает пальцем в глазурь. — Предполагаю, сейчас это больше похоже на *Расчлени этот зуд*, (Игра слов Climb-Limb/Покори-Расчлени и bitch-itch/сучка-зуд — прим. пер.) — он усмехается. — Но знаешь, это даже лучше.

Трудно шутить, когда вас охватывают столь странные чужеродные эмоции. Я сжимаю плечо друга.

Он похлопывает меня по спине, а затем кивает на торт.

— Кстати, эта половина моя. Ты можешь взять половину с зудом, — он использует пластиковую вилку, чтобы разделить торт надвое.

Сначала мы едим молча, глядя на роскошный вид на карьер. До меня доносятся крики ужаса и возбуждения, когда парень прыгает с одного зубчатого утеса в плещущуюся в карьере воду.

После затяжной тишины, Салли говорит:

— Ты не спросил о своем времени.

Я знаю, что оно побило мой предыдущий рекорд. Я мог ощутить это в тот момент, когда осталось всего тридцать футов до вершины.

— Ровно шесть минут? — спрашиваю я его.

Он качает головой, улыбаясь.

— Пять сорок.

— Черт, — *реально крутой результат*. Я оглядываюсь на вершины деревьев. У меня перед глазами пролетает мой прогресс, мои путешествия с тех пор, как я был любопытным шестилетним мальчишкой, затем панком подростком, и заканчивая временами, когда я стал решительным зрелым молодым человеком. Думаю, с самого начала Салли планировал именно это.

- Итак, ты вероятно гадаешь, *зачем Салли притянул меня на вершину этого утеса и подает мне торт?*

— Не совсем, — отвечаю я.

Он улыбается.

— За исключением твоего сквернословия и того запугивающего сердитого взгляда, что ты любишь бросать на людей, ты, Рик, вероятно, самый лучший человек, которого я знаю. А мне уже двадцать пять лет, — он смеется. — Для альпинистов, это чертовский длительный срок жизни. Я уже приблизился к отметке середины моей жизни.

Я хватаю его бутылку воды и делаю глоток. Затем вытираю рот рукавом свой футболки.

— Я мил только с тобой, потому что ты носишь мое снаряжение, когда мы поднимаемся вместе, и ты меня страхуешь. Если я тебя разозлю, то ты можешь психануть и перерезать мою долбанную веревку.

Он фыркает.

— Верно. Но я не поверил в это ни на секунду.

— Почему? — спрашиваю я на этот раз серьезно. — Ты всегда оберегаешь меня от чертового падения.

— Ага, и я предельно уверен, что я единственный человек, который делает это для тебя

не независимо от того, взбираешься ли ты на гору или нет. Я знаю, что ты прошел через кучу дерьма, связанного с твоим братом, и у тебя все еще находится время для других людей и этого вида спорта, — Салли имеет в виду, что я нахожу время встречаться с ним.

Я киваю.

— Ага, — говорю, не зная, что еще сказать.

— Я помню, когда мы были в Ланкастере, и ты рассказал мне, что у тебя есть брат, — он качает головой. — Это, кажется, было так давно.

Мой взгляд мрачнеет, когда вспоминаю тот день. Я был слишком сердит, чтобы взбираться на гору, и тогда, в один из немногих раз, я открылся Салли и рассказал о моей семье. Я говорил о ней отнюдь не в светлых тонах. Я орал. И единственный человек, который услышал боль в моем голосе был мой друг по летнему лагерю.

— Я назвал его чертовым бастардом.

Салли бросает на меня взгляд.

— Нам было по пятнадцать. Мы злились, — он пожимает плечами, словно в этом нет ничего такого. — Имеет значение лишь то, что ты сделал потом. Ты совершил ошибки, но исправил их, это и есть жизнь.

— Если мы допускаем ошибки на горе, Салли, то умираем.

— Ну вот, я тут метафоры придумываю, а ты говоришь все прямо в лоб, — он качает головой и смотрит на меня с притворным укором. Поднимая кусок торта, он делает вид, что собирается размазать его по моему лицу. И вот так просто мы уходим от этой темы. Наша дружба — это самые простые отношения, которые у меня когда-либо были.

— Сделаешь это, Салли, и я сброшу тебя с этой чертовой скалы, — мы все еще сидим на краю и если начнем бороться друг другом, то можем быстро кончить.

— Я просто собирался тебе сказать, чтобы ты взял кусочек торта Дэйзи, — он окунает свой палец обратно в глазурь и слизывает ее. — Я никогда не видел, чтобы какая-то другая девушка так таяла от одного лишь торта, как она.

Я брал ее с собой в зал, чтобы научить основам скалолазания, и Салли как раз был там, инструктируя двух парней десятилеток. Я никогда бы не смог работать, как он, инструктором на полный день. Не могу сдержаться и не высказать все, что думаю, когда люди выкладываются не на все гребанные сто процентов, но в целом меня не удивляет эта моя особенность. В тот день Салли поехал с нами в кафе после своей смены, и Дэйзи съела три куска торта, все три шоколадные.

— Она не в Филли, — говорю я ему. Он не следит за сплетнями, так что не знал, что моя подруга уехала на Неделю моды. — И она не ест сладостей уже около месяца. Вероятно, Дэйз пустила бы слюнки, если бы ты измазал тортом ее лицо.

— Ауу, — говорит он. — Бедная девочка. Где она?

— Работает моделью в Париже.

Он присвистывает.

— Она всегда при делах, верно? — он бросает на меня еще один взгляд, на этот раз широко улыбаясь.

— Что? — восклицаю я.

Он пожимает плечами.

— Между вами что-то есть. Не такое приятное, как между мной и Хайди, но знаешь, вы и к этому придете.

— Между нами ничего нет, — говорю я ему.

Он игнорирует меня.

— Не забудь пригласить меня на свадьбу, ладно? Мне не обязательно быть шафером, но я рассчитываю попасть на свадебные фото. А еще я не против замутить какое-то смешное фото.

— Иди ты нахер, — говорю я.

Он касается своего сердца.

— Я тоже тебя люблю.

Мой телефон вибрирует в кармане. Достав его, проверяю идентификатор абонента.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ.

Салли заглядывает мне через плечо.

— Думаешь, она слышала, что мы о ней говорили?

— Я бы не удивился.

— Твой голос громче моего, — опровергает он, зная, что я соглашусь с этим.

— Я должен взять трубку.

— Только не бери девочку слишком жестко. Она молодая и впечатлительная.

Я показываю ему средний палец, вставая, чтобы ответить на вызов, пока Салли смеется.

Я жму на зеленую кнопку и прохожу дальше по вершине скалы. Она плоская, и здесь наверху собираются люди, чтобы орать и слушать раздающееся по карьеру эхо. Смотрю на часы.

8 утра здесь и 2 ночи там.

На линии раздается щелчок, а затем вызов обрывается. Я хмурюсь. Смотрю на свой телефон. Она что, повесила трубку? Может она набрала меня по ошибке. Я перезваниваю ей.

На этот раз раздается запись автоответчика. "Привет, это Дэйзи. Не Дак и не Дьюк. Однозначно, не Бьюкенен. Я Кэллоуэй. Если вы не ошиблись номером, тогда оставьте свое имя после гудка, и я перезвоню, когда вернусь с Луны. Но особо не ждите. Возвращение может занять какое-то время." *БИБИП.*

— Перезвони мне или напиши, чтобы знать, все ли с тобой в порядке, — говорю я кратко и кладу трубку.

Я собираюсь вернуться к Салли, но мой телефон снова звонит. Для нее это чертовски странно.

— Привет, что происходит?

Она фыркает и пытается говорить, но постоянно запинается.

Она плачет.

Моя грудь сжимается.

— Блядь. Дэйзи, что случилось?

С ее губ срываются прерывистые всхлипы, и затем она резко вздыхает, словно задыхается и не может дышать.

Блядь. Блядь. Я кладу руку на голову.

— Дэйз...

— Я... Я не могу...

У нее не может быть хренов приступ паники тогда, когда я здесь, а она там.

— Шшш, шшш, — говорю я ей так мягко, как только могу. Мне не очень хорошо дается успокаивать кого-то. Я прыгаю за девушками, которые соскальзывают с утеса. Я сопровождаю сумасшедших цыпочек в их безумных приключениях. Я учу их, как снова встать на ноги. Держу их в объятиях, пока они нафиг плачут.

Но сейчас я не с Дэйзи, чтобы сделать хоть что-то из вышеперечисленного. Я в сотнях миль и не имею права на ошибку.

— Сделай глубокий чертов вздох. Расслабься, — говорю я грубо, опуская руку вдоль тела, то сжимая, то разжимая кулак.

— Меня... тошнит... — она кашляет, слышны рвотные позывы, а затем доносятся звуки и самой рвоты.

Блядь.

Салли возникает возле меня, выглядя озабоченным. Он смотрит на меня так, будто спрашивает *что происходит?*

В ответ я просто качаю головой.

— Дэйзи, — говорю я, пробегая рукой по своим влажным волосам. — Эй, тебе нужно поговорить со мной прямо сейчас. Сделай глубокий вдох. Ты не умираешь, так что перестань вести себя так, — быть мудаком — единственный способ, которым я могу ее сейчас успокоить. Это единственный имеющийся у меня в арсенале инструмент.

Она блюет, но через минуту рвота переходит в кашель. А затем она делает вдох *немного* схожий с нормальным вдохом.

— Хорошая девочка, — говорю я.

Вскоре она выдает:

— Они сделали мои... снимки... и никого это не волновало...

О чем она, блядь, говорит? Она модель, конечно ее снимают.

— В том, что ты говоришь, нет ни малейшего гребаного смысла, — я не могу просто стоять на вершине этого хренового утеса. Я не могу просто, вашу мать, *говорить*. Я направляюсь к рюкзаку Салли, и он торопливо следует за мной.

— Я была голая, — говорит она, ее голос дрожит. — Дизайнер... она выгнала меня из своего шоу, и она раздела меня...

Вы должно быть надо мной издеваетесь. Я замираю на месте, хватаясь за свои волосы одной рукой.

— И никто ничего не сделал?

Она задыхается, снова плача.

Я почти пинаю чертов торт с утеса. Почти теряю самообладание. Я нагибаюсь до положения полуприсяда, просто чтобы не закричать. Как же я, вашу мать, ненавижу людей. Ненавижу то, что люди, о которых я забочусь больше всего, по жизни сталкиваются со всяким дерьмом.

— Эй, черт возьми, поговори со мной, — говорю я, осознавая, что сейчас она вообще замолчала. — Дэйзи? — ничего. — Дэйзи?! — я проверяю телефон. *Сигнал утерян.* Звонок оборвался. Я пытаюсь набрать ее снова, но здесь плохое покрытие. Панически смотрю на Салли.

— Нет сигнала, — говорит он, тыкая пальцем в экран своего iPhone.

Я быстро встаю и перехожу в режим под названием *Поскорее съебаться с этой скалы.*

— Нам нужно спуститься сейчас, — я поднимаю рюкзак Салли и нахожу дополнительное страховочное устройство, которое использую, когда спускаюсь вместе с ним. Я продеваю каждую ногу через чертовы ремни, пока Салли достает веревку, устройство для отталкивания от скалы и закрывающиеся карабины, его руки двигаются молниеносно.

— Она ранена? — спрашивает он, его глаза встречаются на миг с моими.

Я затягиваю ремни на своих ногах. Это не физическая рана. Она не разбилась на своем

мотоцикле, но мне, блядь, кажется, словно Дэйзи пережила лобовое столкновение.

— Я не знаю, — говорю я ему. Это правда, думаю, этой девушке постоянно больно. Все совсем иначе, когда я не там, чтобы позаботиться о ней. — Мне нужно снова с ней поговорить.

— Сложи пополам свою веревку, так ты сможешь спуститься быстрее, — он бросает мне дополнительную веревку для моего спуска, и я привязываю обе с помощью двойного морского узла. Затем я завязываю дополнительный узел на конце веревки, на случай, если я, бля, упаду. Это последняя мера предосторожности, которая может меня спасти.

— Готово, — говорит Салли. — Вот только у меня есть всего один якорь. Так что бери его. Я пойду за тобой, как только возьму свое снаряжение.

Я киваю и цепляюсь за якорь. Вздыхаю, чтобы избавиться от давления в груди. Когда смотрю на обрыв в 200 футов, все становится на свои места.

Я так эмоционально привязан к этой девушке. Если бы два года назад кто-то сказал мне, что она плачет, я бы позвал Лили или Роуз, чтобы они пообщались с ней. Но сейчас я хочу быть тем, кто защищает Дэйзи. Я хочу быть тем, кто держит ее в своих руках. Я хочу утешать ее, пока ее печаль превратится в чистейшее чертово счастье.

Я не хочу пропустить и дня без нее. Не хочу быть здесь, пока она там.

И я не могу затолкать назад эти чувства.

Не могу вернуть все, как было.

Я будто мчусь вперед на скорости сто пятьдесят миль в час. Я мчусь к ней, тогда как должен врезаться по чертовым тормозам.

Но я не знаю, как остановиться.

И не собираюсь.

Не хочу.

Такова хренова правда.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Папарацци нашли мой отель.

Я заглядываю за балконную дверь, просто чтобы проверить, что внедорожники фотографов стоят, выстроившись в линию на обочине, совсем не прячась. Вспышки ослепляют меня. *Щелк, щелк, щелк* раздается волной. Я тут же закрываю дверь, мое сердце бешено колотится.

Я пытаюсь избегать их каждый раз, как выхожу из гостиницы, направляясь на работу, но из-за Майки, который следует за мной на мопеде в отнюдь неспешном темпе, мы не можем оторваться от всех журналистов. Сейчас Майк отдыхает в своем гостиничном номере, а я в своем.

Прошел один день с тех пор, как мои фото появились на первых полосах газет, а мое имя в заголовках, в результате, сейчас я еще популярнее, чем раньше. Прошел один день с тех пор, как я разговаривала с Риком, который успокаивал меня, растрачивая свое время в карьере.

Я почти что почувствовала, что он здесь.

Но его нет.

И сейчас моя мама шлет мне смски: *Ты должна прямо сейчас пойти и поговорить с дизайнером, помириться с ней. Извиниться. Купи ей что-нибудь.* И так далее и тому подобное. Будто я могу отправиться к дизайнеру и *подкупить* ее хорошее расположение, потребовать, чтобы она меня полюбила. Это так не работает.

Еще сложнее от того, что моя мама никак не успокоится.

А я не могу даже думать о фото, где я обнаженная за кулисами. Когда я их представляю... на них я не совсем голая, однако, одно воспоминание об этих снимках вызывает тошноту. Одна мысль о них вынудила меня провести вчерашнюю ночь в обнимку с унитазом.

Я завязываю свои волосы в высокий пучок, нервно вышагивая по своему номеру, снова выглядывая за занавески. Желудок сводит судорога, а слой пота выступает у меня на лбу. Сейчас полночь, и я не могу ничего сделать. Не могу выйти на улицу, не привлекая внимания фотографов, но не могу и оставаться здесь, словно узник этой гостиницы, задыхаясь от собственной безумной паранойи.

Мне нужно выйти из номера. Я должна подышать.

Я кладу бумажник в карман джинсовых шорт, меняю майку на свитер с длинным рукавом с надписью *Оставьте при себе свою невероятность*, и поддавшись импульсу, вылетаю из номера. Без Майки, могу вести свой мопед так быстро, что ускользну от папарацци. Я могу отправиться куда хочу. На озеро, на реку, куда угодно, могу подышать леденящим воздухом. Куда угодно.

Я настраиваюсь на этот спонтанный план и открываю двери лестничной клетки. Мне не нравится ездить на лифте без общества кого-то, кому могу доверять. Типа Рика или Майки. Без них я бы раскачивалась на пятках взад-вперед, глядя стеклянными глазами на то, как сменяются цифры, молясь о том, чтобы он не остановился ни на каком этаже, и мне не пришлось ни с кем делить это пространство.

Так что лестница лучше. Она более скрытна, меньше шансов столкнуться с кем-то, кого

я знаю, никаких старых друзей. В Париже эта возможность априори ничтожна, но страх все еще гонит меня к лестнице.

Мое сердце никогда не замедляется, параноидально стуча в груди. Однако, хоть лестница и лучше, но не на много. На меня никогда не нападали на лестничной клетке, но в фильмах это первое место, куда идут злодеи, не так ли? Именно на лестницах плохие парни преследуют героев.

Но обычно герои убегают вверх по лестнице. Думаю, я бы тоже могла.

Я на пятом этаже, так что бегу вниз, перепрыгивая через несколько ступенек за раз, направляясь прямо в лобби гостиницы; в некоторых углах лестничных пролетов светят флуоресцентные лампы, а некоторые едва освещены. На стенах написаны номера этажей.

4.

Я останавливаюсь на секунду, прислушиваясь. Дверь на каком-то верхнем этаже открывается. *О боже.* Кто-то последовал за мной сюда? С моего этажа. По звукам кажется, что они близко.

Я быстро бросаюсь вниз.

3.

Шаги другого человека или людей раздаются громким эхом, и они начинают ускоряться, соперничая со скоростью моего шага. Мое дыхание такое прерывистое. Я глубоко вздыхаю, как только понимаю, что задержала дыхание.

2.

Моя рука скользит вдоль перил, а ноги двигаются, заплетаясь.

— Дэйзи!

Я замираю. Становлюсь ледяной статуей. Этого не может быть...

Я разворачиваюсь, и моя челюсть отвисает. Я теряю здравый рассудок.

— Ты не можешь быть настоящим, — я делаю паузу. — Ты же в Филадельфии.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Рик стоит на четыре ступеньки выше меня, на нем надеты кожаная мотоциклетная куртка и темные джинсы.

— Я вылетел после твоего звонка мне. Вот только что буквально добрался сюда.

Он внимательно разглядывает меня от макушки до пальчиков ног, его уверенный напряженный взгляд разжигает жар в моем теле, уничтожая тот внутренний холод. Рик выглядит настоящим.

— Когда я вышел из лифта на твоем этаже, то увидел, как ты вышла на лестничную площадку. Я не думал, что напугаю тебя.

Облегчение так и норовит накатить на меня волной. Он здесь. Ради меня?

— Я не испугалась, — говорю я.

— Ты выглядела, будто была в ужасе, — отвечает он категорически. Я слежу за тем, как его взгляд вновь порхает по моим чертам лица, его грудь вздымается и опадает в медленном ритме. Рик будто устанавливает между нами невидимый мост, преодолевая оставшиеся четыре ступени. Он все еще возвышается надо мной, когда наши взгляды встречаются.

— Но сейчас я уже не боюсь, — говорю я, смягчаясь.

Он кивает несколько раз, подтверждая это, а затем спрашивает:

— Ты собиралась на встречу с тем странным гребаным парнем? — его глаза становятся темнее.

Я чувствую намек на ревность. Или возможно, он просто пытается защитить меня от Иана. Да, это точно не ревность.

— Ты разве не слышал? Он оказался очень неудобной подушкой.

— Я думал, что я твоя чертова подушка.

Я хмурюсь.

— Ты же не хотел быть моей подушкой, помнишь? Фактически, ты сказал мне найти тебе замену.

— И как твои успехи? — спрашивает он грубо. И я вижу, как он очень быстро постукивает пальцами по своему боку.

— Превосходно, — говорю я. — Никогда так хорошо не спала.

— Наверное, поэтому у тебя под глазами черные круги.

— Ты подловил меня, — говорю я, пожимая плечами. — Я не нашла ни одной приличной замены подушки, но я по-прежнему не сдаюсь и ищу, как ты и просил.

Глубоко вздыхая, Рик напрягает свои мышцы, а в его глазах появляется злость.

Я добавляю:

— Ты тоже заменил меня — в моем горле встает ком. — Выглядело так, будто ты наслаждался, обслуживая ту девушку, — его взгляд уверен, а ярость набирает обороты. Когда Рик не отвечает, я просто пожимаю плечами и добавляю. — Это хорошо, знаешь ли. Ты встречаешься с другими, я встречаюсь с другими...

И в этот момент его губы набрасываются на мои, Рик целует меня страстно, с силой и злостью, от чего мое сердце взрывается в груди. Напряженный стон вырывается из моего горла так неожиданно, что я не могу его сдержать.

Наши тела соединяются, словно они умирали от жажды друг друга годами. Рик

подхватывает *обе* мои ноги и оборачивает их вокруг своей талии, прижимая меня к стене так, что моя киска оказывается напротив *него*. Его язык легко проскальзывает в мой рот, вступая в самую приятную на свете борьбу. Мои пальцы зарывается в его густые, мягкие волосы, сжимая их и лаская всеми теми способами, о которых я только мечтала.

Он отрывается лишь раз, поднимая руку у меня над головой, пока весь вес его тела прижимается к моему. Когда Рик говорит, его тихий голос наполнен мужественностью:

— Тебе не нужно меня заменять. Ты и так можешь получить меня, сладкая.

Я жадно хватаю воздух.

— Повтори это.

Его губы касаются моего уха, обдавая кожу горячим дыханием.

— А может я лучше, черт побери, тебя поцелую? — и затем он снова отыскивает мои губы, и мы сливаемся воедино, желая поглотить друг друга. С каждым поцелуем я будто бы пью его, мое тело выгибается, прижимаясь сильнее к его груди и твердеющей длине.

Я скрещиваю лодыжки, обхватывая бедрами его талию, умирая от возбуждения и неистовой потребности. Я не останавливаюсь, чтобы осмыслить все происходящее. Просто фокусируюсь на ощущениях, которые до сегодняшнего дня были мне неведомы.

Он снова прерывает наш поцелуй, на этот раз для того, чтобы припасть губами к моей шее и присосаться к ней, его губы мягкие, но давление сильное и интенсивное, как и сам Рик. Мой следующий стон больше похож на пронзительный крик. Чувствительное местечко между моих ног потирается о его член, и только одежда разделяет нас сейчас. Чем сильнее он посасывает мою кожу, спускаясь все ближе к груди, тем больше выгибается моя спина, словно предлагая ему всю меня. А в ответ его пах сильнее вжимается в мой пульсирующий центр.

Я едва ли заметила, как он развязал узел моих волос и обернул их вокруг своего запястья. Длинные белокурые пряди сильно выделяются на фоне его кожи. Напряженность между нами порождает еще большую жажду, и я крепче прижимаюсь к нему, пока Рик хватается меня за попку, отрывая от стены. Резко он разворачивается, и моя спина прижимается к перилам.

Рик целует меня снова. И я взвизгиваю, когда он приподнимает меня выше, усаживая попкой на перила. Я ощущаю лестничный колодец у себя за спиной, чувствую опасность, риск, и от этого ощущения сердце стучит чаще.

Рик надежно удерживает меня, расположив руки на моих бедрах. А затем он толкается вперед, потираясь членом прямо о мой клитор, который к этому времени уже предельно болит и пульсирует. Я никогда не была так ни кем поглощена.

Рик Мэдоуз вселил силу в мое тело и душу.

Он больше, чем просто моя подушка.

Мой волк.

Мой телохранитель.

Он — мое все.

Каждый раз, как наши губы встречаются, между нами будто вспыхивает новая искра. Наши руки ищут новые места для прикосновений, прямо сейчас мои пальцы проскальзывают под пояс его джинс, располагаясь на верхней части его задницы. Одна его рука проскальзывает под мой свитер, прикасаясь к голой, чувствительной коже над моими ребрами. Его невероятная сила воли явно лучше моей собственной, так что ему стоит перестать целовать меня и позволить нам обоим перевести дыхание.

Он так и делает, при этом пробегая пальцем по моей припухшей губе.

— Я собираюсь доказать ошибочность каждой гипотезы, которая у тебя когда-либо была на счет мужчин, — говорит он.

И от этих слов моя грудь сжимается. В этот момент я реально могу свалиться в обморок. Честно, я думала, что этот миг никогда не наступит.

— У меня была теория на счет того, что отсутствие поцелуев гораздо сексуальнее, нежели их наличие, — я была такой глупой. Сейчас мне кажется, что я могла бы вечность целоваться с Риком.

— Я знаю, — говорит он. — Ты и сейчас в нее веришь? — его взгляд опускается к моим губам.

Я широко улыбаюсь.

— Черт, просто поцелуй меня.

И он целует, одновременно с тем усмехаясь. Но этот поцелуй более чувственный, более пьянящий, нежели был предыдущий. Его рука скользит под мои шорты, зарываясь под трусики и ложась на голую кожу моей попки. Он сжимает мою ягодицу, и я вскрикиваю, уткнувшись лицом в его плечо.

Я сильнее прижимаюсь к нему, сжимая его волосы в кулаки, а затем целую уголок его рта, на секунду отказывая ему в доступе к своим губам. Он старается повернуть лицо так, чтобы захватить мои губы и полноценно поцеловать меня, но я уклоняюсь, отстраняясь всего на несколько сантиметров. Рик смотрит на мой рот, его губы приоткрываются, пока его полный похоти взгляд скользит по моим чертам. И когда я преодолеваю это расстояние между нами, встречаясь с его языком своим, то в ответ его мышцы напрягаются еще сильнее. Стон вырывается из его горла.

И я понимаю, что Рик растопил во мне каждый кристаллик холодного льда. Вместе с ним нет чувства неловкости.

Я чувствую себя правильно.

Мы снова разворачиваемся. И я откидываюсь назад, подсознательно понимая, что обопрусь спиной о стену. Но за спиной не оказывается стены. Лишь воздух ударяет мне в спину, когда я падаю назад, но Рик поддерживает руками мою попку. Так что я оказываюсь висящей вверх ногами, от чего кровь приливает к голове.

Волна адреналина усиливает все мои ощущения раз в десять. Я смеюсь, когда Рик поднимает меня обратно. Мои волосы спутались, закрывая лицо, словно я только что прокаталась на американских горках.

Мой голос раздается эхом по лестничным пролетам.

— А помнишь, у меня есть теория, что отсутствие прелюдии делает секс лучше?

Мы уже пересекли одну границу, и я знаю, что и я, и он не из тех, кто привыкли тормозить, мы — те, кто обычно мчимся вперед на бешеной скорости. И я хочу мчаться в этом направлении вместе с Риком. Заняться сумасшедшим сексом, будто мы звезды легкой атлетики на бейсбольном поле.

Он целует мою щеку, от чего мы почти что заходим на новый круг страстных поцелуев и ласк, но все же как-то сдерживаем себя от окончательной потери рассудка.

— Не сейчас, — говорит он. Его взгляд бросается к моим наручным часам.

— Я не устала, — говорю ему. — Если на то пошло, я... — я не могу даже это сказать.

— Влажная? — он перемещает руку с моей попки на переднюю часть шорт. Святое дерьмо. Его пальцы не опускаются под мои трусики. Он просто кладет ладонь поверх моего

жара, в то время как его взгляд не отрывается от моего. — Ты даже не близко к тому, чтобы быть достаточно влажной для меня, сладкая.

Охх. Я тяжело дышу и обнимаю его за шею. *Возьми меня прямо здесь.* И прямо когда я думаю, что он собирается отодвинуть мои трусики в сторону и проскользнуть в меня своими пальцами, Рик вытягивает свою руку из моих шорт.

— Почему ты остановился? — хмурюсь я. — Потому что мы на лестничной площадке? Его порочный взгляд скользит по всему моему телу.

— Кэллоуэй, я бы трахнул тебя в каждом уголке каждого лестничного пролета, а затем сделал это снова, чтобы убедиться, что не пропустил ни одного.

Моя челюсть отвисает.

— И знаешь, я бы трахал тебя на лестничной клетке с большим удовольствием, чем в кровати.

— Почему?

Он пробегает пальцами по своим волосам, а затем опускает руку на мой затылок.

— Потому что так, бля, веселее, — он снова сильно целует меня так, что все мое тело льнет к нему. Мои бедра толкаются навстречу его паху. Но Рик отворачивает голову и сильно сжимает меня за талию. — Блядь, — стонет он. Его взгляд опускается туда, где соприкасаются наши тела, где его член потирается о пульсирующий жар моего тела.

— Насколько ты большой? — спрашиваю я, тяжело дыша. Я чувствую его длину через джинсы. Знаю, что он большой. Знаю, что сейчас он твердый. Знаю, что он — это все, чего я хочу.

— Ты не узнаешь этого сегодня.

Я топорщю нижнюю губу.

— И не смотри на меня этими зелеными оленьими глазками.

— Разве они не плавят твое каменное сердце? — шучу я.

— Камень не может, блядь, растаять, — отвечает он. — Он просто становится горячим.

— А ты сейчас горячий?

Его бровь приподнимается.

— А ты как думаешь?

Я снова улыбаюсь.

— Ну... — а затем мои губы медленно кривятся, когда я кое-что осознаю. Он так и не ответил мне насчет той девушки. — Когда мы вернемся в Филли, ты собираешься встречаться с той девушкой? — может это просто интрижка в Париже, пока мы вдали от наших семей?

Его взгляд становится суровым.

— Блядь, нет.

— А ты расстроишься, если я буду встречаться с парнем моделью с той ночи?

Его реакция говорит лучше слов. Твердыми руками Рик ставит меня на ноги и сжимает перила по обе стороны от моего тела. Злость хлещет в его темных глазах.

— Ты хочешь встречаться с тем парнем? — его слова кажутся неестественными, словно он со всех сил пытается не использовать брань.

— Вау, тебе удалось задать этот вопрос без матов.

— Ты убиваешь меня.

Я тыкаю ему в грудь пальцем.

— Ты *разбил* мое сердце, когда велел мне переспать с другим парнем.

— Черт возьми, я не... — рычит он разочарованно, проводя рукой по своим волосам. Я люблю, люблю, когда он так делает, даже если Рик расстроен. От этого внутри меня, что-то вспыхивает. — Я никогда не хотел, чтобы ты трахалась с кем-то другим! Бога ради, мое сердце кровоточило, даже когда я говорил тебе начать встречаться с другими парнями, — он смотрит на свой карман куртки и стонет, еще сильнее раздражаясь. Вынимая свой вибрирующий телефон, Рик игнорирует звонящего, отклоняет вызов и сует телефон обратно. — Посмотри на меня, — говорит Рик.

Мои глаза встречаются с его. Его руки и корпус будто клетка удерживают меня возле перил лестницы.

— Я даже не могу спокойно наблюдать, как ты флиртуешь с каким-то хреновым парнем.

Мне не следует снова поднимать эту тему, но я не сдерживаюсь.

— Я наблюдала, как ты удовлетворял другую девушку, — боль вспыхивает снова внутри меня, а живот скручивает от одного этого образа. — Ты поцеловал ее колено. Смотрел на нее так, словно она прекрасна...

Его большая ладонь накрывает мой рот.

— Блин, остановись, — его дыхание тяжелое, будто парень пробежал марафон, будто он взобрался на гору в считанные минуты. — Я никогда не спал с ней, но я не могу изменить то, о чем ты говоришь. Я бы очень хотел сделать это, но бля, я не могу.

Он никогда не спал с ней. От осознания этого факта у меня на глазах наворачиваются слезы. Я вижу, как сильно это мгновение тяготит его, и по его позе и морщинам на лбу, понимаю, что мои внутренние мучения эквивалентны его собственным.

Он все еще удерживает ладонь поверх моих губ.

— Я игнорировал множество дерьма в своей жизни, но я не хочу игнорировать то единственно хорошее, что у меня есть. Это слишком болезненно, — он пронизательно смотрит в мои глаза, моя грудь вздымается, наполняясь чем-то чистым и теплым. — Я поцеловал тебя сегодня, потому что хочу, чтобы твои губы касались лишь моих. С этого мгновения и навсегда. Вот какова чертова правда, — его руки падают по швам.

А мое сердце не может успокоиться, бешено стуча в груди. *С этого мгновения и навсегда.* Я скольжу руками вниз по его предплечьям. Он не отходит. Но при этом довольно серьезен. Рик хочет, чтобы мы были вместе, не встречались больше с другими людьми.

— А как же твой брат? — задаю я вопрос на миллион долларов. — И моя мама... мой папа? — они — наши наибольшие препятствия.

— Это зависит от тебя, — говорит он. — Мы можем сказать им или не говорить, оставив это только между нами, пока поймем, что разница в возрасте для них станет не так важна.

— И когда это случится?

Он качает головой.

— Я не знаю. Может, когда тебе будет двадцать.

Через полтора года. Думаю, я могу подождать столько. Если мы расскажем кому-нибудь сейчас, думаю, мама разорвет Рика, не позволив ему быть со мной. Думаю, последует еще больше головной боли и бед. А я просто хочу чего-то хорошего. Чего-то правильного без лишних приложений. Так что я говорю:

— Я не хочу никому рассказывать.

Он кивает и облегченно вздыхает. Я не думаю, что Рик готов противостоять своему

брату. Сейчас он немного отступает назад, но наблюдая за мной начинает кривиться. Такое же выражение лица было у него, когда я заговорила об Иане.

— Я хочу объяснить тебе суть вещей, — говорит он, — потому что я, блин, все еще переживаю, что ты не понимаешь, чего я хочу.

Я улыбаюсь.

— Ладно.

— Мы вместе, — говорит он в лоб. — Я не собираюсь встречаться ни с кем, кроме тебя, даже при том, что никто не будет знать о наших отношениях. Мы не будем встречаться с другими людьми даже ради видимости. Все просто будут думать, что мы одиноки.

Я киваю.

— Мне нравится.

И тут опять гудит его телефон. Он снова его достает, жутко раздражаясь. И отклоняет вызов еще раз.

— Нам стоит подняться в твой номер.

Я наклоняю голову, игриво улыбаясь.

— Как самоуверенно с твоей стороны.

— Милая шутка, — говорит он. — Но мы не будет трахаться. Мы встретимся там с двумя людьми.

Я хмурюсь.

— Что?

— Я прилетел не один.

Мой желудок словно падает в яму, а глаза расширяются до размера блюдца.

— Думаешь, я мог покинуть Филли, чтобы проверить как ты тут и при этом не вызвать ни у кого беспокойства? Они тоже читают таблоиды, — они узнали, что меня выкинули с показа Хейвайндол.

— Кто? — спрашиваю я. — Кто прилетел с тобой?

Рик касается моей поясницы и ведет вверх по лестнице.

— Сюрприз.

Я не люблю сюрпризы.

И этот в любом случае не будет приятным. Остаться наедине с Риком кажется горячим, восхитительным отпуском. Добавьте сюда моих сестер или его *брата*, и все превращается в неловкое и некомфортное... но несомненно более опасное, времяпровождение.

Опасность. Она меня очаровывает. И это то, что когда-то так сильно сблизило нас.

И прямо сейчас я осознаю, что это начало чего-то нового.

РИК МЭДОУЗ

Ло поднимает руки, когда мы заходим в коридор гостиницы, направляясь к нему.

— Я звонил тебе десять раз. Что, черт побери, вы творите?

Я указываю на Дэйзи рядом со мной, между нами нормальное расстояние даже при том, что я бы с большим удовольствием вернулся на лестницу, где ее руки обнимали меня за предплечье.

— Я пытался найти ее. Ее не было в номере.

— Я направлялась к торговым автоматам, — говорит она, маскируя ложь ослепительной, неизменно прекрасной улыбкой.

Ло немного расслабляется. На нем надета, повернутая козырьком назад бейсболка, от чего парень выглядит как гребанное дитя 90х. Но эта часть гардероба нужна ему, чтобы хоть немного замаскироваться от людей, не скажу, что она ему особо помогает. У него очень выделяющиеся черты лица, которые вызывают внимание даже среди моделей мужчин.

— Так вы приехали, чтобы проверить, как я здесь? — спрашивает Дэйзи с еще более широкой улыбкой, подскакивая на месте, когда мы останавливаемся перед дверью ее номера. Она выглядит совершенно другим человеком рядом с моим братом.

Двумя дюймами дальше стоит Коннор Кобальт.

Мы единственные пассажиры, прибывшие на реактивном самолете компании Коннора.

И находиться здесь наедине с Дэйзи для нас в новинку. Обычно с нами есть Лили, старшая сестра Дэйзи, самая дикая из сестер Кэллоуэй.

— Ага, — говорит Ло. — Как поживаешь?

— Уже лучше, — она убирает прядь волос за ухо.

Дэйзи выглядит пиздец, как ужасно. Я не говорю ничего об этом, но думаю, мы все заметили, что она уже давно не спала. Ее лицо реально охренительно бледное, тело слабое, и потому все, что я хочу сделать, так это взять и уложить ее в кровать. Наверное, я выгляжу немного озабоченным, но меня не волнует, если кто-то из парней позже упрекнет меня в этом. Я чертовски обеспокоен и не собираюсь успокаиваться.

— Верно... — говорит мой брат, не веря ей до конца, пока его взгляд внимательно исследует черты ее лица.

Я говорил Ло, что поеду в одиночестве. Но меня так сильно волновало его мнение, что было просто сложно уехать одному, покидая его.

Однако напряжение в этом номере растет с каждой минутой, потому что мы все знаем о его отношении к нашей с Дэйзи дружбе. Сейчас же, когда мы вышли за рамки этого тупого термина, ложь тяжело давит мне на грудь.

Ложь.

Я привык жить в ее колыбели и следующей за ней виной. Так было всегда.

— Плохие новости, — говорит Ло, поворачиваясь ко мне. — Коннор облажался.

Я испускаю короткий смешок.

— Я никогда бы и не подумал, что услышу эти гребаные волшебные слова.

— Я ненавижу почти половину из только что сказанных тобой слов, — говорит Коннор расслабленно, словно его и правда не волнует мое мнение, но я вижу, что ему не все равно по тому, как парень сжимает губы.

Волшебные — Коннор охрененно ненавидит волшебство.

А еще ему ненавистно быть неправым.

— Что ты сделал? — спрашиваю я.

— Ничего, — говорит Коннор. — Вот почему, я и облажался.

— Он забыл забронировать номер, — поясняет Ло. — А из-за Кубка Мира по регби, что проходит в Париже на этой неделе плюс Неделя Моды, ни здесь, ни в ближайших гостиницах нет свободных мест.

Блядь.

— Как ты мог забыть о таком? — спрашиваю я Коннора, содрогаясь от того, что так сильно ему доверял. Ну правда, у него ведь фотографическая память. У него повсюду висят чертовы записки и оповещения, чтобы напоминать о важных делах.

— Это в целом не твое дело, но у меня были кое-какие проблемы с женой, — говорит он. — Мои мысли витали в другом месте.

Он все еще сражается с ней?

— Она в порядке? — спрашивает Дэйзи, доставая телефон из кармана и набирая сообщение Роуз.

— Она настолько в порядке, насколько может быть, — завуалированно сообщает Коннор.

— Стервозная, — поясняет Ло, — супер напряженная, одержимая надоедливая Роуз, — он улыбается. — Боже, как же я рад, что она не поехала с нами.

Бровь Коннора выгибается.

— Я тоже начинаю быть благодарен. Правда, у меня нет настроения утихомиривать двоих пятилеток, — он выдерживает паузу. — И если вдруг вы не поняли о ком я, то это относилось к ней и тебе.

Ло смеется, не принимая эту шутку близко к сердцу. Видите, это дерьмо чертовски раздражает. Если бы я сказал подобное Ло, он бы пренебрег мною. Но Коннор, он может сказать все, что хочет на этот счет, острить и при этом не утратить симпатию моего брата.

Это так сильно меня раздражает, что я поворачиваюсь к Дэйзи и протягиваю руку.

— Твоя ключ-карта, — она достает ее из кармана и передает мне. Я открываю дверь, слыша, что беседа парней продолжается и без моего участия.

Дэйзи спрашивает:

— Она не отвечает мне. Мне следует ей позвонить?

— Нет, — говорит Коннор, пока я вхожу в номер Дэйзи. Ребята следуют прямо за мной.

В ее комнате стоит кресло, оно прислонено спинкой к ручке двери ванной. Я ставлю его обратно на все четыре ножки, прежде чем кто-то из парней заметит и начнет задавать вопросы.

— Однако, я волнуюсь, — говорит Дэйзи. — Она обычно отвечает мне сразу же.

— Не бери в голову, — начинает он. — Ты моложе Роуз на семь лет, и хотя я, например, не парюсь из-за своего возраста, она чувствует его весомость в отношении тебя. По мнению Роуз, это не ты, а она должна о тебе заботиться.

— Но ты же можешь в свою очередь позаботиться о ней? — спрашивает Дэйзи.

— Я ее муж, я равен ей.

Я могу почувствовать то, как Дэйзи понимает это последнее слово. Ее плечи опадают от самой идеи того, что она не ровня своей сестре, что она нечто *меньшее*.

— Эй, — киваю я Дэйзи, а затем качаю головой. — Не очень-то анализируй его

долбаную речь.

Она почти не смотрит на меня. Просто спрашивает Коннора дальше:

— Если ее работа — заботиться обо мне, тогда почему она не здесь?

Дымка злости накрывает, как волна, ее черты лица.

— Она бросила мне вызов, — Коннор сует руки в карманы своих гребаных черных слаксов. — Она хочет, чтобы я понял, что же расстраивает ее, и готова сделать что угодно, лишь бы обыграть меня в этом споре.

— Я думал, она сказала, что у нее всю неделю встречи, — говорит Ло, хмурясь.

— Может, так и было, — Коннор снова сует руки в карманы. — Но Роуз отменила бы любую встречу ради своих сестер. Она должна быть здесь. И она *была бы* здесь. Но хочет выиграть, а выигрыш означает проложить между нами океан, — их отношения такие чертовски странные.

— И что ты думаешь, она скрывает? — спрашивает Ло.

— Если бы я знал, игра была бы закончена, и Роуз была бы здесь, — говорит Коннор легкомысленно.

— Возможно, я смогу выудить это из нее, — предлагает Дэйзи.

— Маловероятно, — говорит Коннор. — Лили, вероятно, единственная, кто знает.

Даже несмотря на честность Коннора, когда он говорит, что Дэйзи для Роуз не та сестра, с которой она всем делится, это ранит Дэйзи отнюдь не меньше. Она снова убирает волосы за ухо, а затем исчезает в ванной.

Коннор замечает ее быстрый уход.

Я делаю шаг ему навстречу, понижая голос.

— Клянусь гребаным господом, тебе нужно поработать над своей тактичностью в общении с Дэйзи.

— Во-первых, не клянись господом рядом со мной. Он не слушает, когда я в комнате. А во-вторых, я думал, она может с этим справиться. Сегодня я неверно читаю реакции людей. Признаю это, — он стискивает зубы, глобально парень делает так крайне редко.

— Если тебе нужно улететь домой, то езжай, — говорю я ему.

Ло скрещивает руки на груди.

— Но Лили же там с Роуз, так что через что бы она ни проходила, ты знаешь, что ее сестра позаботится о ней.

Лили пришлось остаться, так как у нее занятия в Принстоне, она единственная из всех нас еще учится в колледже.

И я могу сказать, что Ло хочет, чтобы Коннор остался здесь в течение всего нашего путешествия. После этого мы планируем отправиться в Калифорнию. Если Коннор капитулирует сейчас, то он не поедет с нами.

— Если ты вернешься домой, — говорю я, — Роуз все равно не расскажет тебе о проблеме.

Коннор кивает.

— Да, лучше мне побыть пока здесь. Мы бы порвали друг друга на кусочки, если бы были сейчас там вместе.

Через пару минут, после того, как мы опускаем на пол наши сумки, я бросаю взгляд через гостиничный номер, замечая, как Дэйзи выскальзывает из ванной, будучи одета лишь в пижамные шорты и майку, ее волосы все еще связаны в высокий пучок. Сейчас она не кажется расстроенной. Пока мой брат нагибается к сумке, копясь в кармане, она подходит

ко мне, застенчиво улыбаясь.

Я помню ощущение этих мягких губ на своих, моего языка у нее во рту. Это кажется похожим на чертов сон. Мой взгляд мечется к брату, все еще ищущему что-то в сумке.

Я провожу рукой по волосам, подавляя свое воспоминание. Неподвижно я стою посреди комнаты, Дэйзи подходит ближе. Я осторожно наблюдаю за ней, пока она не останавливается в дюйме от меня. Я опускаю взгляд.

И она тихо шепчет:

— Ты привез мою контрацепцию?

На секунду ее взгляд порхает к моему брату, но он повернут к нам спиной. Я стараюсь не волноваться о нем прямо сейчас.

— Ты хочешь выпить таблетку прямо сейчас? — спрашиваю я у Дэйз таким же тихим шепотом.

Она кивает, и ее дыхание становится поверхностным. На ней не надет лифчик, она вообще редко его одевает, и ее соски явно сейчас твердеют под тканью топа. Я с огромным трудом гоню мысли о том, чтобы взять их в рот, поработать над ними своим языком. Знаю, мы совсем недавно впервые поцеловались, но сколько же вещей я уже хочу сделать для нее, с ней. Одна из причин почему я рад, что мы никому не рассказываем о наших отношениях — в том, что из-за этого нам придется двигаться медленно.

Я бы трахнул ее прямо на лестничной площадке, если бы здесь не было Коннора и Ло.

А затем я бы трахнул ее на кровати.

Но данная ситуация повышает ставки. Благодаря ей наш первый раз будет еще лучше. А я хочу, чтобы он был чертовски изумительным.

Я сурово смотрю на ее груди, а затем в глаза. Дэйзи понимает мой сигнал и скрещивает руки на груди, а ее лицо сразу же заливается жаром.

— Со мной почти никогда не случается подобного, — говорит она себе под нос.

— Перестань представлять, как я тебя трахаю, — выдыхаю я, — и возможно, тогда такое не будет происходить, — я убираю волосы с ее лица.

Она улыбается, словно я угадал направление ее мыслей.

— Тогда это будет не так весело, — она снова бросает взгляд на моего брата, который встает, держа набор с туалетными принадлежностями. — Контрацепция? — спрашивает она.

— Передний карман моей сумки, — я делаю пару шагов от нее и хватаю со столика меню для доставки в номер.

Мой брат оставляет дверь ванной открытой, пока чистит зубы, а Дэйзи расстегивает мою сумку. Коннор наблюдает за ней, выглядывая из-за монитора своего ноутбука, пока Дэйзи стоит на коленях на полу.

Прежде чем он успевает задать вопрос, она говорит:

— Кто будет спать в кровати?

— Ты, — отвечает Коннор.

— Это глупо. Рик и Ло могут спать в одной постели, а я займу сегодня кресло.

— Нет, — говорю я одновременно с братом, выглядывающим из ванной.

— Я не хочу занимать *всю* постель.

Коннор добавляет:

— Рик может разделить постель с тобой. Проблема решена, — он очень быстро стучит по клавиатуре, а его взгляд не отрывается от экрана. — Какой же я талантливый.

Ло выглядывает через дверной проем, у него во рту зубная щетка.

— Ты что, выкурил в самолете косяк? Потому что, должно быть, черт возьми, под кайфом, раз предлагаешь положить моего брата с ней в постель, пока мы с тобой находимся в этой же комнате.

— Я же не говорил ничего о сексе, — он перестает стучать по клавиатуре. — Я не хочу увидеть ничего подобного так же сильно, как и ты.

Щеки Дэйзи заливаются румянцем. *Чертовски охуенно.* Я и забыл, что она видела порно с Коннором. Я закрываю меню. Там нет ничего, что я бы хотел заказать.

Пробегая рукой по волосам, говорю:

— Я буду спать на полу. В этом нет ничего страшного.

— Конечно. Ты, вероятно, чувствуешь себя как дома, лежа на земле, — говорит Коннор, широко улыбаясь.

Ло никогда не заступает за меня перед нападками и стебом Коннора. Возможно, это должно мне о чем-то сказать. Но я просто собираюсь сам ответить на это поддразнивание.

— Иди на хуй, — говорю я Коннору, даже не желая тратить время на нормальный ответ.

На это Коннор просто еще больше злорадствует.

Ло возвращается в ванную, включая кран.

Я наблюдаю за Дэйзи. Она держит руки в кармане чертовой сумки и единственный раз достает ее оттуда лишь для того, чтобы незаметно засунуть таблетку в рот. Затем девушка быстро застегивает молнию и встает.

Коннор замечает ее движения и подозрительно смотрит то на меня, то на нее.

— Что ты только что взяла? — спрашивает он у нее, его голос тихий, что означает, что Коннор, как минимум, не хочет поставить в известность моего брата.

— Адвиел, — легко лжет она. — У меня судороги, — она забирается в кровать, не говоря больше и слова. Я могу сказать, что Коннор ей не поверил. Если кто и может читать Дэйзи так же хорошо, как я, так это Коннор. Но сейчас он возвращается к своей работе, не раздувая больше данный вопрос. Что касается моего брата, я наблюдаю за тем, как он чуть дольше задерживается в ванной.

Найдя Амбиен в ящике прикроватной тумбочки, я достаю две таблетки и передаю их Дэйзи. Она смотрит на Коннора, но он слишком занят собой, больше не интересуясь нашими делами.

Я подаю ей бутылку воды, и она неуверенно принимает ее. Ее параноидальный взгляд бросается к балконной двери.

— Я закрою ее, — шепчу я так, чтоб Коннор не слышал. — Но ты должна довериться мне в том, что никто не скрывается в ванной, — сейчас я ничего не могу поделать с той дверью.

Она кивает.

— Хорошо, — полулежа, отперевшись на свои локти, Дэйзи смотрит на мои губы.

Я не могу поцеловать ее прямо сейчас. Потому что знаю, этот поцелуй не закончится одним чертовым разом. Он будет длиться как минимум пять минут, а мы не можем позволить, чтобы мой брат увидел нас.

Так что вместо этого я удивляю ее, медленно пробегая ладонью по ее бедру к ребрам и груди, останавливаясь чуть выше линии ее топа. Мои мышцы напрягаются, когда она изгибается от возбуждения, особенно, когда я потираю большим пальцем ее твердый сосок.

Я так долго подавлял в себе желания чего-то подобного. Это гребаный разворот на 180 градусов в наших отношениях. Адреналин затуманивает мою долбанную голову. Я смотрю на

ее стройное тело на кровати, извивающееся от прикосновений моей руки. От этого образа мой член твердеет, как никогда раньше.

Но я представляю моего брата.

Бьющего меня кулаком в лицо.

Это помогает. Немного. Еще я представляю ее с другим парнем. И *этот образ* вынуждает меня прекратить думать, что *это так неправильно. Отвернись сейчас же, Рик.*

Но я даже не могу отвернуться.

Все ее тело для меня. И я хочу поработать над ним так чертовски хорошо, как только могу.

Ее рот приоткрывается, а из уст вырывается тяжелый вздох. А затем Дэйзи охренительно ярко улыбается.

Я убираю свою руку от нее, как только чувствую, что мой брат возвращается в комнату. Дэйзи настолько румяная, что зарывается лицом в подушку, чтобы успокоиться.

Я люблю наблюдать за тем, как она переживает подобные чувства, тем более после того, как узнал о том, что она их никогда не испытывала. Я хочу довести ее до состояния эйфории сильнее, чем что-либо.

Оставляя Дэйз, я иду закрыть балконную дверь. Замок ничтожный, просто поворотная защелка. *Сейчас меня не удивляет то, что она не могла, бля, спать.* После этого направляюсь к выходу, закрывая номер на засов и цепочку. Когда оборачиваюсь, глаза Коннора сверкают на меня из-за монитора.

— Не знаю, слышал ли ты, но Сара снова мутит воду, — говорит Коннор.

— Моя мама уже стала причиной одного цунами, так что, что бы она там сейчас ни делала, я реально не хочу об этом знать.

Коннор протягивает мне свой телефон, не позволяя игнорировать эту новость. Я хватаю чертову штуковину с его руки. Заголовок статьи гласит: *Скоро откровенное интервью Сары Хейл длительностью в 60 минут.*

— Ты, должно быть, разыгрываешь меня, — говорю я, глядя на фото моей матери, сидящей со скрещенными ногами в кресле на фоне темно-синего задника. У меня такие же темные волосы, как у отца, в отличие от нее. Благодаря ее золотисто-каштановым локонам и торчащему носику, ее сравнивают с Джулией Робертс. Она родом из бедного городка в Нью-Джерси, города бойцов, как она любила его называть во время громких споров с моим папашей по телефону.

— Ты *знаешь*, откуда я родом? — усмехалась она. — Я не вышла из ниоткуда, думаешь, я не могу здесь остаться и защитить своего сына от *тебя*? Я боец. Я сделаю все, чтобы удержаться на плаву. Если ты в это не веришь, тогда подумай снова, Джонатан. Обдумай все еще раз!

Она — женщина, которая не может забыть о своей гребаной обиде.

Я разглядываю мелкий шрифт статьи, посвященной отрывкам из интервью.

Сара рассказывает о своих проблемах в браке с Джонатаном Хейлом, своем недавнем конфликте с сыном, Риком Мэдоуз и попытках возобновить с ним отношения. Так же она обсуждает утверждения, касающиеся Лорена Хейла, а в анонсирующей ролике есть ее слова: "В течение 12 лет, которые я была с Джонатаном, он постоянно оскорблял меня словесно и жестоко относился. Травма, которую мой родной сын пережил из-за его отца... Я никогда не прощу Джонатана за то, что он сделал."

— Не сломай мой телефон, пожалуйста, — говорит Коннор спокойным голосом. — Это

спасательный трос для моей жены.

Я сжимаю его телефон так сильно, что чуть не трескается экран. Когда отдаю аппарат обратно, мои мышцы горят.

— Сейчас они думают, что Джонатан травмировал меня, — говорю я, качая головой. Как все это может быть моей жизнью?

Коннор прячет телефон в карман.

— Может, статья вырывает из контекста ее реплику. Это всего лишь фрагмент. Не расстраивайся до того, пока не просмотришь все интервью.

Я качаю головой.

— Без разницы.

Несколько раз вдыхаю, чтобы успокоиться, и мое дыхание становится нормальным. Но вообще-то я бы с удовольствием вышел прямо сейчас на улицу и врезал бы кому-нибудь. Мне нужно в спортзал, чтобы просто вылить излишки энергии и сбросить эту тяжесть, что так давит мне на грудь.

Я снова смотрю на Дэйзи. Она старается не закрывать свои сонные глаза, наблюдая за мной со своего места на кровати.

— Я бы хотела, чтобы люди были более милыми, — говорит она тихо, при этом зевая.

Я бы, блин, тоже этого хотел.

РИК МЭДОУЗ

Я не могу спать.

Не теперь, когда знаю, что грядет.

Она мечется, ворочаясь под одеялом, пиная невидимого гребаного врага. А затем около пяти утра Дэйзи начинает кричать. Она подпрыгивает с постели, ее глаза распахиваются, а руки машут в воздухе, когда девушка бросается обратно к изголовью, сражаясь с воздухом.

Мои уши пухнут от ее пронзительных криков, а еще ее ор в миг будит Коннора и Ло. Я уже на ногах, возле нее, но она смотрит в сторону, сосредотачиваясь на чем-то, что я не могу видеть, чем-то, чего здесь на самом деле нет.

Она все еще спит.

Это — самое страшное во всем этом гребанном дерьме.

— Что за черт? — говорит Ло, поднимаясь с постели, так же как и Коннор.

— Дэйзи, Дэйзи, — пытаюсь я, но знаю, что это на фиг бесполезно. Она проснется, когда будет готова. Я забираюсь на кровать, вставая на колени и вытягиваюсь так, чтобы суметь ее удержать, но ее кулак летит в мое плечо, сильно ударяя, словно я и есть тот нападающий.

— Убирайтесь! — орет она, страх пульсирует в ее огромных зеленых глазах. — Оставьте меня одну! Просто оставьте меня одну! Я не хочу этого! Я не хочу этого! — чертовы слезы ужаса струятся по ее щекам.

Охуенно.

Ло бросается к ее кровати.

— Дэйзи?! Что за чертовщина... — он тоже забирается на постель, пока она кричит и плачет, ударяя ногами так быстро, что простыни путаются у ее конечностей. Она сжимает матрас по бокам от своего тела. Ло становится на кровать и пытается удержать ее руки.

Она кричит на него и пинает, как только он к ней прикасается. Ло поднимает руки вверх в знак капитуляции и смотрит на меня.

— Что за черт?

Я стою рядом с ним на кровати, возвышаясь над Дэйзи. Я слегка хлопаю по его груди рукой.

— Она все еще, на фиг, спит.

Его брови хмурятся.

— Но ее веки открыты, — он ногой пододвигает к ней подушку, и она снова сходит с ума, слезы вновь бегут по ее щекам. Мое сердце бешено колотится.

— Дэйзи, ты в порядке, — говорит ей Ло. — Никого здесь нет, — но она все еще борется, и тогда Ло поворачивается к Коннору, который в отличие от нас стоит на полу у кровати.

На его лице застыло нечитаемое выражение, когда он смотрит на припадок Дэйзи.

Боюсь, она может себя ранить. Ее ногти втыкаются в ладони. Так что я хватаю ее за лодыжку и укладываю ее спиной на кровать. Она переворачивается на живот, словно ползет под колючей проволокой.

Я нагибаюсь и снова переворачиваю ее на спину. Она молотит руками.

— Нет, нет!

Ненавижу то, насколько все это выглядит неправильным. Я так чертовски сильно хочу, чтобы она проснулась, особенно учитывая то, что она может разбудить постояльцев из соседних номеров и те пожалуются персоналу отеля.

Я прижимаю колени к ее ногам, пришивая ее тело к постели. Когда распиная ее руки по сторонам за запястья, Дэйзи кричит, будто ее режут. Я использую одну руку, чтобы прикрыть ей рот, и она *сильно* ударяет меня по лицу. Боль жалит, и я ощущаю вкус крови, очевидно, она разбила мне губу.

Ло стоит на коленях, хватая ее за вторую руку и не позволяя двигаться.

Когда ей сняться кошмары, она неимоверно сильная, гораздо сильнее, чем наяву, вероятно, потому что ею движет страх, выброс адреналина такой силы, какой я даже не могу и представить.

Ее слезы все льются, а глаза становятся красными. Я наклоняюсь вперед так, что мое лицо оказывается очень близко к ее, мои пальцы на ее щеке.

— Проснись! — кричу я. — Дэйзи, проснись же, *на хрен!* — *давай, сладкая. Борись с этим.*

— Ее пульс очень быстрый! — говорит Ло, его голос полон волнения.

Я убираю руку от ее рта и прикасаюсь к верхней части ее груди, ее сердце реально почти вылетает. Ей нужно, черт возьми, проснуться и успокоиться.

— Нет! — плачет она так, будто умирает, словно кто-то убивает ее. Пот выступает бисером у нее на лбу, а горячие слезы текут по линии скул. — *Пожалуйста,* — плачет она, мотая головой из стороны в сторону. — Прошу...

— Проснись, — рычу я ей на ухо, убирая ее влажные волосы с лица. *Проснись же.*

— Будь осторожен, — говорит мне Ло.

Я не причиняю ей боли. Не я мучаю Дэйзи в ее голове. Я сердито смотрю через плечо на Коннора.

— Можешь передать мне стакан воды.

Дэйзи готова начать кричать по новой, так что я приглушаю ее шумы своей рукой.

— Ты не можешь вылить ей воду в лицо, когда ей снятся кошмары.

Ло смотрит на Коннора.

— Ты знаешь, что происходит, и не подумал рассказать нам об этом?

Я напряженно смотрю на матрас, игнорируя чувство вины, что пытается навалиться на меня. *Ты знал об этом месяцами, Рик.*

— Она спит, — начинает пояснять Коннор.

— Просто дай мне чертову воду, — говорю я ему. — Я не собираюсь выливать ее на Дэйзи, — *я делал это раньше.*

Коннор морщит лоб, внимательно глядя на меня, а затем передает мне бутылку воды, думаю, он делает это скорее любопытствуя, что же я с ней сделаю.

Я выливаю немного воды на свободную руку и затем снова убираю ее волосы от лица, успокаивая ее и надеясь, что вскоре она проснется.

Дэйзи снова впадает в очередную волну приступа, молотя ногами. Но я держу ее в распластанном положении. Ло сжимает ее руки так, что она не может вырваться. Мои мышцы горят еще сильнее, когда вижу, как слезы вытекают из ее глаз, омывая ее лицо.

— Как она может все еще спать? — спрашивает Ло. — Она смотрит на Рика.

— Это состояние между короткой фазой сна и бессонницей, — поясняет Коннор. Его глаза встречаются с моими. — Как давно у нее эта проблема?

Я качаю головой, когда нога Дэйзи выскальзывает из-под моего колена, снова пытаюсь меня пнуть. Я вновь прижимаю ее спину к матрасу.

— Я, блядь, не знаю.

Он не верит мне.

— Ты не видел раньше ее в таком состоянии? — спрашивает он, выгибая бровь.

— А почему ты думаешь, что я видел? — отвечаю я, сердито глядя на него.

— Потому что ты для нее самый близкий человек, и ты единственный не был удивлен ее поведением.

— Я чертовски удивлен, — отвечаю я.

Коннор качает головой, все еще не веря.

— Я пиздец как реагирую на это прямо сейчас, Коннор, — говорю я, пока мой брат хмуро смотрит то на меня, то на своего друга. Он пытается доверять мне, от чего на душе становится еще более мучительно. — Перестань перекручивать мои слова.

И тут взгляд Дэйзи медленно фокусируется на мне. Ее напряженные конечности расслабляются, но паника так и не покидает взгляда.

Я убираю руку от ее губ.

— Дэйзи?

Она моргает несколько раз, и Ло отпускает ее руку. Я слезаю с ее тела, и она касается своей головы, находясь в состоянии замешательства. Когда она еще раз встречается со мной взглядом, ее лицо искривляется, и девушка начинает снова плакать.

Я немедленно притягиваю ее в свои объятия, и она прячет лицо в изгиб моей руки.

— Они были здесь, — говорит она. — Они вонзали в меня нож...

— Эй, — говорю я грубо, глядя ее по затылку. — Ты в безопасности. Здесь только я, Коннор и Ло, — она сидит у меня на коленях, в моих объятиях, как и сотни раз до этого.

Но сейчас все чертовски иначе.

Мы никогда не делали этого на глазах у других людей. И мы никогда не называли себя никак иначе, кроме как друзьями.

Ло слезает с кровати.

— Дэйзи, кто такие *они*?

Ее горячие слезы увлажняют мою серую футболку, когда Дэйзи бормочет напротив моей груди:

— Плохие парни.

Ло хмурится.

— Что она сказала? — спрашивает он у меня.

— Плохие парни, — повторяю я. — Это был гребаный ночной кошмар, — но не важно, что это был всего лишь сон, потому что для нее, всего три минуты назад, это было настолько реальным, как ни один из кошмаров для меня.

Я понимаю, почему она предпочитает не принимать препараты, но все равно думаю, что ей нужно хоть немного спать. Тут стоит выбирать из двух зол.

Руки Дэйзи обхватывают меня за талию, сильно сжимая. Мой брат бросает на меня единственный предупредительный взгляд, словно говорящий: *ты не можешь вести себя так с ней*.

Его озабоченность оправдана. Я ощущал бы тоже самое, будь я на его месте. Но ни одна часть меня не хочет отпускать ее.

Тем не менее, я знаю, что должен.

Я шепчу ей на ухо.

— Я уложу тебя в постель, и ты снова уснешь.

— Что? — выдыхает она. Она смотрит на меня широко открытыми глазами и качает головой. — Нет, Рик. Я не могу снова...

— Ты будешь в порядке, — говорю я, беря ее за руки и укладывая на матрас.

— Нет, — кричит она. Она немедленно вскакивает. — Нет, прошу, не делай этого... Ты мне нужен...

— Дэйзи, — говорю я настойчиво ее имя. Мои губы прижимаются к ее уху. — Ты должна постараться заснуть снова, — я встаю с кровати, и она обнимает свои ноги, опуская лоб на колени и всхлипывая.

Я поворачиваюсь к своему брату, мое сердце сжимается, и я раскидываю руки в стороны, будто бы говоря: *Чего ты на фиг хочешь от меня сейчас?*

Его брови хмурятся от выражения озабоченности.

— Дэйзи? Что мы можем сделать? Я могу позвонить Лили.

Она качает головой и вытирает слезы.

— Простите, что я вас разбудила.

Пока мой брат продолжает с ней говорить, Коннор неожиданно опускает свою руку мне на плечо.

— Мне нужно поговорить с тобой, — говорит он очень тихо.

Он выглядит злым. Его глубокие голубые глаза обвиняют меня, а пальцы вонзаются в мою кожу. Для него крайне редкостна демонстрация подобных эмоций — он преднамеренно позволяет их мне увидеть.

Он знает.

Знает, что я хранил ее проблему в секрете, и вероятно, он понял, что эта проблема связана с травмирующим событием.

Я не хочу говорить с ним о ее травме.

— Возможно, попозже, — отвечаю я, отходя от него.

— Рик, это *серьезно*.

— А ты думаешь, я не серьезно, твою ж мать? — рычу я себе под нос. Я оглядываюсь на Ло, который смотрит на нас, но так как он ничего не говорит, мы с Коннором закрываем эту тему.

Ло передает Дэйзи бутылку воды. Она делает маленькие глоточки, прислоняясь к изголовью.

— Сколько раз с тобой такое случалось? — спрашивает у нее мой брат.

— Не очень часто, — она трет глаза тыльной стороной ладони. — Это просто был кошмар.

— Самый умный парень в этой комнате с тобой не согласен.

— В мире, — поправляет его Коннор, тем самым скрывая от моего брата свой гнев. — Я настолько умен, что вы трое на самом деле и представить не можете, — он делает паузу. — Без обид.

— Я, бля, обиделся, — отвечаю я.

— О, прости, — говорит он категорично. — Но меня не волнуют твои чувства.

Ло сердито смотрит на нас.

— Сейчас не время для этого, — он забирает воду у Дэйзи, когда та заканчивает пить. — Ты собираешься что-то делать с этими ночными кошмарами, или как там они еще

называются, или надеешься, что они исчезнут, как по волшебству?

Она слабо улыбается.

— По волшебству, — говорит Дэйзи. — Я советовалась с тремя феями и Тинкербелл. Думаю, они все решат.

Ло хмурится.

— Шучу, — говорит она ему. — Я ходила к врачу. Но тогда все было не так плохо, как сегодня ночью. Думаю, из-за этой шумихи в прессе несколько дней назад, в моей голове кавардак, — она преуменьшает серьезность своего заболевания. В данный момент я бы поверил ее словам.

И знаю, что Ло верит.

А еще знаю, что Коннор не верит.

Факты, которые он имеет на руках, опровергают ее слова, плюс, на него не действует нежный голосок Дэйзи и ее ослепительная улыбка. Он говорил со мной несколько раз о депрессии Дэйзи и том, что ей нужно посетить врача. Он диагностирует людей издали, говоря о их проблеме только тогда, когда хочет сказать.

Дэйзи опускает голову на деревянное изголовье кровати, ее футболка все еще влажная от пота, а конечности дрожат так, словно она только что пробежала марафон. Я наблюдаю, как судорога сводит ее ногу, как напрягаются мышцы ее икр, когда она подтягивает свою ногу к груди и разминает ее, кривясь.

Обычно это сделал бы я.

Но я стою у края кровати, словно не имею к ней никакого отношения прямо здесь и сейчас. Однако мне так сильно хочется просто обнять ее. Даже если я бы я сказал своему брату правду, Ло бы просто вышвырнул меня из ее номера, бросив мою сумку мне в лицо и веля улетать домой.

Все, как он и говорил раньше: он принял меня в свою жизнь, а я будто хищник покусился на младшую сестру его девушки.

Хоть это никогда и не было моим хреновым намерением.

Конечно я хочу ее трахнуть. Но все куда больше простого траха. Она всегда была чем-то большим.

Я молча стою и тру свой подбородок, сегодняшняя ночь принесла мне так много всего. Если я поступлю правильно с ней, то предам его. Потому я гадаю, есть ли способ двигаться вперед, не трогая наше с братом прошлое.

Я не знаю, готов ли к этой чертовой буре.

Я просто хочу пренебречь им, но гадаю, кто из нас на самом деле все это время был сильным братом, а кто слабым.

Ло противостоял нашему отцу. Он работал над своими чувствами. Он восстановил отношение с нашим отцом, *при этом* стараясь оставаться трезвым.

А я же тот, кто не в состоянии с этим справиться.

Возможно, черт возьми, это стоит изменить.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

— Рик, кто разбил тебе губу? — камеры вспыхивают, а папарацци толпятся вокруг меня. Одетый в бермуды, темно-русый блондин Майки преграждает ко мне доступ, раскинув руки и стоя впереди. Рик хватается меня за плечо, направляя к стеклянным дверям отеля.

— Вы подрались с одним из бывших парней Дэйзи?

— Рик, вас ударил ваш брат?

— Что случилось?

Они все спрашивают об одном и том же, а Рик ничего не отвечает. В результате той пощечины, у него на скуле образовался синяк. Как бы я хотела отмотать время назад, встряхнуть свое полусонное тело и сказать себе прекратить дрыгаться.

Я била его и раньше, мучаясь от ночных кошмаров, но так сильно — никогда.

Как только мы заходим в гостиничный холл, шум стихает. Майки мчится ко мне.

— Я собираюсь захватить что-то перекусить, пока шведский стол не закрылся, но сначала проведу тебя в твой номер, просто чтобы проверить, что там все в порядке.

— Ты можешь пойти поесть сейчас, — говорит ему Рик. — Я присмотрю за ней.

Майки смотрит на меня, ожидая подтверждения, технически я — его босс.

— Съешь что-нибудь вкусненькое и за меня.

— Кальмары, — он похлопывает себя по животу, имитируя зверский голод.

Прямо сейчас это и правда звучит вкусно.

— Эй, оставайтесь снаружи! — пронзительно кричит консьерж отеля оператору, который пытается открыть двери. Несколько фотографов прижимают объективы к тонированному стеклу, все еще пытаюсь сделать наши снимки.

— Мы лучше пойдем уже, — говорю я. Мы отходим от Майки и ожидаем лифт в вестибюле гостиницы.

Рик наблюдает за тем, как Майки исчезает, а затем кивает мне.

— Хорошо, что он здесь, даже если не может оставаться с тобой все время.

Вспышка слепит мои глаза, не давая разглядеть огромного мужчину за объективом. Я моргаю, и мое сердце подпрыгивает. Я оглядываюсь в поисках источника вспышки, но не вижу никого, кроме постояльцев снующих со своими чемоданами.

— Дэйзи, — говорит Рик. Он берет меня за подбородок, пытаюсь заставить взглянуть на него.

Пот выступает у меня на лбу.

— Это было не на самом деле, — шепчу я. Эта вспышка была лишь в моей голове.

Он смотрит на меня с еще большим беспокойством.

— Что ты видела?

Я глубоко вздыхаю. Такое случалось и прежде.

— Думаю, подобное было, когда фотограф ворвался в мою комнату.

Происшествие случилось в Филли, Майки не было со мной, когда мы вшестером жили вместе. Тогда над нами нависало еще большее внимание общественности, и наши фото стоили реально больших денег.

— Ты могла бы рассказать мне об этом? — спрашивает он, и я ощущаю тепло от его руки у себя на подбородке. Я хватаюсь за его запястье, чтобы удержать Рика на месте, не

желая, чтобы он разрывал наш контакт прямо сейчас.

— Ты и так знаешь, что случилось, — шепчу я. — Ты был там, — я рассказывала раньше об этом своему врачу, и все равно это событие не стало восприниматься мною иначе. Да, я знаю, что это в прошлом, но почему воспоминание об этом все еще подкрадывается и нападает, пугая меня? Я хочу забыть его, отпустить. Я пытаюсь это сделать, но оно не хочет меня отпускать.

— Всего лишь два предложения, Дэйз.

Я вспоминаю ту ночь, мурашки бегут по коже, от разливающегося внутреннего холода, и я дрожу. Он притягивает меня ближе к своему телу. Я с трудом сглатываю и говорю:

— Он начал делать снимки, пока я спала, и я проснулась от вспышек. Я позвала тебя, ты прибежал со своей комнаты и избил его. Конец истории.

— Нет, не конец, — отвечает он.

Все мои сестры и их половинки считают, что именно здесь история и заканчивается. Так и должно было бы быть. Фотографа оштрафовали за незаконное проникновение. Рик получил ушиб двух костяшек пальцев. А мой отец нанял больше охраны для таунхауса, в котором мы тогда жили. И все должно было стать нормальным.

Кроме, разве что, моей головы.

— О, да, — продолжаю я, слабо улыбаясь, — после этого ты приходил ко мне каждую ночь смотреть фильмы.

Он закатывает глаза.

Но Рик знает, что одна ночь, которую он провел у меня, обернулась неделями, а затем месяцами. И мы никогда на самом деле не оглядывались назад. Каждую ночь телевизор проигрывал что-то на заднем плане, а я засыпала. Когда я просыпалась, одеяло было подоткнуто вокруг моего тела, а Рик уже ушел.

Он говорит:

— А затем ты вернулась жить к своим родителям, и все превратилось в чертов хаос.

На тот момент мне оставалось еще десять месяцев до окончания подготовительной школы, до того, как я смогла бы съехать от родителей. Я думала, что моя мама будет против моего переезда, против самой идеи, чтобы ее столь молодая дочь жила одна в отдельной квартире. Но она поняла, как сильно я этого хочу.

С ее стороны это было, на удивление, великодушно. То, что я никогда не смогу забыть. Она позволила мне жить самостоятельно, таким образом, я смогла поселиться ближе к Рику. Я могла быть с Риком, оставив маму беспокоиться о зависимостях Лили и Ло. Потому что я знала, что живя с ней, я обременю ее еще и своими проблемами.

А мне бы хотелось, чтобы мама жила своей собственной жизнью. Я не хотела стать центром внимания или причинить еще больше неудобств. Втянуть Рика в мой кавардак и так было уже достаточным проступком. Я не могла себе позволить вмешивать в это еще больше людей, которых люблю.

Рик проводит большим пальцем под моим глазом.

— Те десять месяцев, когда ты вернулась жить к родителям, они буквально свели меня с ума.

— Почему?

— Десять месяцев я не мог успокаивать тебя, не мог защитить ни от чего, что вторгалось в твой мир. Я был с тобой не в одном доме, не на одном этаже и, конечно же, не в одной комнате. Я был в получасе езды от тебя, Дэйз, — он выдерживает паузу. — И мы оба

чертовски знаем, что эти десять месяцев изменили тебя.

Случилось то, о чем я не очень-то люблю говорить. От этой единственной вещи мое горло сжимается.

Это произошло, когда мой простой страх темноты перерос в неистовую паранойю. Это произошло, когда мой ужас из жизни забрался в мои сны.

Звенит лифт. Я вздрагиваю, но этот звук снимает напряжение.

Мы пропускаем семью из пяти человек, маленькие дети тащат свои чемоданы через дверной проем лифта. Я снова смотрю на синяк Рика, и мой желудок скручивает. Я снимаю с пальца золотое кольцо и кладу его в ладонь Рика.

— Возьми. Ты можешь забрать его назад, — я уже извинялась за то, что ударила его. И в ответ он сделал то же что и всегда, когда я извиняюсь перед ним за вещи, над которыми у меня нет контроля.

Он просто бросил на меня сердитый взгляд.

Рик оценивающе смотрит на кольцо, и его черты лица становятся мрачными.

— Я подарил его тебе. Я не хочу забирать его обратно, — он хватает меня за руку и вместо того, чтобы вложить кольцо в мою ладонь, медленно одевает его на мой палец.

Несколько минут мы стоим возле дверей лифта.

Если бы только лифт никогда не приезжал.

— Ты не дарил мне его, — возражаю я. — Я выиграла его у тебя в покер.

— На фиг без разницы.

Я ношу много колец. Чтобы носить это на большом пальце, мне нужно было изменить его размер, и ювелир сказал, что дизайн на передней части кольца — это ирландский герб.

Фамильная реликвия.

Я никогда не заводила разговор об этом до сегодняшнего дня, но сейчас мне почему-то хочется.

— Ты сказал, что это не фамильная ценность, — говорю я, пока Рик внимательно смотрит на меня.

— Так и есть.

— Это ирландский герб, Рик, — говорю я. — Твой отец ирландец.

Он пожимает плечами.

— Ну и что, что оно принадлежало моему отцу. Его не передавали из поколения в поколение. Оно просто принадлежало ему, и он подарил его мне, когда мне было одиннадцать или двенадцать лет. Я даже не помню точно. Оно ничего не значит.

— Я знаю, — говорю я, — потому что обычно люди не закладывают фамильную ценность, значащую для них хоть что-то, в покер, — он так бесчувственен к своему отцу, а это лишь еще одно доказательство. Рик так не похож на Ло; у того есть старинные карманные часы их отца, которые он хранит в сейфе. Он рассказывал о них однажды, чтобы доказать Коннору, что владеет чем-то, имеющим историческую ценность.

Рик игнорирует своих мать и отца, словно пытается выбросить их из своей жизни. Возможно, для него так легче, просто забыть прошлое, полное боли и ненависти.

Рик снова жмет на кнопку вызова лифта. Затем потирает рукой свои губы и смотрит на меня глазами, полными всепоглощающего мрака.

— Если честно, — говорит он, — я не хочу, чтобы ты снимала это кольцо. Я пиздец, как люблю, когда ты носишь что-то мое.

Я улыбаюсь. *Любит.* Я задаюсь вопросом, как давно ему это нравится. Мы играли в эту

игру в покер, возвращаясь домой самолетом из Канкуна.

Мне было шестнадцать.

Я делаю шаг к нему навстречу, несмотря на то, что мы все еще на людях. Внимательно разглядываю его нижнюю губу, трещинку от моей пощечины.

— Болит? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он, глядя на меня задумчиво, тем самым напоминая мне обо всех тех парнях, с которыми я встречалась, и о том, что ни один из них не был столь же опасен и таинственен, как Рик.

Лифт снова подает сигнал. Я опускаю руку и захожу в кабину, Рик следует за мной. Слава богу, пожилая пара с багажом решает подождать следующий лифт.

Мы становимся в нескольких футах друг от друга, и я осознаю, что пятый этаж — это не так уж и далеко. У нас будет ну *может быть* тридцать секунд. Он наклоняется вперед и нажимает кнопку, но вместо того, чтобы нажать на мой этаж, он жмет кнопку с цифрой 28.

— Прокатимся? — спрашиваю я его, улыбаясь.

— Ага.

Двери закрываются, и он поворачивается ко мне, его мужественная сила притягивает меня к этому парню, вызывая любопытство и потребность.

Он мой волк.

Но вместо того, чтобы укусить меня, он страстно целует мои губы, наши тела возгораются, как только соприкасаются. Я стону, когда его язык встречается с моим, а его руки подхватывают меня под попку, приподнимая к его талии. Воздух покидает мои легкие. Я сжимаю в кулак его волосы и сильно тяну.

Глубокий гортанный звук срывается с его уст.

— Рик, — восклицаю я, моя голова ударяется о стену, когда он зажимает меня в углу лифта. Его поцелуй замедляется, растягивая напряжение так, что мой центр сжимается. И я смолкаю, будучи поглощенной ласками его языка, захватом его рук и его опытностью.

Его ладони скользят по моим ногам к краю джинсовых шорт. Когда его рука накрывает мое девичье местечко, мои ноги сводит спазм. *Аххх!* Все нервные окончания реагируют так, словно он толкнулся в меня своим членом.

Обычно я именно та, кто проделывает всю работу руками и забирается на парней. Мне нравится, что сейчас у меня есть выбор, возможность сделать все, что пожелаю. Так что я целую его шею сперва нежно, пока другая его рука ныряет под мою футболку.

А затем, я сильно посасываю его кожу, стискивая его волосы обеими руками. Он вытягивает руку, так и не коснувшись моей груди, и использует ее, упираясь в стену.

— *Блядь*, — выдыхает Рик.

И я снова вскрикиваю.

Его любимое слово, которое парень использует слишком часто, но я таю каждый раз, когда он произносит его. Наши губы снова встречаются, словно они не могут расстаться надолго. Я гадаю, если бы у нас было больше времени, забрался бы Рик ко мне в шортики.

Думаю, да.

Он делает паузу, так, чтобы я могла восстановить дыхание.

— На каком мы сейчас этаже? — спрашивает он у меня.

Я смотрю вверх его плеча.

— Двадцать четвертый.

Он целует меня в щеку, но поцелуй снова перерастает в нечто большее, и наши губы

встречаются. Как только мы отстраняемся, он ставит меня на ноги и жмет кнопку пятого этажа. Лифт останавливается на двадцать восьмом этаже, и к сожалению, в кабину проскальзывает толпа девочек моделей, они одеты в одежду для клуба и громко смеются.

Девочки говорят по-русски и скорее всего не узнают нас.

Рик подходит ко мне сбоку.

— Так тебе нравятся мои волосы? — спрашивает он, приподнимая бровь.

Я встаю на носочки и провожу рукой по его волосам, зная, что сейчас он позволит мне это. Но даже когда мы стоим отдельно друг от друга, напряжение между нами зашкаливает, и мое тело изгибается, будто его тянет к Рику магнитом. Нам и правда нужно провести немного больше времени наедине.

— Они такие мягкие, и я люблю то, что твои локоны настолько длинные, что их можно сжимать в кулаках.

Его мышцы напрягаются, а взгляд мечется к русским девушкам, которые сейчас еще больше перешептываются, бросая на нас быстрые взгляды. Рик берет меня за руки, опуская их вдоль моего тела. Я хмурюсь, смущаясь. Но ни с того ни с сего, он говорит что-то, однако обращаясь не ко мне. А к *ним*.

На русском.

Я не могу понять ни слова, но его речь похожа на их.

Самая высокая девушка оглядывается через плечо и смеется.

— Вы кажетесь отличной парой, — говорит она на ломаном английском.

Рик снова отвечает ей на беглом русском, и его глаза прищуриваются.

Она кивает, отвечая что-то на своем языке, а затем выходит с подругами на двадцать первом этаже.

Как только дверь закрывается, я ударяю кулаком ему в плечо.

— Почему ты не сказал мне, что умеешь говорить по-русски? — я знала, что он хорошо владеет испанским, но русский язык обычно не изучают в школах.

Он прислоняет руки к стене.

— А может тебе сперва следует спросить: *что сказали те девушки?*

Я качаю головой. Он сердито глядел на тех девочек, при этом продолжая разговаривать со мной на английском, так что я думаю, они вероятно, подслушивали нас и шептались, обсуждая.

— Ты обвинил их в подслушивании нашего разговора, верно? А затем одна из них сказала тебе нечто колкое в ответ, — я широко улыбаюсь и выгибаю брови. — Я права?

Он наклоняет мою голову, держа за подбородок.

— Когда это ты стала такой умной?

— А ты не знаешь? Я попросила об этом у джина, когда потеряла лампу во второй раз. *А именно, я загадала стать умнее Коннора Кобальта.* Правда, он об этом еще не знает.

— Не подпитывай его хреново эго, — говорит мне Рик. Эго Коннора — практически его собственная жизненная сила.

Я провожу рукой по предплечьям Рика, а затем прижимаю ладонь к его затылку.

— Скажи мне, — говорю я, игриво улыбаясь. — Ты выучил русский в школе, или же ты что-то вроде тайного агента ЦРУ?

Он закрывается; любые разговоры о его прошлом действуют словно репеллент. Но я до боли любопытная. Он не может просто заговорить по-русски, а затем сделать вид, будто в этом нет ничего такого.

— Ага, я недолго учился в Мэйбелвуде, — он пожимает плечами. — У меня было время, чтобы подучить языки.

Несомненно это не вся история.

— И? — не сдаюсь я.

Он внутренне колеблется, но спустя длительное мгновение все же говорит:

— И когда мне было шесть или семь, моя мама наняла преподавателей. Они и научили меня языкам, — он смотрит на потолок, а затем качает головой. — Я ругаюсь так офигенно много, что в результате люди предполагают, будто я идиот, отличный спортсмен, но все же чертов идиот. И я по правде не хочу никого переубеждать. Это не имеет смысла.

Думаю, нужно быть реально сильным человеком, чтобы выбрать такую линию поведения, чтобы не переживать о мнении людей, даже когда ты знаешь, что ты лучше, чем они говорят. Я не представляю, почему его удовлетворяет данное положение дел.

— Почему именно русский?

— Потому что она хотела, чтобы я его знал, — говорит он. — Еще я владею испанским, итальянским и французским.

У меня глаза на лоб лезут.

— Постой, что? — я снова ударяю его в плечо. — Ты знаешь *французский*?! — Роуз и Коннор разговаривают на французском, а он скрывал, что понимает их. — О мой бог, — я хитро улыбаюсь. — Ты знал, о чем разговаривают моя сестра и Коннор, все это время?

— Большинство их разговоров были глупыми.

— А ты употребляешь грязные словечки на всех языках? — мне всегда было любопытно.

— Иногда, — говорит он. — Но когда ребята разговаривают на французском, я чертовски стараюсь их не слушать. Поверь мне.

Цифры на экране лифта сменяются так быстро 10-9-8.

Рик столько всего скрывает внутри своей головы и скрывал это в течение многих лет. Он более одинок, чем я думала. Возможно, ему это нравится.

— А Ло об этом знает? — спрашиваю я.

Он хмурится.

— О чем?

— О русском, французском, обо всем этом.

Он качает головой.

— Нет. Это не имеет значения.

— Но... это ведь делает тебя тобой, — говорю я. — Это часть тебя, верно?

Его челюсти стискиваются.

— Это не та часть меня, Дэйзи, о которой мне, бля, хотелось бы помнить.

Он имеет в виду контроль своей матери. Думаю, таким образом Рик хочет забыть о своем детстве, которое превратило его в запутавшегося человека, мучавшегося столь же сильно, как и его брат. Я снова становлюсь на носочки и целую его в щеку.

— Спасибо, что рассказал мне правду.

Двери лифта открываются, и я слышу их. Рик ловит мою руку, переплетая наши пальцы, пока мы выходим в коридор. И от этого мимолетного, импульсивного жеста, мое сердце возгорается будто костер.

РИК МЭДОУЗ

Я сильнее прижимаю телефон к уху, думая, что услышал Коннора неверно.

— Прости, что?

— Я вышел на десять минут, чтобы поговорить с Роуз. Я не думал, что он станет заказывать что-то, кроме газировки Физзли и картошки фри.

— Ты говоришь мне, что отвернулся на десять гребаных минут, а мой брат принял *что*?

— Я не знаю. Но могу точно сказать, что он что-то заказал. Он не смотрит на меня, так что думаю, он пил газировку с ромом.

— Забери у него чертов стакан, — я вышагиваю по гостиничному номеру, быстро проводя руками по волосам.

— Он расстроен, — говорит Коннор. — Нас весь день преследовали папарацци, задавая вопросы о твоём отце. Он не смог с этим справиться.

Предполагалось, что сегодня они отправятся за покупками по магазинам на улице Сент Оноре. Ло писал мне ранее сообщение, что Коннор скупил весь магазин Hermes для Роуз, при этом заказав доставку прямо к себе домой. Казалось, моему брату было весело, но мне следовало позвонить ему и убедиться в этом.

— Не пытайся на фиг дать разумное пояснение зависимости моего брата, — рычу я. — Он болен, Коннор.

Дэйзи наблюдала за мной, выглядя взволнованной, пока одевает свою красно-коричневую водолазку поверх майки. На ней изображена тройка скрепленных золотистых колец для Квиддича и надпись: *Я — вратарь*. Одними губами она спрашивает: *Ты в порядке?*

Я не могу ей ответить. Потому просто сердито смотрю на ковер.

— Коннор, я чертовски серьезен. Забери у него долбаный напиток прямо сейчас.

— Мы в пабе возле отеля.

Все ясно. Ло не подозревает, что Коннор в курсе того, что мой брат пьет.

— Ты хочешь, чтобы я сыграл роль плохого полицейского?

— Ему нужно, чтобы кто-то из нас был на его стороне, Рик, — поясняет Коннор. — Он не может ощущать себя одиноким против всех нападающих на него.

— Он — гребаный алкоголик! — ору я. — Он даже не должен быть в баре. Ты говоришь, что самый умный парень во всем чертовом мире, но при этом даже не можешь забрать напиток у него из рук.

— Я достаточно умен, чтобы знать, что с моей стороны это не принесет ничего хорошего. Ты же уже зарекомендовал себя, как крепкий орешек. Так что я не хочу брать на себя эту роль.

— Прямо сейчас я от всей души ненавижу тебя, — меня трясет, словно какого-то хренового сумасшедшего, и я не знаю, потому ли это, что Коннор случайно отвернулся от моего брата, или потому, что я не доглядел за ним. — Ты хочешь быть его лучшим гребаным другом, пока я буду весь в дерьме, что ж, ладно. Меня это больше не волнует.

Я кладу трубку, тяжело дыша.

— Нам нужно идти, — я смотрю на Дэйзи, замечая ее сумочку, перекинутую через плечо наискось.

— Готова, — говорит она.

Я хватаю куртку, и мы на хрен идем на улицу.

* * *

Я держу руку на поясице Дэйзи, пока мы пытаемся протолкнуться через переполненную толпой улицу, здесь полно операторов и спортивных фанатов, одетых в красно-белые джерси для регби.

— Вперед, Англия! — кричит пьяный парень с британским акцентом, размахивая своим чертовым кулаком в воздухе. В этом же кулаке зажата бутылка с пивом. Его друзья поют гимн победы, даже несмотря на то, что сегодня Англия проиграла своим соперникам из Южной Америки.

Дэйзи с любопытством наблюдает за спортивными фанами, ее глаза светятся, видя весь этот хаос. Если бы здесь не было фотографов, толпящихся возле нее, думаю, она бы подошла к одному из этих болельщиков и просто орала бы вместе с ним, участвуя во всем этом дерьме.

Я пытаюсь в третий раз дозвониться до своего младшего брата, но он не отвечает на звонки. Я хочу его прибить. Нет, я хочу убить Коннора, а затем уже убить Ло.

— Вы двое встречаетесь? — спрашивает нас один из операторов.

— Как давно вы стали парой?

— Поцелуй ее, Рик, — это фото стоило бы кучу долбаных денег.

Нас с Дэйзи довольно часто удавалось снять вместе, так что слухи и сплетни всегда крутятся вокруг данной темы. В результате, ее мама ненавидит меня еще сильнее, а мой брат следит за нами с большим вниманием. Но прессе никогда не удавалось сделать снимок с каким-либо компроматом; обычно наш максимум — это моя рука у нее на плече или на спине, легкие объятия и ничего более этого.

Дэйзи встречается взглядом с одним из фотографов, и ее губы изгибаются.

— Я не целую парней, которые водят мотоциклы.

Я почти что улыбаюсь, но эта ее единственная реплика порождает целый десяток вопросов от других фотографов. Мы продвигаемся вперед, а люди продолжают толпиться вокруг нас.

— Дэйзи, какой-то странный парень идет за тобой, — вдруг говорит один из операторов.

— Ага, это преследователь. Тебе лучше поостеречься, Дэйзи!

Я поворачиваю голову и замечаю парня, который медленно поддвигается все ближе к Дэйзи. У него нет камеры, но он прикасается к ее волосам. И я замечаю, как другой рукой он достает из кармана ножницы. В секунду я ударяю по его чертовой руке, бросая на него предупреждающий взгляд. Я насчитал три случая в своей жизни, когда разбил чертову камеру. Однажды, я даже ударил "пешехода", и мне было инкриминировано нападение. Даже несмотря на тот факт, что этот так называемый "пешеход" подглядывал за происходящим в квартире Дэйзи с помощью бинокля. Я просто не смог этого доказать. Он утверждал, что наблюдал за птицами. К тому же находился на улице, а не на территории частной собственности.

Полнейшая хрень.

Этот парень раскидывает руки так, словно я заразил его болезнью или что-то в таком

роде. *Да ну!*

Я становлюсь за Дэйзи и направляю ее вперед, удерживая за плечи.

— Что это было? — спрашивает она у меня, пытаюсь оглянуться.

— Просто хренов парень.

Обычно на людях Дэйзи старается выглядеть милой и спокойной. Она не волнуется и не пугается, как это делает Лили. Дэйз просто энергична и подвижна. Однако, ночью, когда она остается одна-одинешенька — совсем другая история.

Дэйзи поворачивается и идет задом-наперед, так чтобы мы были лицом к лицу. Ее взгляд прослеживает путь от моих волос и до моих ног так медленно, как только возможно. Это на фиг выносит мой мозг и доводит до сумасшествия мой член...

В этот момент вспышки камер блекнут.

Есть что-то гипнотическое в свете, исходящем и проникающем в эту прекрасную девушку. В одну секунду я способен видеть ее полную, игривую улыбку и смелые зеленые глаза. А в следующую секунду она полностью скрывается в ночной тьме.

Это до чертиков пугает меня. Между нами не больше трех футов. Я делаю шаг вперед одновременно с тем, как она отступает назад. И в те моменты, когда она скрывается во тьме, я гадаю, что, если она исчезнет навсегда. Я представляю, как вспыхивает свет, и она больше не улыбается. А затем следует еще одна вспышка света, и в ее глазах я вижу страх.

Этот образ у меня в голове, сама возможность подобного развития событий толкает меня к Дэйзи, словно невидимая сокрушительная сила. Я хватаю ее за талию, собираюсь развернуть, но вдруг она останавливается. Наши тела врезаются друг в друга. И все это видят. Напряжение настолько сильное, что мы ахаем от столкновения.

— Двигайся, — говорю я ей грубо. — Или я переброшу тебя через свое чертово плечо.

Но она стоит неподвижно, а ее улыбка становится шире. И сейчас я пиздец как рад, что у меня есть оправдание, чтобы взять ее на руки. Дэйзи раздражается, отталкивая меня — мы все-таки в общественном месте, на виду у папарацци.

Но я быстро хватаю ее за бедра и забрасываю себе на плечо. Она хохочет, когда я опускаю ладони ей на попку.

Ага, ее отец точно невзлюбит меня ко всем чертям.

Это явно нам не поможет.

Коннор думает, будто я идиот, потому что совершаю вещи, выставляющие меня в дурном свете, особенно потому, что я никогда даже не пытаюсь разъяснить причины своих действий. Но в конце концов, они все могут думать, что хотят. Я не могу изливать душу перед каждым, кто считает меня мудаком. Мне сложно открываться людям, которые на самом деле для меня важны.

Когда мы доходим до двери бара, я аккуратно опускаю Дэйзи на ноги. Вышибала отталкивает в сторону одного из операторов. Нас же впускают практически сразу, игнорируя длинную очередь людей, которые, вероятно, ожидают там в течение получаса, чтобы войти.

Как только дверь за нами закрывается, шум становится более насыщенным. Вокруг ошиваются пьяные люди — это однозначно не то, что я люблю. Некоторые из присутствующих — модели, просто красивые люди и худые девушки.

Один из них мой брат. Вообще-то он мог бы сойти за модель, его черты лица с ярко выраженными скулами позволяют ему выглядеть среди присутствующих своим.

Он сидит на *чертовом* барном стуле в заполненном дымом пабе. Коннор находится прямо рядом с ним, попивая из стакана воду, словно все в порядке вещей.

Я точно убью их.

— Дэйзи! — восклицает одна из девушек. Ее лицо покрыто веснушками, и она очень молода, прямо сейчас девушка обнимает Дэйзи, при этом широко улыбаясь.

— Кристина! — усмехается Дэйзи. — Что ты здесь делаешь? — она бросает на меня взгляд, будто бы говорящий: *"Со мной все будет в порядке. Иди к своему брату."*

Так что я оставляю ее с подругой и направляюсь к бару.

— Эй, — говорю, кладя руку на плечо Ло. Он потягивает свою газировку, словно в этой темно-коричневой жидкости нет ни грамма алкоголя. — Как прошел ваш шоппинг?

— Скучно, — отвечает Ло, беря картошку фри с тарелки, которую они делят с Коннором. Он мельком смотрит на полки с алкоголем на дальней стене бара, при этом выглядя так кровожадный маленький член. Я не знаю, как еще описать своего брата, когда тот начинает пить. У него всегда этот *"Я ненавижу тебя и всех здесь присутствующих"* вид. Различие лишь в том, что сейчас все интенсивнее раз в сто.

Я несколько раз киваю, зная, что в моих глазах вспыхивает огонь. А затем я хватаю чертов табурет возле него и переставляю его так, чтобы сесть между братом и Коннором. Прямо сейчас я не хочу, чтобы Коннор был близко к моему брату, защищая его. Ло не нуждается в гребаной защите, так что я отрезаю этот канал общения.

Коннор молчит, не пытаюсь спорить со мной.

Я останавливаю молодую девушку француженку, бармена.

— Что я могу вам предложить? — спрашивает она на свободном английском.

— Тоже, что и у него, — я указываю на стакан Ло.

Ло допивает свой напиток в один глоток.

— Я закончил. Давайте просто уберемся отсюда, — он встает.

Но я нажимаю рукой на его плечо.

— Усади обратно свою задницу. Я хочу чертов напиток, — я заставляю его снова сесть.

— Ты говоришь прям как папа, знаешь это? — отвечает он, выпуская пулю в мою сторону, пытаюсь остановить меня от реализации намеченного плана.

Но этого не достаточно. Мне нужно, чтобы он признался в том, что сделал. Так что я игнорирую его замечание, наблюдая за тем, как бармен готовит мой напиток. Она насыпает лед.

— Рик, — восклицает Ло.

Я поворачиваю к нему:

— Что?

Думаю, он собирается признаться, но затем осознаю, что Ло уголком глаза смотрит на бармена. Одновременно с тем говоря. — Давайте уйдем.

— Я же сказал тебе. Я сперва хочу чертов напиток.

Он смолкает, а бармен наливает в стакан газировку. Думаю, она добавила алкоголь, когда я смотрел на Ло.

Ло стискивает зубы и опирается предплечьями на барную стойку, вытягивает шею и отворачивается от нас. Я гадаю, попытается ли он меня остановить. Я хочу, чтобы он признал, что пил алкоголь. Но вместо этого он продолжает молчать, даже когда бармен пододвигает ко мне стакан.

— Повторить? — спрашивает она у Ло.

Он качает головой.

— Нет, я в порядке.

— Твое здоровье, — я поднимаю стакан в его сторону, и он наблюдает за мной, прищурился глаза. Я прикладываю край стакана к губам. *Останови же меня, Ло.*

Это игра с высокими ставками.

Но его мускулы не дрогнут, а с губ так и не срывается ни одного чертового слова.

Я наклоняю стакан и ощущаю сладкий вкус сочетания газировки Физзли и резкого привкуса *виски*.

Шотландский виски.

Он пил алкоголь.

Чем больше я повторяю себе это, тем сильнее раздражаюсь и беспокоюсь об этом. Я выпиваю половину стакана, ожидая, что он хоть что-то скажет или выхватит его из моей руки. Но в его взгляде даже не появляется сожаления, он наблюдает за мной холодным, смертоносным взглядом, словно я заслужил это дерьмо. Словно это наказание за то, что я игнорировал его больше двадцати лет.

Я ставлю стакан на стойку.

И мне требуется мгновение на осмысливание тяжести произошедшего.

Я просто нарушил свои девять лет трезвости.

Я смотрю прямо на него.

— Надеюсь, ты насладился этим.

— Чем именно? Тем, что я пил или тем, что наблюдал, как это делаешь ты?

Я пытаюсь не наброситься на него. Мои мышцы неистово горят. Я снова хватаю стакан, собираюсь выпить оставшуюся жидкость, но Ло удивляет меня, выхватывая его из моей руки и толкая в сторону бармена.

— Он закончил, — говорит Ло. Когда брат поворачивается ко мне, то добавляет. — Если ты такой огромный мудака, когда трезвый, то я даже не могу себе представить, каким мудаком ты становишься по пьяни.

Я хватаю его руку, прежде чем он успевает спрыгнуть с табурета и скрыться в плотной толпе народа.

— Ты не можешь творить эту херню, — рычу я. — Предполагалось, что ты позвонишь мне, когда тебе захочется выпить. Я мог бы отговорить тебя от этого.

— Возможно, я не хотел с тобой разговаривать! — кричит Ло ни с того ни с сего. Он спрыгивает с табурета, и я хмурюсь, сидя всего на дюйм выше его роста. Мы поворачиваемся лицом к лицу, и необузданная ненависть натягивается между нами, как полотно.

Он не знает ничего о моем детстве, и я не ожидаю, что брат станет спрашивать. Все, что я хотел, это лишь шанс, чтобы исправить то, что я сделал неверно. Я хотел быть рядом с ним, быть его братом, но Ло делает эту задачу охуенно сложной. Он никогда не дает мне поблажек, как делает для Коннора.

— Тогда позвони Лили, — говорю я, — своей чертовой невесте, которая бы разревелась, увидь она тебя прямо сейчас. Ты, блядь, подумал о ней, когда пил? Осознал ли ты, что это сделало бы с ней?

Ло кривится. Он не ударяет меня кулаком, нет.

— С меня хватит этого дерьма, — говорит он. А затем просто уходит.

Я хватаю его за руку, не позволяя так просто отделаться от меня.

— Ты не можешь убегать от своих долбанных проблем. Они с тобой семь дней в неделю и 24 часа в сутки. Тебе придется иметь с ними дело.

— Не говори мне о том, *с чем я имею дело*. Ты даже не отвечаешь на сообщения папы.

Ты игнорируешь его, словно он вообще мертв, — он качает головой, а в его глазах пульсируют ядовитые искры. — Ты поступаешь с ним так же, как поступал со мной. Так что почему бы тебе не сделать то, в чем ты так хорош и не отвалить от меня, словно меня на хрен вообще не существует.

Его слова легко вонзаются в меня, даря боль, как от удара в живот. Ло никогда не нужно бить кого-то кулаками, чтобы выиграть битву. Он проходит мимо меня, но Коннор останавливает его, чтобы успокоить, прежде чем тот успевает покинуть бар.

Я разворачиваюсь к барной стойке, пытаюсь привести свое дыхание в норму. Когда заканчиваю, то разглядываю толпу в поисках Дэйзи. Я замечаю ее с Кристиной и еще одним парнем моделью с угловатыми чертами лица. Он наклоняется ближе к Дэйзи, облизывая свои губы, пока говорит ей что-то.

Что за нахуй?

Только не сегодня.

Мне достаточно просто увидеть это, чтобы завестись и начать пробираться через чертову толпу людей по направлению к ним. Мне не нравится то, о чем свидетельствует язык ее тела: она развернулась к Кристине, спиной к парню, тем самым говоря ему отвалить.

Они стоят рядом с высоким столом, захламленным пивными бутылками и разлитым алкоголем. Вкус виски все еще ощущается у меня во рту, вызывая тошноту. Некоторые люди с любовью вспоминают духи их матери или запах сигар от рубашки своего отца, аромат их одеколона или шампуня, но я, я помню запах и вкус виски, помню, как мой отец сидел напротив меня в том гребаном загородном клубе. Я помню его пристальный взгляд, его постукивающие по стакану пальцы, его раздражение от того, что мир не поспевает за его темпами.

Мне кажется, что я впитал в себя свое прошлое, полное плохих воспоминаний. Отвратительная ностальгия.

Я пытаюсь игнорировать ее, пока приближаюсь к Дэйзи. В тот момент, как она замечает меня, ее лицо озаряется, но как только она вглядывается в черты моего лица, этот свет угасает.

— Нам нужно уходить?

— Пока что нет, — говорю я, моя рука опускается на ее поясницу. — Кто твой друг?

Он оценивает меня глазами все это время, крепко сжимая в своей руке бутылку пива. Его зрачки расширены.

— Это Кристина, — говорит Дэйзи, ее рука указывает на ту молодую модель. Девушка смущенно встречается со мной взглядом, ее щеки моментально краснеют. — Мы работаем в одном модельном агентстве.

— А ты — Рик Мэдоуз, — говорит Кристина, нервно смеясь.

— Ага, — отвечаю я ей. — Крутое ожерелье.

У нее на шее висит цепочка с сапфиром, по форме похожем на дельфина. Чтобы скрыть свою широкую улыбку, девушка прикусывает губу. Я приподнимаю бровь, глядя на нее, и она отводит от меня взгляд, словно у нее голова идет кругом. Дэйзи никогда не ведет себя так рядом со мной. Я думал, что ее должно было волновать мое присутствие, когда ей было лет пятнадцать, но вместо этого Дэйзи общалась со мной без особых проблем. Казалось, что нам с рождения суждено было стать друзьями.

— А это Иан, — представляет парня Дэйзи. — Он...

— Популярная модель, — вставляет Иан, протягивая руку. Я пожимаю ее, наше

рукопожатие взаимно крепкое. *Он спал с ней.* Я могу увидеть это в его глазах. И даже если дело не дошло до секса, они точно баловались. Ярость поглощает меня в минуту. Я хочу обернуть руку вокруг Дэйзи, но мы не можем позволить себе это на людях.

Он кивает ей.

— Я просто говорил Дэйзи, что нам следует поехать в клуб сальсы после этого.

Она смотрит на меня.

— А я ему сказала, что у меня отсутствует чувство ритма. Лили хорошая танцовщица, но не я, — Дэйзи права. Ей плохо даются танцы, но это никогда не останавливало ее. И я чертовски люблю то, что ее это не волнует.

Иан смеется.

— Я не верю в это, — его взгляд опускается к ее бедрам, словно он представляет, как она трясет ими из стороны в сторону, касаясь его члена. *Да пошел ты, иди на фиг на хуй.*

Я смотрю на него, а он улыбается, потягивая пиво, словно говоря *"Ага, у меня есть чертова девушка. Ревнуй, мудака."*

— Я бы попробовала станцевать сальсу, — говорит Кристина, поднимая руку вверх.

— Видишь, — говорит Иан Дэйзи, — ты должна хотя бы попробовать, как Кристина. Я научу тебя, — *только через мой труп.* Он тянется, чтобы обнять ее за плечи, притянуть ее к себе, но я становлюсь между ними.

— Прости, — говорю я, — ты не научишь ее, как тереться о твою чертову задницу.

Иан испускает смешок.

— Не думаю, что она нуждается, чтобы ты говорил за нее, что она может или не может делать. Она уже большая девочка.

— Ага, — говорю я Иану. — А еще она *моя*, черт побери, девушка, — я не отвожу от него взгляда, но могу ощутить улыбку Дэйзи, которая расплывается по всему ее лицу. Она хватает меня за руку, непрерывно подсакивая на носочках, словно хочет поцеловать меня, но понимает, что не может. Даже несмотря на то, что я сказал это вслух, мы не можем позволить, чтобы кто-то сфотографировал доказательства моих слов.

Эти доказательства могут изменить наш мир.

Иан смотрит на нас обоих.

— Я думал, ты сказала, что вы расстались? — спрашивает он у Дэйзи.

Я не удивлен тем, что она ему солгала, когда мы еще не были парой, сказав, что у нее был парень. Она совершала и более импульсивные поступки.

— Мы снова вместе, — заявляет она.

Иан снова улыбается, глядя на меня.

Только не начинай рассказывать о вашей с ней ночи, гребаный ебарь.

Но он делает именно так.

— А она рассказала тебе о нашей интрижке во время вашего разрыва?

— Ты хочешь, чтобы я оторвал тебе голову? — спрашиваю я. — Потому что я уже близок к тому, чтобы свернуть твою шею.

Иан снова облизывает губы.

— Я просто выложил тебе факты. Ты заслуживаешь знать правду. Она даже стонала, когда я засунул палец в ее анус. Ты знал, что ей это нравится?

Я на хрен бью его кулаком, так, что костяшки моих пальцев с силой врезаются в его челюсть. Он падает на высокий стол, от чего бутылки из-под пива летят на пол и разбиваются. Иан, правда, быстро поднимает руки в знак капитуляции.

— Ого, стой, — заикается он.

— Я не знаю, откуда ты на хуй родом, — говорю я ему. — Но там, где я вырос, парням дают по морде за то, что ты сказал мне.

— Я не думал, что вы и правда вместе, — говорит Иан, касаясь своей покрасневшей челюсти так, словно я испортил ему карьеру.

Мое тело умоляет мой разум заявить свои права на Дэйзи не только на словах. *На фиг поцеловать ее.*

Но люди вокруг нас уже вытянули телефоны и направили на нас камеры, снимая нашу стычку и выкладывая ее в интернет.

Я не могу совершить еще одну ошибку. Не могу объявить об этих отношениях на весь чертов мир. Иначе последуют непоправимые последствия.

— Идем, — говорит Дэйзи, таща меня к двери. — Кристина, пошли.

— Она хочет остаться со мной, — произносит Иан. — Верно, Кристина?

Дэйзи обнимает Кристину за плечи.

— Мы гуляем вместе, прости.

— У нее есть право голоса, — говорит Иан Дэйзи, ожидая, что Кристина примет решение.

Она робко указывает на двери.

— Я лучше пойду с Дэйзи, — она убирает прядь волос за ухо, пока Дэйзи сжимает ее плечо.

— Девочки сильны вместе, — восклицает Дэйз, ослепительно улыбаясь, полной энергии улыбкой. Эта улыбка способна осветить всю комнату. — Пойдем, — она выпускает мою руку и берет Кристину, а затем они направляются к дверям, размахивая своими руками. Кристина моментально, кажется, испытывает облегчение и улыбается этому вновь обретенному счастью.

Иан делает шаг вперед, но я опускаю ладонь ему на грудь.

— Даже, черт возьми, не пытайся, — должно быть этой девочке четырнадцать или пятнадцать лет, и судя по рассказу Дэйзи о той странной ночи с ним, я сомневаюсь, что его и правда волнует возраст Кристины.

Парень остается стоять на месте, а я следую за девочками, замечая своего брата и Коннора в толпе на улице.

— Каждый человек великан! — воет Дэйзи в ночное небо. Да, воет, буквально, как волк. — Мы на земле высоких людей!

Кристина не может перестать смеяться, а Дэйзи поворачивает голову, наблюдая за мной.

Я приподнимаю брови, словно говоря ей: *"что за хрень ты творишь?"* А она лишь воет еще раз, указывая на полную луну.

— Похоже на мой брачный зов? — спрашивает она у меня.

— Не вижу ни одного парня, отреагировавшего на него.

— А я вижу, — говорит она, улыбаясь и глядя прямо на меня.

— Верно. Если это правда, тогда я трахну тебя позже, сладкая, — мои глаза светятся чуть сильнее, потому что на этот раз мои слова в этой шутке — чертова правда.

— По-собачьи или ты просто будешь тереться своими гениталиями о мою ногу?

— Точно не о твою ногу.

— Выше?

— Ну, а разве есть другая альтернатива? Я не собираюсь трахать твои лодыжки.

Она поднимает руки в защитном жесте.

— Некоторым людям нравятся ступни.

— Я выступаю по кискам. Что ж, теперь ты в курсе, — мой неотфильтрованный ответ вызывает у Дэйзи румянец.

Она усмехается.

— Значит, мне следует выть почаще, — она такая милая. Всегда такая. Я бы поцеловал ее, если бы мог, но сейчас мне нужно проверить, как там мой брат.

Я оглядываюсь на Ло. Он смотрит в небо, словно хочет поселиться среди звезд на чертову вечность и никогда не быть обязанным проживать эту жизнь. Я ненавижу этот его взгляд. Когда мне было пятнадцать, я часто пинал что попало ногами и орал изо всей силы своих легких. В результате, я чувствовал усталость и падал на траву у себя во дворе, глядя на долбанное небо тем же взглядом, что сейчас у Ло, и думал *"что я вообще здесь делаю? Какого хрена я оказался в этом мире? Жизнь не должна быть настолько болезненной."*

Моя жизнь не имела значения до того, как я не решил повернуться лицом к своему брату и познакомиться с ним.

Я не мог проиграть его этой болезни... или потерять его из-за сделанного мною выбора.

Рука Коннора лежит на плече Ло, а его губы движутся, словно он уговаривает его не прыгать с чертового утеса. Мне же кажется, что это я загнал его к самому обрыву.

Движение транспорта практически невозможно, такси стоят на одном месте, зажатые в пробке. Так что нам придется идти к отелю пешком, идти недалеко, а все папарацци практически разошлись. Их место заняли спортивные болельщики в тех красно-белых джерси.

Вдали виднеется светящаяся зелеными огнями Эйфелева башня. Экран на фасаде чертовски огромного сооружения проигрывает видео с чемпионата мира за кубок по регби.

Когда я возвращаю взгляд к Дэйзи, ее улыбки и след простыл. Она пожимает плечами, а затем разворачивается к Кристине, шепча ей что-то на ухо. Я бы хотел, чтобы Дэйзи не была никак связана с моим братом. Хотел бы, чтобы они не были вообще знакомы — тогда все было бы охренительно просто.

Девочки начинают наблюдать за парой парней, дерущихся возле бордюра, возможно из-за женщин, а быть может из-за результатов игры в регби. Я не могу сказать точно с того места, где мы находимся, но очевидно, что парни пьяны, они сыплют оскорбления и выпячивают грудь вперед.

Так как половина тротуара огорожена из-за стройки, людям приходится проходить ближе к этим ребятам. Возле соседней двери паба стоят леса, занимая довольно много места, а листы фанеры и другие материалы разбросаны по асфальту, покрытому дерном и выбоинами.

— Эй, давайте отойдем, — говорю я Дэйзи.

Она кивает мне, но не отводит взгляда от разгорающейся потасовки. Все больше и больше людей толкаются на тротуаре, отделяя меня от моего младшего брата. Я выглядываю между ребятами, пытаюсь отыскать его взглядом. Большинство из присутствующих — модели или мускулистые фанаты. Я даже замечаю тучного парня, стоящего на руках, при этом друзья поддерживают его за ноги. Его джерси собирается складками у его шеи, а огромный живот выпирает из его джинсов. Его друг похлопывает его по жиру на животе, и все они смеются.

Когда я приближаюсь к Ло, Коннор немного отходит в сторону, но мой брат выглядит расстроенным, встречаясь со мной взглядом.

— Тебе не стоило пить то виски, — говорит он, в его глазах плещется сожаление. Однако он не говорит "*прости меня*". Думаю, этих слов нет в его словаре, так что я на хрен их не ожидаю.

— Один стакан не сделает меня охренительно зависимым, Ло.

Он трет свои губы, горько и сухо усмехаясь.

— К счастью для тебя, — от собственных острых слов его передергивает, и парень просто качает головой.

— Нам стоит вернуться в отель... — чей-то локоть толкает меня в спину с такой силой, что я валюсь на кого-то еще. Я поднимаю взгляд и осознаю, что у меня за спиной разгорелась новая стычка между двумя ребятами с бородами, похожими на обычных рабочих.

Крик раздается в чертовой ночи, и меня начинают толкать со всех сторон. Драка набирает обороты, вылезая за пределы тротуара, люди толкаются между стоящими в пробке машинами, их тела врезаются в капоты и багажники. Спотыкаются между транспортными средствами. Я слышу грохот стекла, когда дерущиеся начинают разбивать окна авто.

Люди орут об игре в регби, о проигрыше английской команды. Злые гребаные пьяные фанаты штурмуют несколько баров, отталкивая посетителей. Я пытаюсь схватить своего брата. Мое сердце бешено стучит, а разум не может сосредоточиться.

Они устраивают беспорядки.

И мы застряли прямо в эпицентре всего этого.

Я поворачиваю голову, и вижу как высокий парень разукрашивает лицо Ло. Ло хватается того за рубашку и бьет кулаком ему в живот. Парень наклоняется, когда кто-то дергает меня за чертову мотоциклетную кожаную куртку, пытаюсь повалить на землю. Я выворачиваюсь, отталкивая нападающего.

Дэйзи. Где, черт возьми, Дэйзи?! Моя голова вертится из стороны в сторону. Я не вижу, где ее оставил. Кристина тоже пропала.

Здесь так много бегущих и орущих людей. Огонь. Кто-то устроил пожар в пабе, из которого мы только что вышли. Пламя охватывает окна изнутри.

Блядь. Коннор уклоняется, когда кто-то прыгает на него, а затем он ловит какую-то испуганную девушку за талию, прежде чем она успевает врезаться лицом в асфальт.

— Дэйзи! — ору я. *Где же она, черт возьми?!* Я расталкиваю людей с неистовой агрессией. Почему я оставил ее одну? — ДЭЙЗИ!

Все здесь на хрен орут. Как и говорила Дэйз — это земля чертовых великанов. Мужчины-модели явно выше нее, она не выделяется среди толпы, как обычно. Я начинаю осматривать тротуар, тех, кто упал; поднимаю молодую девушку, которая плачет от боли, ее нога неестественно выгнута. Я довожу ее до фонаря и усаживаю под ним, так как здесь относительно безопасно.

А затем я снова возвращаюсь в этот хаос, я замечаю Кристину, прижавшуюся к одному из таких же фонарей, прямо перед ней один парень избивает другого, их тела перемещаются ближе к ней.

— Кристина, — зову я. Слезы струятся по ее щекам.

Она встречается со мной взглядом и плачет еще сильнее.

— Ты в порядке? Где Дэйзи?

Кристина качает головой из стороны в сторону.

— Она оттолкнула меня, а затем исчезла в толпе. Я не смогла ее найти... — она всхлипывает, прикрывая лицо рукой, а затем указывает в центр беспорядков, где сосредоточено большинство драк.

Я не думаю дважды. Я просто бросаюсь туда, ощущая, как еще один локоть врезается мне в спину. Чья-то голова ударяется о мою челюсть. Я толкаюсь и толкаюсь, пробивая себе дорогу среди хаоса из людей.

И тогда я вижу ее.

Она стоит дрожа. Кровь стекает по ее лбу, сочась из головы, словно кто-то вырвал пучок ее волос, словно они где-то застряли. Она раскачивается из стороны в сторону, полностью дезориентированная. Я пытаюсь дотянуться до нее, но пара парней толкают меня назад и ударяют кулаками в лицо. Я так сильно сосредоточен на ней, что не ощущаю боли.

Отталкивая их со всех сил, я мчусь вперед.

Дэйзи касается своего лба, пару раз моргая и пытаюсь прояснить свое зрение. И затем ее взгляд встречается с моим, и выражение ее лица затапливает облегчение.

— Рик, — я едва слышу ее голос через весь этот шум, но вижу, как ее губы произносят мое имя. Вдалеке раздается звук сирен, но ни полицейские, ни скорая не смогут добраться сюда в ближайшее время, не с этим чертовым трафиком. Не с царящим здесь безумием.

Дэйзи стоит на тротуаре. И будто из ниоткуда какой-то парень возникает прямо за ней. Я наблюдаю за этим, словно в какой-то чертовой замедленной съемке, и ору так громко, как только могу:

— ДЭЙЗИ!! — я отталкиваю так много долбанных людей, но все равно течение тянет меня обратно, в гущу потасовки. — ДЭЙЗИ!!!

Он держит в руке палку, видимо обломок от стройматериалов, что валялись на улице, и размахивает ею, словно летучая мышь.

Мне не видно его лица. Тень от других тел скрывает его. Но я вижу, как он замахивается. Как раз когда она поворачивает голову в сторону, доска врезается в ее щеку.

Ее тело падает на цемент, слабое и неподвижное.

Я на хрен проиграл.

Я разбрасываю, словно бочонки всех, кто отделяет меня от нее, крича столько матов, сколько явно здесь не требуется. Сейчас меня волнуют только люди, которые могут ее растоптать. И когда я *наконец-то*, черт возьми, добираюсь до нее, наступает самый медленный и одновременно с тем самый быстрый момент моей жизни.

Я мгновенно поднимаю ее бессознательное тело на руки. *Мне нужно унести ее отсюда.* Это единственная моя мысль. Я медленно продвигаюсь сквозь толпу народа, бросая на нее взгляд лишь раз. Ее лицо повернуто к моей груди, но я чувствую, как на мою футболку проступает влага.

Это не слезы.

Это кровь.

Так много чертовой крови, превращающей мою белую футболку в нечто красное.

Мое сердце подскакивает к горлу. Я едва могу дышать. Я пробираюсь к пространству, где люди иступленно пытаются найти своих друзей, крича что-то на французском, немецком, английском и русском, прижимая телефоны к уху.

Я даже не могу окинуть толпу в поисках своего брата. Мои мысли сводятся к одному — *больнице*. Ей нужна чертова больница.

Я делаю успокаивающий вдох, сжимая ее в своих руках. Кто-то ударяет меня в плечо, и я поворачиваюсь к нему, собираясь огрызнуться, но осознаю, что человек старше меня, а у него в волосах разбитое стекло.

Он прижимает телефон к уху, а его лицо изрезано. Он указывает на Дэйзи, а затем на улицу.

— L'ambulance est coincée dans les embouteillages. — *Скорая помощь застряла в пробке.*

- À quelle distance se trouve l'hôpital le plus proche? — спрашиваю я. *Насколько далеко ближайшая больница?*

Он показывает направление:

— Hôpital de l'Hotel-Dieu, environ 5 kilomètres. — *Около пяти километров.*

3 мили.

С Дэйзи на руках я могу пробежать это расстояние за 15 минут, а может и меньше. Я бормочу спасибо и просто бросаюсь вперед.

Ее голова подпрыгивает на моей груди лишь пару раз, прежде чем я удобнее подхватываю ее.

Я заботился об этой девушка так много раз в своей жизни.

Но на этот раз все абсолютно иначе, гораздо хуже.

Я бегу.

Сто пятьдесят миль в час.

Я не остановлюсь, вашу мать.

Ни перед чем.

Я просто продолжаю двигаться. *Вот, в чем ты хорош, Рик.* Возможно, в этой единственной вещи.

РИК МЭДОУЗ

Как только я вхожу через двери отделения неотложной помощи, ко мне подкатывают каталку, а доктора и медсестры вырывают ее из моих рук, укладывая на белые простыни. От света флуоресцентных ламп мои глаза горят, а пот стекает вниз по лбу. Я пытаюсь проследовать за каталкой через двойные синие двери, но пара медсестер не пропускает меня, загораживая собой проем.

— Я не могу ее оставить, — говорю я. *Я не могу, блядь, ее оставить.*

Мне требуется мгновение, чтобы осознать, что губы медсестер двигаются — они что-то говорят по-французски. Затем переходят на английский, думая, что я не могу их понять. Но мой разум не в этом гребаном месте.

— Сэр, вам нужно присесть. Мы приведем вас в порядок и осмотрим.

— Идите сюда, — говорит еще одна медсестра.

Она провожает меня к креслу в коридоре, за пределами комнаты ожидания, рядом с большими белыми весами и стойкой.

— Я не могу ее оставить, — говорю я снова. — Мне нужно вернуться туда.

— О ней позаботятся, — говорит медсестра сорока с чем-то лет. Ее рыжеватокаштановые волосы достигают плеч. На ней надета розовая медицинская форма, и я смотрю на ее бейджик. Джанет. — Они заботятся о ней прямо сейчас. Она в хороших руках.

Вторая медсестра, в бирюзовой форме, немного моложе, и ее волосы темные. Она вытирает куском мокрой марли мою бровь. Я даже не осознавал, что у меня там течет кровь.

Глядя на пол, я стараюсь сдержать крик, что так сильно рвется наружу. *Почему? Я хочу знать, почему она. Почему это должно было, вашу мать, случиться? Это какой-то ночной кошмар. Я вот-вот проснусь. В любую долбаную секунду.*

Но я не просыпаюсь. Я здесь, в чужом городе, в больнице, весь покрыт кровью.

— Поднимите руки, — приказывает Джанет. Я машинально делаю то, что она велит, и медсестра стягивает с меня футболку. Разом опускаю свой взгляд и руки вниз, наконец-то понимая, на сколько они перепачканы в красный цвет — мои ладони полностью покрыты кровью Дэйзи. Мой желудок переворачивается.

— Марджори, ведро, — быстро реагирует Джанет.

Темноволосая медсестра прикладывает к моему подбородку бумажный стаканчик, и меня рвет.

— Как твое имя, сладкий? — спрашивает Джанет, потирая мою спину.

Я вытираю рот о свое предплечье.

— Рик.

Она бросает взгляд на Марджори, словно только сейчас узнает меня, видимо, она знает меня по новостям или телевидению. К счастью, они не устраивают на этой почве сцен. Мои руки дрожат, когда достаю свой телефон и набираю номер. Я прижимаю его к уху, но на линии не слышны даже чертовы гудки. Телефон моего брата просто отключен.

Надеюсь, в отличие от него. Я не могу за сегодня потерять этих двоих людей. Я в состоянии справиться с кучей дерьма, но не с этим. Черт возьми, я не знаю, как с этим можно справиться. Вскакивая с кресла, я набираю номер повторно, нервно проводя рукой по волосам. Обе медсестры наблюдают за мной с еще большей озабоченностью.

— Я должен найти своего брата, — говорю я вслух, а мое сердце чуть не вылетает из груди.

— Позвольте мне показать вам, где ванная, — говорит Марджери. — Вы сможете помыть руки...

— Я должен найти своего младшего брата, — говорю я, мотая головой. Я снова набираю его. *Ничего.*

— Вы в состоянии шока, — говорит Джанет так медленно, чтобы я понял. — Пожалуйста, вам нужно успокоиться.

Думаю, я довольно-таки спокоен, черт возьми, прямо сейчас. Горячие слезы наполняют мои глаза, и я игнорирую просьбы медсестер. Я набираю номер Коннора.

Он отвечает после второго гудка.

— Где ты? — спрашивает он, а его голос пропитан страхом. *Страх* — от парня, который сдержан в каждом мгновении своей чертовой жизни.

— В больнице. Где Ло?

— С ним все в порядке. Он со мной.

Я пытаюсь успокоить дыхание. Пытаюсь принять эти слова, но что-то словно подрывает меня с кресла.

— Пиздец, почему он не отвечает на звонки?

— Кто-то наступил на его телефон. Тот сломался. Мы идем к тебе. Дэйзи с тобой в больнице?

— Ага, — мой голос надламывается на этом коротком слове, и я сжимаю переносицу, борясь с порывом отчаяния и слез. Я, охуеть как, редко плачу. Могу сосчитать на пальцах одной руки все разы, когда из моих глаз пролилась хоть одна ебаная слеза.

Следует длительная пауза, прежде чем Коннор спрашивает:

— Она жива?

Этот вопрос будто бьет меня под колени, вынуждая упасть на пол. Я тяжело дышу, никакое обучение не дало мне подготовки к этой агонии. Мотая головой, я произношу:

— Я не... я не знаю.

Три мили я мог нести девушку, у которой уже не было пульса. Я не проверял.

Я просто бежал.

РИК МЭДОУЗ

Мы здесь пять часов. Четыре из которых Коннор проспорил с докторами, пытаюсь убедить их показать нам Дэйзи; но все это время приемные часы были возможны лишь для "членов семьи", так что мы все еще ожидаем до утра, когда больных могут посещать друзья. Они не говорят, умер ли ее мозг. Но мы знаем, что она в палате и дышит.

Единственный раз, когда Коннор Кобальт не может с кем-то договориться. И я правда чертовски хотел бы, чтобы этот раз в его жизни случился не сегодня. Когда я попытался поговорить с доктором, то начал орать, и они вызвали охрану, так что я усадил свою задницу в бордовое кожаное кресло в устланной ковром комнате ожидания. Наблюдая за тем, как едва ли двигается стрелка часов. Телевизор настроен на новостной канал, проигрывая запись с места беспорядков, которые продолжают разрушать Париж и местные магазины.

Я едва ли могу на это смотреть без чувства тошноты.

Мой брат занял соседнее от меня место, а вокруг его правого глаза багровеет синяк. С того момента, как они пришли, Ло говорил довольно мало, но у него такой же испуганный вид, как и у меня. Джанет дала мне чистую белую футболку, так что по крайней мере Ло не увидел на мне крови.

Сейчас я перешел на новую ступень горя, мое тело онемело, а мозг начал отключаться. И я частично знаю, что это гребаный эффект седативных средств. За что мне тоже стоит поблагодарить Джанет.

Мой телефон гудит в седьмой раз. Я читаю имя звонящего: ПАПА. Я собирался сменить его имя в записи на Джонатан несколько раз, но он все еще мой отец. Не важно, как сильно я бы хотел, чтобы это было иначе.

Он не написал ни одного сообщения, так что думаю, своими постоянными звонками он рассчитывает вынудить меня ответить. Это работает. Я так эмоционально истощен, что не могу отклонить его звонок и в этот раз. Прикладывая свой телефон к уху, я говорю:

— Чего ты хочешь?

Он облегченно вздыхает.

— Тебе почти удалось довести меня до чертового сердечного приступа, Рик, — он бормочет несколько ругательств себе под нос, прежде чем спросить. — С Ло все в порядке? Его телефон отключен каждый раз, как я звоню.

— Он в норме, — я снова смотрю на брата, его грудь опадает, пока тот пребывает в нелегком сне, обеспеченном ему принятым алкоголем.

Возможно, это худшая ночь в моей жизни. Я подвел двух самых важных для меня людей.

— В новостях есть ваши фото возле места, где начались беспорядки. Я подумал, что возможно, вас могли втянуть в эту шумиху, — я слышу звон стекла, словно отец наливает себе выпить.

— Мне нужно идти, — говорю я.

— Подожди ты, черт возьми, секунду, — говорит он. — Я хочу знать, как ты.

Как я? Мое тело онемело, но эмоции так сильно рвутся на поверхность, чтобы излиться наружу. Я мог бы кричать, пока голос не сел бы напрочь. Мог бы бежать, пока мои ноги не подогнулись бы подо мной. Мог бы бить кулаками в стену, пока истощение не навалилось бы на меня. Об этом спрашивает меня мой чертов *отец*? Сглатывая образовавшийся в горле

ком, говорю:

— Ты — последний человек, с которым мне бы хотелось говорить прямо сейчас.

— Нам нужно поговорить, Рик.

— Зачем? Ты собираешься снова обвинить меня за то, что я забрал у тебя Ло? — когда Ло впервые отправился на реабилитацию, наш отец обвинял меня в том, что будто бы я промыл ему мозги. Будто реабилитация была чертовски плохим вариантом. Словно Ло вообще не страдал от алкогольной зависимости.

— Это было давным-давно, — говорит он мне. Следует длинная пауза, и сперва я думаю, что он делает глоток своего напитка. Но папа откашливается, словно ему сложно вымолвить хоть слово.

— Послушай, моя... — я зажмуриваю глаза. Я почти сказал *моя девушка*. Глубоко вздыхая продолжаю. — Кое-кто, о ком я, пиздец как, волнуюсь, находится не в лучшем состоянии, так что у меня нет времени на повторное обсуждение прошлого с тобой.

— Ладно, — говорит он, сдаваясь гораздо проще, чем я того от него ожидал. — Будь осторожен, Рик. И если вдруг мне так и не представится возможность поговорить с тобой до твоего восхождения на ту дурацкую гору, я просто хочу сказать... — он снова прочищает горло. — Я люблю тебя, и если ты мне не веришь, тогда проверь имя на своих правах. Береги себя, — и он кладет трубку.

Он говорит Ло, что любит его все время. Папа считает, что все совершенные им убудочные поступки — не касаются данной чертовой любви. Я не удивлен тем, что он сказал мне "Я тебя люблю" или тем, что упомянул мое первое имя, *его* имя, в роли доказательства своих чувств. Часть меня хочет принять эту отцовскую любовь. Но другая часть видит в его словах скрытую цель — заставить меня говорить с прессой. Если мы станем друзьями, возможно, мне удастся обелить его.

Все это извращенная игра, в которую я никогда не хотел играть.

После пары минут мне удается отправить своего отца, мать и брата в долгий ящик — запихнуть всю эту семейную драму на задворки своего разума.

Из-за угла комнаты ожидания появляется Коннор, у него в руках два бумажных стаканчика с кофе. Сегодня ему удалось уклониться от большей части направленных в него кулаков или беспорядочной толкотни в уличной потасовке. У него нет синяков, просто маленький порез на лбу. Он протягивает мне чашку, и я киваю в знак благодарности. Выражение его лица по-прежнему мрачное, как обычно, нечитаемое.

— Когда девочки прибывают в Париж? — спрашиваю я у него, делая глоток. Какое-то время Ло разговаривал с Лили, но не рассказал мне о чем. Я знаю, Коннор беседовал с Роуз около часа назад.

— Они не летят сюда, — кратко сообщает Коннор.

Я хмурюсь, думая, что неправильно его расслышал.

— Что?

— Они не прилетят в Париж, — он делает ударение на каждом слове.

— Их сестра в больнице, — говорю я. — Я ни черта не понимаю. Если бы это была Лили, Роуз прилетела бы сюда в течение одного чертового *сердечного удара*, — я слишком сильно сжимаю стаканчик с кофе, так, что он ломается, проливая жидкость на мои джинсы и вызывая жжение. — Блядь, — матерюсь я, вставая и быстро допивая остатки кофе, а затем выбрасываю стакан в мусор.

Коннор становится возле меня рядом с корзиной для мусора.

— Я зол так же сильно, как и ты.

Я смотрю на него. Его мышцы расслаблены, несмотря на грусть во взгляде. Для Коннора не типична демонстрация стольких эмоций, но я очень сомневаюсь, что он и правда чувствует то же, что и я.

— Не думаю, Кобальт. Твои чувства даже и близко не стоят с моими.

— Моя жена расстроена, и она слишком горда и упряма, чтобы рассказать мне почему. Роуз — тот тип женщины, который лучше умрет с секретом, который боится раскрыть, чем проявит хоть немного слабости. Так что моя голова чуток идет кругом.

— Тогда езжай домой, — говорю я ему. — Никто не держит тебя здесь.

— Ло только что пил алкоголь, — категорично заявляет Коннор. — Дэйзи в больнице. Ты запутался. Я не оставлю вас троих.

— Я ни хрена не запутался.

Он указывает на коридор.

— Я видел, как два парня, которые, вероятно, весят по двести пятьдесят фунтов повалили тебя на пол. А ты плюнул одному из них в лицо.

Я бросаю на него сердитый взгляд.

— Он пытался ударить меня, — это было чертовски низким поступком. — Не важно. Оставайся, если это то, чего ты хочешь. Уезжай, если нужно. Если понадобится, я позвоню позже Лили и спрошу, почему она еще не здесь...

— Ло уже пытался, — говорит Коннор. — Лили и Роуз сказали, что они вылетят не раньше завтрашнего дня.

Я раскидываю в стороны руки.

— Тогда почему мы вообще на хрен спорим? Они же собираются прилететь.

Коннор качает головой.

— Я уже знаю, как будут обстоять дела. Если Дэйзи проснется и будет в своем уме в ту минуту, когда они будут говорить с ней по телефону, а они позвонят, поверь мне, то Дэйз уговорит сестер остаться дома. Она не захочет испортить им день или неделю, даже по такой серьезной причине, как эта.

Он прав. Если бы Дэйзи нравилось обременять людей своей болью, она бы рассказала сестрам о своей бессоннице, о своих ужасных чертовых друзьях со школы. О том, что случилось в те десять месяцев, что она жила с родителями, пока я был у себя в квартире. Она не думает, что ее проблемы столь же важны как зависимость Лили. Но они важны столь же сильно.

Я смотрю в пол, а мои глаза вновь пылают. У меня перед глазами просто всплывает эта картинка — Дэйзи просыпается в странном месте, в чужой стране, без единого знакомого лица в комнате. Это, охуеть как, ужасно, и я хочу уберечь ее от этого.

— Кто-то звонил ее маме?

— Нет, — шепчет он. — Саманта ничего не знает, и Роуз хочет позволить Дэйзи самой решить, расскажут они маме сейчас или позже. В особенности учитывая то, что Дэйзи не сможет участвовать в оставшихся показах Недели Моды, и все мы знает, что Саманта воспримет это не лучшим образом.

— Однако, ее мама любит ее, — говорю я. — Она бы волновалась. Мы должны по крайней мере ей позвонить.

— Рик, — выдыхает он. — Она даст тебе пинок под зад, выкинув из больницы. Я заглядывал в интернет, и кто-то уже выложил фото твоей драки с Ианом из бара. Не знаю

как, но Саманта обвинит тебя в состоянии Дэйзи, а затем устроит сцену и еще сильнее расстроит ее. Ситуация очень деликатная. Так что нам нужно сперва спросить об этом у самой Дэйзи.

Я киваю. Я просто надеюсь, что разум Дэйзи будет достаточно функционален, чтобы ответить вообще что-либо. Что если она не сможет говорить? Что если она нахрен ослепнет? Мы ничего не знаем.

Какое-то время Коннор внимательно наблюдает за моей реакцией и добавляет:

— И журнал "*Разгром Знаменитостей*" опубликовал фото Дэйзи, переброшенной через твое плечо, — он делает паузу и прищуривает свои насыщенно-голубые глаза. — Кстати, на фото твоя рука на ее заднице. Тебе следует больше волноваться о том, что ее отец подумает, если ты захочешь завести с ней настоящие отношения, а если нет, тогда я говорю тебе сейчас, как твой свояк, *отвали* от нее.

Это новая сторона Коннора. Покровительство Дэйзи. Я ценю это сильнее, чем показываю.

— Откуда ты знаешь, чего я хочу?

— Я и правда очень хорошо могу читать людей. Я почти на сто процентов уверен, что ты ее целовал, когда мы только прилетели в Париж. Ее губы были красными. Она немного зарделась. Вы оба были румяными.

Я открываю рот, но он перебивает меня.

— Ло не заметил этого. Он не смог бы. Не думаю, что многие видят то, что замечаю я.

— Зачем ты каждый раз, когда доказываешь ту или иную точку зрения, делаешь себе чертовы комплименты?

— Я излагаю правду.

Я скрещиваю руки.

— Ладно, вот, что я скажу тебе, Кобальт. Не важно, хватал ли я ее за талию, целовал ли ее целомудренно или грубо. Не имеет значения, что я нахрен делал, ее отец все равно невзлюбит меня. Ее мать в любом случае будет меня *ненавидеть*. И пошел *ты* на хуй, если думаешь, что мне нужно их одобрение, чтобы построить с ней настоящие отношения. То, что я чувствую охуенно реально, и я не нуждаюсь в том, чтобы ее мама подтвердила это для меня.

Коннор качает головой, словно я идиот.

Я чертовски хочу ему врезать прямо сейчас, пока он стоит здесь, самодовольный болван, не помогающий решить эту ситуацию. Седативное средство, обеспечивавшее мое относительно спокойное состояние вдруг прекращает действовать.

— Правда, реально? — спрашивает он. — Учитывая то, что тебе, Рик, приходится скрывать их от друзей и семьи, выходит, ваши отношения притворные.

— Иди ты на хуй, — говорю я снова.

— Нет, *иди ты на хуй*, — отвечает он, что довольно не характерно для Коннора. Настолько, что мои мышцы напрягаются. — Я вступился за тебя. Когда Ло был против тебя и Дэйзи, я был тем, кто пытался убедить его, что вы оба зрелые люди. Я поддерживал любую идею о ваших возможных в будущем отношениях, что я все еще делаю, но после этой поездки, я пересмотрю то, сколько веры в тебя у меня останется.

Я могу сказать, что дело не в моей руке на ее попке на этом чертовом снимке. Дело в том разговоре, который он хотел затеять в номере ее отеля, после того как Дэйзи проснулась, крича. Почему ему нужно выбрать именно этот момент, чтобы надавить на

меня?

Я просчитался в том, насколько сегодня раздражен Коннор. Он был прав. Он реально чертовски зол и идет в наступление.

— Тебе следует поговорить с кем-то о ее проблемах со сном, — говорит он. — Я думал, что ты больше других, будешь обеспокоен ее состоянием здоровья. Думал, ты побежал бы к ее сестрам с этими новостями. Думал, ты сделал бы *хоть что-то*, чтобы гарантировать безопасность и защиту Дэйзи.

— И я, блядь, это сделал! — восклицаю я. Несколько человек, спавших в комнате ожидания, начинают шевелиться.

— Тогда почему никто не знает об этом?

— Она не хотела рассказывать ни одной чертовой душе, — говорю я. — Роуз и Лили по уши в своем собственном дерьме, чтобы иметь с этим дело. Она не хотела беспокоить свою мать или тебя или еще кого-то этими проблемами. Она хотела решить это все самостоятельно.

Коннор обдумывает это секунду, прежде чем спросить:

— И как долго она имеет с этим дело, Рик?

Я качаю головой.

— Это был не единичный случай. Это целая серия событий.

— Как долго?

Я не могу скрыть это от него.

— Больше года.

Его глаза затуманиваются, но он несколько раз кивает.

— Это все из-за СМИ, верно? Фотограф, который ворвался в ее комнату, парень, который разбил ее мотоцикл и напал на нее — это все повлияло на нее сильнее, чем она позволяла нам увидеть.

— Это положило всему начало.

— Роуз очень расстроится, что не обращала достаточно внимания на Дэйзи, — Коннор глубоко вздыхает, словно может ощутить боль своей жены, хоть она на самом деле все еще не имеет ни малейшего представления о проблеме. — Если честно, я не могу поверить, что не заметил этого раньше.

Я закатываю глаза.

— Это останется между нами. Дэйзи должна сама рассказать своим сестрам.

Он кивает, соглашаясь.

— Она была у врача?

Перед тем как отправиться в Париж, она регулярно посещала терапевта и прошла множество обследований своего страха во сне, — я выкладываю всю информацию, о которой он хотел бы спросить. Никто не предложил ей лучшего решения проблемы бессонницы, чем таблетки и терапия. Она просто надеется, что однажды перерастет это.

Коннор вынимает свой телефон и начинает что-то набирать.

— Мне нужны имена всех ее врачей и терапевтов.

— Ты говоришь, как Роуз.

— Я серьезно. Я хочу убедиться, что ты водил ее к лучшим...

— Коннор, — перебиваю я его, — она *моя* чертова девушка. Я трижды, на хрен, проверял каждого человека, с которым она встречалась. Мне не нужно, чтобы ты делал мою работу за меня. Я более чем в состоянии позаботиться о ней.

Он колеблется, прежде чем положить телефон обратно в карман, а затем смотрит на меня с большим уважением, чем до начала этой беседы.

— Итак, вы навесили ярлык на свои отношения?

Я киваю.

— Ага, — мои ноздри раздуваются, когда пытаюсь подавить свои эмоции. *Она в чертовой больничной палате, возможно, борется за жизнь. В каком решении я ошибся, что в результате она оказалась там? Где я облажался?*

Иногда я гадаю, на что была бы похожа жизнь, если бы я решил никогда не знакомиться с моим братом. Если бы я принял решение не высовывать голову из песка.

Моя мама бы никогда не узнала о сексуальном пристрастии Лили.

Она бы никогда не сообщила это всему гребаному миру.

Не было бы никаких СМИ.

Дэйзи бы спокойно спала.

Лили не пережила тот хреновый стыд.

Сексуальная жизнь Коннора и Роуз не попала бы в интернет.

А мой брат — думаю, он по-прежнему бы пьянствовал.

Я глубоко вздыхаю, эта ночь свалила на меня больше сожаления, чем я привык нести на своих плечах.

— Я не всегда поступал верно, Коннор, — говорю я. — Я не идеален. Но я пытаюсь со всех сил заботиться о моем брате и Дэйзи. Однако, если я причиняю им боль, тогда тебе нужно сказать мне об этом прямо сейчас, — я встречаюсь с ним взглядом, без претензий. Без шуток. Из-за строгости в положении наших тел трудно дышать. Но я обращаюсь к нему от всей своей долбаной души. — Я не хочу разрушить ничью жизнь, своим в ней присутствием. Это никогда не входило в мои намерения.

Коннор устало смеется так, что в уголках его глаз выступают слезы.

— Рик... — он качает головой и трет свои губы. А затем его руки падают по швам. — Ты пробежал с ней на руках больше трех миль. Рождение твоего брата привело к разводу твоих родителей, и все же ты потратил большую часть своего времени и энергии, чтобы помочь ему оставаться трезвым. Как ты вообще можешь думать, что вредишь их жизням? То, что ты сделал для них, это поистине героично, и если ты не можешь этого увидеть, тогда ты слепец, мой друг.

Горячая слеза скатывается вниз по моей щеке.

Я так чертовски устал быть одиноким. Я боялся, что он скажет мне убраться на хрен. Потому что это означало бы, что мне нужно вернуться к жизни, в которой я больше не могу себя видеть. Дэйзи изменила для меня все. Она сделала так, что мне комфортно делить свою жизнь с кем-то другим, что я ощущаю счастье в компании других людей. Мое одинокое будущее выглядит мрачно. Но будущее с моим братом, друзьями, *ею* — нет ничего чертовски лучше этого.

Она — солнце. Я — тьма.

Если она уйдет, я утрачу тот хренов свет.

Без нее, я знаю, что никогда не увижу его вновь.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Я открываю глаза, дезориентированная. Мое зрение затуманено, а все окружающее размыто. Я несколько раз моргаю, ощущая тяжесть в своих руках и ногах. Мой разум не может осмыслить ничего, кроме моих физических аномалий — легкость головы, онемение лица, дрожь в пальцах.

Сперва я замечаю светлые и темные участки. А затем различаю, как фигура поднимается с кресла и подходит ближе ко мне.

Я проснулась не от ночного кошмара.

Данное чувство отличается от моего обычного ночного состояния.

Я пытаюсь вспомнить последние события, последний образ, который я видела до этого, до того, как легла спать.

Но воспоминание не дается так легко, как мне казалось. Мои мысли не формулируются в четкую картинку.

К счастью мои глаза работают.

— Дэйзи, — раздается очень знакомый голос, все еще резкий, но полный неудержимого беспокойства. — Ты меня слышишь?

Я пытаюсь кивнуть. Думаю, я киваю. Моргаю еще пару раз, и мое зрение проясняется. Рик возвышается над больничной кроватью. *Моей* больничной кроватью. Но я концентрируюсь на чертах его лица, царапинах вдоль его щек, синяках вокруг его глаз и на подбородке. На его бровь наложены швы.

— Рик, — шепчу я, буквально скрепя.

Слезы увлажняют мои глаза. Я никогда не видела Рика таким избитым прежде. Моя рука инстинктивно тянется ко рту, чтобы прикрыть мои эмоции, но от этого движения за моей рукой тянется стойка с капельницей. Я опускаю взгляд, пытаюсь понять, что происходит. К верхней части моей руки прикреплены трубки, которые поверх моих коленей тянутся к стойкам.

Рик садится на край кровати возле моих ног. Он растирает их, даже несмотря на то, что они покрыты светло-голубым одеялом.

— Тебе нужна вода? — он закрылся от меня, его черты лица ожесточились, будто парень, так же как и я, пытается скрыть свои эмоции.

Я качаю головой.

— Не мог бы ты... пододвинуться ближе? — я тянусь к его руке, но начинаю задыхаться. Пытаюсь сесть так, чтобы мочь видеть его получше, однако все мое тело — сплошное зло, словно меня переехал грузовик. *Может это правда?* Может я нечаянно выскочила на дорогу? *Пожалуйста, скажите мне, что я не сделала чего-то глупого, поранив себя и Рика.*

Я раздражаюсь слезами, потому что боюсь, что это именно то, что произошло.

— Дэйзи, не плачь, — говорит он. — Мы вместе пройдем через это, — *мы*. Я фокусируюсь на этом одном местоимении, пока он нажимает кнопку на пульте дистанционного управления. Кровать издает скрип, приподнимая меня в сидячее положение. А затем Рик пододвигается вперед так, что оказывается возле моего бедра.

Я испускаю вздох, чтобы остановить слезы, а затем тянусь и провожу пальцами по его

щеке. Он наблюдает за мной, пока я изучаю его ранения своей дрожащей рукой, пока разглядываю вблизи его швы.

— Твоя бровь...

— Она в порядке, — он сжимает мое запястье, пытаюсь остановить этот осмотр.

— Останется шрам, — бормочу я.

Он почти начинает кривиться. Но вместо этого несколько раз качает головой.

— Меня это на хрен не волнует.

Я слабо улыбаюсь, но движение вызывает дискомфорт. *Почему мне так больно?* Мои губы кривятся.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Его кадык вздрагивает.

— Ты не можешь вспомнить?

— Нет, — выдыхаю я. — Разве я... я сделала что-то глупое? Ты не... ты не последовал ведь за мной на дорогу под машины, верно? — тот факт, что подобное могло случиться, отражается у меня на лице, и видимо это заметно со стороны. Я могу не думать и быть эгоистичной, когда дело касается вопроса выживания. Но мне всегда очень нравилось то, что Рик никогда меня не останавливает.

Как бы дико я не поступала, Рик Мэдоуз делает так же.

Вниз по горнолыжному склону.

В океане, сражаясь с акулами.

Вниз с утеса.

Вниз с утеса. Мне было пятнадцать. Я погрузилась под воду. Он прыгнул следом за мной. Я не могла представить, чтобы какой-то другой парень захотел сделать что-то ради человека, которого он едва знал. В тот момент я влюбилась в Рика. Буквально, фигурально — я знала, что если мы не будем парой, он станет моим другом.

И вот сейчас мы здесь.

В больнице.

— Возможно, мне следует оставить тебя в покое, — шепчу я.

— О чем ты говоришь?

— Тебя бы не поранили... — я внимательно слежу за тем, как напрягаются его мышцы, как он садится ровнее. Я хватаюсь за подол его белой футболки, которая не похожа на его обычную одежду.

Он берет меня за руки, останавливая.

— Дэйзи, — говорит Рик, с напором. — Я в порядке.

— Сними свою футболку.

— Нет.

Я снова улыбаюсь. *Ой.*

— Должно быть, я — единственная девушка, которую ты отвергаешь.

— Это нахрен полнейшая неправда, — рычит он. Он сердито смотрит на больничную кровать, на меня в ней, а затем тяжело вздыхает, сдаваясь. Рик приподнимает футболку, и моя челюсть отвисает.

Мои руки скользят по желтовато-багровым синякам, покрывающим его живот и грудь, несколько кровоподтеков искажают его тату в виде феникса.

— Повернись, пожалуйста, — говорю я нежно.

Он поворачивается полубоком ко мне, и я вижу еще один синяк, хуже всех предыдущих,

он насыщенно желто-багряного цвета. Я хочу поцеловать его раны, но как только наклоняюсь вперед, Рик прикладывает руки к основанию моей шеи и аккуратно отталкивает обратно на пушистую подушку.

— Что последнее ты помнишь, Дэйзи? — серьезно спрашивает Рик.

Я напрягаю свою память.

— Бар, — *мы отправились в бар возле отеля.* — Ло... — *он пил алкоголь.* — Кристина... Я увидела ее в баре и... — *Иан.* — Вы же не... разве вы ребята... — *Разве они подрались?* — Иан... — я несколько раз моргаю, пока воспоминание начинает складываться в одну картину. Нет, та драка быстро закончилась. Случилось что-то еще. — Я была на улице с Кристиной. Мы собирались вернуться в гостиницу.

Вспышки нового события хаотично зажигаются в моей голове. Я наблюдала за теми двумя большими парнями, что орали друг на друга на тротуаре, а потом они стали бить друг друга в грудь. В сторону полетел один стакан с пуншем, а затем нас поглотил ураган из пьяных мужчин и насилия. Я немедленно вытолкнула Кристину из заварушки, но молния на чьей-то куртке зацепилась за мои длинные волосы. Так что меня понесло назад.

— Рик... — страх, что я испытала, упав на тротуар, возвращается, и звук монитора, контролирующего сердцебиение, рядом со мной начинает размеренно издавать *бип, бип, бип*, все сильнее ускоряясь. Ноги вокруг меня били в мой живот, мои ноги, и наконец я выдернула свои волосы, но только для того, чтобы они снова попали в новую ловушку. На этот раз мои локоны натянулись в районе лба. Боль боролась в моем теле с адреналином. *Бипбипбипбипбип.*

— Дэйзи, посмотри на меня, — говорит Рик, его ладонь скользит по моему бедру, сжимая его с силой.

Я встречаюсь с его обеспокоенным взглядом как раз в тот момент, когда последнее воспоминание пронзает меня. Я поднялась с асфальта.

— Я увидела тебя, — шепчу я. — Ты был прямо там, — я помню, как мы встретились взглядами. А его глаза были полны ярости, отчаянья, ядовитой мучительной боли.

Он кричал мое имя. Я услышала его всего раз до того, как что-то с силой врезалось мне в лицо.

Мое лицо.

Впервые я поднимаю руку, чтобы коснуться своей щеки. И все, что я ощущаю — это бинты, возможно, марля. Но что бы ни пряталось под ней, из-за него я ощущаю боль, каждый раз, как улыбаюсь.

БИПБИПБИПБИП!

— Сделай глубокий чертов вдох, — говорит он мне, растирая мои руки.

Кто-то стучится в дверь дважды, а затем дверь палаты открывается. Медсестра в розовой форме просовывает голову внутрь.

— Дэйзи, ты проснулась, — она улыбается, прежде чем немного повернуться, чтобы что-то кому-то прошептать. — Сообщить об этом твоим друзьям? — она закрывает за собой дверь и подходит ко мне ближе. — Мое имя Джанет. Как ты себя чувствуешь?

Она наливает чашку воды и передает ее мне. Я делаю глоток и немедленно передаю чашку Рику.

— Я могу посмотреть в зеркало? — спрашиваю я у Джанет.

Бипбипбипбип.

Я не могу выразить свои чувства, они не вписываются в понятие паника. Мне просто

нужно сперва увидеть свое лицо, чтобы понять бурлящие во мне эмоции.

— Хочешь, я позвоню сперва больничному психологу?

Что?

— Рик, — я поворачиваюсь к нему с широко открытыми глазами.

— Вы можете просто дать ей зеркало? — спрашивает он у медсестры, напряженно глядя на нее.

Она кивает.

— Ладно, — Джанет неуверенно вытягивает переносное зеркало из ящика, и я беру его у нее.

Я поднимаю вещь к лицу. *БипбипБИПБИП.*

Повязка покрывает мою левую щеку до самой челюсти. Но я вижу, что моя губа опухла, а под обоими глазами багровеют синяки. Я выгляжу... так же плохо, как и Рик, не удивительно, что он смотрел на меня, словно хотел сказать: *прекрати думать о моих хреновых повреждениях.*

Я тянусь к пластырю, чтобы снять повязку, и Джанет перехватывает мою руку.

— Не трогай.

— Мне нужно взглянуть, — я даже не знаю, *что* там.

Но тут еще одна медсестра в голубой форме проскальзывает внутрь вместе с Коннором и Ло.

— Эй, — говорит Ло, слабо улыбаясь. — Как ты? — он прикасается к моим ступням через одеяло. Я хочу улыбнуться в ответ, но это слишком больно.

— Хорошо, — говорю я.

Коннор просто кивает.

— Кто-нибудь рассказал тебе, что случилось?

— В некотором роде, — бормочу я. — Я хочу увидеть, что не так с моим лицом.

— Она не знает? — Ло хмурится и бросает сердитый взгляд на Рика, словно это его вина.

— Мы как раз шли к этому.

— Давайте я помогу, — говорит вторая медсестра, подкрадываясь к кровати. — Мы в любом случае должны сменить повязки.

Рик встает, пока обе медсестры окружают меня. Он присоединяется к Ло и Коннору у изножья кровати, а мое сердце стучит так сильно и быстро: *бипбипбипбип.*

Джанет медленно снимает пластырь, отгибая повязку, которая прилипла к нескольким швам... нет подождите, к *огромному* количеству швов.

— Рана была очень глубокая, — объясняет она самым добрым в мире голосом. — Тебе сделали МРТ. Все вернется в норму. Врачи сказали, что у тебя, возможно, легкое сотрясение, но в остальном ты будешь в порядке через две недели, тогда же тебе снимут швы. Останется просто...

— Шрам, — заканчиваю я за нее. Медсестры освобождают мое лицо от марли и пластыря, а затем я вижу всю картину: покрасневшая рана тянется от моего виска к щеке и далее к подбородку. Ядвигаю языком во рту, вдоль десны, ощущая обратную сторону швов, словно мою щеку перерезало насквозь.

— Как... — *БИПБИПБИПЯ* поднимаю взгляд на Рика, мои глаза расширены до размера блюдца.

— Тебя ударили гребаной огромной палкой. Доктора думают, что на конце было нечто

острое, что тебя и порезало.

— Тебе дали укол от столбняка, — заверяет меня медсестра в голубой форме. Джанет говорит:

— Мы можем пригласить сюда психолога.

Потому что этот шрам останется со мной навсегда. Потому что я никогда не буду больше милашкой Дэйзи Кэллоуэй, сошедшей с обложек и разворотов журналов. Я больше не модель.

Я больше не тот человек, которым моя мама так стремилась меня сделать.

Но с другой стороны, теперь я в большей степени являюсь самой собой, чем раньше.

Я закрываю глаза и откидываю голову назад. И мое сердце замедляет свой бег. Я глубоко вздыхаю. Ощущение такое, словно это мой первый настоящий вдох, и слезы безмолвно скатываются по моему лицу. Неимоверно сильное давление начинает нарастать в моей груди.

— Нормально то, что ты сейчас расстроена, — говорит мне Джанет.

Я открываю глаза и качаю головой, слабый смех срывается с моих уст.

— Я не расстроена, — мой подбородок дрожит. Я вытираю слезы и говорю. — Я ощущаю облегчение, — мой взгляд встречается с Риком. — Насколько это ненормально? — и затем я раздражаюсь слезами, потому что знаю, что не должна себя так чувствовать.

В одну секунду он оказывается рядом со мной, и я оборачиваю руки вокруг его груди.

Я и не осознавала, насколько была скована до этого момента. До того, пока не случилось нечто ужасное, однако позволившее мне почувствовать себя хорошо. А еще я знаю, что частично в этом есть и моя вина. Если не это поможет понять, что мне нужно, чтобы стать собой, тогда даже не знаю, что может мне помочь.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Обезболивающий препарат вырубает меня. Это новый вид сна. Но он отнюдь не лучше. Я постоянно ощущаю себя апатичной, сонной и все еще жажду хорошо выспаться, как было прежде, чем медиа набросились на мою семью. К счастью, в мой последний день в больнице Рик снабжает меня энергетическими напитками.

Я делаю глоток Вспышки Молнии! одновременно копаясь в своем чемодане, который Рик сегодня мне принес. Ребята уже выселили меня из отеля и забрали мои вещи.

— Ты звонила в свое агентство? — спрашивает Рик.

— Ага, я уволилась прошлой ночью, — в последний день Недели Моды я позвонила в агентство Революция Моделирования Инк. и сказала:

— Я больше не хочу работать моделью. Простите, но вам нужно найти кого-то другого для сегодняшнего показа. И я не буду работать в следующие три недели, а может и в целом в будущем, — мой голос не был таким уверенным и смелым, как у Роуз. Но я смотрю на это, как на репетицию своего звонка матери.

В агентстве спросили о причине моего ухода.

Я сказала то, что казалось самой что ни на есть правдой:

— Мне не нравится работать моделью.

Теперь ни шагу назад. Я провела два дня в больнице — тихие ночи наедине с моими бесконечными мыслями — и результатом этого стал данный вывод. Моя карьера закончилась из-за травмы лица, но ее следовало завершить еще раньше, из-за состояния моего здоровья, моего эмоционального состояния и отсутствия ощущения счастья. Мне потребовался такой ужасный опыт, доведший меня чуть ли не до смерти, и все эти годы работы моделью, чтобы осознать данный факт. Можно было бы обвинять во всем этот шрам, но сей путь кажется слишком легким. Я знаю, что не почувствую себя лучше, поступая так, как мне всегда говорили делать.

Я нахожу пару джинсовых шорт и футболку с надписью: *Я — охуенная русалка.*

— Как на счет этой? — спрашиваю Рика, показывая ему футболку.

Он чуть ли не начинает улыбаться, и это ставит точку в моем выборе сегодняшней одежды.

Я застегиваю молнию на сумке.

— Ты не мог бы закрыть занавески, пока я переодеваюсь? — я бросаю на него единственный взгляд, будто бы говоря: *"тебе не нужно выходить."*

Его черты лица напрягаются, пока парень смотрит на меня оценивающе. Я не могу понять это выражение, но его взгляд кажется задумчивым. Я пытаюсь не сомневаться в том, не собирается ли он со мной порвать из-за состояния моего лица. Рик сказал: *Мы пройдем через это.* Я просто гадаю, помогал ли он мне как друг или как кто-то больше.

Эти мысли буравят дыру у меня в животе.

Так что думаю, мне просто нужно узнать, где сейчас его мысли. Коннор и Ло ждут нас в арендованном авто. Выходит, какое-то время мы можем побыть наедине, впервые с того времени, как я пришла в себя. Не думаю, что Ло волнуется из-за того, что оставил нас здесь вместе. Могу сказать, он пытается доверять своему брату, особенно после того, как облажался и напился.

Я уже говорила с Роуз и Лили, перехватив их до того, как они успели бы вылететь в Париж. Мне бы не хотелось, чтобы Лили пропустила занятия в колледже, а Роуз пришлось отменять встречи по ее дизайнерским делам лишь ради того, чтобы увидеть меня. Потребовалось несколько аргументов и два часа уговоров, но на этот раз я выиграла. Хоть Роуз и заставила меня позвонить ей по Skype, но я отказалась показать ей, что скрывается под повязкой. Я сказала, что у нее будет отличная возможность глядеть на результат того вечера каждый раз, когда она будет меня видеть меня, и так до конца моей жизни. Так что Роуз может подождать еще несколько недель.

Я наблюдаю за тем, как Рик закрывает занавеску, обеспечивая нам в этой комнате дополнительное уединение. Положив джинсы и футболку на край кровати, я остаюсь в больничном халате, который висит на моем теле, будто тонкий мешок. От окружающей нас тишины мое сердце бьется быстрее. К счастью, я больше не подключена ни к одной машине, однако мое быстрое поверхностное дыхание замещает звук *бинбинбин*.

Я уже знаю, что Рик собирается сделать, и эта наша тайна притягивает меня к нему. Я делаю пару шагов навстречу, а затем останавливаюсь на полпути, так, что нас отделяют несколько футов. Он такой высокий, его мужественность так и веет от всей конституции его тела и резкой линии челюсти. Думаю, я могла бы жить под покровом Рика Мэдоуза, под его весом и защитой, и быть при этом удовлетворенной такой жизнью.

Эта мысль вызывает улыбку. Я игнорирую щиплющую боль на щеке от столь легкого движения. Черт, хочу улыбнуться. Что ж, я и улыбнусь.

Рик внимательно следит за мной, за каждый моим незначительным движением, а затем он делает несколько шагов навстречу. Останавливаясь в шаге от меня. Я резко и глубоко вдыхаю, ощущая его аромат, похожий на запах леса, воды и земли. Мне слишком любопытно, что он думает, но сперва хочется прикоснуться к нему.

Наши взгляды встречаются, а затем его глаза опускаются к горловине моего больничного халата. Он никогда не смотрел на меня, словно я лишь половина самой себя, слишком обессиленная для любви, слишком хрупкая, чтобы со мной иметь дело. Вместо этого, его взгляд захватывает меня так, словно это первый раз, когда мы так близко.

Еще один шаг, и его грудь соприкасается с моей каждый раз, когда мы вдыхаем. Он наклоняется вперед, и мое тело немеет. Его губы щекочут мое ухо.

— Ты так чертовски прекрасна.

Я широко улыбаюсь. Эти слова сейчас много значат, они никогда не были столь важны.

— Скажи это еще раз.

— Как насчет того, чтобы просто, черт возьми, продемонстрировать тебе это?

Его горячее дыхание согревает мою шею, а затем Рик целует то чувствительное место, быстро и ненасытно. И мое тело автоматически откликается на его прикосновение, выгибаясь и прижимаясь к нему. Рик придерживает мой затылок, посасывая кожу за моим ухом с таким усердием, что каждый нерв моего тела вспыхивает.

— Рик, — выдыхаю я нежно, а затем пронзительно стону.

Мои руки ложатся ему на спину, удерживая так, словно он принадлежит мне. Я не могу поверить, что завожусь после того, как пролежала несколько дней в больнице. Но от прикосновений этого парня мои уставшие конечности подкашиваются, становясь мягкими, словно желе.

Он распускает мои волосы, одевая резинку себе на запястье. А затем ерошит длинные локоны, своей огрубевшей рукой, так же, как делал много раз до этого. Это вызывает у меня

головокружение, а сердце пульсирует быстрее.

Его губы возвращаются к моей коже, прокладывая дорожку от шеи до ключицы. Пока его пальцы возятся с завязками на спине моего халата. Под ним я одета лишь в трусики, потому что натянула их немного раньше. Больничная ткань соскальзывает с меня, и поток холодного воздуха щиплет кожу. Мурашки бегут по моим израненным рукам и ногам. Я замираю, думая, что Рик собирается отстраниться от меня, увидев все эти пурпурные синяки, но он лишь нежно целует вокруг них, будучи при этом предельно осторожным, но не настолько сильно, чтобы отпустить меня.

Я бы хотела поцеловать его в ответ. Даже если бы это причинило мне боль. Но Рик никогда бы не подпустил мои губы к себе, не желая, чтобы я испытала мучения. И то тепло и забота, которые он мне дает — лучшее лекарство. Его руки скользят по мои бедрам, продвигаясь к моим желтым хлопковым трусикам с изображением маргариток.

Мой рот открывается, пока я наблюдаю, как его поцелуи направляются к моей груди, которая уже открыта для него, не нужно даже расстегивать и снимать лифчик. Его голова опускается ниже, прямо к моей правой груди, тогда как губы Рика замирают возле моего соска, и у меня в голове вспыхивает воспоминание о произошедшем с Ианом. Резкая боль. *Укус. Кровь.*

Я дергаюсь назад, но Рик ничего не говорит о моей внезапной панике. Он просто приподнимает меня так, чтобы мои ноги обернулись вокруг его талии, а затем несет меня к кровати. Я ложусь на мягкое голубое одеяло, и Рик без промедления следует за мной. Он раздвигает мои ноги, становясь на колени между ними, а затем целует еще раз то же самое место возле моего правого соска.

Только на этот раз, он наблюдает за выражением моего лица, пока сосет нежную кожу; его взгляд не покидает меня ни на секунду, следя за моей реакцией. Так вот почему он сменил положение наших тел. Эта поза мне нравится больше. Его пах прямо напротив моей промежности, и я оборачиваю его талию ногами, скрещивая их в лодыжках в районе его поясицы.

Пока он целует мой сосок, кружа языком по твердому комочку, я задерживаю дыхание, отдаваясь выгорающему в моем теле желанию. Возбуждение нарастает, когда его другая рука начинает массировать мою левую грудь, а с моих уст срывается резкий крик.

Он посасывает сосок немного жестче, и я напрягаюсь так, что Рик замедляется, от чего ощущения...

— Ахх, — вскрикиваю я снова. *Вау.* Он еще больше разжигает во мне потребность и желание, когда уверенно и страстно толкается напротив того самого места между моих ног. Я жажду чего-то большего. Неведомая до этого мне боль мучает мое тело.

— Я хочу тебя так сильно, — говорю я, еще раз ахая. Я царапаю его спину, задирая футболку. Мои бедра толкаются напротив него с такой силой, что Рик стонет — глубинный звук вырывается с его горла.

Он убирает влажные волосы с моего лба, а затем садится, его рука пробегает вдоль моих длинных стройных ног. Рик смотрит на них с новым пылом и сильнейшей похотью.

— Я люблю так много чертовых сторон тебя, — говорит он хрипло.

Я сжимаю одеяло по сторонам от своих бедер, сильнее раскачиваясь.

— Сними свои джинсы, — почти что хнычу я. Обычно я хочу, чтобы парень поскорее одел их и покончил с этим некомфортным моментом. Данное ощущение и желание столь чуждо мне. И я обожаю каждую секунду этого безумия.

— Мы не будем пока заниматься сексом, так что оставим эту фантазию на потом, сладкая.

Сладкая.

Я улыбаюсь. Нет никакой боли. Ее заглушает мое возбуждение.

Рик произносит "сладкая" с такой властностью, которая не сочетается с нежностью самого слова. Я гадаю, может мы сами такие. Моя нежность против его твердости. Сладость против его неистовства. Дикость против его непоколебимости.

Мне нравится это.

Он хватает меня за лодыжки, освобождая свое тело от моих ног и сгибая их в коленях. На мгновение Рик останавливается, прислушиваясь к тишине, слушая мое дыхание, и думаю, он чувствует то, сколько времени у нас осталось, прежде чем кто-то поймает нас. Мы все-таки в больнице. В публичном месте. Но из-за него я чувствую себя здесь более уединенно и безопасно, чем в любом другом месте на Земле. К счастью, его удовлетворяет тишина настолько, чтобы продолжить.

Он целует меня в коленку, а затем его напряженный взгляд встречается с моим. В следующую секунду он берет свои два пальца и скользит ими в *свой* рот. Просто от наблюдения за этим, мои руки сильнее впиваются в одеяло. Из-за того, что моя голова откинута на подушки, его рука оказывается вне поля моего зрения.

Его ладонь ныряет под мои трусики, а два теплых влажных пальца скользят в мою пульсирующую киску, незамедлительно сжимающуюся в ответ. Я стою, а мой рот приоткрыт. Уголки его губ вздергиваются вверх, и Рик отрывает одну из моих рук от одеяла.

— Ты когда-то до этого была такой же влажной? — спрашивает он у меня. Он прижимает мои пальцы к тому месту, где зарыты его собственные; мое прохладное прикосновение ощущается менее приятно, чем его теплое. Я не *просто* влажная. Моя киска сочится. И я чувствую, как она припухла от потребности.

Я качаю головой.

— Ты знаешь, что у меня были проблемы с самоудовлетворением.

— Сегодня это охрененно изменилось, ты так не думаешь?

Я широко улыбаюсь.

— Не улыбайся, — говорит он. — Я не хочу, черт возьми, причинять тебе боль.

— Ты и не сможешь, — в моей жизни Рик — полная противоположность боли. Он — самая позитивная сила, которая у меня когда-либо была. И он такой для всех, с кем знаком. Я уверена в этом.

— Пока что, — отвечает он.

Я прикусываю губу, чтобы скрыть свою усмешку, и он отпускает мою руку, одновременно с тем начиная двигать двумя пальцами внутри меня, отыскав то чувствительное место, которое лично я не могла найти годами. Я бы хотела суметь видеть его руку под моими трусиками, то, насколько глубоко его пальцы во мне. Этот образ мог бы буквально расплавить мой мозг.

Я не хочу быть так далеко от Рика. Так что медленно приподнимаюсь, пока он трахает меня своими пальцами, и в ответ Рик строго смотрит на меня, словно хочет сказать: *ты, бля, не можешь меня поцеловать.*

Я прижимаю лоб к его груди и наблюдаю за тем, как его рука двигается под хлопком. Он немного смещает пальцы внутри меня и снова находит то самое место. Своей второй рукой Рик поддерживает мой затылок. Растворяясь в своей нужде и инстинктах, я

раскачиваю бедрами так, чтобы его пальцы толкались глубже. От новых ощущений хочется плакать.

— Полегче, — шепчет он, но я уже так близко. Рик стягивает мои трусики к бедрам и показывает, что именно он делает.

От одного лишь вида руки Рика между моими бедрами с погруженными в меня пальцами, я практически ныряю за край.

— Рик, — задыхаюсь я. — РикРикРик, — я впиваюсь пальцами в его спину, толкая бедра в такт с движением его пальцев. Я словно взбираюсь на прекраснейшую из гор, к которой раньше не могла даже приблизиться. И Рик — тот, кто отвел меня туда.

Он снова укладывает меня спиной на одеяло, но не отстраняется, так что в результате мы оказываемся очень близко. Он висит над моим телом. И даже при том, что парень полностью одет, а я лежу голая, чувствую себя безопасно, отдавшись его полнейшей власти.

— Не останавливайся, — кричу я. — Рик, — я хватаюсь за его бицепс для поддержки.

И прежде чем пальчики моих ног подгибаются, спина изгибается дугой, а глаза закатываются, я встречаюсь с его жаждущим взглядом. Каждая частичка меня взрывается, словно тысяча маленьких фейерверков вспыхивает в моей голове и теле.

Я улетаю.

Кончаю в самый первый раз.

Наконец-то.

Он удерживает пальцы внутри меня, пока мое дыхание приходит в норму, а киска сжимается вокруг его плоти еще несколько раз.

Я смеюсь, потому что это было самой приятной вещью, которую мне доводилось испытывать в этой жизни. Точка. А он ведь даже не наполнил меня своим членом.

— Лучше шоколада? — спрашивает Рик, проводя пальцем по моим все еще приоткрытым губам. Его предплечье находится возле моей головы, удерживая тело парня на весу, пока он смотрит на меня сверху-вниз.

— Я не знаю, — выдыхаю я. — Думаю, мне нужно испытать это еще раз пять-шесть, чтобы принять окончательное решение, — я игриво улыбаюсь.

— Тогда у меня есть гребаное предчувствие, что мы узнаем твой ответ в скором времени.

— Я люблю твое умение предчувствовать, — говорю я ему.

— А я люблю наблюдать за тем, как ты кончаешь, — говорит он, словно это какая-то обычная вещь. Но для меня это совсем не просто.

— Насколько сильно?

Он целует мои порозовевшие щеки, а затем шепчет:

— Больше, чем ты когда-либо сможешь себе представить.

Черт. Он выскальзывает пальцами из моей киски, вытирая их об одеяло, а потом очень медленно стягивает мои мокрые трусики. Настолько медленно, что мое тело снова загорается. Когда ткань слетает с моих ног, я переворачиваюсь на живот и стону в покрывала.

— Просто возьми меня сейчас, — говорю я, зарывшись лицом в ткань.

Рик становится на колени и приподнимает мои бедра так, чтобы я тоже оперлась на свои.

— Я беру женщин не так, — говорит он, сжимая мои ягодицы.

— Ты мучаешь их, — отвечаю я, поворачивая голову. — Я не могу кончить дважды еще

до того, как у нас будет секс.

— Черт побери, ты хочешь поспорить? — спрашивает он, прищуривая глаза.

Я усмехаюсь.

— Да, хочу. Давай проверим это прямо сейчас.

— У нас нет времени, — отвечает он, закрывая тему. Но грех было не попытаться. Рик вытирает меня между ног одеялом, а затем быстро обхватывает за талию и ставит на ноги. Полностью обнаженную. Я наблюдаю за тем, как он вытягивает пару чистых трусиков из сумки.

А потом помогает мне их одеть. И когда мягкий хлопок касается моих бедер, он натягивает на меня футболку и позволяет надеть шорты. Он заботится обо мне на каком-то новом уровне. Отчего у меня возникает ощущение, что я не просто любима. Я чувствую, что принадлежу ему.

Сейчас я держусь за его затылок, пока Рик застегивает мои шорты, и его тело так близко ко мне. Он просовывает пуговицу через дырочку, и его мышцы сжимаются от напряжения. Мое дыхание становится неровным. Как такое возможно. Я же *только что* испытала оргазм.

Я поднимаю на него взгляд, когда парень заканчивает возиться с моей одеждой.

— Предполагаю, это и есть ответ на мой вопрос.

— Что за вопрос?

— До этого я хотела спросить тебя, что моя травма означает для нас.

Он хмурится.

— О чем ты, на хрен, говоришь?

Я не даю задний ход, замечая тьму в его чертах лица. Наоборот, цепляюсь за каждый признак опасности в этом мужчине.

— Я просто думала, что ты захочешь вернуться к стадии просто друзей, после всего того, что случилось с моим лицом.

Его смущение сменяется напряженным сердитым взглядом.

— Я с тобой не потому, что ты гребаная модель.

— Я знаю.

— Очевидно, что ты сомневалась в этом.

— Хорошо, я знаю это теперь.

Он не слишком счастлив такому ответу.

— Я не думал, что мне придется объяснять тебе это, Кэллоуэй.

— Я не смущена.

Он качает головой.

— Я никогда не встречал чертовой девчонки, с которой хотел иметь дело дольше месяца, но затем я подружился с тобой...

Я перебиваю его:

— И я подумала, что ты можешь снова стать моим другом.

— Нет, ты подумала, что я *хочу* им стать. Ты думаешь, я с тобой, потому что ты так охуенно прекрасна? Дэйзи, я бы мог быть с тобой *в тот день*, как тебе исполнилось восемнадцать. Мог бы заняться сексом с той сексуальной девушкой, от которой мой член постоянно тверд, и не рисковать отношениями с моим братом.

Я тяжело дышу.

— Тогда что стоит риска?

— То, что мы, на фиг, имеем сейчас, — говорит он. — Я люблю тебя не основываясь

лишь на физическом влечении, — он прикладывает ладонь к моей гладкой щеке, заглядывая в глубины моих глаз. — Я люблю тебя, Дэйзи, потому что ты самая дикая чертова девушка с пиздец каким огромным сердцем. И без тебя в моей жизни, — он качает головой, словно это немыслимо, — я был бы самым несчастным долбаным парнем.

Его слова наполняют меня столькими эмоциями. Несмотря на их банальность, с его уст они кажутся идеальными, а все потому что эти слова на 100 % соответствуют Рикку Мэдоузу. Я сосредотачиваюсь на одном самом важном кусочке.

— Ты любишь меня, — выдыхаю я.

Он испускает смешок.

— Ты такая чертова девчонка.

— Повтори это.

Рик улыбается, той улыбкой, от которой все мое тело пылает.

— Я чертовски люблю тебя, сладкая.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, забывая о своей травме, но Рик берет меня за подбородок, контролируя соприкосновение наших губ, которые отчаянно жаждут большего. Прежде чем поцелуй успеет стать необузданным, Рик чмокает меня в лоб и бормочет:

— Я никуда не уйду.

Я никогда и не думала, что отношения могут быть столь душевными, столь эмоциональными и лишь затем физическими. Теперь же я гадаю, если бы мы сделали все наоборот, ощущалось бы это так же правильно, как и сейчас.

Столь же верно. Я нашла единственного человека, который дарит мне счастье, но вот вопрос — как долго мне удастся его удержать. Так много внешних сил попытается разъединить нас.

Обещаю, я приму каждый день, который нам дарует судьба.

Жить одним моментом с Риком Мэдоузом.

Если я умру, то хочу, чтобы эта надпись была выгравирована на моем надгробии.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Джанет подает мне полиэтиленовый пакет со всеми моими ценностями и окровавленную коричневую водолазку, в которую я была одета той ночью. Я верчу золотое кольцо на большом пальце, пока Рик расхаживает вдоль коридора, разговаривая по телефону и ожидая, когда я выпишусь.

— Вам нужно подойти к окну кассира, и они выдадут вам счет за больничные услуги.

Я киваю.

— В счет включены услуги скорой помощи? — я не знаю, как работает система медицинских услуг во Франции.

Джанет хмурится.

— Никакой скорой помощи не было. Вы разве этого не знаете?

Я качаю головой.

— Нет, но я... — я моргаю, напрягая ум. Бар, в котором мы были даже не близко к этой больнице, так что как...

— Он принес вас, — говорит Джанет, прикладывая руку к груди, словно та ночь была для нее крайне волнующей. — Вы были у него на руках, когда он открыл входную дверь приемного отделения. Он прибыл в больницу за десять минут до того, как начали поступать первые пострадавшие в результате беспорядков.

Слезы наворачиваются мне на глаза, и я пытаюсь скрыть их, как только могу. Мой голос дрожит.

— Он прибежал сюда?

Она кивает и тянется к моему запястью в жесте утешения. Я поворачиваюсь в сторону коридора, где Рик все еще спорит по телефону, словно хочет, чтобы человек на том конце провода выслушал его до конца. Он — герой моего романа, но отказывается признаваться в любом из своих подвигов, словно они не имеют значения.

Но они важны. Все видят Рика с определенной стороны, и он позволяет им думать, что представляет собой ни больше ни меньше, чем просто безмозглого парня-атлета, агрессивного мудака. Кажется, он был одинок так долго, что не видит смысла показывать людям свою значимость.

Думаю, я выиграла лотерею — в моей жизни есть Рик.

По-моему, он стоит каждого мгновения, всей умиротворяющей тишины, безумия и грусти, неугомонности и покоя. Я бы отдала все, лишь бы быть с ним, но у меня есть предчувствие, что моя мама ни за что этого не позволит. Она постарается держать нас отдельно друг от друга любой ценой.

Мозгом костей ощущаю это, словно плохое-преплохое знамение.

РИК МЭДОУЗ

— Что, черт подери, скрывает Роуз? — кричу я на Лили по телефону. Я решил позвонить ей, пока жду, что Дэйзи соберет свои вещи.

Дэйзи смотрит на меня с пластиковым пакетом в руке, а затем указывает в сторону окна кассира и становится в очередь.

Я киваю ей и слушаю Лили. Не очень-то я надеюсь на развернутый ответ.

— Как я уже говорила Ло, у нас с Роуз соглашение, я пообещала не рассказывать никому об этом, это типа сестринские Гип-Гип-Ура штучки, и я не могу забрать свое слово. Ты же знаешь, как страшна Роуз в гневе. Она вынула нож и говорила о клятвах на крови, и прежде чем я сообразила, что происходит, она *порезала* мою ладонь, — ее голос становится тише, что само по себе почти комично, так что сложно воспринимать слова Лили всерьез. Однако она говорит серьезно. — И это сделала девушка, которая *не может* ходить по твердому дереву босяком. Ты тоже не должен ничего говорить, это тоже может поставить меня под угрозу.

Я закатываю глаза.

— Лили, — говорю я убедительно. — Если это что-то серьезное, тебе нужно рассказать об этом моему брату.

— Соглашение, — шипит Лили. — Что, если Роуз проклянет меня? Я не могу ничего сказать.

— Ты не можешь быть такой чертовски суеверной.

— Роуз может обладать сверхъестественной силой, когда она расстроена. Ты не видел ее в истинном гневе, так что не можешь ничего знать об этом.

— Я видел ее пиздец какой расстроенной, она чуть ли не избивала моего брата, как на счет такого?

— Это другой вид расстройства, — говорит Лили. — Мы справимся со всем сами, ладно? Думаю, хорошо, что Ло с тобой, а я побуду немного здесь с Роуз.

Я хмурюсь, никогда не думал, что услышу подобное от Лили. Она обычно приклеивается к боку моего брата, и это взаимно.

— Ты и правда в порядке без него?

Тишина тянется, до того как она отвечает:

— Я имела в виду, что скучаю по нему *сильно*, больше чем могу выразить словами. Мне неприятно находиться здесь без него. Но я чувствую себя лучше, чем когда он впервые поехал на реабилитацию. Я в порядке.

— Знаю, что в порядке, — говорю я ей. Тогда она плакала почти каждый раз, как я звонил ей. Это было в некотором роде охуенно плачевно, но я не понимал их отношений. Не понимал, что такое бескорыстная любовь. А затем Дэйзи уехала, и я сошел со своего гребаного ума на три дня. Я орал на Лили за то, что она ныла, находясь без Ло всего 7 дней, так что кто теперь лицемер?

— Мы встретимся с вами через две недели, верно? — спрашивает Лили. — Это не слишком долго.

— Ты уверена, что хочешь держать в тайне этот сюрприз от Дэйзи? — спрашиваю я. Роуз назвала бы меня нон-гребаным-стопом, за мои попытки отыскать возможности

видеться с Дэйзи, но *не* расстраивать ее. Я сказал девочкам, что им стоит присоединиться к нам по ходу нашего путешествия, но перед этим немного подождать, чтобы лицо Дэйзи зажило. Они согласились.

— Ей нравятся сюрпризы, — говорит Лили. — В противном случае, мы бы ей рассказали.

В этом она права.

— Просто не приезжайте слишком рано. Я не могу провести все тридцать дней в машине со всеми вами. Восемнадцать — уже и так слишком много.

— Разве не ты был тем, кто предложил начать путешествие от Нью-Йорка?

Я стону в знак протеста.

— Ты раздражаешь меня, Кэллоуэй.

— Я лишь говорю, что ты мог бы выбрать место поближе к Калифорнии, а потому нам бы не пришлось ехать так долго машиной.

— Это на корню разрушает саму идею гребаного автомобильного путешествия. Если хотите, вы с Роуз можете присоединиться к нам в Калифорнии.

Она выдерживает паузу, а затем говорит:

— Сейчас это кажется хорошей идеей.

Я снова закрываю глаза. Потом выдыхаю весь воздух из легких.

— Ты можешь мне кое-что пообещать? — спрашиваю я у нее.

— Зависит от обстоятельств. Это не нарушит обещания, данного моей сестре, и не вызовет ее страшный гнев?

— Пообещай мне, что в чем бы не состояла проблема Роуз, вы будете охренительно осторожны. И береги себя, когда будешь добираться к нам. Мой брат не может жить без тебя. Я заменим, ты — нет.

— Ты ведь не можешь и правда думать о себе так, — говорит она нежно.

— Просто пообещай мне, Лили.

— Обещаю, но Рик... он нуждается и в тебе. Ты — его брат.

Я качаю головой. Для Ло, я эквивалентен Коннору. Мы познакомились с Ло почти в одно и то же время. По факту, Коннор знает его на несколько месяцев дольше. Ради всего святого, Ло бросал монету, чтобы решить, кто достоин стать его шафером. Я не получил это звание, потому что мы родственники. Менее чем через год, я буду стоять рядом с ним, пока он будет жениться, лишь из-за *везения*.

В результате подбрасывания монеты.

Он так легко может вышвырнуть меня из своей жизни, и единственная причина, по которой я все еще здесь, — потому что я отказываюсь уходить, как бы сильно он меня не отталкивал.

Но Дэйзи... Глубоко в моем сердце я знаю, что она — именно та причина, которая может навсегда разделить меня с братом. Я собираюсь бороться против этого, но мысленно готовлюсь к худшему.

— Конечно, — говорю я Лили. — Послушай, сделай свою эту Хип-Хип-Ура сестринскую шутку...

— *Гип-Гип*, — поправляет она меня.

— Без разницы, — говорю я. — Просто не позволяй Роуз подавлять тебя. Ты должна отстаивать свою точку зрения.

— Это то, что ты обычно говоришь моей младшей сестре? — спрашивает она, переводя

стрелки.

— Я говорю ей много долбанных вещей, — отвечаю я. — И да, это одна из них.

— Хорошо, — говорит Лили. Я практически вижу, как она решительно кивает, выглядя со стороны чертовски глупо.

— У тебя на голове шапка в виде животного? — спрашиваю я у нее.

— Ты же знаешь, как это называется.

— Нет, не знаю.

— Это шапка Вампы.

— Дерьмо из Стар Трека? — говорю я, зная что это персонаж из Звездных войн. Мне просто нравится дразнить ее.

— Из *Звездных войн*. Ло дал бы тебе пинок под зад за такое.

— Тогда хорошо, что он не рядом, — мой брат, чертов фанат комиксов, наделенный взглядом, которым мог бы убивать и одновременно плавить женщин, словно масло. Это так чертовски странно. Кто бы подумал? Девять лет назад, я точно не думал об этом.

Следует длительная пауза, прежде чем Лили спрашивает:

— Как у нее дела?

Я бросаю взгляд на Дэйзи, которая раскачивается на пятках, не в силах спокойно так долго стоять на одном месте. Мне не видна сейчас ее повязка на щеке. Единственная травма, которую видно с моего места — это синяк под ее глазом. Я вспоминаю ее улыбку, когда она кончала, ее смех и искреннее счастье, которое так и струилось из нее. Я бы хотел, чтобы те плохие события никогда не случились с ней, чтобы ей не пришлось принимать сложные решения на счет карьеры модели, но с другой стороны, я рад, что она наконец-то сделала это.

— С ней все будет в порядке, — говорю я Лили. — Она выглядит хорошо, — *она выглядит охуенно красивой.*

— Спасибо тебе за то, что ты сделал, — говорит Лили. — Знай, мы все ценим это.

Я очень осторожно подбираю слова в ответ. А затем просто говорю их.

— Я бы сделал для нее все, что угодно.

— На этот раз все иначе? — спрашивает она у меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Пару лет назад в Канкуне ты в некотором роде тоже спас ей жизнь. Я просто гадала, чувствуешь ли ты себя сейчас иначе, — *на что она намекает?*

— Задай вопрос четко или вообще не трогай эту тему.

Она вздыхает.

— И почему ты всегда такой прямолинейный?

— Не думал, что это так, — восклицаю я.

— Ладно, она нравится тебе сейчас больше, чем было тогда? — спрашивает Лили в лоб.

— Тогда ей было всего шестнадцать лет, — говорю я. — Я не проводил с ней столько времени, — правда гораздо сложнее этого.

— Просто скажи прямо или не говори вообще, — возражает Лили в десять раз *менее* уверенно, чем это сделал я.

Я почти улыбаюсь.

— Она значит для меня пиздец на сколько больше, Кэллоуэй, — этот ответ не намного лучше предыдущего, но думаю он удовлетворил Лили.

— Ты говорил об этом Ло? — спрашивает она.

— И что бы это дало? Он видит лишь то, что хочет видеть, — я для него незваный гость, чертов парень, перед которым он открыл объятия, парень, которого он впустил в свою жизнь. Если мой член окажется возле Дэйзи, Ло обидится, словно я поимел его семью, его друзей, его *мир*.

— Он видит то, что ты даешь ему увидеть, — мягко говорит Лили, — а ты не даешь ему увидеть слишком многого, Рик.

Я провожу рукой по волосам и вздыхаю. Я так чертовски боюсь разоткровенничаться и рассказать свою историю собственному брату. Вот, в чем гребаная истина. Я ошибался в нем так долго и если заговорю об этом теперь, то думаю, оттолкну Ло еще дальше. Я не дам ему причину, чтобы сблизиться со мной. У меня были *годы*, когда я ощущал ненависть, а не гребаную любовь.

Так что зачем об этом говорить? Что хорошего это нам даст?

Я просто хочу забыть это и двигаться дальше.

Дэйзи подходит и останавливается передо мной.

— Мне нужно идти, — говорю я Лили.

— Она была счастлива узнать, что сможет отправиться с вами в Калифорнию? — спрашивает Лили, прежде чем отключиться.

— Ага, — говорю я, моя грудь вздымается от этого гребаного факта. — Я буду следить за ее безопасностью.

— *Ты* тоже береги себя, — говорит Лили, делая ударение. — Ты — тот, кто собрался взбираться на гору. Я пакую аптечку на случай, если ты упадешь, просто чтобы ты знал.

— Твоя долбаная аптечка мне не поможет.

— На ней изображение Россомахи. Она может спасти *кого угодно*.

Я закатываю глаза раз в пятый.

— Давай просто будем надеяться, что мы все доберемся туда невредимыми.

Дэйзи подходит ко мне ближе.

— Я должен идти.

— Пока, — мы кладем трубки, и я обнимаю одной рукой Дэйзи за плечи, забирая у нее пакет с вещами. Майки собирается остаться во Франции еще на две недели, устроив себе отпуск, в надежде отвлечь папарацци и сбить их с нашего следа. Впервые за долгое время, возможно, нам удастся побыть вдали от СМИ.

— Ты готова к охренительному приключению, сладкая? — спрашиваю я у нее.

Она притягивает меня ближе и говорит:

— А это приключение включает в себя кексы, Рика Мэдоуз и мотоциклы?

— Последнее замени на гребаную арендную машину.

Она улыбается.

— Тогда я готова к этому ужасному огромному приключению, — Дэйзи выдерживает паузу и добавляет. — С тобой.

Я целую ее в висок.

30 дней до восхождения на Йосемити.

Гребаный обратный отсчет пошел.

РИК МЭДОУЗ

Семь дней в дороге, и я уже ругаюсь со своим братом.

— Ты знаешь, на сколько ты неуместен? — Ло сидит в пол оборота на переднем сидении внедорожника, его челюсти сжаты, когда он смотрит на меня. Что удивительно во всем этом, так это то, что причиной нашей ссоры не является Дэйзи.

Все из-за Лили.

Его чертовой невесты.

— Я довольно охуенно неуместен, — признаюсь я, пожимая плечами. — Я думал, мы все давно это знаем. Так что почему ты вдруг упрекаешь меня этим?

Ло смотрит на меня, словно хочет спросить: *ты это серьезно?*

— Ты не можешь говорить с ней об этом дерьме. Она сексуально-зависимая.

Коннор бросает на меня взгляд через зеркало заднего вида, его руки сжимаются на руле. Чью бы сторону в этом споре он не занимал, парень не показывает нам этого. Дэйзи заплетает свои длинные волосы в косу, сидя рядом со мной.

Я громко стону.

— Она и так стесняется говорить о сексе. Я сделал ей чертово одолжение, и во-вторых, я не понимаю, почему ты сейчас так сильно орешь на меня. Этот разговор состоялся несколько месяцев назад.

Спасибо, Лили, за то, что рассказала моему брату об этом сейчас. Когда я нахожусь с ним в замкнутом пространстве уже как четыре гребаных часа.

Мы с Лили говорим довольно часто, но я не помню, как мы пришли тогда к теме о сексе в общественных местах, возможно, в результате того, что она упомянула, как сильно скучает по этому. Сейчас, когда она выздоравливает, это одно из ее ограничений. Я тогда сидел на их диване, ожидая, пока Ло переоденется для спортзала, а она рассказала мне о тех местах, где раньше занималась этим.

Ее лицо покраснело, и Лили запинаясь, отвечая на мои вопросы. Я думал, что если выслушаю историю ее чертовых сексуальных приключений, то это поможет ей почувствовать себя комфортнее.

Пляжи.

Туалеты.

Поля для гольфа.

Лес.

Парковки.

Лифты.

Парки.

Торговые центры.

Раздевалки в спортзалах.

Список все продолжался, мать его, и продолжался. Мне нравится трахаться всюду, особенно на улице. Лили открылась мне немного. В мои намеренья не входило разделить наши гребаные сексуальные подвиги друг с другом, я лишь просто хотел помочь ей не так стыдиться своей сексуальной жизни. Так что вините меня.

Она рассказала мне, что у них с Ло однажды был секс в кинотеатре. И как она занялась

этим в парке развлечений, когда ей было восемнадцать, на ебаном чертовом колесе.

Моей первой мыслью было: надо отдать ей должное за такой поступок. Это звучало охренительно весело.

А затем Лили рассказала мне, как это случилось со случайным парнем в киоске по продаже сахарной ваты.

Мои внутренности словно перевернулись вверх дном. Из-за нее. Из-за моего брата. Я бы хотел, чтобы она могла просто наслаждаться сексом, как я, но вместо этого для нее секс представлял собой совсем иную штуку. Что-то темное.

— Я ценю то, что ты пытаешься помочь ей почувствовать себя комфортнее, — говорит Ло, но кажется, словно он ни чуть не ценит это. — Но Христа ради, она написала мне сообщение, прося обсудить с ней в деталях секс в публичных местах, — он качает головой и смотрит на свой телефон, читая ее сообщение. — *Секс в палатке считается сексом в публичном месте, если палатка принадлежит нам? Ты же знаешь, некоторые люди живут в палатках. Потому можно считать это домом, а дом не публичное место, а частное. Следовательно, секс в палатке — личное дело.*

Коннор сильно пытается сдерживать смех (ну, я так думаю), но в конце концов он разражается полноценным смехом.

— Я знаю, — говорит Ло, — это сумасшествие. Это — словно читать сообщения от кого-то, кто пытается убедить вас, что кокаин не наркотик.

— И откуда ты знаешь, что во всем этом виновен я?

Ло приподнимает брови.

— Потому что я рассказал ей, что это секс в общественном месте, и она сразу же ответила: *Значит, у Рика было много секса в общественных местах. Может, он тоже сексуально зависим,* — он поднимает на меня взгляд. — И затем последовал чертовски длинный разговор, в результате которого я узнал, что она общалась с тобой на эту тему.

Дэйзи смотрит на меня с усмешкой.

— Тебе нравится секс в общественных местах? Типа в продуктовых магазинах?

— Ага, прямо между отделом с дынями и бакалеей, — спокойно отвечаю я.

— Я предпочитаю делать это в отделе с выпечкой. Шоколадная крошка. Куча разных кексов, — ее улыбка становится шире.

Ло смотрит на нас обоих.

— Нет, — говорит он резко. — Даже не смей туда ходить, — его глаза фокусируются на Дэйзи. — И не занимайся сексом в публичных местах. Это чертовски противно.

— Эй, — перебиваю я его. — Позволь ей делать то, что она хочет.

— Ага, конечно, попади в тюрьму, Дэйз, — говорит ей Ло. — Или лучше, трахнись в продуктовой, чтобы потом какой-то кассир, прячась между проходов, заснял тебя на мобильник. Чудная история, чтобы поведать ее миру.

Я ожидаю от нее еще одни саркастичный комментарий, но вместо этого лицо Дэйзи становится серьезным.

— Ты считаешь противным то, что у Лили был секс в публичном месте?

Ло кривится и начинает качать головой.

— Конечно, нет. Она не противна.

— Но если это сделаю я, это будет противно, — говорит Дэйзи, касаясь своей груди. От замешательства ее лоб морщится.

Я сердито смотрю на Ло. Он только что сказал это.

— Я не это имел в виду, — говорит Ло, содрогаясь. — Ты просто... ты это ты, Дэйзи. Ты молода.

— У Лили был секс на чертовом колесе, когда ей было восемнадцать, — холодно опровергаю я. — Не ссылайся на возрастные ограничения. Скажи чертову правду, Ло. Тебе противно думать о том, что Дэйзи занимается сексом. И неважно, где этот секс случится.

— Ладно, ребята, — быстро говорит Дэйзи, — простите, что вообще затронула эту тему, — она отворачивается к окну, ее лицо поглощает чувство вины за то, что она стала причиной спора между мной и моим братом. Но если честно, что бы Дэйзи не говорила, это возмущает Ло. Просто потому, что он такой.

Ло долго смотрит на меня.

— Просто будь осторожней с Лил в следующий раз. Твои разглагольствования о потере долбаной девственности на поле для гольфа не помогут ей. Она захочет попробовать это, а мне придется ей отказать.

— Вы не можете сделать это вне спальни даже разочек? Я думал, ей стало лучше, — говорю я.

— Она не может просить об этом, — поясняет Ло. — А ей чертовски хочется попросить. Видишь, здесь замкнутый круг?

— Ага, — он говорит все, как есть. Но я знаю, что есть нечто большее. Он беспокоится о ней. Всегда.

— Кто заблокировал окна? — вдруг спрашивает Дэйзи.

Я бросаю взгляд в ее сторону и вижу, что Дэйз щелкает кнопкой на дверце, и ничего не происходит. Она не может сидеть неподвижно дольше гребаных тридцати минут. Засуньте ее на час во внедорожник, и она вылезет головой, руками, ногами, а в конце концов всем своим телом в окно. Ло приходилось затягивать ее обратно в салон уже три или четыре раза.

Я пододвигаюсь к ней.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Это был я, — говорит Коннор. — Я не получу свой первый штраф лишь потому, что Рик не может уgomонить своего щеночка.

— Эй, — вставляет Ло. Я хмурюсь. Он собирается придирааться ко мне? — Не называй Дэйзи *его* кем-либо.

Я закатываю глаза.

— Просто открой чертово окно, Коннор.

— Нет, все круто, — говорит Дэйзи, пододвигаясь ближе ко мне. — Я не хочу никому создавать проблем, — она убирает свои длинные светлые волосы за ухо, и ее нога соприкасается с моей. Ее синяки исчезли, и этим утром доктор в Огайо снял Дэйзи швы. Рана вдоль ее щеки затянулась, но все еще красная.

Тем не менее это выглядит в десять раз лучше прежнего. Я расплетаю ее волосы и играю светлыми прядями. Они спутались на ее голове, закрутившись так, словно она вертелась в кровати или бегала по лесу.

Дэйзи напрягается, наблюдая за нашей близостью. На виду у всех я веду себя с ней так же как, когда мы не были вместе — а это означает, что мой брат бросает в мою сторону предупредительные взгляды каждые полчаса, напоминая о тонкой грани, которую не следует переступать.

— Тебе нравятся мои длинные волосы? — спрашивает она у меня.

— Нет, потому что я знаю, что ты их чертовски ненавидишь, — я задаюсь вопросом,

нужно ли ей было мое мнение в роли разрешения, чтобы схватить ножницы. Я думал, что стрижка волос станет одним из ее естественных первых поступков, после окончательного прощания с карьерой модели.

— Тогда почему ты постоянно развязываешь мои волосы, когда я заплетаю их?

Мне приходится чертовски обобщить свой ответ, так как мой брат сидит на переднем сидении. Так что я говорю:

— Мне нравится, когда у девушек спутанные волосы.

— Типа "*мы только что трахались*" спутанные волосы?

В любом случае она озвучивает мои мысли. Я пытаюсь сдержать улыбку.

— Дэйзи, — вмешивается Ло, кривясь. — Не говори подобного моему брату.

— Ты прав, — отвечает она Ло. — Слово на букву Т звучит немного грубо, — она наклоняет голову ближе ко мне. — Так что на счет "*мы только что трахались*" спутанных волос?

Ло качает головой пару раз, одевает наушники и капюшон своей толстовки, разворачиваясь к окну.

— Разбуди меня, когда прекратишь флиртовать с парнем, который старше тебя на 7 лет. Это отвратительно.

Ее улыбка увядает.

Я люблю Ло, но он не может быть таким чертовым мудаком.

Коннор по-прежнему молчит, сосредоточившись на вождении, так что я использую возможность приободрить Дэйзи. Я хватаю ее за запястье и усаживаю между своих разведенных ног. От удивления она снова улыбается, и я проскальзываю рукой под ее футболку, поглаживая спину девушки, пока второй рукой массирую ее плечо.

Ее напряженные мышцы никак не могут расслабиться, пока Дэйзи находится так близко ко мне. Чем больше я массирую пальцами ее плечо и скольжу по ее спине своей ладонью, тем сильнее она сжимает мои коленные чашечки.

Дэйзи специально вжимается своей попкой в мой пах. *Черт меня подери.*

Я убираю руку из-под ее футболки и расчесываю ее волосы своими пальцами.

— Мне нравятся твои волосы, когда они распущены, потому что так ты выглядишь более дикой, однако, ты можешь сделать с ними все, что хочешь, и я все еще буду их любить, — я хочу, чтобы *она* выбрала длину и цвет своих волос, основываясь на собственных желаниях. Ее мама и агентство диктовали, как она должна выглядеть и так слишком долго. Я, черт побери, не стану их заменой.

Дэйзи разворачивается, и мои руки опадают с ее плеч. Она фактически начинает садиться на мои колени. Ее попка опускается на край сидения, не на меня.

— Могу я попросить у тебя твой нож? — спрашивает она.

Я смотрю на нее сверху вниз, накрываю ее щеки своими ладонями, пробегая большим пальцем вдоль ее гладкой щеки.

— Какой нож?

Она тянется к моей лодыжке, но я перехватываю ее запястье. Улыбка играет на ее губах, а озорство пляшет в глазах.

— Нож, который ты обычно берешь с собой в кровать, — шепчет она шелковистым голосом.

Этот нож закреплен на мне и сейчас; но я перестал прикреплять его к своей лодыжке на ночь, потому что считал, что это может уменьшить тревогу Дэйзи, думал она поймет, что

если я больше не беспокоюсь о том, что кто-то может ворваться в ее квартиру, то и ей не стоит.

— Не говори о моем ноже, Кэллоуэй, — невозмутимо произношу я.

Она пододвигается вперед, буквально оседлав меня.

— Мне нравится твой нож.

Вот же озорная чертова девчонка. Есть причина, по которой парни не могут долго быть с ней. В постели она, вероятно, не будет лежать неподвижно, пока мужчина доминирует над ней. Ей не понравится подчиняться кому-то всецело. Дэйзи хочет быть частью переживания, чтобы когда я трахну ее, она трахнула меня в ответ с равнозначной интенсивностью. Я не ожидал, что перетягивание каната между нами коснется и секса, но сейчас это стало для меня очевидным.

Мой взгляд становится более суровым, подобное выражение на моем лице в момент пугает других женщин. Однако глаза Дэйзи в ответ вспыхивают, словно загипнотизированные темнотой внутри меня. Мое постоянное *"меня не заботит ваше мнение"* пугает некоторых людей, но ее это привлекает. Так было всегда.

Она глубоко вдыхает, проводя рукой по моим волосам, прежде чем ее губы касаются моего уха.

— Ты мой волк, — ее рука опускается на мой затылок, пока мы оба наблюдаем за действиями друг друга.

— Мило, — говорю я.

— Очень мило? — улыбается она.

Я качаю головой, наклоняясь вперед, и шепчу ей на ухо.

— Очень милая ты сама, когда находишься в моих объятиях, кончая три или четыре раза, прежде чем заснуть.

Ее пальцы сильнее сжимают мой затылок.

— Я едва ли могу кончить один раз, — шепчет она.

Мои брови приподнимаются.

— Со мной ты кончила довольно-таки быстро, — выдыхаю я. Она смотрит на мои губы, пока я тянусь к своему ботинку и достаю зубчатый нож.

Я передаю ей его, и она касается кончиком пальца лезвия, просто проверяя, насколько оно острое.

— Оно может отрезать волосы, — убеждаю я ее.

Она все еще внимательно разглядывает лезвие. А затем говорит себе под нос:

— У меня никогда не было секса с парнем так.

Я хмурюсь.

— С кем-то, кто бы тебя удерживал?

Она кивает.

— Обычно они клали голову на подушку, наблюдая за моими действиями верхом на них.

Это пиздец, как достает меня, от чего раздражение отражается в чертах моего лица.

— Мне не следует упоминать о других парнях, с которыми я была. Знаю, это бестактно, — она соскальзывает с моих коленей, вынимая свои волосы из моей руки.

— Я не расстраиваюсь из-за того, что ты рассказываешь о своих старых интрижках, — говорю я. При этом мой взгляд устремлен в переднюю часть авто. Мой брат крепко спит, пока Коннор делает вид, что он не заинтересован в наших действиях. Не думаю, что он

реально нас слышит, и даже если это и так, то вероятно, он не расскажет об этом никому. Я возвращаю взгляд к Дэйзи, которая прямо сейчас завязывает свои волосы в хвост практически на затылке.

— Ты выглядишь расстроенным, — говорит она.

— Так, бля, и есть, — шепчу я. — Ты заслуживаешь лучшего.

— Чего лучшего? — спрашивает она.

— Кого-то, кто будет обращать на тебя внимание, — говорю я. — Того, кто будет знать, что тебе нравится, а что нет, не спрашивая, — а затем я наклоняюсь вперед и шепчу ей на ухо, — того, кто сделает тебя такой влажной, что когда ты кончишь, то будешь неистово кричать.

Ее лицо становится красным, она завязывает волосы и шепчет в ответ:

— Где ты был три года назад?

Ей было пятнадцать. А мне двадцать один.

— Три года назад, — шепчу я. — Я познакомился с тобой в канун Нового года, тебя подпоили рифидом (*так называемый наркотик насильника — прим. пер.*), и я отнес тебя в свою машину.

Она качает головой.

— Мы познакомились еще до этого в моем доме. Ты махнул мне рукой.

Я помню это.

— Я не знал, что ты сестра Лили. Если честно, то я подумал, что тебе двадцать два, и ты одна из подруг Роуз.

Когда Лили указала на высокую блондинку, которая в тот момент ела гранат на кухне, я подумал, что эта девушка чертовски великолепна. Так что махнул ей рукой. Ее лицо озарилось светом, и она бросила на меня оценивающий взгляд, а затем ее губы изогнулись в милой улыбке.

Я тут же захотел ее трахнуть, сделать что-нибудь, гадая, какие отношения она предпочитает: длительные, короткие или вообще связь на одну ночь. Я бы согласился на любой вариант, основываясь лишь на том, как она мне улыбнулась, на ее беззаботность, исходящей от нее энергетики и охуенно красивых чертах лица.

Я собирался подойти и пригласить ее на свидание, но затем Лили сказала то, что разрушило все мои планы на корню.

Она сказала:

— О, это моя младшая сестра.

Мое лицо стало суровым.

— Она кажется старше тебя.

— Знаю, но ей только пятнадцать.

Пятнадцать. Странное чувство захлестнуло меня, словно я совершил гребаную ошибку, даже при том, что еще ничего не сделал. Я немедленно отвернулся от Дейзи, сжигая каждую мысль и образ, которые создал, поддавшись гребаному порыву.

— Ты правда думал, что я подруга Роуз? — спрашивает она.

— Ага, — говорю я. *Огромная долбаная ошибка.*

Она осмысливает это, глядя в никуда.

Мой телефон гудит на сидении. Я вздыхаю еще более разочарованно, когда проверяю сообщение.

Мое интервью длиной в 60 минут транслируют сегодня вечером. Надеюсь, ты

сможешь посмотреть его. Люблю тебя. — Мама

Я удаляю сообщение прежде чем слова смогут повлиять на меня.

— Как на счет такой длины? — спрашивает Дэйзи. Резинка на ее волосах повязана сейчас на уровне чуть выше ее груди. Эта длина — среднее между длинными волосами Роуз и короткими до плеч волосами Лили.

— Если хочешь, можешь обрезать короче, мне все равно, — говорю я грубо, просто проверяя, что она не оставляет волосы длинными из-за меня.

— Нет, такая длина кажется правильной, — она возвращает мне нож, садясь на колени. — Хочу, чтобы ты их обрезал, — она вздыхает, будто подготавливаясь к этому мгновению.

— Сколько раз ты представляла, что обрежешь волосы? — спрашиваю я у нее серьезно.

— Миллион.

И она просит меня сделать это. Среди всех вещей, что мы сделали вместе — катание на мотоциклах, плавание с акулами, дайвинг, катание на сноуборде, скалолазание — эта кажется наиболее интимной. Не потому, что мы встречаемся, а потому, что это так много значит для нее.

Она ждала этого несколько лет.

Моя рука оборачивается вокруг рукоятки ножа, а второй рукой я держу ее хвост. Она наблюдает, скользя ладонью по своему бедру.

Я режу прямо над резинкой для волос, и ее улыбка становится шире по мере того, как светлые пряди ее волос быстро отделяются от основной копны. Через несколько секунд хвост оказывается у меня в руке, а ее неровно подстриженные волосы рассыпаются возле ключицы.

Она усмехается, касаясь их, словно их отрезал профессионал, а не отрубал парень с грубыми руками. Я засовываю нож обратно в свой ботинок, вкладывая его в ножны, закрепленные на моей лодыжке.

Дэйзи целует меня в щеку и бросается к окну, щелкая кнопкой.

— Коннор, ты не мог бы разблокировать стекло? Я просто хочу посмотреть, как мои волосы будут развиваться на ветру.

Коннор смотрит на нее через зеркало заднего вида.

— Это зависит от того, собираешься ли ты снова выть?

Она быстро качает головой.

— Нет. Никакого воя, обещаю, — Дэйзи клацает еще несколько раз, широко улыбаясь и зная, что на этот раз она получит то, что хочет.

— Мы на проселочной дороге, — говорю я Коннору. — В этой округе не так уж много копов, — мы подъезжаем к Грейт-Смоки-Маунтинс в Теннесси, и с обеих сторон однополосная дорога граничит с высаженными в ряд деревьями.

Коннор сдается и снимает блокировку с окна. Как только Дэйзи слышит щелчок, то подпрыгивает на сидении. Окно еще не открылось полностью, а она уже высовывается по пояс из чертового внедорожника. По сути, она сидит на подоконнике.

— Не знаю, кто из нас на кого хуже влияет, — говорит Коннор, — она на тебя или ты на нее.

Я почти улыбаюсь. Хватая ее за лодыжку, я позволяю девушке делать все, что она хочет.

— Если она упадет, я затащу ее обратно, — говорю я Коннору. Я уверен в своей силе. Если бы я не провел всю свою жизнь, лазая по горам и бегая, я бы не мог идти с ней в ногу.

Дэйзи поднимает руки в воздух и смеется, пока ветер развивает ее короткие белокурые волосы. Она закрывает глаза и глубоко дышит.

Свобода не приходит с возрастом. Она не появляется как по волшебству, когда вы достигаете совершеннолетия.

Нет, свобода приходит, когда вы отстаиваете то, во что верите. Прямо сейчас я вижу очертания покоя и мира для Дэйзи.

Но три дня назад она позвонила своей маме, и когда Дэйзи рассказала ей, что ушла из модельного бизнеса, Саманта положила трубку. Она просто оттолкнула ее. Она не стала слушать объяснения Дэйзи. А затем ее мать позвонила Роуз и обвинила ее во всей этой ситуации со своей младшей дочерью. Ее мать втоптала мое имя во всю эту грязь.

Так что теперь я виноват в том, что Дэйзи больше не модель.

По мнению Саманты, я заставил ее бросить это.

Учитывая то, что ее мать верит, будто наша с Дэйзи дружба стала причиной окончания ее карьеры, я гадаю, во что же она поверит, когда увидит лицо Дэйзи.

Даже не сомневаюсь, что в этом тоже буду виноват я.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

— Не ешь ничего тяжелого, — говорит мне Рик. Скрестив ноги, я сижу в кабинке ресторана Захолустная Коптильня Джона, на стенах которого развешаны головы лосей и антилоп. Мы остановились в горах Кентукки пообедать и сейчас, когда я не участвую в показах и съемках, то могу съесть настоящую вредную еду.

— Мне не нравится твой совет, — мои глаза голодно исследуют картинки в гигантском меню. Сочные стейки. Ребра ягненка. Сэндвичи барбекю. Жирные гамбургеры.

Мой урчащий живот хочет все это.

— Тебя на фиг стошнит. Ты не можешь перейти от поедания фруктов и овощей в течение нескольких месяцев к красному мясу.

Я гляжу на него поверх меню.

— У меня есть на этот счет теория, — я выдерживаю паузу для драматического эффекта. — Мой желудок сделан из стали.

Рик комкает свою салфетку и бросает мне ее в лицо. Она застревает в моих волосах. Я улыбаюсь, но он не может видеть этого за меню.

Ло не замечает нашего обмена репликами, даже сидя рядом со мной. Он слишком занят разглядыванием других посетителей ресторана, узнал ли нас кто-то из них. До этого момента нам удавалось путешествовать анонимно.

Ло натягивает мою кепку мне на глаза, чтобы скрыть от взглядов посторонних. Мой шрам повернут в сторону стены, так что даже если кто-то нас и сфотографирует, то на снимках не будет пореза. И на самом деле это не *моя* кепка. Рик дал мне свою.

Коннор попивает воду, сидя напротив Ло.

— Если ты ведешь себя, будто что-то скрываешь, люди подумают, что тебе есть что скрывать, — говорит Коннор.

Ло сердито смотрит на него.

— Я просто не хочу, чтобы нас преследовали во время всего путешествия, — он выжимает лимон в воду в своем стакане, глядя на нее так, словно она его чем-то оскорбила. Я думаю о том, что вода не виски.

— Никто не станет доставать нас в такой глуши, — говорит Рик. — Мы в порядке.

Ло кивает, пытаюсь в это поверить.

Я продолжаю поглядывать на Рика поверх меню, так что ему видны лишь мои глаза. Ему тоже уже сняли швы. Разрез прошел по краю его брови, он довольно небольшой, но заметный. В результате, когда он заживет останется шрам.

Рик замечает, что я внимательно разглядываю его черты, но я не стесняюсь этого. Мы играем в опасную игру *кто отведет взгляд первым*. Не я. Я смотрю на него так, словно хочу забраться к нему на колени и облизать его лицо. Он смотрит на меня пристально и серьезно — уверенный и доминирующий, и чуть-чуть придурковатый. Вот такой он, Рик Мэдоуз. И от этого его странного взгляда я меняю положение так, что моя пятка оказывается возле того самого места между моих ног. Давление так приятно ощущается напротив моего пульсирующего центра.

Я боюсь, что не выдержу и отведу взгляд первой. Так что говорю:

— Мой шрам больше твоего, — и снова моя улыбка спрятана за меню.

Его мрачное выражение лица непоколебимо.

— А мой член больше твоего.

Оххх. В яблочко. Я смеюсь, а Ло вздрагивает. На этот раз он не ругает Рика за неуместные разговорчики со мной. Он просто качает головой и останавливает официантку, чтобы та приняла у нас заказ.

Я бросаю на Рика еще один взгляд, словно хочу его трахнуть, мои глаза полны нежности, но все еще прищурены. Я могу доносить свои мысли с помощью взгляда и выражения лица довольно хорошо, особенно после многолетней практики работы моделью.

Однако даже после взгляда, говорящего "*трахни меня жестко*" и "*дай мне кончить*", Рик остается сосредоточен на мне, непоколебим. Это игра, но его пронизывающий взгляд довольно здорово разжигает огонь в моем теле, так что моя температура подскакивает. Думаю, сейчас все иначе, что все заходит куда дальше простого флирта. С тех пор как мы решили быть вместе все стало прогрессировать, сначала к поцелуям, затем к ласкам, а дальше и к сексу. Просто это все должно происходить не на виду у его брата и Коннора.

Официантка останавливается у нашей кабинки.

— Готовы сделать заказ?

— Ага, — говорит Ло. Я лениво выслушиваю его заказ гамбургеров и заказ лососины Коннора. Рик приподнимает бровь, глядя на меня, словно хочет сказать "*рано или поздно тебе придется отвести взгляд, сладкая*".

Ладно. Я проиграла. Возможно, в следующий раз это закончится нашими страстными объятиями. Я быстро думаю о собственном выборе блюда и затем улыбаюсь симпатичной светловолосой официантке.

— Я буду стейк из вырезки с запеченным картофелем.

Рик качает головой, глядя на меня, но не перечит. Он смотрит на официантку.

— Мне все то же самое, — мы передаем ей свои меню, и когда она отправляется на кухню, Рик говорит. — Таким образом ты просто сможешь убедиться, что тебя будет тошнить, а я буду в полном порядке.

— Мой желудок из стали, — повторяю я.

— Эта теория, блин, пока что требует доказательства.

— Верно.

Коннор что-то набирает на своем телефоне и потом кладет его в карман. Он смотрит на меня.

— Сейчас, когда ты покончила с карьерой модели, ты собираешься поступать в колледж?

Я знала, что эта тема всплывет, и не удивлена, что именно он первым ее поднял.

— Ты хочешь, чтобы я пошла в колледж? — спрашиваю я.

— Мы все хотим, чтобы ты занималась тем, что любишь, — говорит он. — Колледж — это хорошее место, чтобы понять, что тебе нравится, но оно не для всех, — он смотрит на Ло, который испускает горький смешок.

— Конечно, к примеру у нас тут есть парень, который вылетел из колледжа в свой первый год обучения, — восклицает Ло.

Коннор легкомысленно пожимает плечами.

— Ты хороший пример. Не стыдись этого. Это факт.

— Факт, — говорит Ло, — что ты самовлюбленный упырь.

— Факт, — отвечает Коннор, — что ты отлично выглядящий мудака.

Ло насмешливо касается своего сердца.

— Комплимент в виде оскорбления. Трахни меня прямо сейчас, любовь моя.

Рик закатывает глаза. Он сворачивает в мячик мою бумажную салфетку под приборы, пока я разглаживаю углы обычной салфетки, складывая из нее розу.

— Никакого колледжа, — говорю я им. — Я не хочу просиживать за столом весь день и слушать лекции.

Коннор понимающе кивает.

— Возможно, когда-то потом я и поступлю туда, — говорю я. — Просто не так скоро.

— Тогда чем ты собираешься заниматься? — спрашивает у меня Ло.

— Я пока не знаю, — признаюсь я, поворачивая бумажный стебель розы. — Я думала, что это путешествие поможет мне решить.

Я бы хотела быть как Рик. Спорт — это его работа. О нем писало так много журналов с скалолазании, что я потеряла счет, а все потому, что он множество раз успешно solo поднялся в горы. Он не использует свой трастовый фонд, три разные компании снимали его восхождения для своей рекламы и платили *миллионы* в качестве гонорара. Он — лицо какого-то бренда бритвы — что довольно забавно, так как сам он всегда небритый. Так же он участвовал в презентациях REI и Under Armour (*компании по производству спортивной одежды, оборудования и снаряжения для активного туризма — прим. пер.*).

По большому счету, он живет в свое удовольствие. А у меня нет таланта, который можно было бы использовать.

Хотя, это ложь.

У меня был талант: я была талантливой моделью.

Но что если то, в чем вы хороши, не приносит вам удовольствия?

Вот так и со мной. Я застряла.

Чей-то телефон вибрирует на столе. Я проверяю свой мобильный, думая, может это мама. Возможно, она готова поговорить со мной. Я хочу объяснить ей все, но она не дает мне шанса.

Никаких сообщений.

Я поднимаю взгляд и замечаю, как сжимаются челюсти Рика, когда он смотрит в экран своего телефона. Он нажимает кнопку. Я знаю, что парень стер сообщение от своей мамы или отца. Я видела, как он делал подобное раньше. Рик прячет телефон в карман своей кожаной куртки.

И в этот момент я не могу не сочувствовать его родителям. Я знаю, каково это, когда тебя игнорируют, как это ранит. Но я не вправе говорить ему что-то, ведь так? Все это месиво с ним, его отцом и Ло, не то место, куда мне нужно совать свой нос.

Коннор заводит разговор с Ло, расспрашивая его о супергероях и злодеях, его собственном комиксе и кофейне, которой они владеют с Лили. Я отключаюсь от их разговора на словах *налоги* и *моржа прибыли*.

Рик кивает мне.

— Где ты научилась так делать?

Его взгляд устремлен на мою бумажную розу. Он видел, как я их делаю уже несколько лет, но спрашивает об этом впервые.

Иногда я даже не замечаю, как играю салфетками. Я просто делаю это по привычке.

— Когда я была дебютанткой, инструктора заставляли нас сидеть за столом по несколько часов. Это правда было очень скучно.

— Так ты сама этому научилась?

— Ага, — говорю я. — Я нашла онлайн статью о том, как делать клевые формы из бумаги, — я заканчиваю делать цветок из салфетки и протягиваю его парню. — Рик, примешь ли ты эту розу? — дразнюсь я. Он видел сериал *Холостяк*. Когда мы жили все вместе, я заставляла его смотреть со мной записанные эпизоды перед сном.

— Это намек на то, как много чертовых парней с тобой встречались.

Я драматично вздыхаю.

— Но ты — мой номер один, — я приподнимаю бейсболку у себя на голове, чтоб лучше его видеть.

— Если я в серьезных отношениях с девушкой, — говорит он, — то лучше, если я буду ее *единственным* чертовым номером один.

Рик знает, что для меня он единственный. Я улыбаюсь и отрываю кусочек от стебля розы. А затем засовываю ее себе за ухо. Вскоре нам приносят еду. Тарелки ставят на стол, и я отмечаю, что стейк выглядит *точно* так, как на картинке.

— Что-нибудь еще? — спрашивает официантка.

— Десертное меню, — отвечаю я. Я уже предвкушаю, как съем кусок шоколадного торта. А если его вдруг тут нет, то обойдусь теплым брауни.

— Конечно, дорогая, — девушка уходит, и я не теряя времени даром, начинаю нарезать свой стейк на большие куски. Мой мозг кричит "*ешь, ешь, ешь!*"

Я откусываю от первого куска и закрываю глаза. Восхитительно.

Волшебно.

Я люблю еду. После еще трех кусочков мяса, я делаю глоток воды и говорю:

— Я же говорила тебе, стальной желудок.

Рик жует, а его брови вновь приподнимаются, почему-то парень не слишком оптимистичен.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Теория опровергнута.

Через час после того, как мы остановились у Джона, стейк стал мне поперек горла, завязав в узел мой желудок. Я даже отказалась от десерта еще в ресторане, потому что уже ощущала легкую тошноту, но не хотела устраивать сцен. Просто сказала, что наелась до отвала и соскочила с этой темы.

Вероятно, для Рика это стало первым признаком, что я переела. Вторым признаком, по его словам, была моя неподвижность в машине. У меня все еще было болезненное ощущение.

А затем меня стошнило.

К счастью, на обочину, а не в машине.

Меня не так расстраивает, что Рик оказался прав, как то, что я не могу объедаться сладостями и пряной едой. Ненавижу двигаться в чем-либо постепенно. Но мой желудок явно не из стали. Больше похоже на пластик.

И это не весело.

Спустя довольно много часов, мой желудок наконец-то успокоился, и мы остановились в мотеле в горах, не Hilton и не Holiday Inn, конечно. Просто причудливое маленькое местечко под названием Мотель Большого Залива, здесь пожелтевшие обои, немного плесени на плитке в ванной, но стеганные одеяла с изображением лис выглядят чистыми.

Мы заняли два номера. Один для меня и второй для ребят. Предполагаю, Ло хотел быть милым, предоставив мне некое уединение и личное время. Я не привыкла быть рядом с Ло без Лили, и думаю, ему некомфортно рядом со мной по многим причинам. Я тусуюсь с его братом. Я — одна девочка среди трех парней. Плюс, пока мы едем, то находимся все в ограниченном пространстве.

Но он не осознает, насколько я становлюсь параноидальной, оставаясь в одиночестве. Даже учитывая то, что я до сих пор принимаю болеутоляющие, я проснулась в два ночи, когда Рик перебрался ко мне в номер и лишь своим присутствием поднял температуру в комнате.

А затем мы в некотором роде горим.

Последние двадцать минут мы балуемся, целуясь и лаская друг друга руками. Он смотрит на меня, а его губы посасывают мою кожу. Я одета лишь в футболку, которая нравится Рiku больше всех других моих вещей. Она мешковата и с надписью: *"иды на хуй, ты, чертов хрен"*.

Мой взгляд фокусируется на его эрекции, вызывая во мне новые чувства. Так сложно ждать. Особенно с тех пор, как мне стало казаться, что жду я уже несколько лет, а не недель. Если бы наши отношения начинались нормально — без секретов от его брата моих сестер, да, по сути от всех — мы бы переспали еще в первый день на лестничной площадке. Мы оба немного импульсивны.

И сейчас я задаюсь вопросом, а сделаем ли мы это сегодня ночью.

Надеюсь, что так.

— Насколько ты большой? — в некотором роде я уже знаю ответ. Его тонкие брюки оставляют очень мало места для воображения.

Он наклоняется ко мне над матрасом, а я откидываюсь на локти. Рик приподымает меня

со своих коленей и медленно снимает свои штаны. Я сажусь ровнее, ожидая, когда смогу оказаться к нему ближе.

Его член выпрыгивает на свободу. Полностью эрегированный. И я неосознанно вспоминаю члены всех тех ребят, с которыми была, в результате мое сердце уходит в пятки. Он больше любого, кто был внутри меня. У меня в голове вспыхивает кадр с порно-видео с Коннором. О Боже.

Мой мозг хочет выбросить этот образ, но он здесь, в моей голове. Думаю, что их члены одинакового размера. Я не очень разглядела стояк Коннора, но да, в некотором роде у меня есть о нем представление.

Однако, прямо сейчас я фокусируюсь на члене Рика. Он прямо передо мной, просит о *моем* внимании.

Рик берет меня за подбородок.

— Ты станешь невероятно охуенно влажной, прежде чем я войду в тебя, сладкая.

Он не хочет меня ранить. Он накрывает рукой мой жар, и я думаю, что Рик собирается трахнуть меня своими пальцами.

— Я хочу доставить тебе оргазм, — говорю я прямо. Или посмотреть, как ты это сделаешь сам. Ты видел, как я кончаю дважды. Будет справедливо, если я увижу, как это делаешь ты.

Я правда хочу попытаться отсосать ему — невероятно соблазнительный вызов, но у меня есть предчувствие, что Рик откажет мне именно по этой причине. Потому что знает, как я этого хочу, и что могу задохнуться, усердствуя.

Он не говорит ни слова, не то чтобы я ожидала этого от него. Рик — парень, который общается посредством выражения своих темных глаз. Его тяжелое молчание натягивает все внутри меня. Он снимает свои брюки, полностью обнажаясь. Я пожираю его тело глазами, каждый мускул рельефен и четко выступает под кожей. Он кажется нереальным. Даже при том, что до этого я была с моделями.

Следующие слова я произношу писклявым, пропитанным потребностью, голосом:

— Я хочу поместить тебя всего в свой рот.

— *Блядь...* — он говорит это слово, тяжело вздыхая, а его взгляд нацелен на мои губы. У меня есть неплохая практика в минете, поэтому я знаю, что смогу удовлетворить его так же хорошо, как он меня. Я просто желаю, чтобы Рик позволил мне.

И затем, неожиданно, он встанет на колени, так, что матрас прогибается под нами. Я так взволнована, что не жду его, просто спрыгиваю с кровати на пол и становлюсь коленями на ковер.

Рик бросает на меня взгляд.

— Мы можем сделать это на кровати, Дэйзи.

— Я знаю, но мне нравится так, — я хочу иметь возможность видеть его лицо снизу-вверх. А в данной позиции это легче реализовать. Его глаза становятся темнее, и Рик садится на край кровати, опуская ноги на пол. Он тянется и убирает волосы от моего лица, а потом сжимает ладонью мой затылок, направляя мои губы к своей эрекции.

Я улыбаюсь перед тем, как облизываю его длину. Кубики его пресса становятся рельефнее, я опускаю руку на мускулистое бедро парня, и его мышцы напрягаются в этом месте.

Прямо перед тем, как беру его в рот, Рик говорит:

— Только помни, это не чертов конкурс.

Я киваю, ослепительно улыбаясь. Открываю рот так широко, как могу, пока он сжимает основание своего члена, помогая мне. Рику не удастся сдержать тихий стон, слетающий с его уст.

Чем дальше его плоть скользит по моему языку, тем ближе я оказываюсь к его телу. Рик смещается на кровати так, чтоб суметь встать, и его длина движется ближе к моему горлу. Я опускаю обе руку на его зад и отклоняюсь, оставляя у себя во рту пару дюймов длины его члена. Я не могу даже описать, насколько наполненной ним, чувствую себя. Мне хотелось бы, увидеть со стороны, как выглядит его член в обрамлении моих губ.

— *Блядь*, — стонет он. Я втягиваю его до основания в свой рот. И когда поднимаю на парня взгляд, он тоже смотрит на меня, впитывая этот образ. Его зад напрягается под натиском моих ладоней, и я отодвигаюсь, на дюйм выпуская его плоть. Рик толкает бедра вперед, немного отталкивая меня. Мы повторяем это движение, и между моих ног снова нарастает пульсация. Особенно когда я наблюдаю за его выражением лица, как оно искажается от страстного удовольствия.

Рик убирает одну мою руку со своей задницы и опускает ее так низко, как только может.

— Коснись себя, сладкая.

До этого мои мастурбации не приносили никакого эффекта, но в данном положении, стоя перед голым Риком прямо сейчас, с его членом в моем рту, я уже нереально чувствительна *езде*. Не требуется много усилий, чтобы начать повторять те круговые движения, что Рик делал ранее своими пальцами, чередуя быстрый ритм с медленным. Это мгновенно возбуждает меня еще сильнее.

Я не могу поверить, что собираюсь кончить в третий раз за одну ночь. Никогда не думала, что это возможно.

Я чувствую, что уже на краю, возможно, как и он. И прямо когда думаю, что фейерверки внутри меня вот-вот взорвутся, я слышу, как открывается дверь смежного номера.

И этот взрыв удовольствия трансформируется о внезапную истерию, так что мои дальнейшие действия происходят импульсивно.

Я отстраняюсь в самый из возможно худших моментов.

Потому что, как только мой рот покидает его член.

Рик кончает.

Мне на лицо.

РИК МЭДОУЗ

Что.

За.

Нахуй.

Я не могу отвести взгляд от ее лица. В обычной ситуации подобное зрелище завело бы меня, моя сперма на ее щеках, губах, даже на веках. Блядь, это бы возбудило любого парня, сделав его твердым, как скала. Но не сейчас. Не когда Коннор Кобальт стоит в комнате, закрывая дверь, пока Дэйзи отчаянно пытается вытереть мою сперму с лица.

Она использует обе руки, делая все только хуже. Ее лицо заливают румянец от смущения.

— Дэйзи... блин — я быстро натягиваю свои штаны и приседаю, игнорируя Коннора.

Волнение затапливает мое сознание в секунду. Я нахожу свою футболку на полу и использую мягкую ткань, чтобы аккуратно вытереть ее лицо, пытаюсь позаботиться о ней, помочь не чувствовать себя, словно хренова порно звезда.

Не могу поверить, что она отстранилась именно в этот момент. Чертово неподходящее время.

Коннор откашливается.

— Гм... Я могу объяснить, — говорит Дэйзи.

— В этом по правде нет необходимости, — говорит он, напряженно. — Я могу понять, что увиденное мной было минетом.

Я кривлюсь, пока щеки Дэйзи краснеют. *Большое спасибо, Кобальт. Мастер-класс "Как сделать все еще более неловким"*.

Я не поворачиваюсь к нему, когда говорю:

— Чего, черт возьми, ты хочешь? — я пытаюсь убрать волосы Дэйзи от лица, но это бесполезно. Пряди все еще влажные и липнут к ее щекам. Мой член вообще-то снова угрожает стать твердым, но каждый раз, как я заглядываю ей в глаза и вижу подавленность, возбуждение угасает, возвращая меня к реальности.

Я не могу представить, что происходит в ее голове.

Я вытираю Дэйзи так быстро, как могу, но мы оба слишком ошарашены, чтобы сдвинуться с этого места, мы не в том состоянии, чтобы встать и пойти умыться в ванной.

— Вы оба сумасшедшие, — говорит Коннор, его насыщенно голубые глаза направлены то на меня, то на Дэйзи. — Вы без надобности рискуете своими отношениями каждый раз, когда поступаете подобным образом. Говорите о сексе в машине, трахаетесь на расстоянии *тонкой* стены от меня и Ло — да, вы словно умоляете, чтобы вас поймали. Потому я дам вам обоим дружеский совет, — он фокусирует свой взгляд на мне. — Расскажите им до того, как вас застукают, или уймитесь. На моем месте *легко* мог оказаться Ло, и я могу вам пообещать, что он бы жутко злился.

Я думал, что мы были чертовски осторожны, ведь до этого момента мы не привлекали много внимания. Мы привыкли флиртовать в рамках дозволенного, и сейчас, когда нас поймали, это не укладывается у меня в голове. Я знаю, что это не может длиться вечно. Несомненно, не полтора года, как мы планировали. Но возможно, нам удастся сохранить все в тайне еще хоть несколько месяцев. Нам просто нужно немного времени — особенно перед

тем, как столкнуться с негативным отношением всех тех людей, которым ненавистна сама идея нас, как пары.

— И ты не мог подождать до гребаного утра, чтобы сказать нам об этом? — рычу я.

— Вы вели себя очень громко, — говорит Коннор категорично, не улыбаясь. — Позже вы можете поблагодарить меня за это, — он смотрит на Дэйзи, отчего все ее тело замирает. Я замечаю, что не вытер пятно на ее волосах. Мой живот стягивает в узел, когда используя футболку, я вытираю свою сперму, зная, что она чертовски возненавидит тот факт, что на ней все еще есть следствия этого инцидента.

— Я надеюсь, это отличается от других твоих отношений, — говорит Коннор искренне.
Да пошел он.

— Ты правда собираешься на хрен затрагивать эту тему? — спрашиваю я, мое тело пульсирует от гнева. Я не похож на тех других ублюдков, с которыми она встречалась. Первый раз она делает мне минет, и тут заходит он. Данный инцидент выставляет меня не в лучшем свете, но это всего лишь хренова неудача.

— Да, — говорит он, — я вообще-то как-то видел Дэйзи, когда она выходила из спальни, оказав подобную услугу Джулиану.

Имя ее бывшего парня буквально сводит меня с ума. Я сжимаю кулаки, желая выбить все дерьмо из него. Я не хочу думать о его члене у Дэйзи во рту или даже о ее члене вблизи мили рядом с ней. Я хочу, чтобы этот образ на хрен *покинул мою голову*. И конечно же, Коннор навязывает его мне сейчас, желая выбить из колеи. Я качаю головой, сдерживая огромное желание врезать кулаком в стену. Вместо этого я решаю выйти в ванную, позволяя злости клубиться вокруг меня, пока хватаю мочалку и мочу ее в раковине.

Когда я возвращаюсь, то слышу, как Дэйзи говорит:

— Рик не такой, как другие парни, Коннор.

Я бросаю сердитый взгляд на Коннора.

— Ты не мог бы прямо сейчас хоть немного на хрен смутиться? Как тебе вообще удастся так невозмутимо до сих пор здесь стоять?

— В своей жизни я никогда не ощущал смущения, — отвечает он. За все эти слова с его уст, мне хочется придушить парня. Он такой чертовски раздражительный.

Я нагибаюсь и начинаю вытирать щеки Дэйзи влажной губкой, пока другой рукой придерживаю ее за подбородок.

— О, да? — спрашиваю я, мой взгляд мечется к Коннору. — А что если я скажу, что Дэйзи видела, как ты трахаешься? Будешь ли ты смущаться в таком случае? — это не приведет ни к чему хорошему, но я так устал от постоянных заявок Коннора о том, что он бог. Словно он неприкосновенен. Я хочу, чтобы этот парень почувствовал хоть каплю смущения, которое он только что вызвал у Дэйзи.

Ее глаза расширяются.

— Я была бы смущена, — говорит Дэйзи мне, сильно ударя ногой по моей лодыжке. Тем самым она говорит мне "*Остановись*".

Ну да, этот мой план всецело охуенно необдуманый. Я стискиваю зубы, чертовски злясь на все. И то, что Коннор заговорил о Джулиане, ни чуть не помогает.

Коннор выгибает бровь.

— Она видела те ролики? — он звучит более удивленно, чем оскорбленно.

На сей раз я держу рот на замке, вытирая губкой лоб Дэйзи и сосредотачиваясь на ней.

— Случайно, — выпаливает она. — Я пыталась не смотреть, клянусь, — я не видел те

видео, но уверен, данный момент сейчас более неловок для нее, чем для Кобальта. Ее сестра и ее зять сняты в них. Она сжимает мое плечо, словно все эти факты вызывают у нее смущение. Я утешаю ее, как только могу, глядя по волосам правой рукой, пока второй продолжаю вытирать остатки своей спермы с ее лица.

Коннор молчит, выражение его лица нечитаемое, отчего Дэйзи чувствует себя еще хуже.

Когда я заканчиваю, то встаю и внимательно наблюдаю за реакцией Коннора. Но по нему ничего не понять, так что я спрашиваю:

— Как ты чувствуешь себя сейчас, Кобальт?

— Обеспокоенным, — говорит он спокойно. — И немного взволнованным. Я не думал, что на наше порно так просто нечаянно наткнуться, — он смотрит на Дэйзи, хмурия брови. — Что это был за сайт?

— Я нафиг тебя ненавижу, — невозмутимо говорю я. — Серьезно.

Я хотел хоть на мгновение оказаться с ним на равных. Она видела его голым. Он видел *это*. Но Коннор отказывается уступить. В любом случае, мы с Дэйзи остаемся при своем чувстве неловкости.

Коннор достает мобильный, словно собирается записать адрес сайта.

— Я не помню, мне его Лили подсказала, — бормочет Дэйзи.

Мы с Коннором замираем. Лили не должна смотреть порно, и если она... ну, это может повлиять на ее сексуальную зависимость, вызвав рецидив.

Глаза Дэйзи округляются, будто бы спрашивая "*И что я такого сказала?*"

— Она снова смотрит порно? — спрашивает Коннор.

— Нет. Она просто порекомендовала мне сайт, когда я спросила ее об этом. Не нужно так беситься, ребята. Вы знаете, что она ненавидит, когда мы чрезмерно реагируем. В прошлом месяце, *ты*... — она обвиняюще указывает на меня, защищая свою сестру, — ... ворвался в ее ванную просто потому, что она принимала ее немного дольше обычного. Ты хоть представляешь насколько это неловко?

Ага, я знаю, я был там. Ее лицо превратилось в гигантский чертов помидор, и она орала на меня. Но лучше я смущу ее десять раз, чем допущу альтернативный исход — рецидив или хуже... самоубийство. Это бы убило моего брата. Это убило бы всех нас. А я видел Лили в ее не лучшие деньки, когда она отключалась в ванной, теряя гребаный рассудок, и я часто гадаю, что случилось бы, если бы я тогда не вмешался.

Никто из нас не готов пойти на такой риск.

Коннор вздыхает.

— Я напишу ей позже. Ты, — он смотрит на меня. — Возвращайся в наш номер. Я не хочу, чтобы Ло узнал о ваших квази-отношениях. Ты, — он поворачивается к Дэйзи. — Не позволяй Рику опять кончать тебе на лицо.

Охуенно.

— А ты иди на хуй, Кобальт, — я выталкиваю его за дверь, агрессивно, желая так сильно стереть это гребаную улыбку с его лица. Я захлопываю дверь прямо у него перед носом. И когда разворачиваюсь, Дэйзи встает на ноги.

— С тобой случалось такое раньше? — спрашивает она, поднимая на меня взгляд. Моя сперма на лице девушки. *Нет. Никогда.* И я никогда даже не думал об этом.

Мне так чертовски жаль, Дэйз. Я знаю, что ей это не понравилось. Знаю, что этого не должно было случиться сегодня вечером.

— У меня такое впервые, — говорю я ей.

— У меня тоже, — отвечает она, с трудом пытаясь не улыбнуться. Сейчас, когда Коннор ушел, в ее глазах снова пылает свет, в ней вновь бурлит смех, но и слезы от сложившейся ситуации. Я подхожу и кладу руку ей на затылок, мои пальцы зарываются в ее волосы. Она шумно выдыхает. И я знаю, что Дэйзи это нравится.

— Прости меня, Кэллоуэй.

— Мне нравится, когда ты на меня.

Я выразительно смотрю на нее.

— Но не так же.

— Не так, но... это дало нам опыт, — она усмехается.

Коннор может не верить в то, что наши отношения настоящие, но я рад, что мы переживаем все это, эти маленькие чертовы моменты, прежде чем перейдем к тому, чего хочет Дэйзи — к тому, чего жажду я. Несмотря на слова других людей, прямо сейчас для нас это работает.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Я выхожу из душа мотеля, погревшись в теплой воде, перед тем как наше путешествие перейдет в стадию похода. С настоящими палатками, костром и всем, от чего мое сердце трепещет в волнительном предвкушении. Пока натягиваю на себя футболку с надписью "Это не Париж", я поднимаю взгляд и натываюсь на экран телевизора. Моя улыбка угасает, а все тело немеет.

На экране показывают Сару Хейл.

Маму Рика.

Новостной блок транслирует отрывок из *60-ти минутного* интервью, которое вышло в эфир прошлой ночью. Мама Рика поворачивается к репортеру, ее каштаново-золотистые волосы искусственно выпрямлены. Я напрягаю слух, чтобы расслышать все ее слова.

— То, что я сделала, не было злостной атакой на семью Кэллоуэй.

— Но вы продали информацию о сексуальной зависимости Лили Кэллоуэй в прессу, разве не так?

— Да, но я не пыталась ранить эту девочку. Я просто устала скрывать истину. Вы должны понять, что я провела *годы*, скрывая измену Джонатана Хейла. Единственный способ разоблачить Джонатана — направить в его сторону прожекторы внимания СМИ. Я видела лишь один путь к достижению этой цели и прошу прощения за причиненную мною Лили эмоциональную травму. Но она была связана с Лореном, его сыном. Она была втянута в очень сложный семейный спор.

— Вы говорите так, словно она была пушечным мясом.

— Опять же, я прошу прощения, если вам так показалось, — Сара выдерживает паузу и смотрит на свои руки с каким-то торжественным видом, но ее глаза полны уверенности, твердости, которая борется с нежностью. — Как мать, я ежедневно разрывалась надвое. Мне пришлось скрыть моего настоящего сына, я была вынуждена делать вид, что Лорен мой ребенок. Я просто хотела быть свободной от Джонатана и хотела, чтобы мой сын тоже стал от него свободен.

— Но разве вас реально к этому принуждали? — спрашивает репортер. — Вы подписали соглашение о разводе. Вы знали, на что соглашались.

— В то время я была матерью-одиночкой, молодой и неопытной. Я была напугана и сделала то, что как думала, было лучше для моего сына.

— Рика.

— Да, Рика.

Кто-то появляется в открытом дверном проеме между смежными номерами отеля. Я оглядываюсь.

Рик. Его глаза заволочла тьма, а взгляд нацелен на телевизор, словно парень наблюдает за маленьким кусочком экрана. Его волосы влажные после принятия душа в соседней ванной. После предупреждения Коннора прошлой ночью, он вернулся в их номер. И я даже не заставила его проверить замки до того как он ушел. Я пытаюсь изо всех сил преодолеть свой страх.

Должно быть, скоро нам уже пора снова в дорогу, и уверена, Рик пришел проверить, как я тут, но его внимание привлёк телевизор.

Сара выпрямляется в своем кресле.

— Я осознаю сейчас, что этим соглашением о разводе я лишь ранила его.

Рик проводит рукой по своим мокрым волосам и проходит в глубь моего номера, его взгляд опускается на пол, когда он ищет пульт дистанционного управления.

— Ты не хочешь послушать, что она скажет? — спрашиваю я у него, запихивая расческу в свою косметичку.

— Это чертова уловка СМИ, с помощью которой мама хочет выглядеть лучше.

— Как ты можешь быть так уверен? — спрашиваю я.

Рик поворачивается ко мне лицом. Я совсем не напугана его выражением лица и не думаю, что он хочет меня испугать. Но в его глазах пылает злость, настолько глубокая, что на это сложно смотреть.

— Она говорит так, словно отрепетировала свои ответы. Все ее слова звучат как формальность.

Я хмурюсь.

— Правда? Моя мама говорит точно так же.

— А моя нет. Она эмоциональна. Если бы она не притворялась, то скорее всего орала бы или плакала. Она бы не сковывала все это в себе, не сидела бы с каменным выражением лица, — он указывает на телевизор. — Единственный раз, когда я видел ее такой, так это когда она пыталась впечатлить своих богатых гребаных друзей.

Это самый откровенный наш с Риком разговор о его маме. Я наблюдаю, как он продолжает искать пульт дистанционного управления, однако при этом его взгляд не так внимателен как прежде, а мысли витают где-то далеко.

— Ты скучаешь по ней? — спрашиваю я.

Он хватает одну из моих рубашек и бросает ее мне.

— Иногда, но это на фиг не важно, Дэйз.

Я засовываю рубашку в боковой карман сумки.

— Но она твоя мама... — я не могу представить, что никогда снова не смогу поговорить со своей матерью. Даже если наши разговоры будут вызывать во мне желание сбежать от нее, все равно, сбежать навсегда — звучит слишком болезненно.

Он качает головой.

— Я не могу жить в твоём хреновом оптимистичном мире, где все добрые и святые. Я повидал столько плохих людей, что не могу уже верить в существование такого же большого количества хороших ребят.

— Однако, она может изменить... — начинаю я, пытаюсь хоть как-то ему помочь. Я бы хотела забрать его проблемы, а не усложнять их, даже притом, что я не могу этого сделать. Больно чувствовать отсутствие контроля над этой областью его жизни.

— Что она может изменить, Дэйз? — он пожимает плечами. — Она разрушила жизнь Лили, — говорит он невозмутимо, но в его глазах виден мрак. — Она угробила твою жизнь и жизнь Роуз. А еще разбила мое долбаное сердце. Все на хуй кончено.

Я сглатываю, застрявший ком в горле.

— Она не разрушала мою жизнь, — говорю я нежно.

Рик сердито смотрит на меня в ответ.

— Даже, блин, не начинай, — потому что он видел, как я кричу по ночам, видел, как я превращаюсь в напуганную до смерти девочку. И катализатором всего этого стала Сара Хейл.

— Я бы не расстроилась, если бы ты попытался наладить с ней отношения, — добавляю я. — Мне просто нужно, чтобы ты знал это.

Он сдаётся в своих поисках пульта и идет ко мне, его ладони касаются моих щек.

— Спасибо, — говорит Рик, кивая. — Но это ничего не изменит.

Я киваю в ответ, не зная, что еще могу сказать. Мое горло сжимается.

И от моего молчания черты его лица становятся мрачными, а брови хмурятся.

— Я просто не могу ее забыть, — говорит он. — По какой-то долбаной причине, кажется, что если я открою для нее свои объятия, то это будет скорее проявление слабости, чем силы.

— Даже при том, что ты по ней скучаешь?

Он кивает.

— Ага. Даже при том, что скучаю. Вот такие дела, — он целует меня в лоб. — Не волнуйся так сильно о проблемах моей семьи, Дэйз. Это — мое дерьмо. Я правда не хочу втягивать тебя в его эпицентр.

Я поднимаю на него глаза.

— Я рада, что ты хотя бы хочешь говорить со мной об этом.

Он смущенно смотрит на меня.

— Почему бы мне не хотеть говорить с тобой об этом?

Из-за моего возраста.

Должно быть, пазлы встают на свои места в его голове, потому что спустя секунду Рик говорит:

— Мы не были бы вместе прямо сейчас, если бы я думал, что ты слишком незрела для подобных разговоров.

Мои губы приподнимаются в улыбке, но тут наш разговор прерывает репортер из выпуска новостей:

— У Сары Хейл нет доказательств того, что ее бывший муж совершал сексуальные посягательства по отношению к своим сыновьям Рикку Мэдоузу и Лорену Хейлу. Однако, она сказала, что возможно, это могло произойти с Лореном, пока тот жил в резиденции отца в Филадельфии. Более детально вы можете узнать об этом на нашем сайте...

Рик снова бросается на поиски пульта, и прежде чем репортер заканчивает декламировать контактные данные новостной службы, он наконец-то находит его и выключает телевизор.

Я не спрашиваю у парня о том, что он знает обо всей этой ситуации. И так знаю, что он не станет об этом говорить. То, что я выудила из него за сегодня — уже везение.

РИК МЭДОУЗ

Мы продвинулись в сторону Калифорнии. Пока что не очень близко. Но все же не стоим на месте.

Еще до захода солнца мы прибыли в самое сердце Смоки Маунтинс. Как я и говорил, до Лос-Анджелеса нам еще далеко. Но цель этого путешествия не состоит в том, чтобы мчаться в Калифорнию. Скорее это время, которое позволит моему брату расслабиться, передохнуть и попытаться найти хоть какой-то внутренний гребаный мир.

Я мог бы тоже попытаться.

Коннор несется в своих дорогих мокасинах по грязи, от чего те погружаются в коричневую жижу. Этот образ настолько бесценен: Коннор Кобальт в долбаном костюме стоит посреди леса и выглядит — вероятно, первый раз в жизни — как не в своей тарелке.

Если бы он пытался запудрить мозги менеджеру по работе с клиентами в рекламном агентстве и планировал вылазку на природу — он бы пустил в ход свою чертову фальшивую улыбку и оделся бы попроще, чтобы не выделяться. Но в вопросе установки палатки ему явно не хватает энтузиазма. Кобальт просто делает это потому, что должен, потому что мы, его друзья, возложили на него данное задание.

— Ты в порядке, Кобальт? — спрашиваю я.

Он фыркает и показывает мне средний палец. В его глазах я замечаю искорки раздражения. Чем больше вы узнаете этого парня, тем легче уловить выражение его эмоций.

Ло улыбается.

— Эй, взгляните на это. Коннор заговорил на родном языке Рика.

— Почему мы не остановились в гостинице на сей раз? — спрашивает меня Коннор. — Не подумай, будто мне не нравится наконец-то увидеть твой образ жизни, но некоторые из нас предпочитают кровать земле.

— Это называется поход, — отвечаю я.

Коннор бросает на меня взгляд.

— О! Да, я забыл, что такое поход. Спасибо, что напомнил, теперь все кристально ясно.

Однако настоящее раздражение Кобальта наступает, когда он достает свой телефон. Парень поднимает его к небу, пытаясь поймать сигнал сети. Он и до этого волновался о Роуз, а сейчас, потеряв с ней всякую связь, Коннор начинает вести себя как полный мудака.

Хорошо то, что я могу справиться с большинством странных личностей и даже с самодовольным Коннором Кобальтом.

— Как для кого-то такого чертовски умного, тебе безусловно нравится вести себя глупо рядом со мной.

— Как и сказал Ло, — говорит Коннор, немного истерично нажимая кнопки на своем телефоне, — я пытаюсь вникнуть в твой способ жизни, — он просто назвал меня тупым. Расстроено вздыхая, он сует телефон в карман. — До этого момента все было отстойно, — и после этих слов Кобальт просто дезертирует в сторону машины, где Дэйзи все еще разгружает запасы.

Ло пинает несколько камней и веток от того места, где мы ставим палатки, очищая пространство от всего острого, что может воткнуться нам в спины. Он делает это, отрешенно глядя по сторонам и погружившись в свои мысли.

— Эй, — я встаю возле него. — Ты тоже хочешь поехать в чертов отель?

Он смотрит на окружающий нас густой лес и указывает на сосны.

— Не делай вид, словно ты не видишь жилой автофургон за теми деревьями, — те высокие сосны и правда заслоняют нас от других кемпингов.

Мы ведь в национальном парке. Конечно, здесь есть другие туристы. Я не могу изменить этого. Но по крайней мере, у нас есть немного личного пространства. В словах Ло я скорее слышу его страхи. Предполагалось, что в этой поездке мы сможем отдохнуть от папарацци. Что сможем пожить вне поля зрения интернет сети и других СМИ.

Это то, что я ему обещал.

Если какая-то путешествующая автомобилем семья нас узнает, сделает какие-то наши фото и разместит их в интернете, мы пропали. Но это лучшее, что я могу ему дать.

— Они не найдут нас здесь, Ло.

Его глаза заволакивает тьма, он не доверяет мне всецело. И я не знаю, станет ли вообще когда-то.

— В центре реабилитации работал выездной шеф-повар наивысшего разряда. Так что твоя псевдо реабилитация точно не соответствует моим ожиданиям.

— Прости, что я не нанял чертового дворецкого и горничных и забыл упаковать те пахучие штучки для туалета, чтобы ты смог вытереть ими свой зад, — восклицаю я. Он не богатый сноб, коим привык себя выставлять. Ло просто нравится тыкать людей в их недостатки до тех пор, пока не увидит реакцию. — Если ты хочешь отправиться на реабилитацию в Нью-Йорк, я не стану тебя на хрен останавливать, Ло. Я просто предлагаю тебе альтернативный вариант, — я раскидываю руки. — Свежий воздух. Свобода от СМИ. Месяц нормальной жизни. То, что реабилитационный центр не в силах дать, — по крайней мере не когда все там узнают, что он Лорен Хейл. Еще одна знаменитость, остановившаяся в их центре.

Как по звонку часов.

Я жду его ответа, когда Коннор возвращается, наблюдая за реакцией моего брата, пытаюсь понять, каким будет его решение. Я в состоянии принять любой его выбор, но хочу быть рядом, если он решит пройти реабилитацию. У меня нет сил общаться с хреновой ресепшионисткой центра восстановления, пока он будет в Нью-Йорке.

Так что если он выберет восстановление, то путешествие в Калифорнию будет закончено. Для Дэйзи, для меня. В данном случае я выберу своего брата. Я должен.

После затянувшегося молчания, Ло смотрит на меня.

— Сегодня готовим хот-доги и гамбургеры?

Мои конечности расслабляются.

— Ага, — говорю я, кивая. — Тебя это устраивает?

— Только если их будет готовить не Коннор. Он не понимает, что такое средняя прожарка, когда мясо еще красное и с кровью.

— Все я понимаю, — возражает Коннор. — А еще я знаю, что такое эшерихия коли (*кишечная палочка — прим. пер.*).

— Почему ты на фиг не можешь просто сказать Э. коли? — спрашиваю я.

— Потому что аббревиатура для ленивых, коим я, очевидно, не являюсь.

Мне не следовало спрашивать.

Дэйзи пытается донести до нас сразу несколько складных стульев. Я делаю шаг ей навстречу, но Ло опускает руку мне на грудь.

— Я сделаю это, — он с силой похлопывает меня по плечу, предупреждая без слов, а затем бросается к Дэйзи, чтобы поймать ее, прежде чем она упадет.

Девушка смеется, когда он перехватывает два стула со стопки в ее руках.

— Ты глазеешь, — говорит мне Коннор.

— Отъебись.

Однако я все-таки пытаюсь сбросить напряжение, от которого моя челюсть сжимается.

— Возможно, тебе стоит попытаться вести себя так, словно не хочешь убить своего брата за то, что тот встал у тебя на пути.

— Это сложно, — говорю я честно. Чешу шею и добавляю. — Что бы ты сделал, будь на моем месте? — возможно, с моей стороны мазохизм спрашивать об этом после того, что случилось в отеле. Но независимо ни от чего я хочу услышать его ответ.

— Если бы я был тобой? То есть, если бы я трахался с восемнадцатилетней девушкой, которая является младшей сестрой девушки моего брата, мать которой меня ненавидит, потому что я отродье Сары Хейл, и отцу которой не нравятся такие как я парни, потому что он слишком опекает свою молодую, неугомонную дочурку?

Я открываю рот, собираясь выругаться на него, но Кобальт меня перебивает.

— Но если бы я все-таки был тобой, — говорит он, наклоняя голову, — я делал бы все то же самое, что и ты, для этой девушки. Когда она встречалась с обезьяной вместо парня, когда она была одинока, и все повернулись к ней спиной, когда она переживала настолько сложный момент своей жизни, что нам всем было не под силу осознать это, ты был рядом с ней, — его спокойный тон тушит закипающую во мне злость. Вот так просто. — Если бы я был тобой, Рик, я бы перестал позволять людям видеть во мне худшее и наконец-то показал им все хорошее, — он пожимает плечами. — Но очевидно, я — не ты, — Коннор оглядывается вокруг, рассматривая лесной пейзаж. — А ты — не я.

— Я просто не понимаю, что хорошего выйдет из этого, кроме споров, — я не хочу ссориться. Я просто желаю оставить все как есть. Думая об этом, поворачиваюсь и наблюдаю, как Дэйзи и Ло устанавливают стулья. Он тянется к ее спутанным волосам, и она показывает ему, что сзади ее белокурые пряди обрезаны неровно. Лорен качает головой, но лицо Дэйзи светится, как никогда прежде, даже несмотря на шрам.

— Почему ты думаешь, это повлечет споры? — спрашивает Коннор.

— А ты думаешь, люди просто так примут любое объяснение, которое я решу им выдать? Я могу говорить с ее мамой до посинения. Но она не примет меня, Коннор. Ее отец позволил Дэйзи встречаться с *Джулианом*, парнем моего возраста, который думал скорее своим членом, чем головой, но когда я заглядываю в дом ее родителей, он бросает в мою сторону угрожающие взгляды.

— Во-первых, он не позволял ей встречаться с Джулианом, — замечает Коннор. — Он был в ярости. Тебя там не было, когда Джонатан и Грег пытались придумать способ, чтобы вытурить парня из модельного агентства.

— Очевидно, это не сработало.

— Я сказал *пытались*, — говорит Коннор. — Я никогда не говорил, что им это удалось — он снова нажимает несколько кнопок на своем телефоне. — Грег — умный мужик, Рик. Даже несмотря на то, что ты не встречаешься с Дэйзи в открытую, он знает, что она в тебя втюрилась еще с 15 лет. Он просто волнуется, что ты подведешь ее и разобьешь ей сердце.

Я бы хотел, чтобы мои отношения с ее родителями были лучше, но они не такие. Чтобы подобно Коннору стать другом Грега, мне нужно сначала поговорить со своим отцом.

Грег и Джонатан видятся друг с другом нахрен постоянно. Когда я был ребенком, Грег обычно посещал загородный клуб по понедельникам. Он был водой для скотча моего отца. Как мило. Даже круто. Иногда я желал, чтобы он был моим отцом.

— Я знаю, данный подход покажется тебе необычным, — говорит Коннор, снова поднимая свой телефон над головой, — но если ты *по-настоящему* покажешь нужным людям, что заинтересован девушкой не только в плане секса, то в ответ заработаешь их уважение.

Но он забывает, что я не умею общаться с людьми спокойно и равнодушно. Я грубый. Я чертовски резок, и мои слова кажутся окружающим невежественными. Даже если я и не хотел никого обидеть. Я давал советы на счет секса Дэйзи, когда ей было всего 15 лет, потому что хотел попытаться помочь ей выбирать парней, которые будут хорошо и правильно с ней обращаться. А в течение двух гребаных следующих лет я пожинал дерьмо — результат того разговора.

— Эй, — зовет Ло. Он поднимает упаковку с гамбургерами и указывает на палатку, которую Дэйзи пытается поставить в одиночку.

— Вы двое, помогите или сделайте пять пунктов из списка в моем курсе восстановления!

Я собираюсь было подойти к Ло, но Коннор вздыхает и прикладывает телефон к уху.

— Роуз? — он хмурится. — Что? Подожди, дорогая... ты пропадаешь, — он смотрит на телефон, на самом деле разглядывая это устройство. А затем поворачивается к Ло. — Тебе бы лучше установить еще два стула.

— О, нет! — стону я. — Лили дала мне обещание, что не приедет так рано, — три сестры Кэллоуэй в течение *долгих* двадцати дней в замкнутом пространстве — дерьмо.

— Ну, значит она его нарушила, — говорит Коннор, пытаясь вздохнуть с облегчением, но он кажется все еще волнуется. — До того как связь отключилась, Роуз сказала, что они в десяти минутах от нас.

Трахните меня кто-нибудь.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Здесь Роуз и Лили.

Вначале я была слишком ошеломлена, чтобы сделать хоть что-то, кроме как просто сидеть и улыбаться, ощущая прилив полнейшего счастья. Я не осознавала, как сильно хотела, чтобы девочки оказались рядом, пока они не приехали. Лили крепко обнимает меня, и я пытаюсь убедить их улизнуть со мной отсюда. Время девочек, никаких парней.

Но они должны воссоединиться со своими партнерами.

Так что я отступаю от своих сестер, пока Ло заменяет меня, обнимая Лили. Она одета в шапку Вампа из белого меха, у которой имеются отвороты для ушей. Ло шепчет ей что-то на ухо, и она сильно краснеет. Я продолжаю отходить задом наперед и натываюсь спиной на что-то твердое, а через секунду пара рук опускается на мои плечи.

Я наклоняю шею и оборачиваюсь.

— Привет тебе, — говорю я Рикку. Он смотрит на меня задумчиво. Я бы хотела, чтобы его прикосновения были подобны тем, которые Ло проявляет по отношению к Лили — он буквально купает ее в своей любви. Откровенные, страстные, прекрасные поцелуи, которые, кажется, отрывают их от земли и подносят к небесам. Но даже в сумерках, мы стоим рядом с мерцающим костром, который освещает наши черты лица.

Мы не можем скрыться от ребят.

Роуз и Коннор разговаривают на французском. Он целует ее в лоб, растирая область затылка, нежными заботливыми движениями, и ее носик морщится.

— Какое животное сдохло возле наших палаток? — она прикладывает руку к губам.

— Ты сжег бургеры? — спрашивает Ло у Рика, и я чувствую, как его руки отпускают меня, а их место занимает прохладный воздух.

— Нет, я только начал их готовить. Рик оставляет меня и проверяет гамбургеры.

Я принимаюсь к витающим в воздухе запахам.

— Я не чувствую ничего, кроме аромата древесного дыма, — я осматриваю землю в том месте, где стоит Роуз, утопая своими пятнадцатидюймовыми каблуками в грязи. Рука Коннора поддерживает ее за талию, и он любезно пытается забрать у нее сумочку, но Роуз отмахивается от него.

— Я не лгу, — говорит она. — Здесь дурно пахнет.

— Вероятно, туалет с чертовой выгребной ямой, — говорит ей Рик. — Вы проезжали мимо нее по пути сюда.

Роуз качает головой.

— Это что-то ближе к нам, — она сжимает пальцами нос и драматично закрывает рот.

— Возможно, это твоя собственная вонь, — говорит Ло, прижимая Лили к груди, словно она часть него самого, кусочек, которого так долго не было рядом. Он кажется счастливее обычного. — Сучки № 5.

Роуз угрожающе тыкает пальцем в его сторону, ее ногти кроваво-красного цвета.

— Еще раз оскорбишь Chanel, и мой каблук встретится с твоей задницей в долю секунды, Лорен.

— Ооох, — передразнивает он. — Я и не знал, что ты можешь так быстро бегать на своих дьявольских копытах.

Роуз взвизгивает, и я вздрагиваю от резкого шума, исходящего непонятно откуда. Она пытается запрыгнуть на Ло, но Коннор действует реально быстро. Он хватается за талию, крепко удерживая. И тут сосновые иголки и листья шуршат возле меня, от чего я подскакиваю на месте. Рик встает и бросает на меня взгляд с немым вопросом "*ты в порядке?*"

Сейчас на улице уже совсем темно.

Ненавижу ночное время, если только я не в объятиях Рика.

Я киваю, пытаюсь успокоиться и не вести себя словно напуганный подросток.

Роуз пинается ногами, даже несмотря на то, что на ней надето черное плиссированное платье, и ее муж удерживает ее. Она выглядит как сама не своя, никогда не видела ее такой взбалмошной прежде. Знаю, сестра может слететь с катушек. Ло и раньше доводил ее до такого состояния, но Роуз почти всегда скрывала от меня подобные моменты.

Для меня Роуз — это прочная стальная стена, которая не впустит никого, даже Ло с его ехидными комментариями. Она просто наедет на него словно бульдозер, сломав его собственную защиту.

Но прямо сейчас несколько его слов проникают к ней под кожу быстрее, чем обычно.

Коннор шепчет ей на ухо, и Роуз выкрикивает что-то в ответ на французском.

Я разворачиваюсь к Рiku.

— Что она сказала? — шепчу я.

Он опускает на меня взгляд.

— *Моя реакция не чрезмерна*, — переводит он себе под нос.

Роуз снова кричит. На сей раз я не вздрагиваю.

— Это и есть твой крик злобной бабы? — продолжает Ло донимать ее. Лили шлепает его по руке, серьезно прося прекратить это.

Коннор внимательно смотрит на Лорена.

— Ло, — предупреждает он. — Остановись.

Роуз пытается вырваться из сильного захвата Коннора, маниакально выворачиваясь из кольца его рук. Он снова прижимает губы к ее уху, и по тому как она шумно вдыхает, я думаю, моя сестра на грани панической атаки. Как такое случилось в результате всего лишь пары комментариев?

Вина проступает в чертах лица Ло, и я замечаю, что Рик внимательно следит за своим братом.

— Ло, — говорит Рик, кивая ему. — Поможешь мне с гамбургерами?

Ло кивает, и они отходят от нас, располагаясь возле костра.

Я подкрадываюсь к Лили, которая стоит, кусая ногти и наблюдая за вспышкой Роуз.

— Она в порядке? — спрашиваю я у сестры. Очевидно, что ответ "нет", но я не знаю, что еще сказать. — У нее ПМС или что-то в этом роде?

— Предполагаю, что так, — говорит Лили.

Я тянусь и беру ее за руку, чтобы Лил перестала грызть ногти, это одна из ее плохих привычек. Сестра слабо улыбается мне в ответ, и я отвечаю ей тем же.

Когда я оглядываюсь на Роуз, она больше не молотит Коннора руками и ногами.

Он указывает на меня, пока его губы продолжают быстро двигаться возле ее уха, и затем взгляд Роуз оставляет Лорена и фиксируется на мне, словно сестра только что осознала мое присутствие. Думаю, она собирается заплакать.

Я никогда прежде не видела плачущую Роуз.

Она быстро вытирает слезы и кивает, пока Коннор продолжает ей что-то говорить. Его напряженные мышцы начинают расслабляться, а затем он целует ее в лоб. Роуз передает ему свою сумочку, поправляет свое платье, приподнимает подбородок и спокойно подходит ко мне, словно ничего и не случилось. Словно она не пережила только что эпического срыва.

— Давайте пройдемся, — говорит она, — только мы трое. Мне нужно подышать воздухом, не загаженным Лореном Хейлом, — пока Роуз ожидает моего ответа, ее взгляд фокусируется на шраме. Обе сестры стараются не обращать внимания на мою щеку с тех пор, как мы встретились, они смотрят куда угодно, лишь бы не на мою травму. Роуз осознает, что глаза и пытается выдавить улыбку.

— Я знаю идеальное место, — говорю я, усмехаясь. До их приезда я успела осмотреть лес.

Через пять минут я веду Лили и Роуз через скалистую местность, заполненную поваленными деревьями и мокрым мхом, мы движемся в сторону маленького водопада. Луна и фонари освещают наш путь. Мы доходим до поляны, окруженной деревьями, возле озера земля переходит в скалу, водопад стекает в этот глубокий бассейн и затем переходит в крошечный ручей.

Я сажусь на выступ скалы и сбрасываю свою рубашку с длинными рукавами, в середине октября воздух уже довольно холодный.

— Ни за что, — говорит Лили. — Вода, должно быть, ледяная.

Роуз светит фонариком на мутную воду.

— Она коричневая.

— Она только кажется такой, потому что на улице темно, — настаиваю я.

Сестра осматривает поляну, направляя луч света от дерева до дерева, проверяя уединенность этого кусочка леса. По большому счету здесь довольно укромное место.

Лили колеблется, приседая и проверяя пальцем температуру воды.

— Давайте, — говорю я им. — Вы же не хотите заставить меня умолять вас? — я топорщу нижнюю губу и хлопаю ресницами. Если потребуется, я использую по полной свой козырь под названием "Я только что вышла из больницы". Нужно использовать его в собственных интересах, пока есть такая возможность.

— Мы полезем в озеро голышом, прям реально голые? — спрашивает Лили.

Роуз направляет фонарь ей в лицо.

— А разве есть разновидности наготы?

Рукой Лили заслоняет глаза от света и щурится.

— Ну, бывает частичная нагота и полная.

— Я собираюсь раздеться до полной наготы, — заявляю я, вставая и расстегивая пуговицу на своих джинсах. В секунду я снимаю лифчик и сбрасываю трусики.

Роуз выключает свой фонарь.

— Дэйзи, — она произносит мое имя почти сурово, пока Лили снимает свою шапку и начинает стягивать футболку. — Нам следует поговорить о том, что случилось в Париже, о твоей работе и беспорядках.

В ответ я веду себя незрело и использую возможность избежать этого разговора. Я просто прыгаю в озеро, ледяная вода сжимает мои легкие и окутывает чистой темнотой. Но мне еще не хочется плыть на поверхность.

Я знаю, что ждет меня там.

Чувства, которые я не испытывала до этого... не испытывала никогда. Я пыталась

принимать случившееся постепенно. Больница. Шрам. Моя мать. Увольнение. Окончание моей карьеры. Все просто смешалось в кучу. У меня не было времени это осмыслить. Все просто произошло, словно рухнувшая линия из домино, цепная реакция. У меня не было шанса сделать шаг в сторону и разглядеть разрозненные кусочки пазла.

Рик говорит, что мне нужно отпустить это все.

Закричать.

Но я только что видела истерику Роуз, и результатом этого было лишь беспокойство ее мужа, вина Ло и полезшие на лоб глаза Лили.

Зачем кричать, если это просто ранит всех вокруг вас?

Когда мои легкие начинают умолять о кислороде, я гребу на поверхность. Роуз стоит в черных трусиках и лифчике, глядя на воду с края скалы. Как только я выныриваю, она ругает меня.

— Я думала, ты утонула, — ее голос холоден. — Я собиралась прыгнуть за тобой.

— Так прыгай сейчас, — говорю я, ледяная вода щиплет мои руки и ноги, пока я плыву на спине. — Здесь так тепло.

Роуз прищуривает глаза.

— Ты дрожишь.

Лили уже полностью голая, и она реально медленно опускается в воду. Ее грудь сейчас намного больше моей. Я опускаю взгляд на своих девочек. Они что, сжались? *Черт.*

— Твоя грудь стала больше? — спрашиваю я у Лили. — Или это моя стала меньше?

Лили заливается румянцем, она все еще не привыкла говорить о сексе и прочей ерунде. Я никогда не была с ней по-настоящему близка, пока мы росли. За всеми женскими советами я ходила к Роуз.

— Гмм... — Лили прикасается к своей щеке. — Я покраснела?

— Да, — говорим ми с Роуз в один голос.

Лили смотрит на мою грудь, пока я плыву.

— Ух, твоя грудь и правда стала меньше. Ты кажешься такой тощей, Дэйзи, — она полностью ныряет в воду и шипит как настоящая кошка. — Холодно, холодно, — ее дыхание клубится в воздухе, когда Лили прижимается к теплой поверхности скалы, ища убежища. Уверена, прямо сейчас ей бы хотелось оказаться рядом с телом Ло.

А я могла бы использовать Рики Мэдоуза в роли своей подушки.

Эта мысль вызывает у меня улыбку.

Роуз прыгает в воду прямо в белье.

— Ебать, — выдыхает она, выныривая на поверхность. Ее обычно глянцевые волосы сейчас мокрыми прядями липнут к щекам. Ее зубы стучат, пока она плывет к Лили, а та в свою очередь оставляет скалу и движется навстречу.

— Иди сюда, время обнимашек, — говорит Лили.

Я смеюсь, глядя на то, как сестры держатся друг за дружку, пытаюсь согреться. Знаю, что они терпят этот холод ради меня, и я правда ценю это.

Роуз смотрит на меня, и ее взгляд снова останавливается на шраме.

Я замираю, просто болтаясь на воде.

— Ты волнуешься о том, что мама скажет? — первой спрашивает у меня Лили.

Я дрожу. Не уверена от холода ли.

— Я хочу двигаться дальше, не закливаясь на этом, и боюсь, что она сделает из этого происшествия просто супер проблему, которую я буду не в силах разрешить.

— Так скажи ей об этом, — говорит Роуз.

— Как? — спрашиваю я. — Она не хочет со мной разговаривать. Я звонила ей раз пять.

Роуз держится за Лили так, словно она — ее персональное теплое одеяло, от чего та чуть ли не ныряет под воду. Однако Лил удается удержаться над поверхностью воды подбородок и оттолкнуть старшую сестру локтем. Роуз сосредотачивается на мне или по крайней мере пытается это сделать.

— Она не очень хорошо воспринимает перемены, — говорит Роуз. — К тому времени, как ты приедешь домой, мама будет готова поговорить о твоих изменениях в карьере.

— А что если у меня нет хорошего запасного плана? — спрашиваю я.

— Тебе он может понадобиться, — честно отвечает Роуз. — Маме нравятся планы, и если у тебя есть только *"Я не знаю"*, она начнет заполнять за тебя резюме в колледж.

То есть чтобы избежать материнского контроля, мне нужно понять, что я хочу делать со своей жизнью. Это не должно быть сильно сложно, однако принятие подобного решения в 18 лет, звучит устрашающе.

Мне нужно по крайней мере еще лет пять.

Может десять.

Десятилетие звучит отлично. Десять лет подготовки к тому, что я буду делать в следующие пятьдесят лет. Как вообще люди в восемнадцать лет окончательно устаканивают свои мечты, выбирают будущую профессию прямо перед поступлением в колледж? Как можно *понять*, в чем ты хорош, и что ты любишь в столь юном возрасте?

Что, если ты никогда не найдешь себя?

Что, если проведешь жизнь так и не получив этих самых ответов?

Будущее вгоняет в депрессию.

Возможно, именно поэтому я и не думала о нем никогда раньше.

— Ты и Рик, — вдруг говорит Роуз, вырывая меня из меланхолического ступора. Возможно, она осознала, что разговоры о нашей маме угнетают. — Вы уже трахнулись?

Я изумленно смотрю на нее в ответ. Вау, моя сестра произнесла это, как нечто обыденное.

— Мы не вместе, так что... — это странно. Я говорила эти слова прежде, но сейчас они стали настоящей ложью.

Роуз закатывает глаза.

— Когда у вас случится секс, пожалуйста, убедись, что он предохраняется. Я бы поговорила с ним, но Коннор мне запретил. Он сказал, что это не мое дело, — насмехается она. — Ты *моя* сестра. Это что это — мое дело угрожать его яйцам и пенису.

Лили хмурится.

— Когда это Коннор стал тебе что-либо запрещать? — в отношениях Роуз и Коннора действует принцип равноправия. За исключением, вероятно, той части, что происходит в кровати. Боже, я отказываюсь вспоминать, как он доминировал над ней во время секса. Мне приходится сдерживать себя, чтобы не нырнуть под воду.

— Он пригрозил вернуть всю одежду от Hermes, которую купил мне в Париже, обратно в магазин, — она глубоко вдыхает. — Это было низко. Но я прошла через данное испытание.

— Верно, — говорю я, улыбаясь. — Ну, тебе не стоит волноваться. У меня нет секса с Риком.

Пока что.

В этот момент мне следовало бы открыться и рассказать сестрам о своем первом

оргазме, поделиться всеми деталями. Я говорила им раньше о своих проблемах в данном вопросе, так что было бы естественно рассказать о смене ситуации в лучшую сторону. Но я держу все в себе. Не просто потому что мне придется вовлечь Рика в свой рассказ, а потому что этот вопрос связан с кучей других, о которых я не могу им поведать.

Ночные страхи. Проблемы со сном.

Я больше не принимаю болеутоляющие, а это означает, что никакого вялотекущего сна мне больше не светит.

Сегодня ночью я приму Амбиен, таблетки, которые помогают от моей бессонницы, однако в замен дарят реалистичные страшные сны.

Я нервничаю, что могу закричать среди ночи, разбудить и беспокоить ребят. Как я объясню свое поведение?

Скажу: Я не могу спать по ночам, потому что думаю о мужчине, который пробрался в мою спальню и делал мои снимки. Думаю о папарацци, которые загнали меня в угол. Думаю обо всех друзьях, которые меня ненавидят, презирают и пугают. Я думаю о всех мужчинах, которые верят, что я пойду по стопам Лили. И это все из-за тебя, старшая сестренка. Ты — причина, из-за которой я не могу спать. Если бы не твоя сексуальная зависимость, я была бы свободна. Так чертовски свободна.

Ты ранишь меня.

Я не могу сказать эти слова.

Не сегодня.

Возможно, никогда.

Никто не упоминает о Рике, но через минуту Лили морщится.

— Оу. Не дави на нее, — говорит она Роуз.

— Я и не давлю, — возражает та. — Перестань тереться о скалу, — и потом взгляд Роуз обращается ко мне, и ее глаза медленно округляются.

— Что? — спрашиваю я. — Знаю, тебе не нравится моя стрижка, Роуз...

— Дело не в этом, — говорит она, смягчившись. — Лили, вылезай из воды.

— Что? — говорит она, и тут Лили следует за взглядом Роуз. — Ох... блин, — Лили указывает на мою шею, а потом разворачивается и взбирается на скалу. Как только она оказывается на суше, я вижу на спине Лили то, что вызвало у Роуз такую реакцию.

Пиявки.

Мы плавали в озере с пиявками.

РИК МЭДОУЗ

Я выпиваю залпом бутылку с водой, после того как заканчиваю есть гамбургер.

Ло бросает свою грязную бумажную тарелку в костер. Никто из нас не упоминает о том, как давно ушли девочки, но с каждой паузой в нашем разговоре эта невысказанная тема так и норовит всплыть. Мы едим без них, потому что никто не хочет есть холодную гребаную еду.

— Лили выглядит так, словно хорошо прибавила в весе, — говорю я Ло. Она всегда была реально костлявой, от природы тощая и долговязая, так что для нее дополнительный вес — это хорошо. Это значит, что она выздоравливает, не так поглощена своей сексуальной зависимостью.

— Ее грудь стала больше, — говорит Ло, делая глоток воды. Он поворачивает кепку, погружаясь в раздумья в сотый раз с тех пор, как мы начали туристический поход.

— Или это грудь Дэйзи стала меньше, — добавляю я.

Ло бросает на меня взгляд.

— Мне не следует на хрен этого даже произносить.

— Что? Мне не следовало смотреть на ее грудь? Не то, чтобы там было особо на что смотреть, — говорю я, и это чертова правда, но когда слова слетают с моих уст, я осознаю, как хреново они прозвучали. Мне не нужна девушка с большой грудью для того, чтобы ее полюбить или посчитать привлекательной. Все это неважно.

Коннор выгибает бровь, глядя на меня.

Ага, именно это он велел мне не делать. Охуенно.

Ло машет своим *пластиковым* ножом для масла в мою сторону.

— Сколько раз за последние два года, мне нужно напоминать тебе *не* говорить о ее груди? Серьезно? Это чертовски странно.

Сейчас я чувствую себя, словно дерьмо. Мне приходится напомнить себе, что Дэйзи моя девушка, но это чертовски сложно, когда Ло смотрит на меня, как на еще одного Джулиана.

— Ты первым заговорил о груди Лили. Я не сказал и слова о ней до тебя.

Коннор оборачивает фольгой тарелку с оставшимися гамбургерами.

— Ты используешь аргумент уровня детского сада, — говорит Коннор. — "*Он сделал это первым*" — отличная отмазка.

Клянусь, они любят на фиг выводить меня из себя — вероятно, потому что знаю, я не могу с этим справиться.

— Спасибо за высказанное мнение, Кобальт.

— Всегда пожалуйста, — говорит он. Затем проверяет свои часы и смотрит в сторону леса, куда ушли девочки. Прошло офигенно много времени. Я начинаю волноваться о Дэйзи. Не знаю, куда она повела Лили и Роуз, но зная ее, Дэйз запросто могла залезть на дерево и свалиться с ветки. Мое сердце уходит в пятки.

И тут Ло схватывается со стула, бросая свою бутылку с водой на место, где только что сидел.

— Я пойду поищу Лили, — он произносит долбаные невысказанные слова, и как по команде, мы все встаем, следуя за Ло паровозом. Мы можем оставить костер на несколько минут без риска распространения пламени.

Направляясь в том направлении, куда ушли девочки, мы слышим шум воды, и думаю, Дэйзи потянула сестер именно к пруду. Когда подходим ближе к ручью и водопаду, голоса раздаются эхом.

— Они высосут все питательные вещества из моего организма! — кричит Лили. И Ло бросается на звук ее голоса, его шаг переходит в бег.

— Стой неподвижно, — говорит спокойно Дэйзи.

Роуз вскрикивает, вздрагивая.

— Я убью каждую из этих отвратительных штук! — Коннор мчится на перегонки с Ло, а я остаюсь позади них, так как думаю, что с Дэйзи все в порядке.

Когда мы добираемся до поляны, Лили выглядит словно олененок, пойманный в свете фар.

Охуенно голый олененок.

Я пытаюсь не смотреть, но чертовы пиявки облепили ее живот и руки, а Дэйзи пытается схватить их и снять... и она тоже голая.

Впервые я вижу ее полностью обнаженной. За последний год. В канун нового года в доме Роуз в Принстоне у Дэйзи был такой лукавый взгляд и игривая улыбка. Потому, когда пошел обратный отсчет до полуночи, а ее пара, какой-то чертов парень модель Abercrombie, был готов ее поцеловать, Дэйзи увернулась от его рта и начала раздеваться, задом наперед двигаясь в сторону кухни и сбрасывая с себя всю одежду. Она сказала, что Новый год не может начаться хорошо, если хоть кто-то не бежит голышом.

Ее взгляд был направлен на меня.

А мой на нее.

И затем этот парень модель, с которым она была, перехватил ее и помог снять лифчик.

Я схватил его за плечо, действуя инстинктивно, выражая свое раздражение и гнев. Я не хотел, чтобы она путалась с этим чертовым парнем, похожим на заядлого члена студенческого братства, первоклассного уебана. Она закончила раздеваться, и я бросил беглый взгляд на ее тело до того, как Дэйзи побежала на улицу, смеясь от зимнего мороза. А потом ее молодой человек вывернулся из моего захвата, пронзительно крича мне прямо в лицо, а моя половинка на тот вечер была готова заколоть меня кинжалом, пока стояла в соседней комнате и крепко сжимала шампанское.

Я даже не могу выразить словами, сколько месяцев мы оба старались построить отношения с кем-то другим. Но увидеть Дэйзи сейчас голой в совсем других обстоятельствах воспринимается иначе. Моя забота о ней достигла своего гребаного апогея, максимума, наивысшей точки.

Брат как будто не видит ничего, кроме своей девушки. Он идет прямиком к ней, не глядя на других сестер.

Коннор уже возле Роуз, когда она неутомно пытается стянуть пиявку со своей лопатки, сперва отказываясь от его помощи; по итогу Дэйзи остается в стороне.

Или быть точнее, она предоставлена мне.

Я хватаю девушку за запястье и тяну в сторону деревьев, подальше от водопада, скал и ручья. Я тяну ее и располагаю так, чтобы закрыть своим телом от взглядов брата и Коннора. Если кому здесь и комфортно быть одетым лишь в свою кожу, так это Дэйзи Кэллоуэй. Единственный раз на моей памяти она сходила с ума по этому поводу, оказавшись голой во время показа мод, когда ее раздели перед совершенно посторонними людьми.

Тот чертов акт насилия возымел бы воздействие на кого угодно.

Даже не знаю, как сильно это травмировало ее. Возможно, не очень сильно.

— Разве они не просто сосут кровь, а потом надуваются и отпадают? — спрашивает Дэйзи, глядя на двух пиявок на ее руке и одну на шее. Кровь сочится из-под живота пиявки. Я смотрю на других девушек, и сейчас кажется, что они практически истекают кровью.

Коннор отвечает Дэйзи:

— На вас слишком много этих штук.

— Я же говорила тебе! — кричит Лили. — Они высосут все наши питательные вещества.

— Вообще-то нет, — говорит Коннор.

Ло сосредотачивается на спине Лили, на которой красуются пять чертовых пиявок.

— Сколько заразных болезней они переносят?

Клянусь, черт побери, всеми святыми, что Лили сейчас заорет от страха, словно раненное животное.

Роуз начинает сильнее передергивать.

— Сними их, Ричард!

Он крепко сжимает ее плечо, так что ей приходится сдаться и позволить Коннору убрать пиявок с ее спины.

— Пиявки могут использоваться в медицинских целях. Подумай, Роуз, — говорит он ей. — Ты знаешь об этом.

Она вдыхает через нос.

Чтобы успокоить остальных, Коннор добавляет:

— Девочки в порядке.

— Мы должны сжечь их где-нибудь вдали от лагеря? — спрашивает Ло.

— Нет, если пиявку поранить, то содержимое ее желудка взорвется.

— Фу, как противно, — говорит Дэйзи, аккуратно пытаясь снять одну из пиявок у себя с живота. Она медленно начинает отделять ее от кожи, но тут же останавливается, так как пиявка не хочет так просто отсоединиться, она крепко присосалась к плоти девушки.

Я быстро разглядываю ее тело, мой взгляд опускается на спину Дэйзи. Две пиявки прилипли к ее лопаткам, одна на пояснице, ни одной на попе, но еще одна на голени. Мой живот скручивает, потому что я понимаю, Дэйзи будет неприятно, эти штуки и правда больно снимать.

— Я сниму их быстро, как гребаный пластырь, ладно?

Она кивает пару раз, не собираясь жаловаться. Я начинаю с той, что на голени девушки, присаживаюсь, и Дэйзи хватается за мои волосы, пока я одним резким движением срываю пиявку. Место укуса сочится кровью. Чертов Христос. Я бы хотел захватить с собой бутылку с водой, чтобы сразу промыть рану.

Но вместо этого отрываю еще две штуки с живота и рук Дэйзи.

В уголках ее глаз выступают слезы.

— Прости, — извиняется она, вытирая глаза.

Я пиздец, как ненавижу, когда она извиняется за свои чувства — за те глупые чертовы вещи, которые не требуют извинений. Я встаю и целую ее в висок, зная, что брат сосредоточен на благополучии своей собственной девушки. Затем придерживаю ее затылок и шепчу на ухо.

— Ты можешь плакать, если тебе больно, сладкая. Это не превратит тебя в маленькую девочку.

Она медленно выдыхает. А ее руки напрягаются, обнимая меня. Ее голова опускается на мою грудь, а я тянусь к трем последним пиявкам на ее спине. Дэйзи вздрагивает, на сей раз кровоточит лишь один укус. Я глажу ее по голове, перед тем как снять свою серую рубашку с длинными рукавами. Холод пронизывает мою голую грудь, и я осознаю, как должно быть замерзла Дэйзи. Натягиваю ткань через ее голову, и рубашка достигает девушке до бедер, немного пропитываясь кровью.

Затем я растираю ее руки, стараясь быстрее согреть тело Дэйзи.

— Мы обработаем и забинтуем эти ранки в лагере, — говорю я ей.

Она кивает и оглядывается на Ло, проверяя, смотрит ли он на нас.

Да пошло оно все.

Я поднимаю ее на руки, прижимая к себе. Она улыбается, несмотря на высохшие в уголках глаз слезы.

— Встретимся в лагере, — говорю я ребятам.

Ло бросает на меня один взгляд, очевидно замечая Дэйзи в моих руках. Это не первый раз за сегодня, когда я прижимаю ее к себе. И конечно, он не станет последним. Я уверенно смотрю на брата в ответ.

Я не сделал ничего плохого.

Просто помог кому-то, когда люблю — так же, как и сам Ло позаботился о Лили, а Коннор о Роуз. Я устал до чертиков совершать правильные поступки для неправильной девушки. Ответ уровня детского сада всплывает в моем уме.

Это. Нафиг. *Не*. Справедливо.

И тут Ло делает нечто удивительное. Он кивает мне, словно одобряет мой поступок — не совсем, конечно, но почти. Он указывает в сторону нашего лагеря.

— Идите.

И я иду.

С Дэйзи на руках.

Как и много раз до этого.

Возможно, именно поэтому моему брату так чертовски сложно принять эту ситуацию. Когда все объединяются в пары, я становлюсь единственным вариантом для Дэйзи. Нет никого, кроме меня.

Вот так это все и началось.

Но если подумать о Джулиане. И обо всех долбаных парнях, с которыми она встречалась. О всех женщинах, с которыми встречался я.

Уверен, все должно было бы закончиться совсем иначе.

Глядя на все обстоятельства, для нас с Дэйзи нет будущего.

Но мы решили по-другому, потому что все остальное ощущалось неправильно.

Ничто не казалось достаточно хорошим.

Наше счастье всегда было друг с другом.

РИК МЭДОУЗ

Мы помогли девочкам промыть мылом раны и затем заклеили их и забинтовали. Сейчас они оделись в толстовки и мешковатые штаны и уселись группкой вокруг костра. Лили сидит у Ло на коленях, ее голова покоится на его груди. Время от времени ее настигает дремота, но далекий вой со стороны леса и шуршание деревьев возвращают девушку к бодрствованию.

— Что это было? — спрашивает она, широко открыв глаза и оглядываясь через плечо.

— Большой злой волк, — шутит Дэйзи, ее ноги закинута на мои колени. До того как мы были парой, она сделала бы так в шутку, но я бы не стал прикасаться к ней в ответ. Так что и сейчас я не могу расположить руку на ее голених или притянуть девушку ближе. Потому моя рука просто лежит на спинке ее раскладного стула, пока я наблюдаю, как она нанизывает зефир на палку.

— О, постой, — ахает Дэйзи, — он прямо здесь, — она наклоняет голову в мою сторону.

Я приподнимаю брови, глядя на нее в ответ. Чувствую на себе взгляд брата и не уверен, что творится сейчас в его голове. Его выражение лица нечитаемое почти всю ночь.

Дэйзи наклоняется вперед и облизывает липкий зефир со своего пальца. Мое возбуждение нарастает, а ее движения захватывают все внимание. Глаза девушки фокусируются на мне, когда она говорит:

— Большой злой волк, ты меня съешь?

Ну ты и грязная девчонка, Кэллоуэй. Мой взгляд следует к линии ее рта.

— Еще до того, как ты успеешь на фиг закричать.

Уголки ее губ приподнимаются.

— Она мертва, Роуз, — говорит Коннор. Его голос привлекает наши взгляды к ребятам. Роуз согнулась на стуле возле Коннора, он держит руку на ее бедре, а их пальцы переплетены. В другой ее руке — палка, на конце которой пиявка, Роуз жарит ее на костре, а в ее желто-зеленых глазах мерцает смертоносная жестокость.

— Еще не достаточно, — отвечает она. — Эта маленькая сучка забрала у меня кровь.

— О, правда, а я-то думал, ты жарить ее на десерт, — шутит Ло.

Роуз поднимает руку в его сторону, словно хочет сказать "замолчи". Она размазывает почерневшую пиявку по бревну, несколько раз тыкая в нее палкой.

Ло оглядывается на нас, будто хочет спросить "что за нах?" Он кивает Коннору, который попивает газировку Физзли, усмехаясь. Кажись, парень считает свою жену забавной — даже если она на половину безумна.

— Как ты не боишься кусать ее в постели? — спрашивает Ло. — Если ты выпьешь каплю ее крови, она схватит кочергу?

— Я не пиявка, — отвечает Коннор легкомысленно.

Роуз бросает палку в огонь и вытирает руки влажными салфетками. Затем она тянется к сумке с продуктами, что стоит рядом.

— Итак, я купила это по пути сюда, — она вытягивает стопку журналов со сплетнями. — Я хотела, чтобы все мы сожгли их вместе и очистились от плохой энергетики.

Коннор отвечает:

— Если нам не нужно ничего скандировать сразу после сожжения, то я в деле.

Роуз встает, пытаясь скрыть улыбку, но я ее все же замечаю. Она чертовки любит своего мужа, споры с ним и всякое такое.

— Я бы предпочла, чтобы ты воздержался. Твой пессимизм уже поставил наш прогресс под вопрос.

— Реализм и пессимизм — две очень разные вещи, но я с удовольствием могу объяснить тебе разницу.

Она прикрывает рот рукой.

— Спасибо за то, что дал нам определение высокомерия. Все остальные определения можешь оставить при себе, — она разворачивается, опуская руку ото рта. — Так на чем мы закончили? — Роуз начинает передавать журналы, а взгляд Коннора опускается к ее заднице. Даже несмотря на то, что он считает себя лучше любого рогатого ублюдка, Кобальт все еще чертов парень. В данном случае.

Лили подносит зефир к огню, и пламя окружает его почти немедленно. Она вскрикивает и машет палкой, словно хочет его погасить.

Я качаю головой.

— Ты еще брось ее в лес, черт побери, успокойся, — последнее, что нам нужно, так это лесной пожар.

— Он не гаснет! — защищается она. — Угасай же, зефирчик! Гасни! — она еще яростнее машет палкой и дует на зефир, но по большому счету это не помогает. И тут Ло выглядывает из-за ее спины и с легкостью сдувает пламя, оставляя Лили с обгоревшим зефиром.

Дейзи ехидно улыбается.

— Вау, кто бы подумал — Ло сосет лучше Лили. (*blow* — может быть переведено как “дуть” или же как “сосать”)

Я тру губы, стараясь не улыбнуться. Все остальные, кажется, немного сконфужены этим заявлением — и лишь потому, что оно исходило от Дэйзи. Если бы я сказал такое, все было бы в порядке вещей. Если бы подобное сказал Лили — все на хрен засмеялись бы.

Ло бросает на меня сердитый взгляд.

Я раскидываю руки в стороны.

— Не я спорил эту херню.

— Ты оказываешь скверное влияние.

Дэйзи ведет себя как ни в чем не бывало, но ее взгляд сканирует линию леса. Каждый раз, когда она пытается быть ближе к нам хотя бы на шаг, кто-то из ребят выталкивает ее из этого круга. Думаю, неумышленно. Но именно так и происходит, независимо ни от чего.

— Это была гребаная шутка, — говорю я Ло. Он собирается открыть рот, прожевать меня и выплюнуть обратно. И я мысленно начинаю надевать свои доспехи, чтобы выдержать его нападение.

Но тут Роуз щелкает пальцами, перебивая Ло и возвращая внимание всех к себе. Ее взгляд быстро встречается с моим. И я знаю, что она сделала это в моих интересах. Я благодарен ей, однако не показываю этого.

— Мы собираемся очищаться от плохой энергетики, а не создавать ее, — она роняет журнал на мои колени. — Вот, ты можешь сжечь этот.

Я читаю заголовок: *Рик Мэдоуз продолжает играть в игры*. На обложке фото Дэйзи, переброшенной через мое плечо, рядом с пабом в Париже, моя рука на ее попке. Но я не

могу не обратить внимание на ее улыбку на этом снимке. Камера уловила момент, когда она как раз смеялась.

Дэйзи великолепна. И она моя.

Я не хочу сжигать это фото. Я хочу поставить в рамочку это счастье и смотреть на него каждое утро и каждый вечер до конца своих дней.

Но в заголовке несомненно есть некая примесь позора.

Они думают, что мы флиртуем. Это так и есть. Однако, СМИ считают, что я с чертовой Лили. Думают, я игрок. Что я встречаюсь с обеими девочками Кэллоуэй. А это просто хренов абсурд.

Моя челюсть сжимается, и я не трачу еще больше времени даром. Швыряю журнал в огонь.

— Тебе следовало подождать! — орет на меня Роуз. — Мы должны сделать это все вместе, — она хлопает по моей руке другим свернутым журналом, а затем бросает его в меня.

— Христа ради, ты сегодня пиздец какая напряженная.

— Поговорим, когда червяк присосется к твоей заднице и выпьет всю кровь, — отвечает она, проходя мимо меня к Ло и Лили. Я читаю заголовок нового таблоида: *Сара Хейл воюет со своей семьей.*

Охуеть какая фантастика.

Дэйзи сворачивает свой журнал, пряча заголовок.

— Итак, внимание, все, — говорит Роуз, садясь на свой стул и скрещивая ноги в лодыжках. Коннор остался единственный без журнала. Роуз решила придерживаться своего решения и отказалась дать ему таблоид. — Возьмите свои журналы и прочтите что-нибудь, что вы считаете особо оскорбительным, а затем бросьте его в огонь.

— И что, по-твоему чертовому предположению, должно случиться в результате? — спрашиваю я.

— Изгнание злых духов, — говорит Ло, потягивая свою газировку и одновременно притягивая Лили за талию. Она снова прислоняется к его груди. — Жаль, что это не вылечит обсессивно-компульсивное расстройство Роуз.

Она бросает на него испепеляющий взгляд, в ее глазах пылает огонь.

— Жаль, что это не излечит твой алкоголизм, Лорен.

Он поднимает банку со своей газировкой.

— Смотри, уже работает. Ты практически лицензированная ведьма... черт, я хотел сказать — сука, — он щелкает пальцами. С таким же успехом Ло мог сказать *ох, спорол чушь.*

Роуз открывает рот, собираясь спорить с ним, но Коннор ее перебивает.

— Все это очень весело, но чем больше мы говорим о ведьмах и духах, тем тупее я становлюсь. Так что прошу, во имя всего человечества, заткнитесь.

Я качаю головой, в то время как Ло усмехается, находя его слова смешными.

Роуз возражает своему мужу почти немедленно:

— Ты правда думаешь, твой разум в силах помочь *всему* человечеству? Ты владеешь бизнесом, связанным с бриллиантами.

— И выделяю огромный процент от прибыли на благотворительность и исследования, дорогая.

Они начинают перебранку, и Дэйзи наклоняется ближе ко мне. Она складывает лебедя

из салфетки, глядя на меня чаще обычного.

— Хочешь узнать секрет? — шепчет Дэйзи.

— Конечно, — отвечаю я, а моя рука снова тянется к спинке ее стула.

Дэйз улыбается и говорит:

— Ты — мое любимое слово из трех букв, — смелый взгляд ее зеленых глаз порхает к моему лицу.

С ее уст заезженные и сентиментальные фразы пикапа звучат, как самые сексуальные слова, которые мне доводилось слышать.

— То есть слово *трах* ничего для тебя не значит? — спрашиваю я, напрягаясь.

— Ты сделал меня нечувствительной к непристойным словам. Так что это слово имеет на меня столь же сильное воздействие, как и слово *нога*.

Я наклоняюсь к ее уху и говорю тише.

— Ты изменишь свое мнение, когда я наконец-то трахну тебя.

Яркая улыбка расплзается по ее лицу, и от этого моя потребность становится еще больше. Я хочу, чтобы она оказалась в моих долбанных руках. Хочу поцеловать ее так сильно, чтобы в наших легких иссяк кислород, чтобы мы задыхались от бешеного, неудержимого удовольствия.

Однажды, так и будет.

Просто не прямо сейчас.

— Я пойду, — объявляет Лили, перебивая ссору Коннора и Роуз. Она встает, держа в руках свой журнал. — Гм... итак, в этом таблоиде есть фото, которое реально меня огорчает, — она перелистывает пару страниц, а затем кивает. — Ага, я покупаю презервативы, а они подписали это "*Лили снова потеряла самоконтроль.*"

Роуз хлопает в ладоши, радуясь добровольному участнику ее шоу.

— Ладно, а сейчас бросай его в огонь.

Лили роняет журнал в костер. Он падает на бревна и быстро загорается.

Коннор встает следующим и хватает первый журнал из стопки Роуз.

— О, так сейчас ты веришь в это? — спрашивает Роуз.

— Я верю в тебя, — отвечает Коннор. — А не в твои суеверия, — он открывает журнал. — *Секс-видео Коннора Кобальта принесло правообладателям более двадцати миллионов долларов, включая налоги. Что делает Скотта ван Райта одним из самых богатых порно-дистрибьюторов мира,* — Скотт ван Райт — причина, по которой секс-видео Роуз и Коннора всплывает каждые несколько месяцев. Он облапошил их по полной. После того, как Коннор забросил судебный процесс и воспользовался публичностью для раскрутки фэшн бизнеса Роуз и своего собственного, я лично предлагал им выбить дерьмо со Скотта. Но Коннор сказал, что он не хочет видеть меня в тюрьме — даже несмотря на привлекательность данного предложения.

Надеюсь, однажды этот сучий сын получит по заслугам.

Коннор бросает журнал в огонь, ненависть так и плещется в его голубых глазах.

Роуз подходит к костру следующей.

— *Роуз Кобальт сучка,* — она кивает и бросает свой таблоид.

— И все? — спрашивает Ло, когда она садится на место. — Это все, что ты хочешь оспорить?

— Это — обидные слова, — отвечает Роуз.

— Я называю тебя суккой по пять раз ко дню, и ты не выкальываешь мне глаз, —

напоминает ей Ло. А затем он вспоминает ее вспышку сегодня вечером и поправляет себя. — Ну, обычно не выкалываешь.

— Данное слово от тебя не задевает меня, — отвечает она. — А это написали в *Vogue*, — она прикасается к груди. — Я проплакала два дня, после того как прочитала это.

— *Vogue* — ее Библия, — вставляет Лили.

— Это значит, что я для тебя как святая? — спрашивает Лили, улыбаясь. Ее фото были в *Vogue* несколько месяцев назад. На обложке гребаного журнала.

— Ты была бы более похожа на святую, если бы сейчас приняла участие в нашем очищении, — говорит Роуз.

Дэйзи светится и встает с парусинового кресла.

— *Дэйзи Кэллоуэй — "малышка Кэллоуэй"*, — читает она, а затем добавляет цитату, — *была замечена с другой моделью мужчиной на показе коллекции от Gucci. Близкие к ней источники подтвердили, что видели ее с этим молодым человеком ранее. Это уже третий парень Дэйзи за этот месяц. Можно ли посчитать это явным признаком того, что Дэйзи пошла по стопам Лили? Время покажет*, — она швыряет журнал, и он летит в огонь словно фризби.

От зачитанных ею слов черты моего лица становятся суровее. Показ Gucci был месяц назад, и даже при том, что я знаю, что Дэйзи не могла быть с теми парнями — мы спали в одной постели каждую ночь — обвинения расстраивают меня. Роуз хочет изгнать плохую энергетику, но именно по этой причине я не читаю эти таблоиды.

— Ты следующий, — говорит мне Дэйзи. Она пытается пнуть мой стул ногой, но у нее не хватает силы, чтобы опрокинуть его. Я не поднимаюсь. Просто опускаю взгляд на журнал в своих руках после того, как нахожу главную статью номера.

— *Рик Мэдоуз снова подрался с фотографом*. И здесь размещено фото меня, орущего на какого-то оператора, — я лениво бросаю журнал в огонь и откидываюсь на спинку кресла.

— Ты почувствовал себя иначе? — спрашивает Дэйзи, плюхаясь на свое кресло.

— Неа.

Дэйзи ахает и бросает взгляд на Роуз.

— Это не сработало для него. Мы можем произнести заклинание, чтобы защитить Рика ото зла?

Роуз закатывает глаза, а потом смотрит на моего брата.

— Лорен, прошу.

Он нехотя встает, но только потому, что Лили слезает с его коленей и физически вытаскивает парня с кресла. Когда его взгляд обращается к журналу, я вижу, как меняется его выражение. Его черты становятся более четкими, холодными.

— *Другой источник подтверждает сплетни о домогательствах. Джонатан Хейл и Лорен Хейл продолжают это отрицать. Старший сын Джонатана все еще не предоставил комментарии*.

Никто не произносит и слова. Волнительное напряжение искрится в воздухе. Я жду, что Ло бросит журнал в огонь, или начнет обвинять меня, или и то и другое. Но его взгляд остается прикованным к таблоиду, а брови хмурятся, пока парень продолжает молчать. В конце концов он качает головой.

— Что там? — спрашивает Коннор.

— *Физиотерапевт по вопросам сексуальной зависимости дал интервью*, — читает Лорен, — *и подтвердил, что чаще всего секс-зависимые люди подвергались сексуальному*

насилию. У нас есть подтверждение, что... — он трет свои губы, пытаясь скрыть эмоции, пока молча продолжает читать. Затем Ло качает головой. — У нас есть подтверждение, что Лили Кэллоуэй проводила много времени с Хейлами. Это наталкивает на подозрения, что Джонатан Хейл мог стать причиной ее травмы и повлиять на дальнейшую зависимость.

Они намекают, что Джонатан надругался и над Лили.

Я не могу видеть, как все это происходит. Я качаю головой, так же неистово, как и Ло. Мой отец может быть и хренов плохой парень, но он не сделал бы этого с Лили, дочерью его лучшего друга. Это что-то немыслимое.

И если бы Ло увидел, что произошло нечто подобное, он бы перевернул все вверх дном и не оставил бы это как есть. Он бы слетел с катушек. Он бы, вне гребанных сомнений, убил нашего отца.

— Что? — говорит Лили, зевая. — Ло, такого никогда не было.

Ло оглядывается на нее, и в его глазах появляется нежность.

— Знаю, Лил, — он даже не колеблется. Не спрашивает ее, не размышляет на данную тему. Между ними царит абсолютная верность друг другу. Но это не рушит ту боль, что ребята разделяют. Они оба были вынуждены пройти через плохие времена.

— Выбрось его, — говорит Роуз тихо.

И он бросает. А я наблюдаю за тем, как горит бумага вместе с моими мыслями.

Я больше не знаю, во что и кому верить.

Все стало тьмой.

РИК МЭДОУЗ

Я наедине с Дэйзи. В палатке.

— Я не удивлена, — шепчет она. Я прикрепил фонарь к верхушке палатки, рассчитанной на троих, и теперь он служит нам подобно лампе. Я могу видеть всю ее, пока Дэйзи сидит, скрестив ноги. Лежа на спине, я наблюдаю за тем, как она собирает свои волосы в пучок. — Роуз думала, что тени — это жуки, и она буквально взобралась на голову Лили, испытывая нереальное отвращение, — Дэйзи улыбается, вспоминая об этом. — Она никогда не была в лагере.

— Правда? Я на хрен не заметил этого, — говорю я. Роуз первой покинула девчачью палатку. Она расстегнула ту, в которой был я, сжимая в своей руке топор, словно была готова поубивать всех нас. Думаю, в тот миг данная мысль реально пронеслась у моего брата в голове.

Но Коннор потянулся к Роуз, и она растаяла, словно дикая кошка, превратившаяся в нежного маленького котенка. Прежде чем я ушел, Коннор уже обнимал ее, а она казалась довольной. Следующей показалась Лили, слишком напуганная остаться наедине с Дэйзи в палатке только для девочек. По словам Ло, Роуз могла отпугнуть даже антилопу-гну и без Лили, так что та решила найти утешение в компании своего парня.

В результате Дэйзи осталась одна.

Что и предоставило мне весомое основание спать в ее палатке. Никто из ребят по-настоящему не хотел, чтобы она была одна по среди леса. Даже мой брат.

— Ложись, — говорю я Дэйзи. Могу сказать, у нее все еще есть проблемы со сном. Сегодня ночью Дэйз не хочет принимать Амбиен, а я не могу снова заставлять ее. Побочные эффекты стали слишком интенсивны. Так что нужно как-то иначе бороться с ее бессонницей.

Вместо того чтобы лечь, она садится на меня верхом. На ней надеты мои спортивные шорты, слишком широкие для ее худых ног. Но я чертовски люблю, когда она носит мою одежду.

— Я не могу спать, — говорит Дэйзи.

— Сейчас два часа ночи, — шепчу я, садясь ровно. В данном положении я выше нее. Находясь так близко к ней, моя грудь оказывается в дюйме от ее, атмосфера между нами наэлектризовывается, а мои мышцы напрягаются. — Ты когда-то представляла, как я трахаю тебя? — задаю я вопрос, поддавшись порыву любопытства. Мои пальцы скользят по ее голым бедрам, под мою футболку, которую Дэйзи надела к шортам.

Ее дыхание становится прерывистым, вероятно от того, что девушка задается вопросом, случится ли это *сегодня* ночью.

— Да.

— Когда? — подталкиваю я ее. Я стягиваю футболку с Дэйзи через голову, оставляя ее голой по пояс и замечая, как напрягаются ее соски. Они готовы для меня. Моментально я становлюсь охуенно твердым, и с ее уст срывается гортанный всхлип, когда Дэйзи ощущает мою длину под собой.

— Множество раз, — говорит она шепотом, и воздух между нами почти искрится. Дэйзи тянет мою рубашку вверх, желая, чтобы я был, как и она, обнажен. Я помогаю ей

снять с меня тонкую ткань, а затем она начинает водить пальчиками по контурам моего тату. — Когда была одна. Но обычно... — она делает паузу, а ее зеленые глаза порхают к моим. — Когда была с другими парнями. Я думала, это поможет.

Она думала обо мне, когда трахалась с другими мужчинами.

Не только мастурбируя, как я предполагал.

Я просто хочу трахнуть тебя еще сильнее.

Мое удивление трансформируется в сильнейшее возбуждение в штанах, отчего тело буквально льнет к ней. Я хватаю ее за затылок. И она повторяет мои движения, пока я целую ее крепко и настойчиво. Я думаю о каждой ночи, что провел в ее кровати. О сдержанности. Каждый раз я представлял Дэйзи под моим телом, то, как мои мышцы ограждают ее от всего и эту нереально офигенную власть. То, как погружаюсь в нее. Освобождаюсь. *Блядь*. Мне нужно оказаться внутри нее.

Наши губы, руки и тела соединяются так, словно между нами вот-вот взорвется бомба, нервы звенят, а легкие едва ли способны на хрен дышать.

Я грубо прикасаюсь к ней, а в ответ она дико извивается верхом на мне.

Наши ноги спутываются, а ее руки жадно исследуют мой пресс, в конце концов смыкаясь у меня за спиной и сжимая мою плоть, пока моя твердая длина вжимается в нее снизу. Дэйзи вскрикивает, когда я начинаю тереться о ее промежность. *Блядь...* Я хочу услышать крики Дэйзи снова, но вместо этого мне нужно приглушить ее звуки. Так что я накрываю ее рот ладонью и продолжаю раскачивать бедрами под ней, отчего мой член начинает пульсировать. *Толкаясь напротив ее киски.*

Но еще не в ней.

Дэйзи бормочет мне в руку, пытаюсь что-то сказать, пока я стягиваю с нее свои шорты. Убирая руку, я спускаю свои боксеры.

— Погрузись в меня, — шепчет она, ее губы припухли от поцелуев, а дыхание прерывистое. Фонарь раскачивается над нами. Вероятно, мы ударили по нему, но сейчас никто из нас не собирается его погасить. Я хочу видеть всю ее, каждую реакцию на мое прикосновение, каждый кусочек ее тела.

Вместо того, чтобы немедленно удовлетворить ее просьбу, я стягиваю с девушки трусики и футболку. Мы снова целуемся, просто выражая свои столь сильные чувства. Она раскачивается напротив меня, и в ответ я толкаюсь к ней бедрами. Дэйз снова вскрикивает, и я хватаю ее за волосы.

Она ложится на спину, звуки ее рваного дыхания нарушают тишину. Ее взгляд приковывается к моему члену, и могу сказать, в этот момент она представляет, как каждый его дюйм погрузится в нее.

— Пожалуйста, — выдыхает она.

Я зарываю пальцы в ее волосы и затем крепко прижимаю свою большую ладонь к ее щеке. Подо мной она кажется такой хрупкой и маленькой. Даже если Дэйзи считает себя опытной, по сравнению со мной это не так. По крайней мере пока что. Я целую ее, одновременно с тем как опускаю вторую руку к ее клитору. Дэйзи приподнимает бедра навстречу моим пальцам, которые двигаются вверх-вниз, а затем по кругу.

Она извивается подо мной, впивая ногти мне в спину. И как только ее губы приоткрываются, я накрываю рукой ее рот так, что жаркое дыхание девушки греет мою ладонь.

А затем я рассматриваю ее от макушки до пят, люблюсь тем, как она раскрывается от

удовольствия, как спазм сводит ее ноги, как ее тело выгибается подо мной, как бедра приподнимаются в попытке получить наслаждение, которое я вот-вот ей дам. Наблюдать, как Дэйзи кончает, это словно смотреть, как человек открывает совершенно новый мир, впервые видит фейерверк, испытывает жар и трепет. Знание, что это я довел ее до такого состояния, вызывает во мне хренову жажду быть ближе, наполнить ее счастьем и собой.

Пальчики ее ног поджимаются, а пальцы на руках с силой впиваются в мою спину, Дэйзи откидывает голову, но моя рука все еще прижимается к ее лицу, сдерживая стоны.

Я сажусь и позволяю ей перевести дыхание, которое сейчас безумно неровное и прерывистое.

Девушка наблюдает за мной, но мои полные тьмы глаза не говорят ничего, кроме "я хочу тебя. Ты охренительно красива". Дэйзи быстро вторит мне, садясь и шире разводя передо мной свои колени.

Она начинает опускать голову к моему члену, но я перехватываю ее за подбородок и целую. Все мои действия импульсивны, они соответствуют тому, что чувствую прямо сейчас. Потому мои пальцы естественно проскальзывают в ее киску. Моя девочка такая чертовски влажная. Через пару минут ласк она достигает кульминации, а я вынимаю пальцы и сжимаю ими основание своего члена.

Дэйзи резко вдыхает, осознавая, что сейчас произойдет. Она медленно пододвигается ближе ко мне, держа меня за затылок обеими руками и прижимаясь лбом к моей груди. Ей нравится все видеть, и я с радостью предоставляю ей такую возможность.

Убирая волосы ей за уши, я шепчу:

— Готова получить меня всего, Дэйз?

Ее ответ — поглаживание моих волос на затылке. Я улыбаюсь и медленно скольжу внутрь нее. Ее киска сжимается вокруг меня, и мой рот невольно приоткрывается. Я испускаю гребаный стон, застревающий у меня в горле. Мои мышцы напрягаются до предела, и я придерживаю ее за затылок возле своей груди.

Не могу себе представить более интимный способ ощутить Дэйзи; с ней на коленях, пока я сижу, прижимая ее к своей груди — все это вызывает у меня зависимость от ее тела и души.

Ее половые губы припухли вокруг моей эрекции, а киска истекает соками и туго сжимается, я не предполагал, не ожидал, что она столь узкая. Несмотря на эти плавающие мои нервы ощущения, я остро осознаю, сколько она может забрать у меня. Дэйзи задыхается, стараясь вести себя тихо, а я останавливаюсь на полпути, не погружаясь в нее до конца.

— Рик, — восклицает она.

— Шшш, — успокаиваю я. Дэйзи раскачивает бедрами, пытаюсь погрузить меня в себя до основания. Моя рука отпускает ее голову и опускается к бедру. Усаживая ее ровнее, я толкаюсь глубже. *Блядь*. Мои веки закрываются, когда ее стеночки сжимаются вокруг меня, ошеломляя. А я ведь даже еще не начал в ней двигаться.

Пока она смотрит, как мой длинный член исчезает между ее ног, я сжимаю ее попку. Она дышит рывками, сдавленно и чертовски неровно, и когда Дэйз наконец запечатлеет этот образ, я наклоняю ее, укладывая на темно-зеленый спальник мешок.

Моя рука скользит от ее колена к бедру, когда начинаю медленно раскачиваться, глубоко толкаясь и растягивая каждое гребаное движение. Я хочу, чтобы каждое погружение в нее длилось вечно, это восхождение должно быть не быстрым и стремительным. Моя задница напрягается, когда толкаюсь вперед и целую ее, убирая со лба Дэйзи влажные

светлые пряди.

Сейчас я внутри девушки, которая умоляла об этом удовольствии в течение нескольких лет.

И наконец-то я дал его ей, показал, как хорош может быть чертов секс.

Гребаный господи, я хотел этого так охренительно долго.

— Рик, — говорит она. Так громко, что я снова вынужден прижать ладонь к ее рту. Она приподнимает бедра вверх каждый раз, как я устремляюсь вниз, от чего создается дополнительное трение, а мой член проникает еще глубже, ослепляя меня бушующим адреналином. Я упираюсь на предплечье, опуская его рядом с ее головой и удерживая мое двухметровое тело, зависающее над ней.

Глаза Дэйзи прикованы к моим, пока я ускоряю свой темп. Ее бедра явно не успевают за мной. Потому Дэйз обхватывает ими меня за талию. Она достаточно гибкая, так что я забрасываю одну ее ногу себе на плечо, почти прижимаясь своей грудью к ее.

Она стонет в мою ладонь, а я сдерживаюсь чтобы не кончить прямо в это мгновение. Я держусь со всех сил, ворча и продолжая вколачиваться в нее. *Блядь.* Я не ощущаю ее дыхание, а веки Дэйзи начинают трепетать.

— Дыши через нос, — говорю я грубо, инстинктивно ускоряясь. Я не хочу, чтобы она на хрен отключилась.

Наконец Дэйзи выдыхает, и ее взгляд возвращается ко мне. На секунду я замедляюсь, но могу сказать, она близка к кульминации. Все ее тело напряжено подо мной; ее глаза вот-вот закатятся от экстаза. Быстрыми рывками я раскачиваюсь над ней, отчего тонкий слой пота покрывает мою кожу. *Блядь.*

Блядь.

Она такая тугая.

Я не могу замедлиться, даже если захотел бы.

Мои губы приоткрываются, прикасаясь к ее лбу, пока я перемещаюсь так, чтобы ее тело приподнялось напротив моего. Ее голова откидывается назад, а глаза закрываются. Ее стоны прорываются из-под моей руки, но они больше похожи на тихие крики, которые, вероятно, слышу только я. И они охуенно восхитительны.

Я бормочу проклятия, все еще сдерживая свой оргазм. Убирая руку, я подхватываю ее под мышки.

— Рик, — говорит она, ее мышцы немного расслабляются после этого оргазма. А затем взгляд Дэйзи опускается к моей эрекции, и она хмурится.

— Переведи дух на секундочку, сладкая, — я поворачиваю ее на коленях, спиной к своей груди, и снова с легкостью проскальзываю в нее членом. Она ахает, наблюдая, как я движусь внутри нее.

Я же посасываю ее шею, приподнимая свои бедра и снова глубоко погружаясь в нее, двигаясь в пульсирующем темпе. Моя руку ласкает ее грудь, а пальцы сжимают затвердевший сосок.

Дэйзи прислоняется ко мне спиной, тянется и сжимает мои волосы, позволяя, чтобы ее трахнули так, как она заслуживает. С должным вниманием и любовью. Минуты тянутся, и я знаю, что мог бы трахать ее несколько часов. Мог бы довести ее до стольких оргазмов, что девушка не могла бы даже открыть глаза, но я хочу, чтобы она оставалась в ясном уме. Так что когда ее киска снова сжимается вокруг моего члена, я фокусируюсь на теле Дэйзи в моих объятиях, на том, как глубоко нахожусь внутри нее, и на тех тихих звуках, что слетают с ее

уст.

Я с силой толкаюсь вверх и кончаю вместе с ней, видя вспышки белого света перед глазами и испытывая долбаное головокружение. Пару раз глубоко вдыхаю и только затем выскальзываю из нее. Я аккуратно укладываю Дэйзи на спальный мешок и ложусь рядом с ней; наши тела наконец расслабляются. Фонарь раскачивается над нами, словно маятник.

Ну, бля, наконец-то.

Ничто и никогда не сравнится с этим.

Она целует меня до того, как успеваю хоть слово сказать. Я улыбаюсь и отвечаю на поцелуй. А затем сжимаю ладонями ее лицо, а мои ноги словно притянутые магнитом, сплетаются с ее.

— Это было лучше, чем шоколад? — шепчу я.

Она дышит так, будто пробежала марафон, а не спринт.

— Ты из другой лиги.

Я скольжу пальцами по ее щеке.

— Ага? — улыбаюсь я. — Ты наконец нашла ту лигу, в которой должна играть, Дэйз.

— И мне в ней нравится, — шепчет она. — Это лига под названием "лучше шоколада", — она обнимает меня, и я прижимаю губы к ее голове. — Как долго, думаешь, это продлится? — ее голос становится серьезен, в нем слышны нотки страха. Сейчас, когда мы переспали, то можем потерять гораздо больше, если кто-то нас застукает.

— Так долго, как будем этого хотеть, — говорю я ей. — Я буду пиздец как бороться за тебя, Дэйз. Ты просто должна мне позволить, — она не может постоянно тревожиться о том, что заденет чьи-то чувства. В конце концов нам придется расстроить близких, но если они и правда нас любят, если желают нам счастья, то примут это.

— Даже со своим братом? — шепчет она, а ее глаза начинают смыкаться.

— Даже с ним, — выдыхаю я, наблюдая, как она засыпает. На долго ли, не знаю. Я сажусь и выключаю фонарь. А затем расстегиваю одну сторону палатки, ту, что выходит в сторону леса, и нас затапливает безмятежное лунное свечение. Я ложусь на спину, не закрывая глаз. Пока Дэйзи проваливается в мирный сон.

А я бодрствую и рассказываю ей о том, что у меня есть, когда я рядом с ней и как сильно хочу получить большее.

Однажды все может измениться.

Так что я продолжаю надеяться, что это однажды наконец-то настанет.

* * *

Проходит около часа, прежде чем она просыпается, не в состоянии больше спать. Дэйзи замечает, что я уже не сплю и перекачивается на меня верхом, снова начиная обводить мою татуировку, соприкасаясь своим пальчиком с темными чернилами под моей кожей. Снаружи палатки доносится слабое пение сверчков.

Палец Дэйзи доходит до выведенной чернилами цепи на моем боку, которая чуть выше обвивает ноги феникса.

— Я — якорь? — спрашивает она, скользя вдоль тату к моей талии.

Мой взгляд мрачнеет.

— Почему ты так думаешь?

— Ты никогда не говорил мне о значении этого тату, пока набивал ее.

Дэйзи была со мной почти каждый раз, когда я ездил к мастеру, набивая понемногу раз за разом. Она спросила всего пару раз о значении тату. Но получив от меня лишь сердитый взгляд, отстала. Я не думал, что Дэйзи сделала свои выводы. Не тогда и несомненно не сейчас.

— Я была для тебя бременем в последние пару лет, — конкретизирует она в ответ на мой мрачный взгляд. — Я просто подумала...

— Я сам гребаный якорь, — говорю я вдруг.

— Что? — ее брови хмурятся.

Знаю, теперь мне нужно дать ей полное пояснение. Пока я это делаю, то едва ли могу встретиться с ней взглядом.

— Когда мне было семнадцать, мой отец пришел на одно из моих соревнований по легкой атлетике. Он пытался следить за максимально возможным для него количеством соревнований, в которых я принимал участие.

Я смотрю на верхушку палатки, вспоминая летнюю жару в мае. Джонатана Хейла на трибуне, одетого в костюм и кивающего мне, когда наши взгляды встречались. Он улыбался. Искренне гордился мной.

— Моя мать тоже была там. Но она даже не смотрела в его сторону, — говорю я. — И когда одна дама наклонилась и спросила отца, из-за кого он был там, я услышал его ответ, — горьковатый вкус наполняет мой рот. — Он сказал "ради ребенка моего друга. Вон того парня." И указал в мою сторону.

Я помню, как показал ему средний палец, и та гордость испарилась с его глаз.

А меня это больше и не волновало.

Дэйзи кладет руки на мой живот.

— Что случилось? — спрашивает она, продолжая хмуриться.

— Я все еще должен был бежать, так что у меня осталось два долбанных варианта. Я мог достичь финишной линии или просто свалить оттуда. Но я решил оставить при себе уродливый след, и прямо когда набрал максимальную скорость на дорожке, то стал замедляться. И затем, я на хрен вообще остановился на половине пути, сделал пару глубоких вдохов и ушел, — даже от воспоминания об этом мое сердце бьется чаще. — Мой тренер оттянул меня в сторону и кое-что сказал... — я качаю головой. — Его слова оставались со мной в течение многих чертовых лет. Они изменили меня.

Я наконец-то встречаюсь с Дэйзи взглядом полным муки, ощущая боль, растекающуюся по моему телу и выкачивающую из воздуха почти весь кислород.

Я практически слышу голос тренера у своего уха, вижу, как он стоит на боковой линии, держа одну руку у меня на плече.

— Он сказал, что я могу стать кем-угодно и достичь чего-угодно, и никто кроме меня самого не может меня остановить, — я повторяю его слова. — Ты — свой собственный якорь, Рик. Когда ты проигрываешь, то ранишь себя больше, чем кого-либо другого. Хочешь ли ты продолжить разрушать себя или позволишь себе взойти на вершину?

Мой брат — не думаю, что у него был хоть кто-то, кто бы сказал ему подобное. Он просто продолжает проигрывать, терпеть неудачу за неудачей, пока не подвернется случай, дарящий ему надежду на успех.

Я тянусь к Дэйзи и заправляю локон ей за ухо.

— Так что я — якорь и феникс. Где-то в то же время своей жизни я научился бегать для самого себя. Я перестал выигрывать соревнования для своей чертовой матери и отца. Каждое

достижение, каждая положительная оценка были моими. Я начал воплощать свои мечты и перестал стремиться претворить в жизнь стремления моих предков.

Дэйзи улыбается, а в ее глазах стоят слезы.

— Это прекрасно, знаешь ли.

Я сажусь вместе с ней и целую девушку в щеку. Так здорово наконец поделиться этим с кем-то. Я никогда не думал, что это может быть столь важным, но сейчас вижу, что это дает мне.

— А как ты узнал, что любишь бегать и взбираться на горы? — спрашивает она у меня.

На секунду я задумываюсь. Если бы у меня забрали все мои трофеи и успех, стал бы я все равно бегать и заниматься скалолазанием? Мои губы приподнимаются, когда отвечаю.

— Когда ты находишь то, что любишь, то не можешь это просто бросить. Каждая неудача сильнее подталкивает тебя вперед. Это в твоей душе и в твоём гребаном сердце.

— А что если я никогда не найду то, что люблю?

— Ты должна попробовать несколько занятий, — говорю я, не волнуясь об этом так сильно, как, вероятно, волнуется сама Дэйзи. Ей всего восемнадцать. Она найдет свой путь. У нее есть время, даже несмотря на то, что ее мать делает все, чтобы казалось совсем иначе. — Мне повезло, — я целую ее в висок. — Попробуй поспать со мной, Дэйзи.

Она улыбается и открывает рот явно для того, чтобы отпустить какую-то хренову колкость.

— По-настоящему поспать, — говорю я, ложась вместе с ней обратно. Я притягиваю девушку к своей груди, оберегая ее.

А затем жду, пока она начнет дремать.

РИК МЭДОУЗ

Я расстегиваю молнию на палатке, проводя рукой по волосам и слушая стрекот птиц. Судя по всему сейчас еще рано. Вероятно, около шести утра, и Дэйзи уснула всего час назад. А я так и не закрыл глаза, совсем, хотя, если быть честным, мое тело не уставшее. Секс с Дэйзи дал мне такой выход адреналина, которого я никогда не получал. Я все еще чувствую этот кайф.

Выбравшись из палатки, я тут же нахожу Коннора и Роуз у костра, этим утром они оба одеты неподобающе для чертового похода. На нем — костюм, на ней — платье. И прямо сейчас они попивают кофе из бумажных стаканчиков из забегаловки Dunkin Donuts.

Я раскидываю руки.

— Вы — кучка хреновых жуликов.

Роуз отшатывается, словно я ударил ее кулаком в лицо.

— Мы никого не *обманывали*.

Я растягиваюсь на стуле напротив них.

— Вы не можете покупать кофе, пока мы в походе.

— Никогда не слышал об этом правиле, — говорит Коннор. Он делает глоток купленного в кафе кофе и напыщенно усмехается.

— Идя в поход, люди пьют растворимый кофе, предварительно вскипятив воду на костре и используя заварочные пакеты, — я качаю головой, глядя на них. — Сбежать в магазин в данном случае, сродни походу в туалет во время экзамена и поиску ответов на билет в телефоне.

Роуз прищуривает глаза, а затем делает огромный глоток своего кофе, не собираясь давать задний ход. Коннор смотрит на нее так, словно прямо здесь и сейчас может трахнуть жену, не раздумывая.

Не суть.

— Ты светишься, кстати, — говорит мне Коннор. Мне не нравится это понимающее выражение на его лице.

— А ты иди на хуй, Кобальт, — я пинаю ботинком сумку-холодильник.

Роуз бросает на меня свирепый взгляд своих чертовых желто-зеленых глаз.

— Ты использовал презерватив? — спрашивает она спокойным, но властным голосом, достаточно тихо, чтобы не разбудить моего брата.

На моем лице появляется суровое выражение. Они ни за что не слышали нас прошлой ночью, просто Коннор сложил два и два, и я не удивлен, что он пришел к правильному ответу. А значит он держит Роуз в курсе наших с Дэйзи отношений.

— А ты использовал, когда трахал ее впервые, а Коннор? — отвечаю я.

Щеки Роуз краснеют.

— Это не твое дело.

Я закатываю глаза.

— Тогда ладно, — мне больше нечего сказать. Я не собираюсь объяснять им, почему всегда использую презервативы с другими женщинами, но честно не вижу в этом потребности с Дэйзи. Наши отношения серьезные. Я доверяю ей. А она мне. Ебаный. Конец.

Я уж было собираюсь встать, но тут Роуз говорит то, что удерживает меня на месте.

— Будь осторожен с ней, Рик. Может она и опытная, но Дэйзи все еще *моя* сестра. Если ты ее ранишь, я лично отрежу твои яйца и повешу их на рождественской ели в этом году.

Внутренне я содрогаюсь.

— Я не собираюсь ее ранить, обещаю тебе, Роуз.

Она кивает.

— *Тогда* ладно, — повторяет она мои слова, и в ответ я почти что улыбаюсь.

— Я пойду соберу еще дров, — говорю я им.

Коннор следует за мной со своим стаканчиком кофе в руке.

— Я помогу.

— Чувствуешь вину за ваше жульничество? — спрашиваю я, направляясь в сторону леса.

— Нет, — говорит он, пока под его туфлями хрустят тонкие веточки и сухие листья. —

Я просто подумал, что тебе пригодится дополнительная пара рук.

Я жду колкую фразу в конце. Но ее нет, так что приподнимая брови, я спрашиваю:

— Никаких оскорблений и издевок? — странно, не услышать сейчас шутки о собаке.

Даже несмотря на постоянные издевки, Коннор всегда был мне другом, но как и большинство моих взаимоотношений с людьми, эти не были простыми. — Ты же не рассказал Роуз о проблемах со сном у Дэйзи? — я останавливаюсь почти в двадцати футах от начала леса, наш лагерь все еще виднеется позади.

— Я думал об этом, — признается Коннор, — но ты не предоставляешь мне всей информации, а я не люблю распространять неполную версию истины, — он ждет, пока я проговорюсь и расскажу ему что-то большее.

Этого не случится.

— Она поговорит со своими сестрами, — отвечаю я. — Ей просто нужно время.

— Самое великое оправдание человека, который пытается задержать неизбежное.

— Ты, бля, можешь не говорить так, словно проходишь пробы на роль Конфуция?

— *Человек, который совершил ошибку и не исправил ее, совершил еще одну ошибку*, — конечно же, он решает реально процитировать Конфуция. *Ебать*.

Я качаю головой.

— Ты такой пиздатый мудака.

Он даже и глазом не моргнет, данное оскорбление его не задевает. Возможно, потому что парень знает, это правда.

— Знаешь, мне никогда по-настоящему не нравился Конфуций. Я всегда думал, что его принципы были немного примитивны и очевидны.

— Очаровательно, — спокойно отвечаю я.

Но Кобальт непринужденно продолжает:

— Но есть одна его цитата, которую я реально ценю, — он смотрит на меня и его взгляд становится серьезным, без примеси притворства или веселья. — *Куда бы ты не шел, иди со всей душой*.

Не знаю, имеет ли он в виду наши с Дэйзи отношения. Но когда я слышу эти слова, она сразу же приходит мне на ум. После случившегося прошлой ночью, воспоминаний о прошлом, все, чего я хочу — идти вперед полным ходом. Не хочу притормаживать и делать паузы. Не хочу скрываться. Я хочу верить, что контролирую свою судьбу, что я — тот, кто выбирает, когда останавливаться, а когда стартовать.

Я хочу все то, что есть у моих друзей. Открыться перед окружающими. *По-настоящему*.

Я должен сказать Ло.

И от этого решения груз с моей груди словно поднимается.

А затем что-то шуршит в кустах в двадцати футах от нас. Я замечаю это уголком глаза. Движение, от которого тот самый груз наваливается на меня в десятикратном размере, обвивая цепью лодыжки.

— Коннор, — шепчу я, ощущая, как сжимается желудок. — На девять часов.

Он спокойно попивает свой кофе и поворачивает голову. Делая следующий глоток, он произносит:

— Я вижу два объектива.

Они нашли нас.

Провожу рукой по волосам. Я обещал брату свободу от этой хрени. И подвел его. А затем фотограф выглядывает из-за куста, показываясь в полный рост, и я встречаюсь с ним взглядом, тогда как все мое тело пылает от злости. Я уж было бросаюсь вперед, но Коннор хватает меня за руку и заставляет развернуться к нему.

— Ты не можешь снова пойти под суд, — говорит он.

Чертов оператор больше не заботится о том, чтобы снять наши "откровенные" фото, которые можно продать в таблоиды, вместо этого он достает видеокамеру.

— К черту их, — говорю я Коннору. — Их не должно быть здесь.

— Это общественная собственность, — говорит Коннор. — Он законно может находиться в этом лесу.

— Я сказал *не должно*. Как они узнали о том, где мы?

— Автофургон, — говорит оператор. — Я — друг двух ребят, которые разбили лагерь рядом с вами. Они позвонили мне прошлой ночью. Так что я прилетел этим утром.

Я качаю головой. Было бы большим совпадением, если бы папарацци не получали информацию подобным образом. Однако обычно у них есть чертовы друзья и связи.

— Охуенно фантастически, — восклицаю я. Я ошибся. Нам следовало остановиться в чертовом отеле. Мне не стоило пробовать это.

Я возвращаюсь в лагерь, собираясь упаковывать вещи. Роуз уже складывает стулья и выливает бутылку воды в костер.

Оператор следует за нами, словно тень, заходя в наш лагерь, будто мы дали ему на то разрешение, пригласили потусить с нами. О, постойте, мы же на хрен этого *не делали*.

— Сколько еще человек приехало с тобой? — спрашивает Коннор.

Парень просто улыбается, и тогда я слышу звук шин и стон моторов за холмом. А затем еще два фотографа выходят из-за кустов в дополнение к тем, что приехали только что на машине. *Ебать*.

— Рик, — кричит парень, его камера направлена на меня, когда я направляюсь к палатке Дэйзи. — Как тебе здесь спалось?

Прежде чем расстегнуть молнию на палатке, я поворачиваюсь, и оператор почти врзается мне в грудь. Он выравнивается, светя вспышкой мне в лицо. Мои кулаки сжимаются.

— На хуй отойди, — рычу я. — Ты пришел в *наш* лагерь и нарушил *наш* отпуск. Не делай вид, что это ради твоей ебаной работы.

— Мне разрешено...

— Тебе разрешено дышать, потому что я позволяю тебе это, — отвечаю я. — Отвали как минимум на десять футов, иначе твое лицо встретится с долбаной землей.

— Ты не можешь ко мне прикасаться.

Я приближаюсь к нему, и парень делает пару шагов назад.

— Думаешь, меня испугает несколько часов в тюрьме? На хуй, давай проверим это, рискни своей камерой за штуку баксов и этими гребаными снимками. Поверь, они исчезнут в одно мгновение.

Он остается стоять на месте.

Я так зол, что едва могу видеть происходящее передо мной. Открывая палатку Дэйзи, я засовываю голову внутрь, осторожно, чтобы не открыть вид оператору на девушку. Она устало зеваёт, не выспавшаяся и по-настоящему охуенно голая. Я заползаю в середину и застегиваю за собой палатку. Дэйз напрягается, замечая мой расстроенный вид.

— Мы уезжаем, — говорю я, хватая свою футболку, в которую она была одета. Быстро я натягиваю ее Дэйзи через голову.

— Что происходит?

— Папарацци.

— Ну вот, — она спешит, чтобы обратно надеть мои мешковатые шорты. Они спадают с ее талии, и я затягиваю шнурок потуже. — Каков план? — спрашивает она, пытаясь не выглядеть испуганной. Но она еще никому не рассказывала о порезе на лице, и уверен, Дэйзи предпочла бы рассказать об этом своей маме лично, а не чтобы та узнала сей факт из таблоидов.

— Я вынесу тебя, — говорю я ей. — На руках. Просто прижмись лицом к моей груди, ладно?

— Типа как Ло носит Лили на руках? — спрашивает она.

Я не осознавал до этого... но да, именно так мой брат носит Лили перед папарацци.

— Да, типа того.

— Сколько их там?

— Пиздец как много.

Она улыбается.

— Пиздец как много это сколько? Десять? Сто?

Я бросаю на нее взгляд.

— Что?

— Просто иди ко мне на руки, — я расprostираю их перед ней.

Дэйзи широко улыбается.

— Скажи это снова.

— Иди, черт возьми, ко мне на руки, Кэллоуэй.

Она ахает, смеясь.

— А я уж было думала, ты никогда не попросишь меня об этом.

Я не улыбаюсь, но мое напряжение немного спадает, а нервы успокаиваются. Вот, что она делает со мной — успокаивает. Дарит чувство, что это волнение не должно быть столь существенным или значимым.

Дэйзи подползает ко мне, и я беру ее на руки; ее ноги оборачиваются вокруг моей талии, а щека прижимается к груди. Пальцами я расчесываю ее спутанные волосы.

— Держись крепче, сладкая.

Я открываю палатку, и вспышки вокруг нас взрываются, словно неоновая бомба.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Мы разделились.

Я оказалась в черной двухдверной спортивной машине, на которой приехали Роуз и Лили, и сейчас вместе с Риком мы едем по шоссе. Роуз, Коннор, Лили и Ло заняли внедорожник. Папарацци тоже разделились. Кто-то последовал за нами, другие — за ребятами.

Рик избавился от трех преследующих нас фургонов всего за тридцать минут. Наша спортивная машина на ручной коробке передач, так что Рик резко переключал передачи и срезал на поворотах, ведя машину так, словно он хозяин дороги. Он не боялся врезаться по тормозам в последнюю минуту, ехать задним ходом или разогнаться до ста миль в час. Если бы мы только что не переспали, я бы посчитала это самой сексуальной и возбуждающей вещью, которую он со мной сделал.

Сейчас же шоссе кажется не таким захватывающим, а скорее умиротворяющим. И я благодарна за отсутствие хвоста и ошалевших папарацци.

Сотовый сигнал здесь немного нестабилен, но нам удалось составить план с другими ребятами, следуя которому, мы должны встретиться в Юте в Каньонлендс.

Я внимательно смотрю на Рика. Он уверенно смотрит на дорогу, но его рука напрягается, крепко сжимая руль. Сейчас мы наедине, по-настоящему, и от этого кажется, что основная часть стесняющих нас обстоятельств исчезла. Я люблю свободу и хочу ощущать ее во время всего этого путешествия.

— Прекрати, Дэйзи, — говорит Рик. — Это чертовски раздражает.

Я осознаю, что закрыла и открыла бардачок раз пятьдесят.

— Играй с гребаным окном.

— Так и делала, — говорю я, — пока оно не восстало против меня и не перестало открываться.

Держа одну руку на руле, Рик смотрит на меня.

— У тебя проблемы.

— Какое пронциательно правдивое утверждение, — говорю я, улыбаясь. — Поведай еще одно.

Он показывает мне средний палец и затем ерошит мои волосы.

Я смеюсь.

— Не могу ничего поделаться со своей неусидчивостью. Ехать в машине — скучно.

А я выпила пять энергетиков, чтобы побороть свое вялое состояние. Спасибо, бессонница. Я успела уже вытянуть шнурки со своих кроссовок и сплела браслеты. Сейчас, думаю, поиграть в Веревочку лентой для волос.

Взгляд Рика бросается ко мне, а затем он тянется и нажимает кнопку потолочного освещения. Люк с шумом открывается.

Я улыбаюсь, радуясь потоку воздуха и ветра. Я отстегиваю свой ремень и быстро целую его в щеку, а затем становлюсь на центральную консоль. Сперва меня обдувает порыв ветра, я делаю очень глубокий вдох, наполняя легкие кислородом. На дороге всего несколько авто. Мы едем по ровному участку без светофоров, и к тому же здесь редко встречаются копы.

Я поднимаю руки и закрываю глаза.

И лечу.

В этот момент я по-настоящему действительно счастлива.

Рик удерживает меня за лодыжку, но его рука скользит вверх по моей ноге. Ощущения трения нашей кожи и загадочность его дальнейших действий делают со мной что-то необычное, пускают мое сердце в пляс. Он ведь не станет...

Легкие движения Рика становятся более настойчивыми, а его пальцы в секунду находят пуговицу моих джинс, а затем он стягивает их вниз, действуя только одной рукой.

Святое дерьмо.

Он стягивает их по моим ногам, и мне приходится прижаться к крыше, чтобы удержать равновесие.

Благо Рик не поворачивает руль слишком резко.

Даже тогда, когда сдвигает в сторону мои трусики и погружает в меня свои пальцы, мгновенно заполняя мою киску. *О Боже. Этого не может быть на самом деле. Я выравниваюсь. По пояс мое тело торчит из внедорожника.*

Когда Рик начинает двигать пальцами, мое тело просыпается и оживает, испытывая удовольствие. Я тянусь одной рукой вниз и кладу ее поверх его руки, ощущая, насколько его пальцы больше моих собственных.

Он щелкает по моему чувствительному местечку, и я вскрикиваю, а мой голос разносится ветром. После того как перевожу дыхание, он начинает доводить меня до более высокого пика. Я хватаю его за запястье, желая, чтобы парень никогда не покидал это место между моих ног. *Дорогой господь, посылай мне Рика Мэдоуза по утрам, в полдень и ночью.*

А затем раздается гудок. Я едва могу повернуть голову из-за всех этих ошеломляющих ощущений. Мои губы приоткрываются, не в силах больше сомкнуться. Но мне все-таки удается заметить семейный фургон позади нас. Ну вот.

Я собираюсь забраться в машину, но как только нагибаю голову, Рик говорит:

— Стой, — должно быть, его не волнует, что посторонние могут заснять нас на свои телефоны, не то, чтобы им было видно слишком многое. Окна нашего авто тонированные. Рик упирается коленом в руль, фиксируя его, а свою вторую руку высовывает из окна, показывая ребятам средний палец.

Почему это так сексуально?

Внутри меня его пальцы движутся все быстрее, погружаясь глубже, скользя внутрь и наружу. *Аххх!* Я крепче хватаюсь за крышу.

Мой ум официально сдувает.

Его пальцы такие замечательные. Они огрубевшие и твердые, и мои колени почти сгибаются от этой ослепительной силы наслаждения. Я стону, наклоняясь над крышей, тогда как мои глаза слезятся от ветра.

Фургон снова сигналил нам. А затем перестраивается в другую полосу, двигаясь на одном уровне с нашей машиной. Мужчина в возрасте открывает пассажирское окно, возле сидения своей жены. И кричит:

— На дороге есть дети!

Рик орет в ответ:

— Они все равно на хрен узнают об этом рано или поздно. Возможно, хорошо — усвоить этот урок на примере лучших.

АХХХ!

Я распадаюсь на части. Не могу больше даже держать свое тело в вертикальном

положении. Рик вынимает пальцы, и я валюсь на свое сидение, тяжело дыша. Прижимаясь лбом к его плечу, я приоткрываю рот. Когда выглядываю в окно водителя, то вижу картину, которую так игнорирует Рик: жена этого мужчины покраснела, а сам он до чертиков зол.

Но меня это не волнует.

Случившееся было нереально круто.

Они снова сигналият.

Рик давит на газ и уносится, оставляя этих людей позади. Его пальцы блестят от влаги, и он вытирает их о внутреннюю сторону своей рубашки перед тем, как передает мне мои джинсы.

Когда я наконец восстанавливаю дыхание, то натягиваю свои штаны.

— Ты делал это раньше? — мне интересно. Кажется, он знал, что делал.

— Нет, это было впервые, — говорит он, пытаюсь сдержать улыбку. Однако свет в глазах выдает его настроение. Рику тоже это понравилось. Возможно, не так сильно, как и мне. Но несомненно он наслаждался этим.

— Твоя очередь, — говорю я, садясь на колени и собираясь сделать ему минет.

— Позже, — отвечает он. Рик поворачивает машину в сторону съезда с шоссе. — Мы на месте.

Где бы это *место* ни было.

РИК МЭДОУЗ

Мы не можем проехать на машине весь путь до Каньонлендс. Дэйзи слишком гиперактивна, к тому же у нее синдром дефицита внимания — а это сейчас насущная гребаная проблема, даже если мы о ней и шутим. Неважно, как сильно мне нравится трахать ее пальцами всю дорогу... пока она по пояс высунулась в люк. *Блядь*. Мой член презирает меня прямо сейчас. Следовало позволить ей отсосать мне, перед тем как отправиться в придорожный магазин.

Она делает отличный минет.

Но это казалось неправильным. А я обычно не делаю то, что моя внутренняя интуиция мне *запрещает*.

Пожимая руку менеджеру по продажам, я выхожу обратно на парковку. Надеваю солнечные очки, уберегая глаза от яркого дневного света. Так как ветер стал сильнее, я кутаюсь в свою кожаную куртку. Становится охуенно холодно. Но разве стоит ожидать иной погоды в середине октября?

Дэйзи выходит с заправочной станции возле дилерского представительства. Она ест брауни Little Debbie, правой рукой прижимая к себе пакет с покупками, а на ее лице красуются ярко-синие солнцезащитные очки в форме цветов, которые я раньше у нее видел. Они пластиковые и кажутся дешевыми, но на ней выглядят охренительно круто.

Дэйзи взмахивает рукой, замечая меня, и направляется в мою сторону.

— Скучал по мне? — спрашивает она.

— Я был на фиг опустошен.

— Глядя на тебя, именно так и кажется, — она кивает, а я подцепляю пальцем полиэтиленовый пакет и заглядываю внутрь. Краска для волос. Несколько разных цветов. Я замечаю розовый и пурпурный. Поднимаю на нее взгляд, и Дэйзи смотрит на меня немного обеспокоенно. Возможно, она считает, что мне не понравится, если она перекрасит волосы. Но меня на хрен не волнует подобное дерьмо.

Мне пофиг на цвет ее волос. Или кожи. Ее размер.

Мне нравится *она*. А не тело, в котором она живет.

— Не можешь определиться? — удивляюсь я. — У тебя здесь, кажись, все цвета радуги.

— Именно, — улыбается она, облизывая с пальцев шоколад. — Единороги любят радугу. А я люблю единорогов. Поэтому мои волосы должны быть всех цветов радуги.

— Офигенно интересная история, — я начинаю идти вдоль стоянки, и Дэйзи следует за мной.

— Одна из лучших? — она догоняет меня.

— Нет, это пиздец, как глупо.

— Не может одновременно быть и интересно *и* глупо. Одно исключает другое.

— Ты говоришь прям как Роуз, — как только я произношу это, лицо Дэйзи освещается. Знаю, она уважает своих сестер, и в некотором роде Дэйзи напоминает мне их обоих. В остальном она просто Дэйзи. Просто дикая девчонка.

Мы останавливаемся возле черного спортивного мотоцикла, который я только что купил у местного дилера. Как я и говорил, мы не можем дальше ехать на машине. Так что я надумал купить мотоцикл и таким образом решить вопрос с неусидчивостью Дэйзи.

— Мы поедem вместе? — спрашивает она у меня, улыбаясь.

— Ага, — я забираю у нее пакет с краской и запихиваю его в свой рюкзак. — Ты не против, сладкая?

— Тыпустишь меня за руль, хоть ненадолго?

— Я разрешу тебе что угодно, пока твое внимание не будет рассеяно, и нам не грозит чертов хайсайд (*падение с мотоцикла, когда из-за неправильного направления заднего колеса водителя выбрасывает из седла*), — последнее, что мне нужно, так это слетающая с чертового мотоцикла Дэйзи.

— А что на счет лоусайд? (*падение с мотоцикла при выполнении поворота*)

Однажды с ней уже такое приключилось: Дэйз слетела с задней части мотоцикла, тогда как тот помчался дальше без нее.

— А как насчет, мы на фиг не будем никогда попадать в аварии?

— Но если я и разобьюсь, — говорит она, забрасывая ногу через сиденье, — то хочу сделать это вместе с тобой.

Мои брови приподнимаются, и ее улыбка становится шире и ярче, отчего шрам на щеке натягивается.

— Ты говорила это всем ребятам, с которым встречалась? — спрашиваю я у нее.

— Нет, — отвечает Дэйзи, — ты единственный человек, с которым я встречалась и который ездит на мотоцикле.

Я качаю головой.

— Твой список приемов пикапа, сладкая, — это полное сумасшествие. И готов поклясться, ты использовала на мне половину приемов из этого списка.

— Правда? — спрашивает она, пялясь на мои мускулы с немного большим желанием во взгляде, чем до этого. Могу сказать, прямо сейчас Дэйзи вспоминает наш первый секс в палатке. — Кажется, они сработали, — бросая взгляд на мое лицо, она продолжает. — Ведь у меня есть ты.

Ее глаза буквально трахают меня, словно видят все мое тело впервые. Я бросаю Дэйзи шлем, тем самым снимая затянувшееся сексуальное напряжение. Хотя вероятно, это напряжение будет присутствовать с нами все семь дней.

Никто ведь не торопится попасть побыстрее в Каньонлендс, так что да, у нас есть целая неделя.

Неделя наедине с Дэйзи.

Впервые мы попробуем себя в роли пары. Не сдерживаясь. Оставляя лишь маленькие грани перед недозволенным.

От этого я ощущаю приятное волнение.

Но также вижу кое-какую проблему.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Я не возражаю ехать за спиной у Рика на одном сидении, не возражаю, что не я разгоняю двигатель мотоцикла и не набираю обороты. Он мчится так же быстро, как это делала бы я сама, устремляясь по двухполосному шоссе с низким трафиком и отсутствием холмов. Ферма, мимо которой мы проезжаем, напоминает мне, что сейчас мы на Среднем Западе и неспешно следуем в Юту.

Даже если Рик и устал от нехватки сна — а он реально спит последнее время меньше меня — то не показывает этого. Я обнимаю его за талию, все еще восхищаясь этим парнем, даже несмотря на то, что мы пара. Меня к нему тянет, как пингвина к стае, когда один следует за другим, а тот за предыдущим. Рик — такой мужественный, выносливый, и он ставит мои потребности выше собственных. Я думала, что он бы предпочел двадцатидевятилетнюю девушку с огромной грудью и обильным макияжем, одетую в обтягивающее платье.

А не восемнадцатилетку в балетках, без косметики на лице, в рваных джинсах и странных футболках.

Он многое скрывает в себе, и это одна из причин, почему Рик так мне нравится. Есть что-то таинственное в его действиях. В опасности, таящейся во взгляде.

Ни с того ни с сего, мотоцикл замедляется и съезжает с шоссе. Я оглядываю окружающую нас местность, здесь просто поля с рядами кукурузы, которая превышает по росту нас обоих. Одновременно мы снимаем свои шлемы. Рик слезает с мотоцикла, не говоря ни слова, и я наблюдаю за ним, испытывая чувство интриги и дошедшее до максимума любопытство.

— Почему мы остановились? — спрашиваю я.

Думаю, возможно, я знаю почему. Эта неделя уже стала для нас безумной. Наш первый невероятный раз вместе, такой, о котором я всегда мечтала, тот, который мы ждали годами.

Рик выключает двигатель и выдвигает подножку, тогда как я все еще сижу на мотоцикле. И затем наши глаза встречаются, и его взгляд начинает неспешно скользить вниз по моему телу, моя грудь приподнимается от глубокого чувственного вздоха.

Я улыбаюсь.

— Ты хочешь меня трахнуть?

Загадочно глядя на меня, он говорит:

— Я хочу тебя трахнуть.

Оххххх. Лишь от этих слов между моих ног зарождается пульсация. Я наконец слезаю с мотоцикла и направляюсь в сторону поля, а Рик следует за мной.

Стебли кукурузы щекочут мое лицо, когда скольжу между рядами. Я хочу, чтобы Рик преследовал меня.

— Как думаешь, ты можешь меня поймать? — спрашиваю я, едва дыша.

Он почти что улыбается.

— Я предоставлю тебе преимущество.

Я усмехаюсь, а затем разворачиваюсь и несусь со всех ног; кровь мчится по моим венам, а сердце колотится, мои руки раздвигают стебли, мимо которых пробегаю.

Это прекрасно. Солнце освещает идеально голубое небо, а облака плывут, даря

прохладу. Дует легкий ветерок. Это момент из ваших снов — то место, в котором вы никогда не ожидали оказаться.

И сюда меня привез Рик.

Не знаю, как далеко я забегаю, но вскоре он догоняет меня, сгребает в объятия и яростно горячо целует. Я отвечаю ему тем же, вскрикивая, когда его тело переплетается с моим. Я задираю его футболку и с волнением расстегиваю пуговицы на джинсах, а затем он начинает замедляться. Когда наши губы разъединяются, я чувствую, что Рик застрял в своих мыслях.

— Что? — спрашиваю, использую этот перерыв, чтобы вдохнуть, столь необходимый моим легким кислород.

— Это просто то, о чем я думал...

Эти слова не кажутся началом чего-то хорошего.

— Это ведь не касается... моего цикла, верно? — *заткнись ты, Дэйзи.* — Я принимаю контрацепцию. Сейчас все хорошо, ты же знаешь.

— Дэйз, дело не в этом, — он притягивает меня к своей груди и шепчет на ухо: — Позволяла ли ты раньше другим парням сделать тебе кунилингус?

Не хочу, чтобы Рик думал, будто я слишком неопытна или молода для любви. Но еще меньше я хочу врать ему, так что пытаюсь просто соскочить с крючка.

— А ты позволял парням делать тебе минет? — спрашиваю я, игриво улыбаясь.

— Нет, — говорит он. Рик приподнимает мой подбородок так, чтобы я смотрела на него. Я даже не осознавала, что все это время избегала его взгляда. — Все в порядке, если у тебя не было такого опыта ранее.

— Дело не в том, что я не хотела, — объясняю я, собрав все свое мужество, чтобы поведать ему правду. — Просто парни раньше не предлагали мне подобного.

Его челюсть напрягается, а линии лица становятся более выразительными, по-настоящему сексуальными, даже несмотря на то, что Рик наполовину раздражен поведением этих фантомных парней, существующих лишь в моем прошлом. Наконец, он тянется и растягивает мои шорты, глядя на меня сверху-вниз с некой новой решимостью во взгляде.

— А кто-нибудь предлагал тебе анальный секс?

Угу... этот ответ я так же сильно не хочу произносить.

— Номер шесть, — говорю я все же. — Я пробовала это однажды, и честно, не очень-то хочу пережить снова, — это было больно до чертиков. Думаю, я кричала тогда от боли. Как и плакала.

— Я на хрен не собирался предлагать этого, — говорит Рик. — Просто злюсь, что номер *шесть* сделал это без того, чтобы предварительно сделать тебе куни, — он стягивает мои трусики до лодыжек. Не знаю, что Рик планирует сотворить со мной, и очевидно он не скажет.

Он раздевается, оставаясь в черных боксерах, а я стягиваю футболку через голову, обнажаясь полностью. При дневном свете все кажется совсем по-другому. Ощущается реальнее, без подпитки гормонов, бушующих во тьме, все это не спровоцировано нашей близостью во время сна. Это просто мы. Наше приключение. Вместе. Попытка до конца понять друг друга, на этот раз без барьеров.

Рик снимает свое белье, и мой взгляд приковывается к его достоинству. Моя первая реакция — *не могу поверить, что он был внутри меня.* А вторая: *Надеюсь это повторится. Вскоре.*

Я делаю шаг вперед, сокращая дистанцию между нами, и провожу руками по его животу, вдоль тату и груди. Он смотрит на меня так же, как когда взбирался на мотоцикл. *Желание* мерцает в его взгляде. Руки Рика опускаются мне на бедра, и это прикосновение успокаивает ритм моего сердца. И будто я пушинка, парень подхватывает меня и поднимает на свои *плечи*. Не на талию.

Я широко улыбаюсь, мои ноги болтаются возле его спины, пока Рик умело целует местечко между моих ног, его руки сжимают мою попку, а язык творит невообразимое с моей киской, которая уже влюбилась в эти новые ощущения. Моя голова оказывается выше стеблей кукурузы, так что я могу видеть машины, проносящиеся по трассе мимо нас.

Я напрягаюсь и приоткрываю рот, когда Рик лижет мой клитор. Хватаясь за его волосы, я ищу поддержки.

— Рик, — вскрикиваю я. — Что... — хочу сказать "*Что за черт? Ты делал уже такое до этого?*" Я никогда не видела ничего подобного. Чтобы девушка сидела на плечах у парня. С разведенными ногами. И его ртом прямо возле ее киски. Не-а, даже в порно фильмах такого не видела.

Может потому что такое показывают лишь в видео с пометкой NC-17. Да уж.

Тепло разливается по моей коже на шее.

— Блядь, — вскрикиваю я.

И ощущаю, как Рик улыбается. Ага, иногда я думаю, что он оказывает на меня негативное влияние. Но с другой стороны, я знаю, что это самое влияние имеет и положительную сторону.

Я предпочитаю быть на его плечах, чем видеть, как Рик делает кунилингус другой девушке в своей спальне. Это все-таки лучше. Сексуальнее. И более весело.

Он сжимает мою попку, пока его язык...

Ахххх! Я издаю стон, который переходит в еще один крик, крадущий весь воздух из моих легких. Все мои мысли покидают меня. Все, что останется, так это потребность в чем-то большем, чем-то, что способно утолить жажду между моих ног. Чем-то твердом и жестком.

Видимо испускаемые мною звуки доходят до сознания Рика, так как в конце концов отнимает меня с плеч и перемещает к своей талии. Я хватаюсь за его затылок обеими руками, все еще пытаюсь перевести дыхание.

— Вуху, — восклицаю я сдавленным голосом, тяжело дыша. Его взгляд проходится по всему моему телу, и одной рукой он устраивает меня в висящем положении, прижатой к его телу, а второй направляет глубоко в меня свою эрекцию.

Я ощущаю незначительный дискомфорт от того, под каким углом он проникает в меня полностью, но боль быстро рассеивается, когда член Рика оказывается полностью во мне. С моих уст срывается еще один резкий вскрик.

— *Блядь*, — матерится Рик, и в его исполнении это слово кажется таким сексуальным и возбуждающим.

Стоя на ногах, он начинает меня трахать, работая своим телом, а особенно бедрами, вколачиваясь в меня, тогда как я тоже двигаюсь ему навстречу. Но по-правде, я не поспеваю за Риком, находясь в таком положении. Он сильнее меня, и лишь благодаря его силе я все еще нахожусь в вертикальном положении, даже несмотря на его резкие толчки.

Изо всех своих сил я прижимаюсь к нему, мое тело буквально насаживается на его член, а голова идет кругом. Этот натиск так охренительно чудесен. Ощущения слишком сильные, чтобы их описать. Я тону. И снова выныриваю на поверхность. К ярко-голубому небу.

— Рик, — снова пытаюсь заговорить, но мое прерывистое дыхание возобновляется, и слова перерастают в последовательность пронзительных вскриков. — *Аххх... аххх...* — о, *боже. О Боже.*

— Дэйз, — стонет он, прижимая ладонь к моему затылку. — *Блядь.*

Верно, блядь.

Блядь.

Блядь.

Бляяядь. О мой бог. Он резко дергается вперед, проникая в меня, и моя киска сжимается вокруг его члена, пульсируя снова и снова, прибывая меня волной к берегу. Рик продолжает поддерживать мое тело, пока я отхожу от оргазма, перевожу дыхание. Он такой заботливый, так нежно растирает мой затылок, даже несмотря на довольно грубый и глубокий секс, который мы только что пережили.

Я не хочу расставаться с ним. Не желаю в скором времени даже возвращаться к мотоциклу. И Рик понимает мою немую просьбу, усаживая на свою мотоциклетную куртку, расстеленную поверх нескольких сломленных стеблей кукурузы. Он целует меня, растянувшись и нависая надо мной. Его губы и язык движутся с таким вниманием и заботой, а я в свою очередь тянусь рукой к его голому задку и развожу для него ноги.

Не уверена, как долго мы так лежим и целуемся. Но думаю, я могла бы делать это целую вечность с Риком.

Он проводит большим пальцем по моей нижней губе, пока его взгляд внимательно и с любовью изучает черты моего лица, этот взгляд я не видела у него прежде.

— О чем ты думаешь? — шепчу я. Мы одни посреди этого кукурузного поля, но это место кажется таким спокойным, что странно говорить здесь громко.

— Я люблю это, — выдыхает он, целуя меня в щеку, ту, что со шрамом, словно кожа на этом месте совершенна.

Моя грудь вздымается.

— Секс?

Он качает головой.

— Нет, *это*. То, что происходит между нами прямо сейчас, — он снова целует меня и затем продолжает: — Но знаешь, я пиздец как люблю и сам секс.

Я улыбаюсь.

— И ты отнюдь неплох в этом деле.

Его брови сходятся на переносице, словно Рик хочет спросить "*Да?*".

— Отнюдь неплох? Мы часом не записали твои чертовы крики?

— Ты имеешь в виду вот эти? — я выгибаю спину и негромко вскрикиваю, имитируя отдышку от нахлынувшего на меня удовольствия, хотя признаюсь, есть небольшое отличие между этими звуками и теми, что я издаю во время реального оргазма. Каждый раз, когда Рик жестко входит в меня, мой голос обрывается, сейчас же он звучит более гладко.

— Рик, *аххх...* — моя грудь часто поднимается и опадает, словно я борюсь за каждый вдох.

Он садится на колени, наблюдая за мной, а затем его член снова становится твердым. Мое притворство начинает перерастать в реальное возбуждение, вызывая неестественные чувства. *Аххх...* стону я отчаянно.

К счастью, Рик не вынуждает меня умолять или сожалеть о моем сарказме. Он просто направляет свою эрекцию между моих ног, снова наполняя меня. В размеренном почти что

мелодичном ритме, он раскачивается надо мной, опираясь на свое предплечье чуть выше моей головы, при этом глядя на меня сверху вниз, пока я продолжаю издавать гортанные стоны.

Это слишком для меня. Каждый нерв моего тела раскален.

— Я не могу... — стону я.

Рик замедляется, и его щека соприкасается с моей, когда парень шепчет мне на ухо.

— Да, ты можешь... ты почувствуешь это.

Как только эти слова слетают с его уст, мои глаза закатываются, и восхитительное сильное, сносящее крышу ощущение накрывает меня с головой, чувства, от которых замирает сердце, несут меня к чему-то еще более неизведанному. Я не могу даже закричать. Все настолько интенсивно, что мой рот приоткрывается, но звуки застревают в горле.

И когда истощение поглощает меня, и я кончаю, Рик приподнимает меня на руки и усаживает на своих коленях. У меня нет сил на еще один раунд, но я знаю, что он все еще полон энергии. Я опускаю взгляд. И ох. Рик кончил вместе со мной, а я даже не заметила. Какое-то время он просто держит меня в своих объятиях, убирая волосы с моего лица.

— Не могу понять, как так вышло что от полнейшего отсутствия оргазмов, я перешла к *этому*, — шепчу я. Должно быть Рик — бог. Бог секса. И он был послан ко мне с небес.

Однако у него имеется более логичное объяснение.

— Вообще-то, когда тебя тянет к человеку, который с тобой, Дэйз, ты обречена на оргазм.

Я поворачиваю голову и смотрю на него в ответ.

— Знаешь, что это значит?

Его брови хмурятся, и поэтому могу сказать, что Рик ожидает от меня шутки или моей обычной клоунады.

Но вместо этого я искренне улыбаюсь.

— Меня очень сильно тянет к тебе.

Уголок его губ приподнимается.

— Забавно, потому что меня тоже тянет к тебе. И что же нам с этим делать?

— Любить друг друга и делать малышей.

Его брови резко взлетают вверх.

— Ты уже хочешь делать малышей со мной, Кэллоуэй?

— Я хочу делать с тобой нереально много вещей, — использую я очень дипломатичный ответ, идя по тонкому льду и продолжая эту тему разговора. Я себе даже не представляю, что творится у него в голове. Должно быть, его мысли касаются Ло. Его брат не хочет иметь детей из-за наследственности алкоголизма. Лили говорила мне о его мнении на сей счет. Ну, вообще-то она говорила Роуз, а я находилась с ними в одной комнате, и в каком-то роде сама втянула себя в эту беседу. Я осознаю, что это может показаться раздражающим, но мне просто хочется быть ближе к сестрам до того, как они построят свои собственные гнездышка и создадут отдельные от нашей семьи.

Рик целует меня в губы, его язык с легкостью проскальзывает в мой рот и ласкает мой собственный, а затем отстраняется и говорит:

— Я тоже, — он встает и помогает мне подняться на ноги. И мы собираем свои белье и одежду и начинаем одеваться. Пока я одеваюсь, то любопытно наблюдаю за Риком. Не думала, что стану так волноваться из-за его мнения на счет детей, но сейчас понимаю, что до смерти хочу узнать об этом.

— Знаешь ли, я пошутила на счет малышей, — говорю я, натягивая трусики. Он передает мне мою футболку, и от напряжения витающего между нами в результате этого разговора, мои легкие сжимаются. От мрачного нечитаемого взгляда Рика, все становится еще сложнее. — Но мне любопытно...

— Тебе всегда любопытно, — говорит он, ероша мои волосы своей грубой рукой.

— Мне *ну очень-очень* любопытно, — улыбаюсь я. — Разве однажды ты не хочешь жениться и завести детей?

Он надевает футболку через голову и хватает свою мотоциклетную куртку с земли, отряхивая ее от грязи. А затем Рик проводит рукой по своим волосам, подтверждая тем самым, что мой ответ вызывал у него волнение.

— Я не такой как мой младший брат, если это то, что тебя интересует, — говорит он, надевая свою куртку. — Я думаю, алкоголь может стать испытанием для любого дьявольского моего ребенка, но я не собираюсь позволить этому отнять у меня что-либо. Я не собираюсь сдаваться.

Этот ответ почти что вызывает у меня улыбку. Хотела бы я, чтобы Ло увидел данный вопрос в таком же свете, но думаю, для него все иначе. Он сражается со своим пристрастием гораздо дольше, и его путь более ухабистый, чем у Рика.

Мой парень прямо сейчас приглаживает волосы, пытаюсь расчесать их пальцами.

— Послушай, — вдруг произносит он, словно собрался с мыслями для ответа. — Я не могу сделать со своими детьми то, что сделали мои родители со мной. Разрыв, развод и хреновы ссоры. Я хочу быть в серьезных, преданных отношениях с человеком, с которым у нас будет ребенок.

— Ты имеешь в виду брак, — говорю я.

— Когда ты женат, то все еще можешь развестись. Я не вкладываю слишком многого в это слово. Мне просто нужна чертова эмоциональная привязанность, — он кивает головой в ту сторону, с которой мы пришли.

Я следую за ним, стараясь поспевать за его быстрым шагом.

Пока я молчу, переваривая информацию, Рик пару раз бросает на меня быстрый взгляд.

— А чего хочешь ты?

Я улыбаюсь.

— Посмотрите-ка, кому это сейчас любопытно.

Он убирает стебель кукурузы с моего пути.

— Ага, ладно, когда ты шутить на этот счет, мне приходится читать между строк, а я не всегда читаю тебя верно. Так что проще спросить.

И я рада, что он спросил. Это свидетельствует, что Рик волнуется.

— Я хочу быть полностью уверенной в ком-то, чтобы выйти замуж, вероятно, лучше раньше, чем позже. И я хочу завести детей. Возможно, троих. А еще я хочу путешествовать, и увидеть семь чудес света, и нырнуть с аквалангом под водопад в Коста-Рике, целую тебя.

Он тянется и берет меня за руку.

И мое сердце раздувается, как воздушный шарик.

— Необязательно в данной последовательности, — говорит он мне.

Я широко улыбаюсь, потому что он не снимает со счетов ни одну из моих потребностей. Я могу фактически видеть это в его глазах.

Он хочет все это, так же как и я сама.

РИК МЭДОУЗ

— Просто не спишите, — говорит мне по телефону Коннор. — Мы остановились в Розуелле, потому что Лили и Ло хотели увидеть инопланетян. Они провели четыре часа в музее — извиняюсь, я имел в виду чертовой дыре пропаганды.

Я слышу голос Ло на заднем плане.

— А ты заставил нас проторчать три часа на кладбище. Между нами, кто из нас самый ебнутый на голову, а, любовь моя?

— Это было военное кладбище, — говорит мне Коннор. — И мы с Роуз разыскивали своих предков.

— Я выиграла, — кричит Роуз. — У меня на три мертвых родственника больше, чем у Коннора.

Я качаю головой.

— Вы все долбаные психи.

В его голосе слышна улыбка.

— Итак, мы встретимся с вами в Юте через четыре дня. Нам удалось оторваться почти от всех папарацци, но парочка из них постоянно нас настигает.

— Ну, а мы не видели папарацци с тех пор, как расстались с вами.

— Это хорошо. К слову, Грег пытался дозвониться Дэйзи, чтобы убедиться, все ли с ней хорошо. Она проверяла свой телефон?

— Не знаю, — говорю я честно. — Но мы были в зоне с очень хреновым сотовым сигналом. Обещаю проследить, чтобы она позвонила ему сегодня.

— Идеально, — мы прощаемся и кладем трубки. Я возвращаюсь к парковке, где на бордюре восседает Дэйзи. Наш мотоцикл припаркован возле лагеря, который на сей раз не скрыт в густом лесу, как это было в Смоки Маунтинс. Мы сделали крюк по местности Вайоминга, которая в основном пологая и травянистая, но прямо здесь позади нас расположена массивная скала, окруженная деревьями. Дьявольская башня. Она похожа по форме на наперсток, острие из камня.

Я уговаривал Дэйзи доехать до Йеллоустоун, потому что она никогда там не была, но когда рассказал ей, что сольно взбирался на Дьявольскую башню и почти побил рекорд самого быстрого скалолаза, Дэйзи настояла, чтобы мы остановились именно здесь, и она увидела это место. Так что сейчас мы собираемся прогуляться вдоль подножья горы... и скорее всего одновременно с тем, будем красить ее чертовы волосы.

Коробки с красками лежат открытыми вокруг нее на цементе, и Дэйзи оборачивает фольгой разные участки ее волос. Почему я предположил, что она сделает все, как нормальные люди — с зеркалом у раковины — сам не знаю. Дэйзи делает все по-своему — каким-то ебанутым образом.

Она поднимается на ноги, оборачивая желтый шарф вокруг своей покрытой фольгой головы, и надевает пластиковые солнечные очки. На ней надета футболка с надписью *"страсть к путешествиям"*. Я никогда не видел, чтобы она так улыбалась до прошлой недели.

Я опускаю козырек своей темно-зеленой бейсболки и забрасываю на спину рюкзак.

— Ты в последнее время звонила своему отцу? — спрашиваю я у Дэйзи. — Он пытался

связаться с тобой.

Она бросает полиэтиленовый пакет с остатками красок для волос в мусорное ведро по дороге к тропе.

— Ага, я написала ему в ответ сообщение. Должно быть, оно не дошло. Папе нравится, когда я отзваниваюсь ему с каждого нового места.

Я поправляю лямку рюкзака, которая некомфортно давит мне в области груди. Коннор говорил мне бесчисленное количество гребаных раз, что Грег внимателен к своей младшей дочери, и сейчас это начинает касаться меня. Я с ней, и однажды мне может понадобиться одобрение ее отца. Я просто не уверен, что должен сделать, чтобы его получить. Но я осознаю, что ради Дэйзи мне нужно приложить чертовы усилия. Она близка с родителями. Дэйз любит их.

А я *никогда* бы не стал на хрен просить ее выбирать между ними и мной. Порвать отношения с кем-то, кто вне сомнений заботится о вас — это потеря для вашей души. Я думаю о своей матери и той утрате, которую я даже не могу измерить, описать словами или долбанными числами. Она просто во мне, пожирает день ото дня. Я ненавижу и люблю себя за это. Но в тоже время ненавижу и люблю свою маму.

Не знаю, как вернуться к женщине, которая взвалила столько горя на голову моим друзьям, моему брату и *мне самому*. Как я вообще могу хотя бы начать пробовать ее прощать?

Дэйзи ахает.

— Это альпинисты? — она запрыгивает на серый валун и смотрит вверх на скалу. Отсюда экипированные скалолазы выглядят как едва различимые пятнышки. Но все они взбираются на Дьявольскую башню по парам.

— Это популярная гора, — говорю я Дэйз. — Если стоит хорошая погода, то здесь всегда есть люди.

— Сколько времени тебе понадобилось, чтобы взобраться на вершину? — спрашивает она, спрыгивая с булыжника и присоединяясь ко мне.

— Двадцать гребаных минут, — *почти 900 футов восхождения*. На две минуты больше, чем здешний рекорд. Я подумывал, чтобы попробовать снова, но решил, лучше сфокусироваться на скалах в Йосемити.

— Ты говоришь это так равнодушно, — замечает Дэйз. — Ты разве не горд собой?

— Если я буду кричать об этом на всех заставах, ничего не изменится, — я не Коннор Кобальт. После окончания колледжа все мои достижения по пути к тому, что я имею сегодня, были в некотором роде сокровенны. Стремиться, улучшать время, тренироваться. Мои рекорды не расскажут вам всей истории. Они просто цифры.

Мы обгоняем пару опытных пеших туристов в их беговых кроссовках от Adidas, шортах и солнечных очках. Я только сейчас осознаю, каким быстрым был мой шаг, а Дэйзи даже не жаловалась на это. Но не могу сказать, что она хочет продолжить этот марш-бросок, потому что ее дыхание явно тяжелее, чем в начале нашего пути. Капелька краски для волос пурпурного цвета начинает скатываться по ее лбу.

— Ну, если ты не собираешься этим хвастаться, то я сделаю это за тебя, — говорит она, напоминая мне Салли. Дэйзи бросается к еще одному большому валуну, буквально набрасываясь на него и взбираясь, используя свои колени и подтягивая тело на руках. Оказавшись наверху, она раскидывает руки. — У меня есть объявление! Птицы, люди, деревья, слушайте внимательно!

Я скрещиваю руки на груди. Чем дольше смотрю на нее, тем шире улыбаюсь.

Некоторые люди смотрят на нее внимательно, но большинство просто наблюдают, продолжая путь. Птицы реально кажутся заинтересованными в Дэйзи, каркая и летая над ней, пока она говорит.

Я просто качаю головой, но не могу игнорировать долбаное чувство в своей груди. Гордость. Но не от того, что я взобрался на Дьявольскую башню. Я горд тем, что *эта девушка* присутствует в моей жизни.

— Мой парень, а вот и он, — она указывает на меня. — Он покорил эту гору, — она тыкает пальцем на скалу. — И внимание, он сделал это за двадцать ебанных минут. Не просто за двадцать минут. А за двадцать *ебанных* минут! Поаплодируйте ему! — она вскидывает вверх обе руки, и я ловлю на себе взгляды пары рейнджеров, проходящих мимо нас по тропе.

Я машу Дэйзи.

— Кей, празднование на хрен окончено.

Она спрыгивает с валуна и прижимает руки к бедрам, в течение секунды восстанавливая дыхание.

— Ну, как я выступила?

— Птицы были в восторге, — я вытираю след краски для волос с ее лба, пачкая свой палец и размазывая цвет по ее коже. — Ты, кажись, вот-вот превратишься в чертового пурпурного динозавра.

— Оу, — говорит она, улыбаясь. — Барни. И Литлфут! Такой пурпурный как у Литлфута?

Я качаю головой.

— Я даже не представляю, о чем ты говоришь.

Она ахает.

— Ты не знаешь, кто такой Барни? На что ты потратил свое детство?

Я закатываю глаза.

— Я на фиг знаю, кто такой динозавр Барни. Но не тот другой, Кэллоуэй.

Она улыбается.

- Фильм *Земля до начала времен*.

Мы скрываемся в изолированной части леса, огибаем большие скалы и деревья. Дэйз открывает свою упаковку бутылок с водой и расставляет их на валуне.

— Наклонись, — говорю я ей, после того как она снимает фольгу с волос. Я раскручиваю бутылку воды, закрываю одной рукой ее глаза и затем лью воду ей на голову. Я пытаюсь провести пальцами по ее прядям, но они спутались от длительного нахождения в фольге.

— Ты брала расческу, Дэйз?

— Неа, — она хитро улыбается, поворачивая ко мне лицо. — Все в порядке. Я просто расчешу их пальцами.

Я поворачиваю ее лицом вниз.

— Ты часто расчесываешь свои волосы пальцами? — спрашиваю я, выливая вторую бутылку воды ей на волосы.

— Не так часто, как ты это делаешь своими пальцами с моими волосами.

Блядь. Мой член дергается. Это нереально заводит. Моя гребаная ошибка. Я не чувствую себя на столько виноватым, как было, прежде чем мы стали парой. Вместо этого я просто притягиваю к себе ее попку и заканчиваю мыть ее волосы. Она пытается снова взглянуть на

меня, ослепительная улыбка освещает ее лицо.

— Стой на фиг неподвижно, — говорю я. — Или краска попадет тебе в глаза, — она подчиняется, и когда я заканчиваю, то снимаю свою футболку и позволяю ей вытереть ею волосы, отчего белая ткань покрывается пурпурными, розовыми и зелеными пятнами. Потом она проводит руками по волосам, и так как у Дэйзи нет зеркала, то она ориентируется на мою реакцию.

Несколько прядей ее волос розового цвета, пара — зеленого и еще несколько рассредоточенных пурпурных прядок. Но она по-прежнему в основном блондинка, однако теперь все эти цвета вместе отражают непредсказуемость ее характера. Я знаю, Дэйз понравится это, когда она увидит себя, и потому я начинаю улыбаться.

— Так ужасно, а? — шутит она.

— Пиздец, как ужасно, — отвечаю я, оборачивая руку вокруг ее плеч.

Мы заканчиваем прогулку вокруг подножья скалы, и молчание Дэйзи начинает беспокоить меня. Сейчас то время, когда она должна была бы лопаться от счастья. Она же только что покрасила волосы, одно из ее желаний осуществилось.

— Что не так? — спрашиваю я.

— Когда мы доберемся до Юты, все закончится? Ты и я, не будем больше парой для окружающих. Впервые я чувствую нас настоящим дуэтом, словно мы двигаемся вперед, и знаешь, мне не хочется, чтобы эти ощущения растворились?

Ага, я, черт возьми, знаю. Я не желаю скрывать ни одну из сфер своей жизни. Я и так делал это столь долго, и снова прийти к этому ощущается будто бы регрессия.

— Значит, мы расскажем им о нас в Юте, — говорю я, надевая лямку своего рюкзака. — Тоже мне хреново большое дело, — я хочу быть в состоянии справиться с негативной реакцией. И чем ближе мы друг для друга, тем сильнее я верю, что наши отношения могут выдержать окружающую критику. Но внутри я все же гадаю, не дурачу ли самого себя. Возможно, это просто страх говорит во мне. Страх потерять ее... и моего брата.

— Ты уверен? — хмурится Дэйзи. — Потому что Ло...

— Он пройдет через это, — я должен верить или никогда не совершу этот чертов прыжок в неизвестность. Я останавливаюсь посреди тропы и сжимаю ладонями ее лицо, мои пальцы испачканы в разные цвета прядей ее волос. — Я хочу быть с тобой, Дэйз. Больше никаких тайн.

Я наклоняюсь и целую ее, скрепляя свое решение.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Лес сменила пустыня. Красные скалы и бесконечные дороги, огибающие их. Это сильно отличается от перегруженного трафика улиц в Вайоминге, где машины тормозят при виде оленя, считая, что это самое фантастическое прелестное создание на земле.

Как по мне, куда удивительнее, например, буйвол.

Или бурые медведи.

О, а как на счет волков? Я видела пару серых волков, которые вышли на охоту или поиграть с антилопами, но Рик не поверил мне.

Мы все ближе к Юте, к Калифорнии, движемся к пункту назначения, название которого я все же не забыла. Рик поднимется на Эль-Капитан и две другие горы в Йосемити, вершины которых превосходят Дьявольскую башню. Я люблю эту возможность наблюдать за его лучшим восхождением, но ранее мне доводилось гуглить статистику восхождений на эти горы.

Большинство людей, которые сольно поднимались на них, умирали.

То есть, на официальном общенациональном информационном сайте о скалолазании слово СМЕРТНОСТЬ в статье об этих горах написана *главными* буквами. Они каталогизируют всех альпинистов, которые падают и встречают свой конец таким образом. Я всегда пыталась не думать о данном риске, даже когда увязалась за Риком в поездке в Йосемити, во время которой он практиковался со снаряжением и тросом.

Я видела эти горы.

Видела его восхождение.

Я просто не позволяю себе думать, что он может упасть. Без экипировки, страховки, снаряжения, просто сам по себе — вероятность падения огромна.

Но я никогда не посмею сказать ему не делать чего-то, что он так любит.

Я просто буду молиться, чтобы не случилось никаких несчастных пришествий, чтобы погода была хорошей, чтобы он добрался до вершины и спустился вниз без проблем.

Я сильнее прижимаюсь к его спине, наслаждаясь ощущением потока ветра вокруг нас, пока мы едем на мотоцикле. Я пытаюсь привести в норму свое волнение, ради Рика. Ему не нужно заботиться еще и обо мне, пока парень будет взбираться на Эль-Капитан. Он просто должен быть сильным и уверенным.

От этого внутреннего монолога мой живот сжимается, и я принимаю опрометчивое, импульсивное решение. Хотя оно тоже даже частично не безопасное. Вероятно, оно такое же рискованное, как и сольное восхождение, но несомненно, не на *столько* опасное. Одну ногу я поднимаю и ставлю на подушку сидения. Я держусь за спину Рика, когда поднимаю вторую ногу и наклоняюсь, пока он сам сутулится на мотоцикле и мчится вдоль ровной дороги.

Я не могу видеть выражение его лица из-за черного шлема. Он сидит, позволяя мне схватиться за его плечи и полностью встать. *Ох... вау.* Я стою на задней части мотоцикла. За спиной у Рика. Он легонько стучит по моей ноге трижды, это наш сигнал для "сядь на хрен".

Я дважды постукиваю по его плечу, что не означает ничего. Но мы никогда не оговаривали, как жестами сказать: *Я хочу лететь.*

Он сжимает мою ногу. Тем самым говоря мне "*держись*".

Я не собираюсь отпускать его.

Он кладет руку на тормоз и мотоцикл начинает замедляться. Я слегка стучу по его руке один раз. *Быстрее.*

Он оглядывается на меня несколько раз, сомневаясь. Я облокачиваюсь одной рукой на его плечо, опуская ладонь ему на грудь, показывая, что никуда не собираюсь уходить. И он хватается за эту руку, переключает передачу и вжимает ногу в газ, а затем мы разгоняемся. Снова набирая прежнюю скорость.

Мое тело чуть ли не откидывается назад, но Рик так крепко тянет за руку, что я остаюсь в вертикальном положении. И мои ноги, будто камень, стоят на месте. Я смеюсь, звук слышно лишь в моем шлеме, но все равно он есть.

Я лечу.

Ко второй звезде справа и прямо по курсу до самого утра.

Это длится в течение великолепных пяти минут. А затем мотоцикл снова замедляется и съезжает на запасную полосу. Я сажусь обратно на сидение, пока Рик направляет нас к виднеющейся вдали красной скале с несколькими шпильями на верхушке. Скалы на скале. Выглядит круто, даже если и звучит не очень. По пути сюда мы видели баранов — с такими гигантскими рогами — и горных львов, так что я гадаю, заметил ли Рик хоть одно животное.

Однако, все не совсем так, как кажется.

Рик не поехал бы навстречу диким животным на обочине дороги.

Это слишком безумно для него.

Я бы могла, но не он.

В момент, когда мотоцикл останавливается, я снимаю шлем.

— Ты сумасшедший? — спрашиваю я. Возможно, я неправильно считала его сигналы. То есть, он, несомненно, велел мне "на хрен сесть". Но "держиись" могло быть чем-то иным.

Он выключает двигатели и открывает подножку. Спортивный мотоцикл немного наклоняется, но все еще уверенно стоит. Я пока не слезаю с него, даже притом, что это делает Рик.

— Развернись, — приказывает он, после того как снимает шлем. Он проводит руками по волосам и прищуривает глаза. Но как ни странно парень не злится.

— Что ты имеешь в виду? — я едва улавливаю его слова, будучи слишком занятой попытками понять эмоции Рика.

— *Развернись*, — он указывает на переднюю часть мотоцикла. Он... он хочет, чтобы я... я улыбаюсь. Рик хочет, чтобы я поехала задом наперед, так, как я пыталась потренироваться в гараже.

Я взволнованно закидываю ноги на сидение, поворачиваясь спиной к рулю и прислоняясь к топливному баку. Я вспоминаю тот первый день, когда он учил меня кататься на мотоцикле. После того, как направились к парковке продовольственного магазина, я убила двигатель и катилась до полной остановки, широко улыбаясь. А потом я тащила всю дорогу обратно. И волоча свои ботинки по земле всю дорогу.

Рик тогда сказал мне:

— Приподнимай свои чертовы ноги, Кэллоуэй, если ты, конечно, не хочешь их лишиться, — он хотел сперва научить меня правильно водить мотоцикл, но через несколько месяцев, когда я в следующий раз убила двигатель и снова волочила ноги, Рик просто покачал головой. Он доверял мне настолько, что даже не стал ругать. Рик не думал, что на этот раз мотоцикл упадет на меня или что я буду касаться ногами земли.

Однако, если быть честной, я не заслуживала данного доверия в вопросе езды задом наперед. Так что прямо сейчас я сомневаюсь в искренности его намерений. Таинственность интригует меня все сильнее и сильнее, и чтобы понять мысли Рика, я внимательно разглядываю его. Он садится верхом на мотоцикл, лицом ко мне, и отбрасывает шлем в сторону.

Не нуждаясь в нем сейчас. Ладно. Я отбрасываю и свой собственный, а мое сердце начинает бешено стучать еще до того, как разум осознает происходящее. Мое тело знает, что вот-вот произойдет. Я напряженно слатываю, и когда глаза Рика встречаются с моими, сердце несколько раз выполняет кульбит. У парня настолько похотливый вид, словно он собирается поглотить всю меня.

О, боже.

Мои губы приоткрываются, мне так сильно необходим кислород, словно прямо сейчас я карабкаюсь на гору.

Хотя, фактически мы на мотоцикле.

Вместе.

И.

И.

Я не могу думать об этом.

Просто чувствую.

Я не могу поверить, что это вот-вот случится.

РИК МЭДОУЗ

Я никогда за всю свою жизнь не был так охуенно возбужден. Когда она стояла на задней части мотоцикла, мои чувства сменились от страха до желания в одну минуту. После того, как я убедился, что Дэйзи в безопасности, то продолжил представлять ее за своей спиной. Я представлял, как она выглядит, держась за мои плечи, тогда как одна моя рука вцепилась в ее руку. А затем мой ум переключился на образ ее разведенных ног и того, как мой член заполняет ее киску.

Я хочу этого прямо сейчас, вместе с ней. Мое чертово тело болит от потребности, а разум сомневается. Я помню все те разы, в которые мы вместе катались на мотоцикле, и то, какими сдержанными мы были. Вся эта сдержанность вылетела в окно.

Мои губы встречаются с ее, и мы поглощаем друг друга, целуясь более естественно, более чувственно, чем все, что я ощущал прежде. Мой центр кричит, требуя Дэйзи, словно она моя и только моя, и я наконец вернулся домой.

Я не хочу тратить еще десять минут на раздевания, так что тянусь к своему ботинку и достаю нож. Ее глаза расширяются, а в них мерцает прекрасное любопытство. Она замирает, стараясь не ерзать на месте, пока я расстегиваю пуговицу ее джинс и разрезаю ткань в сторону кармана. Я сую нож в ботинок и одним резким движением разрываю еще сильнее ее джинсы. Теперь передо мной предстают ее желтые трусики, и я просто срываю их с ее тела. Она уже влажная и готовая для меня.

Мой член пиздец как взывает об освобождении.

— Рик, — выдыхает Дэйзи, а ее рот приоткрывается. Я целую ее, придерживая за затылок, и она почти хныкает, прижимаясь ко мне.

Блядь. Я припадаю к ее шее, посасываю, пока мои пальцы погружаются в ее киску. Дэйзи такая мокрая, как никогда до этого, и вскоре ее тело валится на мое, а ее крики наполняют воздух. В целом нас не видно с дороги, так что мы находимся наедине, однако это все еще ново. Это все еще место, в котором я никогда не трахался, а именно это мы вскоре и сделаем, то, чего я никогда не совершал.

На мотоцикле.

С девушкой, которую я нереально люблю.

Я бы улыбнулся, если бы мое тело так не пылало от жажды, собираясь погрузиться в нее и трахнуть Дэйз жестко и сладко. Я расстегиваю штаны, спуская их ниже своей задницы вместе с боксерами. А затем хватаю ноги девушки и широко развожу их, прежде чем медленно направить свой член в нее. Я наблюдаю за ее реакцией, убеждаясь, что не причиняю Дэйзи боли.

Она обхватывает мои шею и начинает раскачивать бедрами еще до того, как я даже наполовину погружаюсь в нее. Так что я толкаюсь до упора. Она вскрикивает и прекращает ерзать, ее стоны небически сводят меня с ума. Они такие пронзительные и так наполнены удовольствием, нестерпимой похотью. Я пылаю, наблюдая за ней, а от звуков ее голоса, мои чувства сторают дотла.

— Дэйз, — говорю я властно, когда тянусь поверх нее до руля. Это позволяет мне толкнуться еще глубже в нее. Раз. Дважды. Моя эрекция идеально располагается внутри Дэйзи.

Она вскрикивает, а ее веки трепещут. Я поднимаю ее ногу к своей талии, и она начинает дышать так, словно переживает паническую атаку.

— Я не могу... — она качает головой из стороны в сторону.

В течение секунды я целую ее в губы и успокаиваю.

— Ты можешь, Дэйз, — я знаю. Все настолько интенсивно. Эти чувства ослепляют.

А мы все еще вместе верхом на мотоцикле. Я отпускаю ее руку и притягиваю ближе к своей груди так, чтобы она оказалась в сидячем положении. Она инстинктивно поднимает ступни на сидение за мной, а бедрами сжимает мою талию. Ее киска туго сжимается вокруг меня, когда я толкаюсь в следующий раз. Я кладу руку на ее поясницу, и стон так и стремится вырваться из моего горла. *Блядь.*

— Это так... — начинает она и тут же вскрикивает, ее внезапный оргазм доводит мое тело до грани, и я хватаюсь за нее, толкаясь еще дважды до того, как кончаю, а мой мозг разлетается миллионом чертовых осколков. Ее киска пульсирует, отходя от мощного освобождения, тогда как Дэйзи начинает смеяться, выражая свое невероятное счастье.

Это полный эмоций, меняющий мир, смех. Даже когда она затихает на мгновение, осмысливая все в своей голове, размышляя о нас двоих в разрезе интимности и максимально возможной близости на этом спортивном мотоцикле, Дэйзи все еще улыбается, словно это лучший во всем мире образ.

Ее взгляд встречается с моим.

— Это был лучший секс, который ты подарил мне за все это время.

Я уверенно целую ее и затем говорю:

— Хочешь пережить его снова?

Она отвечает, оборачивая руки вокруг моей шеи и подтягиваясь ближе к моему телу, тогда как ее усмешка становится более яркой.

Красноватая пыль витает вокруг нас. Но это меня не волнует. Я занимаюсь любовью со своей девочкой, и это самый замечательный опыт моей жизни.

Словно именно для этого и были созданы наши тела.

РИК МЭДОУЗ

Я еду на протяжении всей ночи. Дэйзи спит у меня на руках или что-то вроде того — она сидит задом наперед, лицом ко мне. Думаю, ей удастся поспать около четырех часов в день, и это лучше, чем было, когда она только перестала принимать Амбиен. Но мне бы хотелось держать ее в своих объятиях всю ночь, защитить от волнений и тех моментов, когда она просыпается и борется за то, чтобы вернуться в этот мир. Я просто хочу, чтобы она имела то, что было у нее, прежде чем СМИ стали нападать на их семью, до того как она получила психическую травму.

Хотя в последнее время у Дэйзи появился прогресс. Мы остановились в отеле на одну ночь, и мне не потребовалось обходить наш номер перед сном, демонстрируя ей, что я запер все двери и проверил душевую кабину. Она смогла уснуть на пару часов без этого, смогла ощутить себя в безопасности.

Я целую ее в макушки и продолжаю ехать.

Рассвет подкрадывается из-за горизонта, сплетая вместе оранжевые и красные линии. Данная атмосфера успокаивает меня, прочищает разум. Я думал, что смогу продемонстрировать это своему брату. Думал, что мы сможем разделить это, но обстоятельства или судьба, да, что бы там ни было, разделили нас на части.

Это время вместе с Дэйзи означает невероятно много, но я также осознаю, что каждый момент с ней — это момент вдали от Ло во время его восстановления. Часть меня рада быть в Юте, встретиться с ним так, чтобы я был рядом на случай, если брат будет нуждаться во мне.

Но другая эгоистичная половинка хочет вернуться в фантазию, где у меня была Дэйзи — хочет скрыться еще всего на пару часов, прежде чем реальность обрушится на нас.

Я поворачиваю за угол, мотоцикл гремит о неровности гравия под колесами, будя Дэйзи ото сна. Я паркуюсь в отведенном месте и снимаю ее шлем, прежде чем снять свой.

Она потирает глаза и щурится от солнечного света.

— Который час? — спрашивает Дэйзи, зевая.

— Уже утро.

— Очень... — она снова зевает, — точно, — Дэйзи поворачивает голову и смотрит на восход солнца; теплые лучики света окрашивают ее лицо. — Это великолепно...

И не поспоришь.

Мой телефон жужжит в кармане, и Дэйз обнимает меня за талию, пока я одной рукой проверяю сотовый.

Мы уже в Каньонлендс. Я отправил тебе наше точное местоположение. Можем встретиться там. — Коннор

Я открываю карту с их положением.

— Мы в десяти минутах от места встречи, — говорю я Дэйзи. — Они уже на месте. Ты готова повидаться с сестрами?

Она кивает, но я замечаю в ее глазах легкое опасение. Открыть перед ними наши отношения — это первый шаг для нее, перед тем как рассказать все маме. Женщине, которая пиздец как призирает меня, и я волнуюсь, что когда она увидит лицо Дэйзи, то возненавидит меня еще сильнее.

Мы снова надевает шлемы, и Дэйзи сменяет позицию, садясь позади меня. Я выезжаю на дорогу, едя в верном направлении.

Через семь минут я сворачиваю к Зеленой Реке, и здесь движение крайне вялое. Огромные каньоны и красные скульптурные скалы окружают это место. Я осознаю, что возле начала тропы припаркован черный внедорожник, но не вижу никого из ребят рядом.

Я снова проверяю их местоположение, которое мне выслал Коннор, и понимаю, что они отправились в поход к одной из таких арок из красного камня. Это популярное место, так что я не удивлен их выбором. Я просто не ожидал, что Роуз пойдет туда на своих пятидюймовых каблуках.

Нам требуется еще пять минут, чтобы пройти по этой красной грязи и отыскать ребят под сводом огромной скалы, которая, кажется, достигает чуть ли не до неба. Когда жаркое солнце поднимается выше, огромные тени исчезают, а температура нарастает.

— Привет, ребята! — Дэйзи машет им, и они разворачиваются, но никто не бросается нам навстречу. Все они просто стоят.

И именно в это мгновение я понимаю, что что-то пиздец не так.

Мой желудок завязывается в узел, все туже с каждым шагом, я не могу оторвать взгляд от глаз брата. Его скулы четко выражены, а глаза полны холода и раздражения. Он не может злиться на меня из-за папарацци, верно? Я думал, Коннор успокоил его на этот счет. Но Ло нравится накапливать чертов негатив против меня. Ага, я облажался. Папарацци нашли наш лагерь в Теннесси и свели на нет мои обещания брату. Однако, кажется, что его гнев сейчас достиг более высокого уровня.

Стал глубже.

Острее.

Словно от многих лет боли.

— Клевые волосы, Дэйз, — говорит Лили, когда мы подходим ближе, но ее голос надламывается, словно девушка знает о чем-то плохом, что вот-вот случится.

А мой брат, он напряженно дышит, а в его янтарных глазах плещется чистая злоба. Его ноздри расширяются, а затем он направляется ко мне.

Я останавливаюсь на месте.

— Дэйзи, — говорит Ло. — Иди к сестрам.

— Рик...

— Блин, *иди*, — рычу я.

Она отступает от меня, но не присоединяется к сестрам. Дэйзи просто дает мне достаточно пространства, чтобы повстречаться с братом, который прямо сейчас смотрит на меня ледящим душу взглядом.

Я не знаю, в чем причина.

Возможно, в нашем отце.

Может, в Дэйзи.

А быть может, еще в чем-то.

Или во всем одновременно.

У меня есть длинный список хреновых поступков с благими намерениями.

— Ло, — я поднимаю руки в знак примирения, капитуляции, извинения. Я поднимаю белый флаг. Я не хочу драться с ним. Я не могу его ударить. — Что не так? Давай поговорим об этом, — между нами сейчас остается лишь десять шагов.

— Ты хочешь поговорить об этом? — его голос полон боли. — Я дал тебе чертовый

миллион шансов *обсудить* это, — усмехается он. — Я устал разговаривать с тобой, — его кулак взлетает и с силой врезается в мою челюсть. Я сгибаюсь пополам, от врезающегося в мой живот колена брата.

С трудом откашливаюсь.

— Ло, остановись! — кричит Дэйзи.

Я поворачиваю голову, и мое сердце подскакивает к горлу. Она бежит к нам навстречу, но Коннор быстрее и сильнее. Он перехватывает ее, и она просто молотит руками в его объятиях.

Мой взгляд смягчается от чувства благодарности. Мне едва удастся выразить это своим выражением лица до того, как Ло снова наносит удар. Я поворачиваю голову и сплевываю кровь в грязь.

На заднем плане я слышу Лили, как она пытается успокоить Ло. Я слышу Коннора, говорящего всем девочкам позволить нам разобраться самим.

Он знает, что эта драка должна была состояться рано или поздно.

Время пришло, и агония распространяется внутри моей груди. Нет физической боли. Даже когда в мою челюсть третий раз врезается кулак брата — я могу принять на себя его удары.

Это — мучение в глазах Ло. То, как он смотрит на меня — словно я его предал. Словно я разрушил его жизнь. Словно я разбил его чертову душу. Я не хотел никого ранить. Не желал стать причиной его еще большего несчастья. *Тебе следовало оставить его в покое.*

Но он бы тогда пьянствовал! Он бы все еще был алкоголиком, если бы я ушел из его жизни. Тогда я встряхнул его так сильно, как только мог. Я привел его к реабилитации. Я разговаривал с ним почти каждый вечер в те девяносто дней его восстановления, и после этого я присматривал за ним.

Правда? Взгляни на него сейчас.

Блядь! Я хочу что-то ударить — безмолвно кричу я, требуя, чтобы эта внутренняя борьба наконец закончилась.

— Ударь меня, — усмехается он.

Я качаю головой, мои пальцы погружаются в красную грязь, пытаюсь сжаться в кулаки. *Остановись, Рик.* Я мог бы с легкостью встать и выбить из него все дерьмо. И он бы позволил мне это. Это то, чего он хочет. Он просит у меня этой боли. Как на той вечеринке в честь Хэллоуина три года назад, когда я впервые увидел его.

Он молит о том, чтобы почувствовать хоть что-то большее, чем эти эмоции, задыхается от этой муки. Он просит меня заменить на что-то иное эту гребаную пытку. И прямо сейчас я не могу поддаться этой болезни. *Не могу.*

— Давай же, — насмехается он, а его глаза красные от ярости и горя. Полные слез. — Я видел, как ты выбивал дерьмо из парней вдвое больше меня. Я знаю, что ты хочешь меня ударить, — он делает шаг мне навстречу. — Дерись в ответ!

Я поднимаюсь с земли, моя стойка не уверенная и шаткая.

— Я не стану.

Он толкает меня в грудь.

Я поднимаю руки.

— Ло...

Он снова бьет меня кулаком. Я спотыкаясь отхожу назад, на этот раз удерживая равновесие.

На заднем плане Дэйзи кричит:
— ОСТАНОВИСЬ! — она плачет.

Лили тоже плачет.

Я думаю, что может быть даже Роуз плачет. Однако она быстро вытирает слезы и шмыгает носом.

Ло указывает на меня.

— Ты — гребаный трус.

Сейчас его слова и голос звучат точь-в-точь как у нашего отца. Так что я просто держу рот на замке.

Сквозь стиснутые зубы он говорит:

— Ты пиздец как боишься говорить о нашем отце. Также как боишься говорить о своей собственной матери, — он делает несколько шагов вперед. Я делаю несколько шагов назад. Я — добыча, с которой он готов содрать шкуру.

— Что ты хочешь услышать от меня? — рычу я. — Что я охуеть как боюсь? — я указываю пальцем себе в грудь. — Я *охуеть* как боюсь, Ло! — мои глаза горят от ужасной гребаной боли. *Ебанный ад*. — Я чертовски боюсь, что они станут манипулировать мной, любовью к ним, тогда как все, чего хочу я — это забыть!

— Что они на фиг тебе сделали?! — орет Ло. — Я жил *с нашим* отцом. А ты просиживал штанишки в своем белом украшенном жемчугом особняке с мамочкой, которая тебя любила!

Я качаю головой. Это не решит ничего. Моя грудь вздымается и опадает.

— Расскажи мне! — орет Ло. — Расскажи мне, как тебе было хреново, Рик. Что он сделал тебе? Неужто он дал тебе подзатыльник, когда ты получил тройку за тест по математике? Или он орал на тебя, когда ты отправился на скамью запасных, играя в младшей лиге? — Ло приближается ко мне, его глаза прищуриваются, а на щеках видна влага. — Что он на хрен тебе сделал?

Я снова качаю головой. Я не жертва, как Ло. Если я поясню ему свою позицию, это не приведет к добру. Это лишь выведет еще больше дерьма на свет.

Ло снова ударяет меня кулаком в грудь, и на этот раз что-то ломается внутри меня, и я отвечаю, бью его в ответ. Он спотыкается, но удерживается на ногах, не падая в грязь.

— Я не стану с тобой на хрен драться! — кричу я. Но он не слушает. Он снова атакует, и когда брат пытается повалить меня, я толкаю его вниз наземь.

Я сильнее него.

Старше него.

Я — худшее и лучшее, что когда-либо случилось в его жизни. Я знаю это.

Я прижимаю его спину к земле, мои руки на его запястьях, а колени вжимаются в его ребра.

— Я не хочу драться с тобой, Ло, — говорю я, задыхаясь.

Его глаза еще сильнее краснеют.

— Ты потратил столько времени на чертовы попытки спасти меня, — говорит он, — и даже не осознал, что убиваешь меня, — слеза катится по его щеке. Он прерывисто вдыхает, а затем выпускает воздух. — Знаешь ли, новости показывают не только в Филли. Они повсюду, куда бы мы не поехали. Даже на заправке в Юте, — его глаза переполняет грусть. — Они думают, что отец соблазнил меня. Вся гребаная страна. Люди думают, что наш собственный отец прикасался ко мне, и ты не делаешь ничего, чтобы развеять эти

слухи, — его острый взгляд неоднократно ударяет меня, будто нож. — Почему ты веришь им, а не мне?

— Я верю тебе, — шепчу я, на сей раз не колеблясь. Я верю ему. Думаю, я всегда могу ему верить. Но что-то большее удерживает меня от защиты Джонатана Хейла, что-то столь необузданное, что о нем больно даже думать. И сейчас я вынужден столкнуться с данными эмоциями снова, потому что вернулся к этой жизни. Я мог бы оставить это все позади, как и планировал. Если бы я бездействовал три года назад, если бы оставил Ло на той вечеринке на Хеллоуин, я бы никогда не пережил эту ненависть. Я бы никогда не повстречался с чувствами, что накатывают на меня сейчас.

Ло, вероятно, читает мое выражение лица, потому что в ответ он спрашивает:

— Что, черт побери, отец сделал тебе, что ты так сильно его возненавидел?

Он спрашивал меня об этом раньше, лишь однажды, и я дал ему не лучший ответ. Вся правда кажется колющей и эгоистичной. Так чертовски глупо сравнивать это с теми двадцатью тремя годами, что провел мой брат с нашим отцом. Но я обязан рассказать ему правду. Я и так достаточно лгал Ло.

— Он выбрал тебя, — говорю я. — Он выбрал незаконно рожденного ребенка и поставил его превыше меня и моей матери, и я на хрен лгал для него всю свою жизнь. Я скрывал свою личность ради него. Для окружающих у меня не было матери, я был Мэдоуз, а она — Сара Хейл. Для всех, у меня не было отца. Я спас его репутацию, а он закапывал меня в землю каждый чертов день, он выбрал тебя, а не меня, каждый день он возвышал тебя и отталкивал меня. Я не мог дышать, так чертовски был зол.

Его нос снова расширяется, когда брат пытается подавить еще больше своих эмоций.

— Я думал, ты узнал обо мне, только когда тебе исполнилось пятнадцать.

— Я говорил тебе, что встречался с отцом в загородном клубе каждую неделю. Я знал его имя. Я знал, что он был моим отцом. Он был долбаным светским львом, так что да, я был достаточно умен, чтобы сложить два и два и понять, что его сын — мой брат. Они просто не рассказали мне об этом, пока мне не исполнилось пятнадцать, — я дрожу от ярости, которая сотрясает мои кости. Дело не в Ло. Дело в прошлом, все проблемы кроются в прошлом.

Я бы хотел отмотать назад время и просто избежать всего этого. Но вот мы здесь, и это пиздец как отстойно. Я поднимаюсь с Ло, но не могу встать на ноги. Я слишком эмоционально истощен, так что опускаюсь на свои слабые колени. Мои лицо пульсирует, вероятно, Ло поставил мне более чем пару синяков.

Он даже не садится, его глаза устремлены в небо.

— Я держу обиды при себе, — признаюсь я. — Но думаю, ты поступаешь также, Ло, — я смотрю на него, и его челюсть сжимается. Он никогда не закрывал глаза на мои ошибки, никогда не прощал мне ненависть к нашему отцу и всегда выгораживал скорее его, чем меня.

— Я просто хотел бы, чтобы ты мог полюбить меня больше, чем ненавидишь его, — говорит мне Ло. Это самый честный ответ за все время нашего знакомства. Он поворачивает голову и смотрит на меня глазами полными слез. — Это вообще на хрен возможно?

Все мое тело болит. Я провел так много лет, сожалея о каждой худшей мысли, что была у меня по отношению к Ло, о каждом проклятии, что я желал ему, каждом кусочке ненависти, что омрачала мою душу. Сейчас я знаю обо всем, что он имеет. О доме, в котором мать никогда не любила его. Где отец давил на него со всей силы. Не было никого, кто бы поддержал его после гребаного падения.

Но в вопросе о слухах на счет соблазнения, я выбираю ненавидеть Джонатана, а не

защитить своего брата. Я никогда не думал, что так случится. Я всегда думал, молчание означает, что я *наконец-то* перестал оберегать монстра, прекратил помогать скрывать его деяния.

А фактически я как моя мать.

Я превращаюсь в нее, пытаюсь ранить Джонатана, как только могу, и в конце концов люди, о которых я забочусь, попадают под перекрестный огонь.

Все это чертово время... Саманта Кэллоуэй была права. Она обвиняла меня во всем этом, тогда в квартире Дэйзи. А я отказался выслушать ее. Поверить ей. Я стал тем, кем не хочу быть, а думал, что устремляюсь как можно дальше от этого.

Я вздыхаю, моя грудь сжимается.

— Я люблю тебя, ты знаешь это, — говорю я брату, хлопая по его ноге.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Я не знаю, Ло, — говорю я. — Но я хочу этого. Я хочу этого так чертовски сильно, но все не так просто, не достаточно просто хотеть жить в мире. Я ненавижу его за то, что он делал по отношению ко мне, за то, что он делает с тобой.

Ло качает головой и садится. Он вытирает лицо футболкой, и в его взгляде снова проступает холод.

— Иисус Христос, — хохочет он горьким гребаным смехом. — До тебя так и не дошло. Я заслужил каждое слово, что сказал мне отец. Ты не знал меня в начальной школе, Рик. Я был долбаным дерьмом. Я был *ужасен*.

Я хмурюсь.

— Даже не говори мне, что ты *заслуживал* этого. Никто не заслуживает, чтобы его унижали каждый хренов день.

Он глубоко вздыхает, его мышцы начинают расслабляться. Ло поднимает на меня взгляд и произносит:

— Он никогда не прикасался ко мне.

Он знает, что я не это имел в виду. Я не хочу делать это с братом. Мы спорим на данную тему все время. Но я должен вбить это в его твердолобую башку. Я наклоняюсь вперед и сжимаю его лицо своими ладонями.

— *Перестань* защищать его. Не ради меня, ладно?

Есть вещи, на счет которых наши мнения никогда не сойдутся. Неважно, как бы напряженно Ло не пытался переубедить меня. Неважно, сколько раз мы окажемся поверженными наземь.

Он отшатывается, и я отклоняюсь назад, ощущая нарастающее между нами напряжение. Тишина сгущается в одно мгновение, и думаю, возможно, Ло ждет, что я извинюсь или, быть может, пытается справиться с самим собой. Но спустя пару секунд он указывает пальцем мне в лицо.

— Этот синяк, вот здесь, был, к слову, за младшую сестру моей девушки.

Мой желудок сводит. *Что?*

РИК МЭДОУЗ

Лицо Ло снова становится угловатым, но на этот раз он смотрит на меня с полуулыбкой.

— Таблоиды поймали вас прямо возле Дьявольской башни, — он достает свой телефон из кармана и скользит пальцем по экрану. Потом протягивает его мне. — Фотография размещена уже на каждом сайте сплетен, — я избегаю таблоидов, так что не удивлен тому факту, что упустил это из виду. Словно этого и не было.

Я уверенно смотрю на снимок.

Дэйзи сидит верхом у меня на плечах. Мы крепили гамак к деревьям, и она фиксировала ремни на последнем стволе дерева. Но фото будто сковало нас во времени: ее голова опущена вниз, а губы прижаты к моим, моя рука у нее на шее, а пальцы перепачканы в пурпурный и розовый краситель. Ее волосы все еще влажные.

И она улыбается, целуя меня, отчего ее глубокий и покрасневший шрам растягивается.

Ее гребаный шрам — во всех новостях. Родители Дэйзи узнают о травме лица своей дочери из чертовых таблоидов. *Вот же блядство!* Моя челюсть сжимается, и я бросаю телефон обратно Ло с большей агрессией, чем хотел бы.

— Расстроен, что вас поймали?

Я не произношу ни слова. Не могу говорить так, чтобы не заорать.

— Прощу, поговори со мной, — восклицает Ло, — потому что мне нужно понимать что происходит, или я могу снова ударить тебя.

Я качаю головой, мой голос становится более глубоким и низким.

— Это просто произошло.

— Это просто произошло? — Ло качает головой, словно я всегда использую данное оправдание. Уверен, что никогда не говорил ему подобного. — Это реально хуевый ответ, — красная грязь покрывает наши тела, и из-за этого волосы Ло кажутся светлее. — Ты трахнул младшую сестру Лили и говоришь "*О, это просто на хрен произошло*"? Ты типа нечаянно споткнулся и свалился на нее? Или просто добавил ее в свою коллекцию девушек? Это была интрижка на одну ночь?

— Это не то, что я на фиг имел в виду, — я кривлюсь от этих слов. Пытаюсь успокоить свои эмоции от увиденного фото и правды, которую родители Дэйзи узнают, прежде чем мы сможем сами им ее рассказать. Чем мы думали, считая, что сможем жить в этой фантазии вечно? Нам следовало рассказать им о беспорядках еще до отъезда из Парижа.

— Тогда что ты имел в виду? — спрашивает Ло.

Я встречаюсь с ним взглядом.

— Все серьезно.

— Настолько серьезно, что ты не поделился этим с нами.

— Потому что я знал, ты бы набросился и порвал мне чертово горло! — злость поднимает меня на ноги. Ло встает следом за мной, и мы оба тяжело дышим.

Долбаный второй раунд.

— Если бы ты заботился о ней, — говорит брат, указывая на меня пальцем, — тогда не скрывал бы это как что-то неправильное!

— Иди к черту! — восклицаю я. — Ты сделал это *невозможным*, Ло!

— Ей ВОСЕМНАДЦАТЬ! — орет он. Ло делает два наступательных шага ко мне, и хот мое тело молит *ударить* его кулаком, я должен снова сделать два шага назад. — Она мне как младшая сестра. Это и *не* должно было быть возможным! Но тебя не волновало ничего из вышесказанного. Ты все равно *трахнул* ее.

Я пиздец как заведен. Но предательство снова отражается в глазах Ло.

И потому я заталкиваю свои эмоции в долгий ящик, не позволяя им и дальше нарастать. Ло сердито смотрит на меня.

— Твой член наконец получил то, чего хотел? — мой брат — худший дьявол на моем гребаном плече. И при этом я все равно его люблю. — Ей исполнилось восемнадцать, и ты смог *наконец* затолкнуть свой стояк в...

— Нет, — рычу я. — Все было на хрен не так!

— Я должен оставить тебя в одиночестве в этой пустыне, — усмехается Ло. — Прямо сейчас я корю себя за каждый раз, что позволял тебе приблизиться к Дэйзи, за каждый раз, когда оставлял тебя с ней наедине...

— Ты не знаешь, о чем блядь говоришь, — я думаю о всех тех случаях, когда она была одна, боялась и была ранена, а я — тот, кто, черт побери, был тогда с ней. Никого больше не было рядом. У Ло имелось свое собственное дерьмо, так какого хрена я должен терпеть от него порицания?

— Я не знаю, о чем говорю, Рик? — он трет рукой свои губы и кривится. — Как долго это длится? Скажи мне, сколько на хрен времени она нравится тебе больше, чем просто друг, и давай посмотрим, все ли это происходило лишь в моей голове?

— Я не знаю, — и это правда. У меня всегда было к ней такое отношение. Я просто не могу осмелиться признать это.

— Я спрошу тебя снова, — говорит Ло, его голос гремит злостью. — Сколько...

— Остановись, — говорю я уверенно.

Он делает шаг ко мне.

— Нет, *сколько*...

— ЧЕТЫРЕ ГОДА! — кричу я, вены выступают на моих руках, а лицо краснеет, когда освобождаю то, что так долго сковывал внутри себя. Я делаю шаг навстречу Ло. — Это ты хотел услышать?! Да, Ло.

Он так сильно стискивает зубы.

— Ты лжешь? — он не желал в это верить. Ло хотел ошибаться.

— Нет, — говорю я, и слезы жгут мои чертовы глаза. — Меня пиздец как тянуло к этой девушке. Но я *никогда* не планировал идти на поводу у этого влечения. Я никогда не собирался даже пытаться завоевать ее. И я старался... — я указываю на брата. — Я старался на хрен изо всех сил не думать о ней в этом ключе. Это было неправильно. Я знал, это было чертовски неправильно. Я подавлял в себе данные желания, как только мог, — но когда ей было пятнадцать, шестнадцать, семнадцать — меня все равно неизменно влекло к ней. Вина преследовала меня постоянно. И я решил игнорировать ее.

— Тогда почему ты не продолжил держаться от нее подальше? — отвечает Ло. — Почему не проложил между вами сто чертовых тысяч километров? Ты флиртовал с ней каждый день, Рик. Ты стал ее *другом*.

— Я убедил самого себя, что ничего не случится между нами, так что думал, что смогу держать дистанцию.

— Ты ебаный идиот! — орет на меня Ло.

Я знаю.

— Она была такой сексуальной, что ты не смог сказать нет, после того как Дэйзи стала совершеннолетней...

— Нет, — перебиваю я его до того, как Ло успевает закончить. — Все было не так.

— А как тогда?! — восклицает он.

И я взрываюсь.

— Я ОХУЕТЬ КАК ЛЮБЛЮ ЕЕ! — кричу я, и мое сердце ударяется о ребра.

Моя челюсть отвисает, а его брови хмурятся в замешательстве, пока брат внимательно изучает черты моего лица. Я чувствую, как он пытается отыскать в них ответы.

И они там.

— Я черт возьми влюбился в нее. И мне было больно находиться от нее вдали. Было больно видеть ее с другими парнями. Все это *охуенно* ранило, и я не хотел больше жить с этой болью. Я на фиг не мог, — я глубоко вздыхаю. — Я не могу рассказать тебе, когда это стало невыносимым, но именно так все и было, — где-то между поедаящей гранат на своей кухне Дэйзи и настоящим.

Он смотрит на меня в течение реально длительного момента, обдумывая это заявление.

— Я знаю, больше чем кто-либо другой, как больно видеть того, кого ты любишь с другими людьми. Но ты не можешь по-настоящему ее любить...

— Я знаю ее больше двух лет, — говорю я брату. — Я провел с ней так много дьявольского времени, Ло. Мы часто были вместе, так что да, я влюбился в нее.

Ло бросает взгляд на Дэйзи, и я следую за его взглядом. Она плачет, прижимаясь к плечу Лили. Мое сердце разрывается снова, мне нужно сдержаться, чтобы не броситься и не стать утешать ее.

Когда с трудом возвращаю свое внимание к брату, то осознаю, что он наблюдал за тем, как я смотрел на Дэйзи. Он ничего не говорит, но я не сдерживаю слов на сей раз.

— Ты можешь оставить меня здесь, но я найду обратный путь. Я не могу оставить ее и не оставлю тебя, не важно как сильно ты будешь отталкивать меня на хрен, — Ло нуждается во мне. Он знает, что нуждается. И я хочу быть частью его жизни. Я не желаю возвращаться к одиночеству, к тем поверхностным отношениям с людьми, которые ничего для меня не значили, к друзьям, которые бы предали меня.

— Как сильно это ранило? — спрашивает брат ни с того ни с сего.

— Что ранило?

— Видеть ее с другими парнями.

Я задыхаюсь от потока воспоминаний.

— Чувство такое, словно кто-то топил меня в гребаной соленой воде и сжигал в огне.

Уголки его губ приподнимаются в подобии дьявольской улыбки.

— Тоже самое, — он делает несколько глубоких вдохов и добавляет: — Мне нужно какое-то время. Но я не стану снова бить тебя. Так что можешь упиваться этим.

— Спасибо, — говорю я.

Он кивает пару раз, а затем говорит:

— Я бы хотел, чтобы ты влюбился в какую-то другую дьявольскую девушку.

И в этот момент, я тоже хотел бы этого.

— Мне жаль. Я правда на хрен сожалею. Что лгал.

Он пожимает плечами.

— Ты не хотел, чтобы тебе надрали зад.

— Нет, — я качаю головой. — Я не хотел ранить тебя.

Он снова кивает.

— Я смирюсь с этим. Просто... дай мне чертово время, — Ло направляется к девочкам, а я стою на месте, эмоционально истощенный.

Но тут он останавливается. Разворачивается и ждет, что я присоединюсь к нему.

Это предложение мира.

Я вижу его в чертах лица брата, читаю вину в его глазах, хоть и вперемешку с прежней злостью. Этого достаточно для меня. Я иду вперед и присоединяюсь к Ло. Он снова начинает шагать, когда я оказываюсь рядом.

Вот так просто.

Прошлое и настоящее смешалось в этой грязи.

И, возможно, сейчас мы наконец сможем двигаться вперед.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

31-е октября.

Предполагалось, мы доберемся к концу месяца до Йосемити, но разыгралась буря. Дождь молотит по металлической крыше мексиканского ресторана где-то в Неваде. Сотовое покрытие в пустыне было отстойным, так что я так и не смогла поговорить с родителями о своих отношениях или неисправимых последствиях травмы на моем лице.

Я использую дни, пока они у меня есть. В некотором роде, это — некрасиво.

Нет, скорее по большому счету, это — некрасиво.

Я смотрю на Рика рядом со мной, на выцветшие синяки на его щеке и челюсти. Они выглядят гораздо лучше, чем были несколько дней назад. Мы все закрылись в себе с момента ссоры ребят, и сейчас реально первый раз за последнее время, когда мы сели все вместе как единая группа.

Все мы сидим за столом в кабинке круглой формы, наша одежда и волосы влажные от мимолетных перебежек под дождем. Напряжение исходит от каждой пары ребят. Лили и Ло заняли один конец стола. Роуз и Коннор сели посередине. А я с Риком — напротив его брата и моей сестры, прямо в противоположном конце стола от Ло с его ярко выраженными чертами лица и прищуренными глазами.

Он не вел себя озлобленно, а это уже хорошо. Могу сказать, он пытается принять мои отношения с его братом — но это не означает, что парень оставил нас без язвительных комментариев.

Все шестеро из нас несомненно изменились.

Руки Рика прямо сейчас обернуты вокруг моей талии, и мы так близко друг к другу, что наши ноги сплетаются под столом.

— Это неловко, — начинает Ло говорить об очевидном, после того как официантка принимает у нас заказ на напитки. Его взгляд мечется к Рику, а затем к каждому из нас.

Роуз выжимает свои волосы, вода капает с ее темных прядей.

— Значит, возможно, тебе не следовало бить своего брата кулаками, Лорен.

Ло вертит в руке нож и указывает на картонный гроб, висящий на потолке — часть декораций к Хэллоуину.

— Возвращайся в кроватку.

Она открывает рот, чтобы ответить, но Коннор накрывает ее губы своей рукой.

— Сегодня его день рождения, — напоминает он Роуз. — Будь милой.

В глазах сестры мерцает холод. Коннор опускает руку от ее рта, и Роуз продолжает молчать. На семь секунд где-то.

— Да пойми же наконец, Лорен. Они трахаются. Его член погружается в ее... — Коннор быстр, его рука взлетает обратно к ее рту.

— Роуз! — говорит Лили, широко открыв глаза, а ее лицо становится красным.

Я не могу решить чего хочу больше: рассмеяться или продолжать вести себя тихо. В конце концов я сосредотачиваюсь на салфетке перед собой, пытаюсь, но не очень-то успешно, сложить ее в форму тыквы.

Коннор обращается к своей жене:

— Думаю, мы все понимаем человеческое строение тела и знаем, какие его части

участвуют в сексе.

Я улыбаюсь.

— Я не знаю, — шучу я. — Я пропустила эти занятия, — я поднимаю взгляд на Рика. — Куда там погружается член парня?

Рик смотрит на меня мрачным взглядом, приподнимая брови. Клянусь, он хочет улыбнуться, или *почти* что улыбается. Я добьюсь его улыбки.

Ло стонет и машет официантке.

— Нам нужны шоты с текилой.

Рик замирает, все его внимание покидает меня, а руки резко оказываются на столе.

— Ло, ты не можешь...

— Это — мой день рождения...

— Я не шучу, — говорит Рик, словно его брата ударила молния и поджарила мозг Ло, так что все мы не видели этого.

Лорен наклоняет голову.

— Позволь мне закончить, — официантка возвращается с подносом шотов до того, как кто-то успевает еще хоть слово молвить. Она также приносит тарелку с куриными тако, которые заказал Ло ранее — его любимое блюдо. Шоты текилы выставляются возле корзинки с картофелем фри, словно бомба замедленного действия. Я гляжу на Лили и Роуз, гадая, что нам следует сделать, но Лили ютится в своем кресле, все еще краснея, а Роуз смотрит на своего мужа по той же причине, что и я на нее.

Это странно.

Сейчас уже не просто неловко, *но и* странно.

Официантка уходит, и Рик произносит:

— Поясни.

Ло кивает на Лили, Роуз, Коннора и меня.

— Эти четверо все еще могут выпить. То, что я не пью, не означает, что я не могу вынести вид алкоголя. Я знаю, что налажал недавно, но не хочу, чтобы мне напоминали об этом ежедневно. Я хочу доказать себе, что могу быть в окружении *этого*, — он указывает на шоты ножом. — А сейчас пейте, но не ты, — он направляет нож на Рика. — Все остальные возьмите шоты. Отпразднуйте мой двадцать четвертый год в этом мире. Уверен, я повлиял на многих людей в хорошем смысле, — он выдавливая из себя сухую улыбку.

Рику требуется секунда, чтобы переварить это, а затем он кивает.

— Ладно.

— Отличная речь, — говорю я Ло, первой дотягиваясь до стопок, тем самым уменьшая натяжение. Это помогает, но не сильно, так как Лили и Роуз остаются неподвижны.

Роуз с Коннором в некотором роде утроили дуэль взглядов.

— Прекрати читать все мысли других людей, — говорит Ло. — Это жутко.

Я облизываю сторону своей руки.

— Это же Хэллоуин.

Рик передает мне солонку, и я скрещиваю ноги, поджимая их под попку, так что сижу на уровне чуть ниже стола. Высыпаю немного соли на влажную часть кожи.

— Лил, — говорит Ло, притягивая поднос со стопками ближе к ней.

Она качает головой.

— Я не хочу пить.

Ло хмурится.

— Ты уверена? — его голос мягче, когда парень обращается к ней. — Может ты будешь пиво?

— Нет, думаю, я обойдусь водой.

Она не сильна в распитии алкоголя, так что я не удивлена ее ответом на данное предложение. Во время семейных мероприятий она предпочитает придерживаться безалкогольных вариантов напитков, тогда как Роуз выбирает мимозу, белое вино или сухой martini.

Коннор отрывает взгляд от жены и берет для них обоих два шота. Потом он говорит что-то непонятное ей на французском.

Я бы хотела, чтобы Рик мог перевести это для меня, но мы здесь все так близко друг к другу. Стало бы очевидно, что он понимает язык. А он делает вид, словно не подслушивает, ест куриный тако одновременно с Ло. Неудивительно, что парень смог так долго скрывать свое отличное знание французского.

Я едва ли могу сказать, что он вообще слушает Роуз и Коннора.

РИК МЭДОУЗ

Я кладу больше сальсы в свой тако, пока Роуз смотрит на Коннора, а он в ответ на нее, в немом вызове. Они обычно ведут себя странно, но прямо сейчас их поведение по-настоящему *очень-очень* странное.

Он произносит:

— *Buvez avec moi. — Выпей со мной.*

Ее ноздри расширяются, когда взгляд опускается на текилу. Роуз хватается за шот, не сдавая позиций, а затем подносит его ко рту.

Я откусываю тако, и когда смотрю на них снова, замечаю, как напряглась челюсть Коннора, а его взгляд стал более мрачным. Мне кажется, они играют в опасную игру из разряда кто-кого. Как тогда, когда я был в баре с Ло в Париже. Я чувствую сходство того момента с этим, но у моего разума едва ли есть время, чтобы сложить два и два.

Роуз прикладывает край стопки к губам. Коннор хватается за запястье и вынуждает опустить руку, шот брызгает на стол, когда стекло ударяется о столешницу.

Брови Ло хмурятся, пока он поднимает ко рту тако.

— Что за на фиг?

Дэйзи замирает, лайм зажат в ее руке.

Коннор сердито смотрит на Роуз.

— *Vous êtes allée assez loin. — Ты слишком далеко зашла.*

Ее глаза готовы пронзить его.

Коннор качает головой.

— *Dites-le tout simplement. — Просто скажи это.*

Она резко вздыхает.

— *Ne faites pas ça. — Не буду.*

Коннор медленно пододвигается ближе к ней, и она удивленно отстраняется. Он сжимает в ладонях ее лицо, а его большой палец поглаживает Роуз по щеке, когда Кобальт произносит:

— *Vous n'avez rien à craindre. — Тебе нечего бояться.*

Она пытается взглянуть на нас, но он вынуждает ее смотреть прямо на него, встретиться лицом к лицу с тем, что она скрывает.

Роуз прекращает бороться и позволяет мужу выиграть на сей раз эту долгую затянувшуюся игру. Ее взгляд опускается на текилу, и Коннор кладет ладонь поверх стопки, тем самым говоря ей "нет". Я заканчиваю есть свой тако и хватаю стакан с водой, делая большой глоток.

Коннор сжимает подбородок Роуз пальцами и говорит:

— *Vous êtes enceinte. — Ты беременна.*

Я давлюсь водой.

Вот так просто. Одно слово. *Enceinte*. И моя защитная стена разрушена.

Ебаная чертовщина.

Они оба поворачивают головы в мою сторону. Ради бога, даже мой брат смотрит на меня так, словно я отрастил рога, а Лили могла бы ловить ртом мух.

Глаза Коннора продолжают темнеть, а его выражение лица настолько редкое, что мою

шею заливают жар.

— Почему вы на хрен смотрите на меня так? — спрашиваю я настороженно, отрицая их догадки. Но мои усилия бесполезны. Это же Коннор Кобальт. Если мой брат осознал, что я понял их разговор, значит Коннор и подавно.

— *Vous savez pourquoi.* — *Ты знаешь почему.*

Он продолжает качать головой, словно не может в это поверить. Возможно, он расстроен тем, что ошибался в чем-то. Что неправильно читал меня все это время. Что случайно, черт побери, подслушивал их диалоги годами. Все вышеперечисленное.

Мои мышцы напрягаются, и Дэйзи кладет руку мне на ногу под столом, поддерживая. Я переплетаю свои пальцы с ее, а затем киваю Коннору.

— Тебе следует быть менее сфокусированным на мне и более на хрен обеспокоенным своей беременной женой, которая почти что выпила текилу, чтобы переиграть тебя в гребаном споре.

— Что? — говорит Ло. Он откидывается назад, словно поверженный ураганом.

Роуз сердито смотрит на *меня*.

— Чтобы ты подавился снова своей водой, — это ее стандартное оскорбление в адрес Ло.

Я показываю ей средний палец, и она делает тоже самое в ответ, вот такая отвратительная демонстрация средних пальцев. Но это не похоже на то, если бы я учил ее данному жесту.

Я бы очень хотел уберечь себя от всей этой неловкой ситуации, но мы застряли за одним столом, вынужденные иметь дело с серьезными вопросами, которые скрывали друг от друга.

Ло поднимает руки к голове, а его взгляд мечется между мной и Роуз.

— Вы оба превратили значение сюрприза на день рождения в нечто новое и ебанутое.

Роуз смаргивает слезы. Неудивительно, что она так эмоциональна во время всей этой поездки. Я редко видел ее плачущей, а за прошлые две недели, она, вероятно, пролила столько слез, сколько не лила за последние пять лет.

— Иисусе, — говорит Ло, тоже осознавая это. Его передергивает, и он выглядит немного виноватым. На Роуз, очевидно, воздействовали гормоны, вызывая неадекватную реакцию, тогда как он не раз донимал ее. То есть, она на хрен даже не могла рассказать обо всем Коннору. Ей потребовалось заставить парня разгадывать сию тайну.

Но их отношения работают именно таким образом, по крайней мере, я так предполагаю. Точно не знаю, конечно, так как не могу заглянуть в их головы. Лично я бы лучше вынудил девушку орать на грани возможностей своих легких и бросать в меня вещи, тем самым сообщая мне, что она беременная, чем мучить меня месяцами, делая из этого тайну.

Коннор немного разворачивается, чтобы взглянуть на Роуз.

— Ты знаешь об этом уже пять недель, — он заявляет это, не спрашивает.

Она задерживает дыхание.

— Нет.

Коннор хмурится.

— Семь?

Она качает головой.

Он выглядит охрененно раздраженным. Потирает губы, пытаясь скрыть эмоции, но я вижу в его глазах боль и злость.

— Восемь недель?

Она сердито смотрит в ответ.

— Ne me regardez pas comme ça. — *Не смотри на меня так.*

Они оба переводят взволнованные взгляды на меня, теперь осознавая, что я все понимаю.

Роуз шумно вздыхает, протягивая руку за бутылкой воды.

— Что они сказали? — спрашивает Лили.

— Я не вникал в это, — говорю я ей.

Роуз произносит:

— Ты безумен, Ричард, помешан на своих числах. Мне жаль, что ты не был прямо...

— Нет, дорогая, — отвечает ей уверенно Коннор. — Я расстроен, потому что потребовалось столько времени, чтобы ты рассказала об этом. Я думал, что ты бы призналась мне в этом максимум в течение месяца.

— Как давно ты знал? — спрашивает она тихо.

— Когда у тебя спустило шину, я стал почти что уверен в этом. Твой GPS был настроен на адрес гинеколога, и ты целенаправленно спорила со мной на следующий день, так что мне пришлось спать на диване. Тогда я и осознал, врачи подтвердили то, что ты и так уже знала, но боялась мне рассказать.

Ло хмурится и смотрит на Лили.

— Ты знала? — она была тогда в машине с Роуз.

Лил кивает, от движения ее плеч содрогается все тело девушки.

— Моральная поддержка.

Коннор осторожно смотрит на Лили, прежде чем перевести взгляд на свою жену.

Роуз неподвижно сидит, а ее подбородок дрожит.

— Я все не так планировала. Мне же еще нет тридцати пяти.

Возвращается официантка, прерывая возможность самого странного анонса беременности. В мексиканском ресторане. С текилой на столе. На французском языке.

— Готовы сделать заказ? — спрашивает девушка.

— Нам нужно еще минут десять, — отвечает ей Дэйзи.

Официантка кивает, ее взгляд останавливается на шраме Дэйз, а затем она уходит. Я не могу сказать, узнала ли нас эта девушка, но Дэйзи почему-то наклоняет голову к моему плечу. Я зарываю пальцы в ее волосы.

— Ты не сделаешь аборт, — говорит Коннор Роуз.

— Я знаю, — отвечает она, а в ее глазах вспыхивает пламя. — Ты хочешь потомство. Восемь детей, я помню.

— Мы женаты, — говорит он. — У нас есть *миллиарды* долларов. Возможно, мы молоды, но можем стать лучшими родителями. Ты просто должна поверить, что станешь замечательной мамой.

Я видела поведение Роуз рядом с детьми. Материнства в ней столько же, сколько в чертовой кирпичной стене, ее нос морщится от отвращения, когда дети плачут или пускают слюни. Но я знаю одно — когда она кого-то любит, то вкладывает всю свою гребаную душу и время в этого человека.

После долгой паузы молчания Роуз тихо произносит:

— Я думала избавиться от ребенка.

Лицо Коннора остается нечитаемым.

— Я знаю.

Она напряженно сглатывает.

— Лили отговорила меня.

Ло целует Лили в висок. Думаю, мы все рады, что Роуз отказалась от этой опции, даже если она думала о ней.

И я бы еще больше посочувствовал Коннору, понимая, что он знал все заранее.

— Я просто... — Роуз делает глубокий вдох. — Я думала, что у меня есть пара месяцев, прежде чем мое тело начнет реально изменяться. Два месяца, чтобы игнорировать тот факт, что мой мир летит в тар-тара-ры и внутри меня растет живое существо. Дай мне это время.

Он улыбается.

— Я и дал, дорогая.

— Итак, — произносит Ло, — как именно два гения *случайно* забеременели? — он весело попивает свой напиток.

Роуз начинает собирать свои курчавые влажные волосы в хвостик.

— Почему бы тебе не ответить на этот вопрос, Ричард? Это проделки твоих друзей — сперматозоидов ада.

Ло смеется.

— Я думаю, ты вводишь меня в заблуждение на счет "создания", растущего внутри тебя.

Коннор поднимает руку, успокаивая их. Роуз, кажется, готова броситься на моего брата и избить его своей сумочкой. Вероятно, там имеется баллончик с перечным спреем.

— У нас был незащищенный секс, — объявляет Коннор.

На этом Роуз тыкает в меня пальцем. *Блядь*.

— Потому тебе лучше использовать презерватив, когда ты с моей сестрой.

Мое лицо напрягается. Я уже говорил ей, что предохраняюсь с Дэйзи. Им всем нужно выпустить пар.

— Это не твое гребаное дело, Роуз.

Дэйзи перебивает свою сестру, просто пытаюсь ее успокоить.

— Я принимаю контрацептивы.

— Как и я, — восклицает Роуз. — И я *никогда* не пропустила ни дня, — она гордится сим фактом.

— Тогда что же на хрен случилось? — спрашиваю я, разводя руки в знак удивления.

— Таблетки предохраняют вас лишь на девяносто девять процентов, — отвечает Коннор. — Мы, конечно, вошли в этот один процент.

Роуз шлепает его по руке на сей комментарий, и он хватается за запястье и глубоко целует. Она тает, как лед. И я на хрен прекращаю наблюдать за ними.

А затем встречаюсь взглядом со своим братом, с Ло. Он обнимает Лили, и даже услышав эти новости, он выглядит сейчас, в данный момент, спокойнее, чем был три дня назад.

— Итак, ты знаешь французский, — говорит он, обращаясь ко мне.

— Ага, знаю французский.

Коннор держит руку Роуз поверх стола и кивает мне.

— Где ты выучил?

— Репетитор в детстве, как у тебя и у Роуз.

— Я, по сути, самоучка, — говорит Коннор с усмешкой на устах.

Ло медленно хлопает.

— Поздравляю тебя, любимый.

Коннор лишь шире улыбается на это, и что удивительно, я тоже.

Лили оживает.

— Я тоже немного учила французский, — она прокашливается. Думаю, мы все внутренне смеемся, но не над ней, а скорее просто на фиг вместе с ней. Она пиздец какая забавная. С сильным американским акцентом, Лил произносит:

— Comment allez-vous? — *Как дела?*

Коннор отвечает с искренней улыбкой:

— Je ne pourrais pas être plus heureux. — *Я не могу быть еще более счастливым.*

Роуз расслабляется в объятиях мужа. А Лили выглядит по-настоящему чертовски смущенной. Он уже обыграл ее.

Дэйзи двигает сложенную салфетку в виде тыквы передо мной. Я сжимаю ее руку под столом. И на мимолетное мгновение я думаю о том, что будет после Калифорнии, после моего восхождения. Когда мы вернемся в Филли. О ее родителях... которые, кажется, станут довольно сильно нам препятствовать. Мне все-таки двадцать пять. Но ваша семья не уходит на задний план просто так, когда вы становитесь взрослым. Они — часть вас навсегда.

Я добавляю свою реплику в общий котел:

— Je serais génial, mais je sais ce qui me fait toujours obstacle. — *У меня было бы все здорово, но я знаю, что все еще кое-что стоит на моем пути.*

Ло снова хлопает.

— Ты меня впечатлил, — говорит он мне. А затем поворачивается к Лили. — Ты почти в совершенстве владеешь языком, любимая.

Она ударяет его кулаком в грудь, и он притворно стонет так, словно ему и правда больно. Они оба улыбаются.

А мой взгляд обращается к Коннору, который смотрит на меня с пониманием и еще большим сочувствием.

Он произносит:

— Tout ira bien, mon ami. — *Все будет хорошо, мой друг.*

Коннор говорил, что он не верит в волшебство, но его слова владеют странной силой, которая наполняет меня спокойствием, неким временным умиротворением, и я рад чувствовать это накануне своего восхождения.

Все будет хорошо, мой друг.

Я киваю в ответ пару раз.

Все будет хорошо.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Калифорния.

Мы сделали это. Национальный парк прекрасен, в любой другой день я бы упивалась атмосферой Йосемити, но сейчас это сложно, так как мы все немного конфликтуем, а в ста футах перед нами виднеется гигантская скала. Эль Капитан — значительно больше Дьявольской башни. Более зловеща. Однако у нее очень милое название.

Солнце еще не взошло. Сейчас 5 утра, и Рик планирует начать взбираться в сумерках с фонариком. Он хочет преодолеть все три маршрута за двадцать четыре часа. Ему потребуется выносливость, сила и доля везения. Вот на счет этого везения я и волнуюсь. Все остальное, насколько мне известно, — его сильные стороны.

Рик разговаривает со зрителем парка возле основания Эль Капитан, кивая в ее сторону несколько раз. Он завязывает свою сумку с мелом вокруг талии.

Я же рву засохшие желтые цветы каких-то сорняков у меня под ногами, сплетая стебли в венки. Каждый раз, как смотрю на Рика, мое сердце уходит в пятки. Я никогда так не нервничала из-за кого-то до этого момента.

Роуз шлепает ладонью по своему предплечью, сгоняя moskitov. Она садится на деревянную скамью у меня за спиной.

— Я же говорил тебе не использовать духи, дорогая, — произносит легкомысленно Коннор и садится возле нее.

Роуз бросает на него сердитый взгляд.

— Я не собираюсь жертвовать своим замечательным ароматом из-за глупых насекомых, — она сгоняет еще одного комара.

— Ты и без этого замечательно пахнешь.

Она прищуривает глаза.

— Это Chanel. Я не просто наношу его на себя, я ощущаю этот аромат, как половинку себя самой, и не могу отказаться от нее.

Ло сидит на столе для пикника, расположенного возле скамьи, голова Лили лежит на его коленях, кажется, моя сестра спит.

— Это потому что ты маскируешь свой запах сучки, — говорит он. — И твоя душа грозит покинуть тебя, осознавая, что жила в неправильном месте.

— А я уверена, что клетки твоего мозга поджарились, пока ты произносил это оскорбление, — отвечает Роуз.

Прежде чем Ло успеет ответить, другие голоса прерывают его.

— Дэйзи, ты и Рик и правда вместе?!

— Дэйзи, всего один вопрос!

— Ты боишься из-за восхождения Рика?!

— Эй, — восклицает Ло, обращаясь к семи или восьми репортерам в двадцати футах от нас, с полноценной съемочной группой и направленными на нас с Риком объективами. — Успокойтесь. У нас есть двадцать четыре часа, и я лично не хочу оглохнуть к концу этого времени.

Я встаю перед деревянными скамьями и столиками для пикника, так что поворачиваюсь головой к Лили, которая как раз просыпается ото сна.

— Он упал? — спрашивает она спросонья, ее глаза широко раскрываются.

— Нет, любимая. Он в порядке.

Она шумно вздыхает.

— Ладно, хорошо.

Комок встает у меня в горле. Я не единственная, кто сегодня обеспокоен.

Операторы начинают светить на меня, фотографируя мое лицо. Когда мы покинули Неваду, все крутилось вокруг сольного восхождения Рика. Очевидно, ему пришлось зарегистрироваться в базе национальных парков, так что из-за этих документов информация просочилась в прессу.

Думаю, сегодня Рик нервничал бы еще больше по поводу крутящихся вокруг нас СМИ, если бы между нами и операторами не было линии охраны. Так что по крайней мере мы можем притвориться, что игнорируем их. Майки тоже здесь, качает головой двум парням, которые выкрикивают мне свои вопросы.

Все еще очень раннее утро, так что мы ожидаем, что позже появится еще больше народу, вероятно, придут даже фанаты.

Мой отец также прислал мне записку вместе с Майки:

Нам нужно поговорить о Рике.

Люблю, папа.

То, что мои родители узнали о нас из таблоидов — неидеально, конечно, но мы оба решили пойти на этот риск.

И я получила лишь одно сообщение от своей матери с тех пор и не одного звонка.

Я советовалась с лучшими пластическими хирургами в городе. Все будет в порядке. —

Мама

Я попросила Коннора сделать твит (так как у него единственного есть аккаунт в Твиттере), чтобы сообщить людям о случившемся. Так как слухи после публикации моего фото с Риком были ужасны. Они варьировались от поножовщины до изнасилования. И совместных вариантов.

Сообщение Коннора развеяло все эти сплетни.

@ConnorCobalt: *Дэйзи в порядке. Ее шрам — результат беспорядков во время чемпионата по регби в Париже. Спасибо всем за пожелания ей скорейшего выздоровления.*

И конечно ему пришлось отправить еще один твит.

@ConnorCobalt: *Очевидно, мне нужно кое-что для вас разъяснить. Нет. После этого ее не насиловали.*

Он рассказал мне, что второй твит был скорее для медиа сайтов, которые любят придумывать истории из ничего. Я оценила это, особенно, учитывая, что данное заявление означало, что мне не придется участвовать ни в каких ток-шоу или давать интервью на радио, объясняя сложившуюся ситуацию.

Когда уходит зритель парка, Рик оглядывается на нас и наконец-то подходит. Мое сердце подскакивает к горлу, но наши глаза встречаются на короткую секунду или две, прежде чем его взгляд обращается ко всем людям у меня за спиной. И затем он проходит мимо.

Ладно...

— Ты осознаешь, как все это глупо, верно? — спрашивает его Ло, упираясь предплечьями о колени и сжимая руки в кулаки. Его ноги расположены на столе для пикника, как и у Лили.

Рик просто улыбается.

— Я тоже тебя люблю.

А затем, к моему удивлению, Ло спрыгивает со стола. Он обнимает Рика и похлопывает его по спине.

— Не умирай у меня на глазах, ладно?

— Даже не планировал, — отвечает Рик.

Та единственная драка в Юте — меж красных скал в грязи — очистила горизонт между братьями. Что бы не случилось между ними до этого, осталось в том штате, и я надеюсь, оно никогда не вернется.

Они отстраняются друг от друга, и Рик поворачивается к Лили. Она быстро слезает со стола и бросается в его объятия. Потом делает шаг назад и прижимает наклейку к его футболке.

— Это — Человек-Паук. На удачу.

— Спасибо, Лили, — я не могу сказать, улыбается ли он на сей раз, так как вижу лишь его спину. Но уверена, он улыбается, потому что глаза Лили полны эмоций.

Я переминаюсь с ноги на ногу, просто наблюдая за тем, как он подходит к линии ограждения.

Роуз и Коннор встают со своих мест. На моей сестре надеты дизайнерские солнцезащитные очки, даже несмотря на то, что солнце еще не встало, а на Конноре — дорогой костюм. Они не вписываются в эту обстановку. Но ребят это не особо заботит.

Рик протягивает руки.

— Прощу, не вставайте ради меня.

— Я обниму тебя, когда ты спустишься, — говорит ему Роуз, повышая голос. — Это даст тебе дополнительный стимул, — она сгоняет еще одного комара-невидимку со своего лица.

Рик кивает и смотрит на Коннора.

— А ты?

— Тебе не нужны мои пожелания удачи, — его слова словно бальзам на сердце, он будто бы говорит Рiku, что у того и так уже имеется вся уверенность этого мира.

Рик снова кивает.

— Спасибо, ребята. За то, что здесь. Увидимся на другой стороне, — он начинает отходить от них, двигаясь задом наперед, и я думаю, что Рик остановится напротив меня для нашего личного мгновения. Но он просто продолжает двигаться, поворачиваясь лицом к скале.

Я не думаю дважды. Я бросаюсь за ним. Никто не зовет меня обратно.

Никто возражает, что я следую за парнем значительно старше меня.

Никто не говорит остановиться.

Я иду, ощущая свободу в своей груди, в своем сердце. И когда загораживаю Рiku путь, то протягиваю к нему руки.

Его черты лица озаряются, как только он видит меня. Его губы приподнимаются в почти что улыбке. Он замечает веночек из цветов в моих руках и крадет его. Я наблюдаю, как он опускает его на мои белокурые волосы, некоторые пряди которых окрашены в другие цвета.

— Я ждал, что солнце погонится за мной, — выдыхает он, притягивая меня к своей груди. И в один мимолетный момент наши губы встречаются. А мир идет кругом. Рик целует

меня, словно этот момент, который он представлял себе всю свою жизнь. Словно это небеса на Земле.

И для меня это так. Блаженное мгновение перед чем-то, что может стать концом. Кайф перед страхом. Рик шепчет:

— Я так чертовски люблю тебя.

Я улыбаюсь, а мои губы дрожат.

— Угадай что?

— Что?

— Я люблю тебя больше, чем шоколадный торт.

Он целует меня в макушку, и его губы возвращаются к моим, а его язык так чувствительно, живо и безупречно скользит в танце у меня во рту. А затем на заднем фоне слышны звуки камеры — *"клик, клик, клик"* — словно звуки жужжания насекомых.

И когда наши губы разъединяются, Рик просто смотрит на меня, его глаза исследуют мое лицо, особое внимание уделяя моим волосам и венку из цветов. Могу сказать, Рик запечатлевает этот образ у себя в голове. На случай, если он упадет.

— Не скучай по мне слишком сильно, Кэллоуэй, — говорит он. И потом начинает быстро идти к скале, а его рука покидает мою.

Вот и все.

Мне остается лишь наблюдать за восхождением Рика Мэдоуза.

РИК МЭДОУЗ

Коннор может ненавидеть Конфуция, но в его словах есть то, во что я верю. "Неважно, как медленно вы идете, до тех пор, пока вы не остановитесь."

Эль Капитан виднеется передо мной. А все страхи остаются позади.

Есть просто я и скала.

Годы тяжелой работы и вложенных сил сегодня приведут меня к цели. И я офигенно готов.

Я делаю глубокий вдох, моргаю в последний раз.

И устремляюсь на вершину.

РИК МЭДОУЗ

— Мужик, я бы хотел быть там, — говорит Салли, мой телефон прижат к уху, пока шагаю к частному аэропорту с моим братом, Лили, Коннором, Роуз и, конечно, Дэйзи. — Снимки в интернете нереальные. Те фотографии сделали несколько реально впечатляющих кадров тебя на западной стороне Хаф-Доум.

— Я еще их не видел, — признаюсь я.

— Тебе и не нужно. Ты пережил это, мужик, — говорит Салли.

Я пережил это. Я не побил никаких чертовых рекордов. Я просто поставил свой собственный и логично завершил тот вызов, который казался невозможным, когда я был подростком. Я не могу в полной мере описать, на что похожи эти ощущения. Когда спустился на землю, так чертовски устал, но с другой стороны, гребаная радость переполняла меня до краев.

Я сделал это. Сольно взобрался на все три горы Йосемити. За 19 часов. Это была моя цель. Не чья-либо еще.

— Как там Венесуэла? — спрашиваю я Салли.

— Жарко и влажно, — отвечает он. — Но дороги на горе Рорайма невероятны, и все это место пропитано одухотворенной атмосферой — это сложно пояснить словами. Однако тебе бы здесь понравилось. Я бы попросил тебя присоединиться ко мне, но... ну, ты знаешь, — я слышу, что он улыбается.

— Прости, Сал. Не могу прочесть, что творится в твоей ебаной голове, — но я уже ощущаю, что сейчас он заговорит о Дэйзи. Я держу ее за руку, пока мы шагаем по пустому аэропорту, направляясь к воротам, где нас должен ожидать частный самолет в Филли.

— Тебе, вероятно, больно до чертиков.

Верно. Мои мускулы, пиздец как кричат, даже от неторопливого шага следом за Лили и Ло.

— Это не то, о чем ты вообще на хрен должен был упоминать.

— Прошу, умоляю, пригласи меня на свадьбу, — я представляю его улыбку, которая доходит до кончиков его рыжих волос возле ушей.

Закатываю глаза.

— Не торопи события.

— Я просто хочу, чтобы ты знал, я спрогнозировал это. Я типа шептун в отношениях, — он смеется над своей собственной шуткой, ончего у меня на устах расплывается долбаная улыбка. — В любом случае, этот снимок вас двоих у подножья Дьявольской Башни реально стал культовым. Он есть повсюду. Даже в венесуэльской газете.

— Ага, кто-то еще говорил мне, что это довольно популярное фото, — друг из колледжа отправил мне сообщение с этим фото на обложке журнала *Time*. Оно популярно, потому что медиа печатают его вместе с фото парижских беспорядков, даже несмотря на то, что снимки были сделаны в разное время и в различных сторонах света. Но после того, как пресса провела, что Дэйзи пострадала в Париже, ее шрам стал символом случившегося той ночью. Людям нравится сплетать что-то хорошее с плохим. А на фото она сидит у меня на плечах, целует меня, улыбается, и мои пальцы перепачканы в краски. Выглядит, как сказка, нечто возвышенное. Но это было всецело настоящим — кто мог подумать, что проходящий

мимо путешественник узнает нас и снимет на свой телефон.

Я меньше волнуюсь о том, что мы стали международной иконой, чем о том, что данное освещение может помочь Дэйзи принять эту новость, резкое изменение своего лица. Она едва смотрит в зеркало, с тех пор как ее выписали из больницы, и я думаю, столкновение с постоянной реальностью произошедшего может быть сложным для нее. Она избегает этих чувств, как и всегда.

— Она рядом? — спрашивает Сал. — Дай мне поговорить с девочкой. Она, вероятно, скучает по мне.

— Она прямо здесь, — я передаю Дэйзи телефон. — Салли хочет поговорить непосредственно на фиг с тобой.

Она светится, беря у меня сотовый.

— Заткни его к чертям собачьим, если начнет травить историю по типу *когда нам было двенадцать лет*, — он любит рассказывать, как я голышом сигал ночью по лагерю и плюхнулся на спину в озеро со скалы. Я не считаю эту историю веселой, так как в тот год часто прилагался к фляге с дешевой водкой. Я был ничтожен. И чертовски глуп.

Но тем не менее я до сих пор занимаюсь всеми теми же вещами, что и тогда, за исключением водки.

Дэйзи прикладывает телефон к уху.

— Эй, Салли, — она широко улыбается. — Я массажировала его задницу, спасибо, что спросил.

Я выхватываю у нее телефон и слышу, как хихикает и смеется Салли на том конце.

— Пожалуйста, заведите детей, — говорит он мне, не переставая хихикать. — Я должен увидеть, будут ли они такими же клевыми, как она, или такими угрюмыми, как ты.

— Иди на хрен, — отвечаю я ему легкомысленно.

— Обнимашки и поцелуйчики тебе из Венесуэлы. Увидимся через несколько месяцев? Будь на связи.

— Ага, — говорю я. Мы кладем трубки одновременно, и я наблюдаю за тем, как Ло берет Лили на руки. Сейчас раннее утро, так что я не удивлен, что она чувствует себя сонной. Она прижимает голову к его плечу, засыпая.

— А что случилось, когда вам было двенадцать? — спрашивает Дэйзи, переплетая наши пальцы.

Роуз и Коннор впереди всех направляются к бортпроводнику, открывая дверь нашего выхода. Они спускаются по ступеням к отведенному месту, где нас ожидает частный самолет. Мы с Дэйзи пропускаем Ло, так, чтобы идти последними.

— Я бегал голышом ночью по летнему лагерю, — отвечаю я Дэйзи.

Она смеется.

— Да, ладно. Я делала то же самое в четырнадцать, — она ахает. — Кажется, словно мы всегда должны были быть вместе.

Я провожу рукой по ее волосам, а затем целую в лоб. Если предполагалось, что мы должны быть вместе, тогда почему поездка домой кажется возвращением в гребаную бурю?

Ло проходит мимо нас и шепчет так, чтобы не разбудить Лили:

— Эй, вы двое, ваш КПК пугает маленьких детей.

— Это ты сейчас о себе? — отвечаю я, следуя за ним довольно близко, пока брат спускается по ступеням.

— Это я обо всех, кто когда-то был ребенком, — говорит Ло, словно он умник. Он

горько улыбается, а затем я почти что врезаюсь в спину Коннора, который вдруг останавливается, будто вкопанный.

— Что за чертова пробка? — спрашиваю я. Самолет здесь, но это не частный джет Коннора припаркован прямо перед нами, под толстым слоем облака смога в небе.

Мое лицо искажается.

Так как осознаю, что перед нами массивный белый нарочитый Boeing 787.

Такой же как у моего отца.

И к слову, он стоит на нижней ступени трапа, застегивая свой черный пиджак. Его темные волосы начали сесть на висках.

А девушка-бортпроводник говорит, обращаясь к нам:

— Самолет мистера Хейла прибыл час назад. Как только баки будут заполнены, мы сможем взлететь.

Роуз пишет кому-то сообщение, словно безумная, а Коннор кладет руку ей на поясницу. Он мило улыбается бортпроводнику.

— Значит, мистер Хейл полетит в Филадельфию с нами?

Она кивает.

— Они прибыли за вами.

Они?

И прямо за Джонатаном по лестнице спускается другой мужчина — высокий, уверенный и небезызвестный нам. Это лучший друг моего отца, у него светло-коричневые волосы, и в пятьдесят лет его лицо менее ожесточенное и суровое, чем у моего отца.

Это папа Дэйзи. Мой желудок ухает вниз. *Убейте меня.* Я никогда не видел Грега Кэллоуэя в плохом расположении духа, но сейчас его лицо обременено беспокойством, отцовским волнением и опекой, которых я никогда не ожидал от этого мужчины. Хотя по словам Коннора, у него не редко бывает данный вид. Я просто не оказывался рядом с ним довольно давно, так что не видел подобного.

Взгляд Грега тут же направляется на Дэйзи, но он, как и мой отец, остается возле самолета, ожидая, пока мы приблизимся.

Я не думал, что может стать еще хуже, но с дверей самолета появляется еще один человек, направляясь вниз по ступеням на своих каблуках, у нее на шее красуется ожерелье из жемчуга, а волосы стянуты в пучок.

Саманта Кэллоуэй.

У нее такой же напряженный вид, как и у Грега, и ее взгляд так же прикован к самой младшей дочери. Саманта прикладывает одну руку к груди, словно ее переполняют эмоции от встречи с Дэйзи. От понимания, что дочь в безопасности. Но затем ее взгляд фокусируется на мне.

И становится сердитым.

— Дерьмо, — говорит Ло себе под нос.

Нам предстоит оказаться взаперти в одном самолете на пять часов с нашим отцом и родителями наших девушек.

Без шанса на побег.

Это станет гребаным кошмаром.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Мама держим меня за руки, пока сижу с ней на длинном кремовом диване, расположенном в конце салона, другой кожаный диван стоит у противоположной стены, а стеклянный кофейный столик между ними. Кажется, словно мы в компактном президентском номере отеля, а не летим над облаками.

— Тебе следовало позвонить мне в тот *момент*, как ты пришла в себя в больнице, — говорит она, нервно сжимая мои руки в четвертый раз. А затем ее взгляд бросается к Роуз на противоположном диване, сейчас сестра выглядит крайне раздраженной. — И не вынуждай меня начинать с тебя.

— Мама, я...

— Ты знала, что Дэйзи пострадала в беспорядках, и не рассказала мне.

— Там много всего произошло, — говорит Роуз. Она пока не сообщила родителям о своей беременности, и я знаю, что Коннор хочет сделать это в ближайшее время. — Она была в хороших руках.

— Я — ее мать. Когда у тебя будут дети, ты поймешь, что это за чувство — узнать, что твое дитя ранено спустя *несколько недель* после случившегося... — она качает головой.

Роуз поджимает губы.

— Должно быть, именно поэтому ты так сильно беспокоилась о Лили, узнав, что она больна.

Наша мать вздыхает, и думаю, она собирается сказать, что *Лили сама виновата в своих проблемах. Что, зависимость — не болезнь*. Но вместо этого она произносит:

— Давай не будет затрагивать эту тему, Роуз.

Лили спит в одной из спален самолета. Думаю, она скрывается от нашей матери, которая любит игнорировать свою среднюю дочь, когда та находится в непосредственной близости. Ло сейчас с Лили, так что она там не в одиночестве.

Я оглядываюсь на дверь в переднюю часть салона самолета. Там находится сигарный клуб с креслами и телевизором с плоским экраном. Я ощутила запах сигар в тот момент, как поднялась на борт, этот аромат впитался в кремовую кожу.

Сейчас Рик там.

Прямо за этими дверями.

С моим отцом. И его отцом. И Коннором. Хотя, не уверена, что Коннор может сыграть роль миротворца в данной ситуации.

Все кажется довольно неуклюжим и неудобным. Я хочу уберечь Рика от своего папы, но что-то говорит мне, что он все равно найдет способ поговорить с моим парнем.

Мама снова поворачивается ко мне, ее взгляд опускается к надписи на моей футболке: *Извините, но я встречаюсь только с теми парнями, у которых есть татуировки*. Я не сожалею, что надела эту футболку. Она мне нравится. И потому эта вещица на мне, независимо от того, считает ли моя мама ее отвратительной.

Ее пальцы машинально сжимают жемчуг ожерелья, но мама не спрашивает меня о Рике.

— Я запланировала для тебя встречу с врачом, когда мы вернемся домой. Пластический хирург посмотрит, что можно сделать с твоей щекой, — ее руки отпускают жемчуг, и она снова потирает мою ладонь. — Какое болеутоляющее ты принимаешь?

Я качаю головой.

— Я перестала его принимать.

— Мы пойдем, если тебе нужно и дальше принимать лекарство.

— Нет, рана не болит. Все в порядке, — я касаюсь щеки, ощущая стянутую рану, немного загрубевшую, тянущуюся от моего виска вдоль щеки к подбородку. Все видят ее, но не я. Так что мне сложно оценить размер проблемы, когда не вижу ее в лицо.

— Тебе очень повезло, — говорит мама. — Ты могла потерять глаз. Или тебе могли порезать губу, — она качает головой, представляя все это. — Доктор разгладит шрам, и затем я переговорю с твоим агентством...

— Что? — перебиваю я ее. Я была готова пойти к врачу, чтобы он взглянул на шрам, но я не могу смириться с возвращением в модельный бизнес. В любом случае никто не наймет меня.

— Ты прекрасна, Дэйзи, — говорит мама, сжимая мою руку. — Они примут тебя обратно.

— Нет, не примут, мама, — мне нужно, чтобы она тоже признала этот провал и двигалась дальше, так, чтобы и я могла не застревать на этом жизненном этапе.

— Как это? У тебя же нет сросшихся бровей или дефекта с зубами.

— Вот так. Я уже говорила тебе. Я не хочу быть моделью, и это не связано с моим лицом, — я пыталась объяснить ей свое решение по телефону, сразу после выписки из больницы. Но она положила трубку. Сейчас же нет никакого телефона, который можно было бы отключить, чтобы закрыть мне рот. Она никуда не должна бежать.

Так что я тверда и решительна в своем выборе. Я больше не боюсь постоять за себя. Она не может заткнуть меня, пренебрегая моим мнением. Я важна.

Моя мама просто продолжает качать головой.

— Мы поговорим об этом позже. Ты многое пережила, — она похлопывает меня по ноге.

— Я думала об этом *годами*, — говорю я ей.

Она остается очень спокойной и просто слушает.

Я выдыхаю.

— Я только хотела сделать тебя счастливой, но делая это, я все сильнее впадала в депрессию, мама, — я качаю головой, когда слезы наворачиваются на глаза. — Я провела столько времени, радуя тебя, что даже не осмеливалась строить свои собственные мечты.

Мама напряженно сглатывает и произносит:

— Почему ты не рассказала мне это раньше? Мы могли бы найти что-то еще для тебя.

— Я пыталась пару раз, — говорю я. — Но ты не слушала.

Мама обдумывает это. Она не очень хорошо справляется с изменениями, но эти факты открывают ей глаза на истину.

— Я думаю, это сделает все проще, — ее взгляд направлен на мой шрам. — Значит, тебе нужно начать подбирать себе колледж. В следующем семестре ты...

— Я не стану поступать в колледж, — отвечаю я уверенно. — У меня есть много денег, которые накопились в результате работы моделью, и я знаю, это ранит тебя... — я еще раз глубоко вдыхаю. — Но мне не нужны твои наставления о том, что мне следует сделать в будущем. Я должна понять это сама.

Мама выглядит *раздраженной*.

— Тебе всего лишь восемнадцать, Дэйзи.

— Мам, — говорю я. — Ты должна отпустить меня. Обещаю, со мной все будет в порядке.

— Я не понимаю. Я позволила тебе переехать в собственную квартиру. А ты отдаляешься от своей собственной...

— Я не говорю тебе "прощай", — перебиваю я ее, как она делала со мной множество раз. Хотя это и кажется плохим поступком, но почему-то ощущается офигенно замечательно. — Мне просто нужно быть той, кто принимает решения в собственной жизни. Вот и все, — я не знаю, чем хочу заниматься, но знаю, что у меня есть годы, чтобы выяснить это. И эта свобода укрепляет мою решимость, дает мне крылья, чтобы взлететь и покинуть насиженное гнездо.

Мама вздыхает.

— Ты не хочешь поступать в колледж?

— Нет.

Она смотрит на меня какое-то время, а затем произносит:

— Ты всегда была самой легкомысленной по сравнению со своими сестрами. Предполагаю, мне не следует удивляться, — ее глаза прищуриваются от этой мысли. Думаю, это лучший ответ, который я от нее получу. И он достаточно хорош для меня.

А затем мама внимательно смотрит на мои волосы, проводя пальцами по более коротким, неровно остриженным прядям, при этом морща нос.

— Мы сможем нарастить тебе волосы и вывести этот ужасный цвет... Ты сама себя стригла? Бог мой, это ужасно, — она вынимает телефон и делает заметку о том, чтобы позвонить в салон. Вот просто так, мама ведет себя, словно я не имею права голоса, но я не собираюсь возвращаться к данному положению дел. Даже если она решила забыть или изобразить, что не помнит о нашем разговоре. Я напомню ей.

— Мне нравится эта прическа, — говорю я.

— Забавно, — отвечает она, продолжая что-то набирать в телефоне.

— Нет, мне правда она нравится, — говорю я серьезно. — Я люблю то, что мои волосы неидеальны, и мне по душе эти цветные пряди. Я не собираюсь перекрашиваться, — я бросаю взгляд на Роуз и замечаю ее гордящуюся за меня улыбку.

— Тебе не может нравиться подобное, — говорит мама. — Это уродство.

Роуз встречает:

— Таков у нее вкус.

— Ну, значит, у нее плохой вкус, — восклицает мама. — И я пытаюсь ей помочь это осознать.

Роуз стонет.

— Мама, почему ты обязательно должна быть такой...

— Потому что я хочу лучшего для своих девочек, — отвечает она. Ее взгляд направлен на меня. — Я не знаю, что на тебя нашло. Тебе всегда нравилась твоя старая прическа.

— Никогда, — говорю я.

Она сердито смотрит.

— Это Рик тебя надоумил, верно? Ты изменилась из-за парня.

— Рик никогда не уговаривал меня стричь волосы или красить их. Он лишь всегда говорил, что я должна думать своей головой.

Я замечаю, как она бросает взгляд в сторону двери, за которой находится Рик, в передней части салона. Она смотрит на нее, словно та ее как-то донимает. Мама винит Рика

в моих решениях и чувствах, и вероятно, в моем внезапном изменении в вопросе карьеры.

— Он велел тебе вышвырнуть меня из твоей жизни? — спрашивает она.

— Мама, *нет*. Он бы никогда так не поступил.

— Я не нравлюсь ему, — отвечает она. — Я бы не удивилась, если бы он говорил тебе подобное...

— Послушай, — умоляю я. — Он *не* говорил и слова о тебе. Я люблю тебя, мама, и он уважает это.

Она качает головой, не веря. Маме даже не нужно добавлять следующую фразу, я и так знаю, что она хочет сказать. Но мама все равно произносит это:

— Ты бы никогда не пострадала в беспорядках, если бы Рик не последовал за тобой в Париж, — она качает головой снова и снова.

И что печально, так это то, что в ее словах есть доля истины.

Я бы никогда не пошла в тот бар, чтобы забрать Ло, если бы Рик не прилетел ко мне.

Мы бы никогда не застряли в той потасовке.

Но с другой стороны, без этого жестокого происшествия я бы никогда не осознала, как сильно нуждаюсь в том, чтобы свободно высказывать свое мнение. Даже если это ранит мою маму. Даже если это расстраивает ее. Все это должно было быть сказано.

Мной.

А не кем-либо еще.

Ты — свой собственный якорь. Хочешь ли ты продолжать идти ко дну или позволишь себе взмыть в высь?

Я больше не собираюсь тянуть себя вниз.

Наконец-то я готова подняться к небесам.

РИК МЭДОУЗ

Я в комнате со своим чертовым отцом, папой моей девушки и Коннором. Сразу после того, как ступил на борт самолета, Грег положил руку мне на плечо и сказал:

— Нам нужно поговорить.

Я подумал, он захочет поговорить сперва с Дэйзи, но видимо Грег решил пообщаться с ней позже, чтобы просто подтвердить тот факт, что я не спал с ней, когда девушке было пятнадцать.

Он повел меня в переднюю каюту и подтолкнул к креслу из кремовой кожи.

Мои воспаленные уставшие мышцы напряжены лишь от общества гребаного дьявола и его команды. К слову, этот дьявол уже наполнил свой второй стакан виски — ровно по высоте одного кубика льда. Сидя у иллюминатора в соседнем с Коннором кресле, он пьет алкоголь огромными глотками и наблюдает за тем, как Грег уставился на меня со своего собственного места.

— Я даже не знаю, с чего начать, — признается Грег, его зеленые глаза сосредоточены на мне, словно я гребаная мишень.

Я тру затылок и произношу:

— Вы можете спросить меня о чем угодно, — я не могу смотреть на своего отца, который сейчас в паре метров от меня, прямо на фиг здесь. Мы не находились так близко друг к другу уже несколько лет.

— Я могу придумать сотни фраз для начала этого разговора, — вставляет мой отец, раскачивая стакан с виски. Вместо того, чтобы встретиться с ним взглядом, я смотрю на Коннора рядом с отцом, его выражение невозможно разобрать, парень просто сидит и попивает красное вино. Ему легко находиться рядом с этими мужчинами, которые вдвое старше его самого, однако от Коннора исходит гораздо большая гребаная уверенность, чем от любого из них.

И вот теперь я вынужден находиться в этом кругу. Я больше не в своей стихии. Я попал в проклятое королевство Коннора и гадаю, запечатлеват ли он меня сейчас в своей голове. Как я делал с ним еще в Теннесси.

Глаза Грега ни на минуту ни покидают меня.

— У меня есть своя фраза на этот случай, Джонатан, — его челюсть сжимается, и он добавляет: — Я позволил сопровождать мою дочь в поездке в честь празднования ее шестнадцатилетия, — его голос прерывается, словно мужчина закипает изнутри. — Я оказал тебе доверие, а ты наплевал на меня.

Я не перебиваю его. Вдыхаю через нос и пытаюсь оставаться настороже.

— Я хочу знать, — говорит Грег, располагая ладони на коленях, — избегал ли ты меня последние два с половиной года, потому что знал, что поступал неправильно.

— Нет, — говорю я, и моя грудь раздувается от неистово бушующих эмоций.

— Говори, Рик, — произносит мой отец, по-прежнему сидя у иллюминатора. — Он заслуживает от тебя чего-то большего, чем безучастное "нет".

Я провожу рукой по волосам. Этот момент так сильно воздействует на меня, что мышцы на груди и бицепсы напрягаются, когда я кривлю лицо в гребаной гримасе. Интересно, кажется ли со стороны, что я злюсь на Грега. Знаю, меня сложно прочесть. Знаю, что люди

видят лишь мрак в моих чертах лица.

Но правда в том, что сейчас меня волнует мнение Грега обо мне. Возможно год назад, я бы сказал ему: *верь, во что хочешь*. Меня это не волнует. Но я не хочу, чтобы Дэйзи пришлось выбирать между мной и ее родителями. Я не хочу эту чертову головную боль. Потому пытаюсь поступить правильно.

— Я никогда не пересекал черту, будучи ее другом, — начинаю я. — Так что нет, я никогда намеренно не избегал вас из-за Дэйзи.

Я избегал вас, потому что вы дружите с моим отцом, которого я хотел бы никогда больше не видеть.

Могу сказать, внутри Грег негодует. Он тяжело дышит.

— Прекрати нести херню. Ты был ей больше, чем просто другом.

Я слишком истощен, чтобы наклониться вперед и начать кричать. И возможно, это на хрен к лучшему.

— Нет, не несу херню. Я никогда не целовал ее до этой поездки в Париж, — говорю я, открывая ему истину.

Грег все еще идет в наступление.

— Помоги мне поверить тебе, Рик. Я работаю восемьдесят часов в неделю. У меня нет времени на прения из-за дочери, но я хорошо осознаю, сколько времени, она провела с тобой. И я осознаю так же отлично, что она запала на тебя.

— Почему тогда вы не сказали ей отвалить от меня? — спрашиваю я, раскидывая руки в стороны. — Если вы думали, что я оказывал на нее плохое влияние, тогда почему позволяли зависать со мной так чертовски долго?

Он шумно выдыхает.

— Саманта не волновалась о тебе, но я помнил тебя юным мальчиком. Ты был крепким и сильным и никогда не причинил никому вреда, даже Джонатану.

Мой отец улыбается на это и поднимает свой напиток. Его глаза встречаются с моими, и я вижу в них гребаный блеск гордости. Словно я так же силен, как и он.

Мой желудок скручивает.

— Из всех моих четырех дочерей Дэйзи самая безрассудная. Она никогда не сидит на одном месте. Даже будучи ребенком, она всегда находила способы умыкнуть из дома, когда ее мать или няня отворачивались на минутку. А ты появился в ее жизни как раз в то время, когда наша семья переживала публичный скандал.

Все остальное я понимаю без слов.

— Вам нравилось, что я мог попевать за ней, — осознаю я. — Вы хотели, чтобы я был ее гребаным телохранителем, и вы никогда не думали, что я буду достаточно глуп, чтобы пересечь эту линию, — не важно, как сильно старалась флиртовать со мной Дэйзи, не важно сколько она меня дразнила, Грег верил, что я не буду реагировать на всю эту хрень. Я пресекал ее попытки каждый раз.

Но не устоял.

Не смог.

Потому что влюбился в нее.

Он кивает единожды.

— Все это время я беспокоился, что ты оттолкнешь ее, и она будет разрушена в результате этого разрыва, но я никогда по-настоящему не думал, что ты вступишь с ней в отношения, — он прерывисто выдыхает. — Это было наивно с моей стороны.

Я качаю головой. Как мне изменить его мнение о себе? *Я не знаю. Я на хрен не знаю. Я снова провожу рукой по волосам, ощущая тяжесть в груди.*

— Я не такой, как ее бывшие парни, — говорю я. — Я с ней не из-за... — *блядь*. Не могу закончить мысль.

Грег смотрит на меня так, что от этого становится неловко.

— Секса, — заканчивает за меня мой отец. — Не нужно ходить вокруг да около.

Грег закатывает глаза.

— У тебя нет ни одной дочери, Джонатан.

— И слава богу за это.

Коннор, кажется, веселится, наблюдая за этой беседой. Он откидывается на спинку кресла и попивает вино.

Грег немного меньше злится, но его плечи по-прежнему напряжены и онемелые.

— Позволь мне помочь вам разобраться, Грег, — говорит мой отец. — Мне будет проще задавать сложные вопросы.

Нет. Блядь, нет. Тем не менее, я не могу схватиться за ноги и уйти. Я остаюсь приклеенным к этому чертовому креслу, а мои глаза бросаются к блестящему подносу на стеклянном приставном столике. Избегая взгляда моего отца еще раз. Самолет вздрагивает, когда мы пролетаем через облако.

Мой отец поднимается и хватается за спинку кресла Грега, пока не заканчивается зона турбулентности.

— Разве ты не думал о Дэйзи в сексуальном плане, когда ей было пятнадцать? — начинает папа.

Мою грудь переполняет злость.

— Иди на хуй.

— Я приму этот чрезмерно грубый и раздражающий ответ за "да", — говорит отец, делая глоток виски.

Я сердито смотрю на него.

— *Нет.* У меня не было ни малейшего намерения... — я прерываю себя и смотрю на Грега.

— Веди себя так, словно ее отца нет в этой комнате, — советует папа.

Это на хрен невозможно. Он в паре метров от меня.

— Послушайте, — говорю я. — Дэйзи великолепна, но я старался не думать о ней в этом ключе.

— Старался? И потерпел неудачу? — спрашивает мой папа.

— Почему ты подвергаешь меня чертовому судебному разбирательству, отец? — отвечаю я.

Его брови поднимаются, выражая искренний шок.

— Так ты все еще считаешь меня своим отцом? Это забавно, *принимая во внимание* то, что за последний год ты принял лишь один мой звонок, — прежде чем я успеваю снова послать его на хуй, он спрашивает: — Ты дробил, представляя себе ее?

— Нет, — рычу я. *Несколько раз. Один из них был недавно. Но ей было уже восемнадцать.* Часть меня всегда будет ощущать себя виноватой в этом.

— Этого достаточно, Джонатан, — вставляет Грег. Его взгляд реально смягчается, когда он смотрит на меня, отмечая, каким раздраженным я становлюсь. Мои руки сжаты вместе в огромный кулак, а горький, неприятный вкус появляется во рту.

Грег спрашивает:

— Сколько продлились твои самые длительные отношения, Рик?

— Несколько месяцев, может быть четыре.

Грег вздыхает.

— Ладно, вот что я думаю. Я верю, что ты не был с моей дочерью до поездки в Париж, но это не означает, что я одобряю ваши с ней отношения. Тебе по-прежнему двадцать пять, и возможно через десять лет разница в возрасте не будет казаться столь существенной, но только что сказанные тобой слова заставляют меня считать, что ты продержишься с ней еще три месяца. Ты говоришь, что видишь в ней не только секс, но я не *настолько* наивен, — он выдерживает паузу и добавляет: — Она отдала тебе свое сердце, и если ты собираешься дать ей в ответ нечто меньшее, чем свое, то лучше закончи все прямо сейчас. Понял?

Я киваю в ответ пару раз. Я не могу просто оставить все, как есть. Потому копаюсь внутри себя, пытаюсь найти слова, чтобы изменить эту ситуацию.

— Я надеюсь, — говорю я, встречаясь взглядом с Грегом, — что однажды вы будете в состоянии увидеть, как сильно я люблю вашу дочь.

— Если ты останешься с ней достаточно долго, то у меня не останется выбора.

Это несомненно лучше, чем наше начало разговора. Он протягивает руку, чтобы пожать мою ладонь.

И данное предложение я ни за что, черт возьми, не отклоню.

Я собираюсь построить отношения с ее отцом, даже если это означает близость к моему собственному папе. Это жертва, которую я хочу принести тысячу раз.

Это нафиг я и называю любовью.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Как в конце концов я оказалась в задней каюте самолета, наполненной всеми этими диванами, наедине с Ло и его отцом? Не имею ни малейшего понятия. Нам предстоит лететь еще два часа, и моя мама захотела пойти поговорить с отцом, потому все в некотором роде переместились. Думаю, Роуз сейчас объявляет нашим родителям о своей беременности.

Джонатан наливает стакан виски и садится на диван рядом с Ло, пока я растягиваюсь на другом диване, укрывая свои ноги украшенным моногамами одеялом. Вышивка в виде черных букв на нем гласит ХЕЙЛ. Я заплетаю свои волосы раз в двадцатый, скучая и волнуясь.

Из отрывков разговора я поняла, что мой папа хочет "узнать" Рика. Джонатан упомянул об этом, так что мой отец заставил его выйти из основной каюты.

Я бы присоединилась к ним, но там моя мать.

Так что лучше я останусь здесь.

Джонатан пристально смотрит на своего сына.

— Тебе нужно выслать отчет о продажах Хейлуэй Комикс к следующим выходным. Мне необходимо знать, не угробил ли ты еще все дело.

— Дела идут медленно, — отвечает Ло. — Я выпал на месяц из-за автомобильного путешествия.

— Это твоя долбанная вина, — опровергает Джонатан. — Сейчас ты управляешь бизнесом. Ты не можешь себе позволить уехать на месяц в отпуск.

— Коннор взял такой же перерыв от работы, — говорит Ло в свою защиту.

— И он руководит многомиллиардной компанией с тысячами сотрудников. А у тебя даже нет помощника. Иисусе, у тебя нет даже *надоедлив* ассистента, который бы бегал за кофе и травил тебе истории своей личной жизни, которые бы раздражали тебя до чертиков.

Вот почему Ло не ездит на семейные воскресные обеды с Лили. Его ругают и упрекают, а моя сестра остается в стороне или начинает вступаться за него. Так что я не виню Ло за то, что он время от времени пропускает эти встречи.

— Это называется *инициативой*, — говорит Джонатан, после того как глотает залпом полстакана виски, при этом даже не морщась. А затем его взгляд фокусируется на мне, осознавая, что я наблюдаю за ними. Он встает. — Дэйзи, думаю нам с тобой следует поговорить, — он садится на диван рядом со мной. — Лорен, ты не мог бы дать нам минутку?

Ло сильно хмурится.

— Зачем тебе с ней разговаривать?

Я никогда не общалась наедине с Джонатаном Хейлом. Не думаю, что мне это вообще нужно.

— Она встречается с моим сыном.

Ло не двигается. Ему двадцать четыре года, и его злость сейчас словно оружие. Видя ее я почти что хочу выйти из комнаты, но Ло на моей стороне в данной ситуации. Если уж на то пошло, то я должна желать сбежать от Джонатана, верно?

— Я бы хотел пообщаться с ней наедине, — повторяет Джонатан.

Я смущена. Не знаю, что сделать, потому что мой парень не разговаривает со своим

отцом, так что даже мысль о том, чтобы выслушать Джонаната, ощущается словно предательство. Должна ли я быть с ним так же холодна, как и Рик? В знак солидарности? Я не знаю, как все устроено.

Это глубокие воды и для того, чтобы плавать в них, мне необходима помощь.

— Я не оставлю ее наедине с тобой, — восклицает Ло.

— Перестань вести себя, как мелкий...

— Если бы Рик узнал, что ты разговариваешь с ней наедине, он бы убил тебя. Так что считай, я оказываю тебе услугу, — Ло скрещивает руки на груди.

Джонатан закатывает глаза, а затем возвращает свое внимание ко мне. Я сажусь и подтягиваю колени к груди. Его взгляд опускается на мою футболку, и губы кривятся в подобии улыбки.

— Как давно вы с Риком встречаетесь?

— Чуть больше месяца.

Мне приходится напомнить себе, что я знаю Джонатана с тех пор, как была маленькой девочкой. Он крестный отец Поппи.

Джонатан наклоняет голову ближе ко мне.

— Твой отец, кажется, верит в это, но мать думает, что ваши отношения начались задолго до этого.

Я не удивлена, что мама не верит в это. Таблоиды выдвигали различные версии развития наших отношений.

— Она ошибается. Рик бы никогда не стал иметь дела с несовершеннолетней, — даже со мной.

— Знаю, — говорит Джонатан, удивляя меня. — У Рика много пороков: упрямство, вульгарная ругань, несговорчивость, — он смотрит на свой стакан. — Но он ясно дал понять, что не пойдет по моим стопам, — Джонатан снова выпивает.

Ло напрягается, сидя на диване и бросая на меня едва уловимый взгляд. Я знаю правду, о которой говорит Джонатан, как и все в моей семье, но сейчас все ощущается иначе.

Двадцать четыре года назад Джонатан вступил в связь с несовершеннолетней.

Мамой Ло.

Прессе даже не известна ее личность. И это спасло Джонатана от тюрьмы.

— Это все, о чем вы хотели спросить? — удивляюсь я. — Был ли Рик близок со мной до моего восемнадцатилетия?

— Это и вопрос о том, могла бы ты поговорить с Риком обо мне. Я бы хотел с ним пообедать на следующих выходных, пересечься. Ты тоже можешь приходить. Чем больше народа, тем веселее, — он почти что делает следующий глоток виски, но осознает, что стакан уже пуст. Однако Джонатан не встает, чтобы наполнить его снова.

Я бросаю взгляд на Ло. Не знаю, что тут сказать.

Лорен вдруг поднимается с противоположного дивана.

— Пап, я бы хотел поговорить с тобой наедине.

— Ну, мы все не можем иметь то, чего хотим, верно? Я говорил, что хотел бы пообщаться с Дэйзи наедине, и ты не позволил мне. Так что я, наверное, поступлю так же по отношению к тебе. Твое здоровье, — он поднимает пустой стакан.

И мое сердце уходит в пятки. Я никогда в жизни не присутствовала с этими двумя мужчинами наедине. И исходя из услышанного, предполагаю, что это к лучшему.

Ло поворачивает голову, его взгляд пронзает меня.

— Дай нам минутку, Дэйзи.

Я встаю, чтобы уйти, но Джонатон пресекает мой шанс на побег.

— Не будь смешной, останься. Мой сын не диктует, с кем я могу общаться.

Я замираю.

Ло хмурится.

— Я знаю, что ты делаешь. И это не сработает, так что просто перестань.

Джонатан приподнимает брови и откидывается на спинку дивана, его руки тянутся вверх. Он взмахивает ими.

— Прошу, Лорен, расскажи мне, что же я делаю. *Просвети меня*, ты же думаешь, я слабоумен.

Ло стискивает зубы.

Джонатан просто улыбается и говорит:

— Я жду.

— Ты не можешь использовать ее, чтобы добраться до Рика, — отвечает Ло. — Просто оставь Дэйзи в покое.

— Вот как? — спрашивает Джонатан.

Ло молчит.

Его отец выпрямляется на своем месте.

— Позволь мне преподать тебе урок, Ло, — говорит он, — когда пути к цели открываются перед тобой, то настоящие мужчины не пялятся на них, сжимая член в своей руке. Они используют эту возможность, не зависимо от того, сработает это или нет, — он указывает на Ло пальцем. — И я сделаю все, что только могу сделать, чтобы вернуть своего сына, так же, как я поступил бы и по отношению к тебе.

Слушая первую часть его речи я содрогнулась, но вторая часть вынудила меня пересмотреть свой взгляд на первую. Сейчас я вижу, почему не очень-то приятно иметь Джонатана Хейла в роли своего отца. Я не знаю, убежать ли или остаться и выслушать его.

Ло снова смотрит на меня.

— Иди, Дэйзи.

— *Останься*, — восклицает Джонатан, его голос становится резче после выпитого алкоголя. Взгляд обращается к Ло. — Ты охуенно ужасный слушатель.

— Ты знаешь, что я такой же слушатель, как и ты, — усмехается Ло. — Потому что если бы ты слушал хоть что-то из сказанного мною тебе или то, что говорил тебе Рик, то знал бы, что он возненавидит тебя, если ты втянешь ее во все это дерьмо. Он не простит тебя за это. Так что я помогаю тебе. Открой свои долбаные уши, — он разворачивается и хватает меня за запястье, дергая в сторону одной из спален самолета.

— Лорен! — орет Джонатан, но Ло просто закрывает дверь и запирает ее — реально берет и закрывает нас от своего отца.

Меня нервирует то, что он закрыл замок — Ло будто бы боится, что его отец бросится внутрь и сделает что? Холодок пробегает по моей коже, и я дрожу.

Ло опускает на меня взгляд и говорит:

— Есть около ста причин, почему я не хочу, чтобы ты встречалась с моим старшим братом.

— Я смогу с этим справиться, — говорю я. — Я и не ожидаю, что мои родители примут Рика с распростертыми объятиями.

Ло качает головой.

— Допрос с пристрастием в исполнении Грегга не сопоставим с допросом моего отца, так что даже не пытайся.

Я осознаю, что сейчас впервые с тех пор, как Ло узнал о наших с Риком отношениях, нахожусь наедине с ним.

— Я люблю его, знаешь ли? Я встречалась со многими ужасными парнями, и он единственный делает меня счастливой.

Ло смотрит на меня в течение долгого времени, а потом стук в дверь прерывает тишину, вынуждая меня вздрогнуть. Ручка поворачивается. Мы оба замираем, и через секунду за дверью раздается резкий крик:

— На хрен впусти меня, Ло.

Я расслабляюсь, пока Ло отпирает дверь, и Рик быстро разглядывает черты лица своего брата, а затем поворачивается ко мне. Я слышу, как дверь закрывается, и Рик сразу же обнимает меня, прижимая к своей груди, а голову к моей макушке.

— Она оставалась с ним наедине? — спрашивает Рик у Ло.

— Нет, я был там.

— Вас было только двое?

— Ага, все в норме, — отвечает Ло. — Ничего не случилось.

— Тогда какого хрена я слышал, как отец орал твое имя во все легкие?

Я поднимаю взгляд, и темные глаза Рика фокусируются на его брате, но он по-прежнему держит меня, словно если отпустит, то может случиться что-то плохое.

— У нас возникли разногласия, — говорит Ло, садясь на край кровати. Он трет глаза, будто устал от всего этого.

— Из-за Дэйзи? — хмурится Рик. — Или из-за меня?

— Из-за вас обоих.

В глазах Рика вспыхивают смертоносные искорки.

— Ему нужно не втягивать ее в наше семейное дерьмо.

— Тебе нужно поговорить с ним, или он все-таки втянет ее в это.

— *Блядь*, — матерится Рик. Он глубоко вдыхает, а затем опускает на меня взгляд. — Ты в порядке?

Я киваю.

— Ага, — улыбаюсь ему. — Я принимаю все в тебе, помнишь? Это просто еще одна часть.

— Это не та гребаная часть, которой я хочу делиться с тобой когда-либо.

— Это что-то, на что все мы согласились, — встречается Ло, почти что улыбаясь. И тут крайне неожиданно под одеялами и кучей подушек что-то начинает шевелиться. Ло поворачивает голову и хлопывает, как я предполагаю, по чьим-то ногам.

Лили садится так, будто она восстала из мертвых, потирая свои глаза и потягиваясь. Ло наблюдает за ней так, словно он впервые увидел солнечный свет. Это вызывает у меня улыбку, потому что их любовь так очевидна, и она немедленно снимает все царящее в комнате напряжение.

Лили смотрит на нас и застенчиво улыбается.

— О, привет. Я что-то пропустила?

— Я разговаривала с папой Рика, — говорю я ей.

Ее глаза округляются.

— Что...

— Это было познавательно, — говорю я, пожимая плечами.

— Что за странный денек, — замечает Лили. Думаю, это слово отлично описывает данный день и нашу ситуацию. Она что-то шепчет Ло на ухо, и он кивает, шепча что-то в ответ, а затем они оба поворачиваются ко мне, их выражения становятся более серьезными и настоящими.

Ло кивает и говорит:

— Добро пожаловать в семью.

Слова ударяют меня в само сердце. Так долго я считала Ло частью *своей* семьи; даже несмотря на то, что у него был собственный отец, даже несмотря на то, что он — Хейл, он всегда чувствовал себя дополнением Лили. Кэллоуэй.

Сейчас я начинаю думать, что возможно, все это время дела обстояли совершенно наоборот, а я была столь узколобой, что не видела этого. Лили всегда была частью *его* семьи.

Хейл.

Они, в некотором роде, люди с изъязном.

РИК МЭДОУЗ

Мы пережили этот чертов перелет. Еще одно достижение, которое я могу добавить в один список со своими восхождениями — даже несмотря на то, что Саманта Кэллоуэй не может переносить меня на дух.

У меня за спиной Дэйзи игриво кусает мое плечо, спускаясь по трапу самолета на пустынную взлетно-посадочную полосу частных рейсов. Мы выходим последними.

Я оглядываюсь на Дэйз, и она улыбается такой чертовски ослепительной улыбкой, что трудно не улыбнуться в ответ.

— Выглядишь счастливой, — говорю я.

— Я не просто счастлива, — отвечает она мне. — Я *охуенно* счастлива.

Я целую ее в макушку и ступаю на цементное покрытие аэропорта. Пасмурное небо царит над нами. Мы следуем за родителями и друзьями к двум припаркованным недалеко черным Escalade и одному лимузину. Ноула, водитель семьи Кэллоуэй, открывает дверцу Escalade.

— Еще раз поздравляю, Роуз, — произносит Саманта, целуя дочь в щеки. — Если Коннор будет слишком занят, чтобы пойти на одну из встреч с врачом, звони мне. Я с удовольствием пойду с тобой.

Роуз натянуто улыбается ей, что стандартно, учитывая вежливость Роуз. А затем ее мама исчезает внутри Escalade.

Грег обнимает Коннора и забирается следом за Самантой в машину. Их авто отъезжает первым, и Коннор обращается к Роуз:

— Я не пропущу ни одного приема у врача.

— Слава богу, — она облегченно вздыхает.

— Слава *мне*, дорогая.

Она бросает на него сердитый взгляд, а он смотрит на жену, словно наслаждается тем, что ведет ее к своему лимузину, где очевидно жестко оттрахает. Я просто качаю головой, а потом разворачиваюсь к брату.

— Мы с Дэйзи вызовем такси.

— Чушь собачья, — говорит мой отец, замирая на месте. Он подходит ко мне, а затем жестом указывает своему водителю, Андерсону, открыть заднюю дверь своего Escalade. — Я направляюсь в Филли. И могу подкинуть вас обоих к вашему жилкому комплексу.

Дэйзи наблюдает за моим выражением лица, но я качаю головой в ответ на предложение отца.

— Это сэкономило бы деньги и время, — произносит отец, не выдавая никаких эмоций. С его лица не сходит полуулыбка, напоминающая мне Ло.

Мой брат, Лили, Коннор и Роуз просто стоят и наблюдают за этим разногласием, ожидая, что я приму гребаное решение.

Так что я не раздумываю долго.

— Спасибо за предложение, но я вызову долбанное такси.

Однако по факту я не успеваю даже достать свой телефон. Так как прямо в этот момент на взлетно-посадочную полосу выезжает еще одна машина. Как только я могу ее разглядеть, мое лицо напрягается, а плечи замирают, тогда как сердце уходит в пятки.

— Что... — голос Дэйзи полон страха.

Автомобиль останавливается возле Escalade, синие маячки молчаливо мигают на крыше. Из авто появляется полицейский офицер, его взгляд направлен на меня, подтверждая мое предчувствие.

Меня заберут в тюрьму.

— Что происходит? — спрашивает Ло, глядя на отца в поиске ответов.

Мой отец хмурит брови, и его выражение лица свидетельствует о замешательстве. Он ничего не знал об этом. Офицер приближается ко мне, шагая ровным уверенным шагом, и Дэйзи хватается за мою руку, отказываясь отпустить.

— Дэйзи, — зовет Роуз, выступая перед ней, но Коннор тянет свою жену за руку подальше от сестры.

— Лили, забери отсюда Роуз, — приказывает он.

— Ричард... — возмущается Роуз.

— Позволь мне позаботиться об этом, — говорит он спокойно. Роуз отступает, и Лили, как и сказал ей Коннор, хватается за руку и притягивает к себе, подальше от всей происходящей херни.

— Что происходит? — спрашивает мой брат у офицера.

Он отвечает, останавливаясь прямо передо мной.

— Рик Медоуз?

— Ага, — я не знаю, почему он спрашивает я ли это. Он и так это знает.

И затем офицер вынимает наручники, и я слышу звук закрывающейся дверцы авто. Поднимаю взгляд и вижу еще одного идущего к нам офицера.

Я тут же отталкиваю руку Дэйзи.

— Тебе нужно пойти с Коннором, — говорю ей. Он уже идет навстречу Дэйзи, чтобы забрать ее домой.

— Нет, — она несколько раз качает головой, и думаю, мы оба знает, в чем дело и куда все идет.

— Да, — рычу я. — Это не подлежит чертовому обсуждению. Ты поедешь с ними домой. Увидимся позже.

— Но ты же не сделал ничего плохого, — говорит она мне, слезы выступают на ее глазах. Коннор опускает руку ей на плечо, начиная направлять в сторону лимузина. — Ты не сделал *ничего* плохого!

Это на хрен неважно.

— Рик Мэдоуз, — говорит первый офицер, игнорируя Дэйзи, — вы арестованы за изнасилование...

Дэйзи раздражается слезами.

— Нет! — кричит она, словно кто-то пронзает ей сердце. Мое лицо искажает боль, когда смотрю на нее, зная, что она винит себя за мой арест. Но это не ее чертова вина.

— Вы имеете право хранить молчание... — я не могу больше расслышать ни слова. В ушах гудит. Все счастье, что я видел в выражении Дэйзи, умирает в это гребаное мгновение. Она пытается броситься ко мне, но Коннор обхватывает ее за талию, останавливая. Она всхлипывает, и я ничего не могу поделать, мать вашу так. Я просто должен стоять здесь, наблюдая.

Я стискиваю зубы так сильно, что моя чертова челюсть болит. Офицер движется мне за спину и агрессивно хватается мои руки, сводя их вместе. Мои болезненные мышцы горят,

когда он надевает наручники сперва на одно запястье, а затем на второе.

Я довольно таки уверен, что знаю, кто вызвал копов и подал иск. Женщина, которая не могла встретиться со мной взглядом в течение почти всего полета. Женщина, которая угрожала мне тюрьмой в спальне Дэйзи.

— ... в суде. Вы имеете право на адвоката...

— Он на фиг ничего не сделал!

Это уже не слова Дэйзи.

Это кричит мой брат. Он защищает меня. Мой желудок скручивает, сильные эмоции переполняют настолько, что не могу ни заговорить, ни пошевелиться.

— Если вы не можете позволить себе адвоката, он будет назначен вам...

Офицер не останавливается, даже на слова Ло. Второй коп подходит ко мне спереди, чтобы проводить к полицейскому авто.

— Эй! — восклицает Ло, почти теряя контроль над собой. — Вы меня на хрен не слышите?! — он ступает между машиной и вторым офицером, блокируя.

— Ло, — перебиваю я, мое сердце бешено колотится. Я на фиг сильнее боюсь за него, даже притом что в наручниках я. Моему брату точно не нужно оказаться в тюрьме вместе со мной.

Второй офицер бросает на Ло раздраженный взгляд.

— Вам нужно отступить, или нам придется арестовать и вас.

— Он — хороший человек!

Мой отец все еще здесь.

— Лорен, не будь идиотом, — он заступает за Ло, присоединяясь к нему возле Escalade.

— Какими уликами вы руководствуетесь, арестовывая его? — усмехается Ло офицеру.

— Вам нужно отойти в сторону, сэр, — повторяет второй офицер.

— Ло, — говорю я, инстинктивно пытаюсь подойти к нему, дотянуться до него, двинутся в его гребаном направлении. Он так далеко сейчас от меня. Но меня дергают за наручники, останавливая.

— Значит, думаю, вам придется просто арестовать и меня, — говорит Ло, его взгляд сочится яростью. — Потому что я не сойду с чертова места.

Гребаный ад. Я вырываюсь из хватки первого офицера.

— Ло, просто на хрен остановись! — вскрикиваю я. Наш отец подходит к нему, прежде чем я успеваю сделать это. Он берет Ло за руку и тянет в сторону, с дороги копов.

А затем первый офицер толкает меня наземь так, что мое чертово лицо сильно ударяется об асфальт. Боль пронзает мое тело.

— Соппротивление при аресте, — произносит первый офицер.

— Не глупи! — орет наш отец на брата.

Я стискиваю зубы, и офицер прижимает колено к моей спине. Он что-то говорит мне о том, чтобы я оставался в данном положении, но я в любом случае не способен пошевелиться. Шершавый гравий вжимается в мою щеку, когда пытаюсь повернуть голову и увидеть Дэйзи. Она стоит на коленях, а Коннор у нее за спиной, что-то шепча ей на ухо.

Дэйзи плачет, словно это конец для нас двоих. Ее горе порождает боль от тысячи невидимых ножей в моем животе. Офицер полиции дергает меня, резко поднимая на ноги и толкая к машине. Я прохожу мимо отца и брата.

Ло снова делает шаг вперед, собираясь вмешаться.

Я качаю головой.

— Ты не сделал ничего, — говорит он, его глаза покраснели, а скулы заострились, словно сделаны из льда.

Я киваю ему, поддаваясь принуждению двигаться вперед к машине с мигалками. Я не могу разговаривать. Не могу сказать даже гребаного слова.

До тех пор пока не забираюсь на заднее сиденье машины, пока дверь не захлопывается за мной, а шины не начинают шуршать об асфальт. И тогда я кричу.

Все эмоции, которые сдерживал ради брата и Дэйзи вырываются наружу. Я мог бы пнуть дверь. Мог бы ударить что-то, но мои руки скованы. Так что вместо этого я кричу, высвобождая ту боль, что разрывает меня на части изнутри.

Я только что покорил Тройную Корону Йосемити.

Только что осуществил мечту всей своей жизни.

У меня была Дэйзи.

Я был пиздец как счастлив.

И вот я здесь.

В наручниках.

Арестован.

Еду в тюрьму.

Я еду в тюрьму.

РИК МЭДОУЗ

Они все еще не внесли за меня залог. Я сижу один в камере предварительного задержания, а мои нервы сдают каждый раз, как один из копов проходит мимо. Я ожидаю, что они поведут меня на снятие отпечатков пальцев и фотографирование у стены с ростовкой.

Нормативно-обоснованное изнасилование.

Изнасилование.

От этого я ощущаю себя физически больным. Я бы предпочел быть обвиненным в убийстве. В горле жжет, и я прижимаюсь затылком к бетонной стене, молчу и пытаюсь отключить все чувства. Я не знаю, что произойдет дальше. Не знаю, сколько доказательств Саманта может попытаться использовать против меня. Какие лжесвидетельства она может купить? Но уж точно она попытается выставить меня как преступника. И не думаю, что мне удастся разрешить это дело одной встречей. Кажется, мне светит тюремный срок.

Я вспоминаю все камеры и вспышки, мимо которых проходил по пути сюда от полицейского авто, вспоминаю все те вопросы, что мне орали репортеры.

— Рик?! Ты невиновен?!

— Рик?! Ты виновен?!

— Какие доказательства имеются у властей простив тебя?!

А затем я вошел в участок и был заперт в камере. Я пиздец как ненавижу тот факт, что слово "изнасилование" будет значиться в заголовках журналов, рядом с моим фото. Тошнота разливается по моему телу, но меня и так уже стошнило один раз. Зажмуривая глаза, я, черт побери, глубоко вдыхаю.

Все будет хорошо, мой друг.

Даже долбаные волшебные слова Коннора не могут распутать этот клубок боли у меня в груди.

— Рик Мэдоуз?

Мои глаза открываются. Офицер остановился возле моей камеры, прерывая мои мысли. Мой желудок все еще скручивает. Я не двигаюсь, просто сижу на скамье даже когда полицейский отцепляет связку ключей с ремня и вставляет один из них в замок. Вероятно, за меня внесли залог.

Офицер толкает дверь камеры, открывая. Я собираюсь встать, но он говорит:

— Кое-кто пришел повидаться с тобой.

Я остаюсь сидеть на скамье, мои конечности превращаются в камень, как только человек появляется в поле моего зрения, застегивая пуговицы на своем пиджаке. Передо мной стоит мой отец.

Мой чертов папаша.

И его взгляд так же напряжен, как и мой.

На его подбородке видна щетина, темно-каштановые волосы и чертовы глаза точь-в-точь как мои.

Я более похож на него, чем мой брат. Но Ло как-то сказал, что лучше выглядеть как чертов Джонатан, чем находиться рядом с ним, действовать как он, чем все то, что выпало на долю Ло.

Но если бы брат был здесь, он бы хотел, чтобы я вел себя сейчас хорошо. Он бы хотел, чтобы я приберег свои возмущения, оставив их на потом. Там в Юте он спрашивал, смогу ли я сделать это. Я сказал ему правду. *Я не знаю.* Часть меня хочет попытаться. Но другая часть хочет оттолкнуть Джонатана так охуенно далеко, как это только возможно.

Но эта часть меня сильнее второй.

— Вы можете закрыть чертову дверь, — говорю я офицеру.

Мой отец наклоняет голову.

— Не веди себя как мелкое дерьмо. Прямо сейчас ты сидишь в камере.

— Я никогда не просил тебя на фиг приходить сюда, — отвечаю я.

— Но я здесь, Рик. И я никуда не уйду. Хочешь ты того или нет, у тебя сейчас нет выбора, — и потом отец входит в тюремную камеру. — Можете дать нам несколько минут? — спрашивает отец офицера.

— Мне придется закрыть вас здесь.

Я ожидаю, что отец вытащит пачку денег и подкупит или пригрозит офицеру, но вместо этого он просто кивает и говорит:

— Все в порядке.

Я хмурюсь, наблюдая за тем, как коп закрывает меня в камере с отцом, и мой папа не смущается и не стыдится быть здесь. Он просто встает напротив меня, опустив руки в карманы своих черных слаксов.

После громкого удара закрывающейся двери, полицейский исчезает в темноте коридора.

Почему ты вообще на хрен здесь? Следовало бы спросить мне. Но я будто бы возвращаюсь в тот загородный клуб, становлюсь молчаливым, полным ненависти, семнадцатилетним парнем, и неважно, как сильно я хотел бы отпустить это воспоминание.

— У меня есть команда адвокатов, готовых разрешить этот беспредел, — говорит он. — Они позаботятся обо всем. Тебя выпустят отсюда минут через пятнадцать.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что не желаю его помощи, но отец перебивает меня.

— Ты — *мой* сын. Я не знаю, сколько гребаных раз мне нужно это тебе напоминать — словно Сара выжгла мое имя в твоей голове.

Моя челюсть сильно сжимается. Я не хочу воскрешать все эти вопросы. Не хочу слышать, что он называет ее сучкой или кричит о том, что она промыла мне мозги. Я просто хочу сидеть на этом долбаном месте и винить самого себя.

— Рик, — произносит он мое имя так, словно оно что-то значит для него. — Чего ты хочешь от меня? — он раскидывает в стороны руки, его ладони раскрыты, словно отец открывает себя для меня, словно он так чертовски сильно пытается все исправить. — Или я просто бросаю тебе невидимый мяч? Не так ли? Фактически я ничего не могу на хрен сделать. Ты решил, что больше не хочешь иметь отца.

Что-то щелкает во мне.

— Перестань вести себя так, словно все это твой благородный способ вернуть себе сына, — рычу я, поднимаясь на ноги под действием разгорающейся ярости. Я указываю на него. — Ты *никогда* не хотел вернуть меня в свою жизнь просто так.

Он хмурится и явно искренне смущается.

— Тогда в чем состоит мое истинное намерение? Прощу, просвети меня, черт возьми.

Мой желудок пронзает боль. Я не хочу вести эту беседу. Я даже не хочу его видеть.

— Просто убирайся из моей *гребаной* жизни! — я провожу рукой по волосам, дергая за

пряди. — Уходи на хрен!

Он даже не вздрагивает.

— Ты злишься на меня. Я понимаю это.

— О, реально понимаешь?! — я просто продолжаю качать головой, ощущая как болит шея. — Ты смешивал меня с дерьмом годами. Ты срал на Ло. А *сейчас* хочешь быть моим отцом? Охуенно удобно. Моя мать подпортила твою репутацию, мир узнал мое гребаное имя и отношение к тебе, и *сейчас*, сейчас ты хочешь сказать "*это мой сын, все верно. Посмотрите на него. Он — мой.*" — Я указываю пальцем на отца. — Иди *ты* на хуй!

— Я всегда хотел быть твоим отцом...

— ЛЖЕЦ! — кричу я на все легкие, мое горло жжет. — Ты — *чертов* лжец! Если ты хотел видеть меня своим сыном, тогда почему ты предпочел защитить себя?! Ты решил спрятать меня, чтобы спасти свою ебаную репутацию! Так что расскажи мне, папа, какого черта я должен испытывать к тебе *что-то иное*, кроме ненависти?

Он отводит взгляд, и это добивает меня.

— А теперь, — продолжаю я, раскидывая руки. — Ты готов сделать что угодно, лишь бы вернуть меня на твою сторону. Ты хочешь, чтобы я предстал перед СМИ и рассказал им, что ты *никогда* бы не стал соблазнять моего младшего брата. Что подобный поступок не свойственен твоей долбаной натуре, — я закипаю заживо, моя кровь струится по венам с бешеной скоростью. — Десять лет прошло, папа, а ты хочешь, чтобы я снова защищал тебя. Вот причина, по которой я тебе нужен. Я — тот, кого ты можешь использовать, когда возникает гребаная необходимость.

Он просто напряженно смотрит на меня, не двигаясь с места, и в его глазах таится что-то глубинное, нечто незнакомое. Что-то грустное.

Я делаю шаг навстречу, тыкая пальцем себе в грудь.

— Ты не можешь больше использовать меня. Я не буду сыном, который постоянно тебя защищает, выставляет тебя в положительном свете, когда по факту ты гребанный злодей, — я с трудом дышу, пытаюсь наполнить легкие воздухом.

Не отрываю от отца свой сердитый взгляд.

— Ты закончил? — спрашивает он грубо. Он принимает мое молчание за ответ. — Возможно, тебе следует вспомнить, Рик, что я никогда не просил тебя говорить что-либо обо мне перед медиа. Этого *никогда* даже и близко не случилось, и если ты продолжишь так думать, значит это твое собственное заблуждение. Не мое, — он переминается с ноги на ногу, но не отводит взгляда. — Я могу жить с этими обвинениями. Но не могу жить с осознанием того, что теряю тебя и Лорена. Я бы умер, защищая вас двоих, и если ты не можешь этого понять, значит я не знаю, что еще могу сделать, чтобы показать тебе это.

Он не говорит, *что сожалеет о том, через какой ад меня провел. Что сожалеет о том, что отталкивал моего брата, что ежедневно кричал на него, словно он был чертовым неудачником.*

— Почему ты не можешь просто извиниться? — спрашиваю я. — Почему ты не можешь признать, что облажался?

— Потому что это не так, — отвечает он мне, прожигая дыру в моей груди. — Я принял сложное решение тогда, и если бы сегодня был снова скован в тех же обстоятельствах, то поступил бы так же. Если бы я не солгал о тебе, Рик, тогда пришлось бы принять альтернативу. А она состояла в признании того, что отправило бы меня в то место, где ты находишься прямо сейчас, — он указывает рукой на камеру. — И где бы тогда оказался

Лорен?

Мой желудок падает, когда думаю о брате, зачатом от обвиненного в изнасиловании отца. Наш папа оказался бы в тюрьме, а мой брат... рожден от матери, которая его не хотела. Оказался бы он в приемной семье? Или Джонатан отдал его на воспитание Грегу Кэллоуэй? Они и тогда были бы гребаными друзьями?

— Я люблю тебя, — говорит он мне. — Я всегда тебя любил. Неважно, веришь ты этому или нет. Я здесь не из-за ложного предложения. Я не хочу, чтобы ты защищал меня перед СМИ. Не хочу твоего прощения. Я просто хочу, чтобы ты был в моей жизни. Я хочу назад своего сына. И если это означает, что при каждой нашей встрече мне придется выслушивать твои оскорбления, то так тому и быть. Но лучше иметь это, чем совсем ничего, — он шире раскидывает руки. — Как ты решишь, Рик.

Я провожу рукой по волосам. Мне хочется ему верить. В глубине души я хочу, чтобы все это закончилось, и хочу иметь гребаного отца, коим по его словам он жаждет быть. Но под этой несомненно испорченной любовью кроются годы и годы боли. Как изгнать их?

— И как по-твоему я должен принять тебя? — спрашиваю я, мой голос звучит низко.

— Спроси меня о чем-угодно. Обещаю, что буду честен, даже если мне не понравятся твои чертовы вопросы.

Я не знаю, почему именно сейчас осознаю, что все те моменты, когда использовал матерные слова, был похож в этом на отца. Важно ли это? Передалось ли мне это от него? Он был рядом со мной достаточное количество времени, чтобы повлиять на меня. Даже несмотря на то, что он лгал обо мне, все равно отец был рядом, пытаюсь стать частью моей жизни.

Я осматриваю камеру, металлический туалет, раковину, нары за спиной отца, грязную цементную стену за мной. Отец дает мне перерыв.

Глядя на свою семью, я всегда видел все в черно-белых тонах. Но возможно, есть серые моменты, возможно, не существует лишь верного и ошибочного решения. Есть просто выбор, который навредит моему брату и тот, который ранит меня.

— Почему я вообще здесь? — спрашиваю я, нуждаясь в том, чтобы кто-то подтвердил мои подозрения.

Он скребет пальцем по решетке, раздражение вспыхивает в его глазах.

— Это случилось по вине Саманты Кэллоуэй. Очевидно, она написала своему другу во время нашего перелета, чтобы тот вызвал копов. Она вышла немного за рамки нормального гнева, — он бросает на меня взгляд. — Ее дочери все немного сумасшедшие, так что ты, вероятно, знаешь, что они это от кого-то да унаследовали.

— Она вызывала чертовых копов, чтобы арестовать меня, — отвечаю я. — Это не сумасшествие, это...

— Это безумие, — настаивает он.

— Это лажа.

— И это тоже, — говорит отец. — Но чего ты ожидал, тогда как тыкал свой член вокруг ее дочери, когда ей было пятнадцать, а тебе двадцать два.

Я раздраженно смотрю на него.

— Я не...

— Я знаю, — говорит он. — Как и Грег, я тебе верю, сынок. Но Дэйзи — их младшая дочь, последняя вылетевшая из гнезда птичка. Ты зашел на чертову территорию Саманты, — он проверяет время на наручных часах. — Как я и говорил, вскоре ты выберешься отсюда.

Она подала несколько ложных обвинений, которые удержат тебя здесь максимум еще на десять минут.

— Но все равно меня оформят.

Он кивает.

— Так они подстраховываются. Уверен, они захотят снять твои отпечатки пальцев в течение следующего получаса, — я с легкостью складываю два и два. Он говорит, что я буду на воле до того, как они смогут меня оформить. Отец улыбается, зная, что я все понял.

— Я сопротивлялся во время ареста...

— Я поговорил с офицером. Они не зафиксируют это.

Я вдыхаю через нос, мое сердце колотится быстрее. Не знаю почему, но вдруг я чувствую себя охуенно изумленным. Я осознаю, что рад его присутствию здесь. Но что печально — я не хочу себя так чувствовать. Мне больше по душе злость. Почему я должен ненавидеть хорошие стороны этого человека? Моя мать, думаю, она на хрен приучила меня к этому. Каждый раз, как я думал о брате с положительной стороны, она разбивала это восприятие, фокусировалась на плохом так, что я тоже начинал видеть все так же, как и она.

Отныне я не могу больше так поступать.

Я тру затылок.

— А как же на счет Ло? — спрашиваю я у отца, не желая закрывать данный вопрос.

— А что с ним?

— Ты пиздец как ужасно к нему относишься, — говорю я, глубоко вдыхая. — Твое обращение к нему вызывает у меня тошноту. Ты втаптываешь его в землю, а он все равно возвращается к тебе, как раненный пес. Я не могу находиться рядом с тобой, когда ты так с ним обращаешься, — я бы предпочел, чтобы и Ло не общался с ним, но мы уже это проходили и взгляните, к чему пришли. Ло любит нашего отца, и он все равно будет к нему льнуть, даже если это его убьет.

Мой папа рассеяно расстегивает и застегивает застежку на своих часах Rolex.

— Он — не ты, Рик. Он бросил колледж. Он даже не может составить резюме. Он сам втаптывает свою жизнь в грязь, и если это означает, что я немного жестче с ним, то так тому и быть. Но я не собираюсь на хрен смотреть, как он продолжает губить свой потенциал.

— Так скажи ему об этом, как нормальный человек! — кричу я. — Перестань говорить ему, что он *гробит* свою жизнь.

— Дело не в Лорене. Сейчас разговор идет о тебе и мне, — возражает он, сменяя тему. Словно этому разговору здесь не место и не время.

К черту его.

— Если ты любишь Лорена, как говоришь, ты поддержишь его стремление не пить и перестанешь дразнить его при каждом удобном случае.

Он раздраженно смотрит на меня.

— Если бы я не мотивировал его, он бы не пришел к тому, где сейчас находится. *Это и есть* любовь. Ты поймешь это, когда у тебя будут собственные дети.

Ни за что на свете, я не стану растить своих детей подобным образом. К черту.

Я смотрю на своего отца в течение длительного мгновения. Он никогда не изменится. Он так офигенно верит в свою правоту. Так что вопрос в том, приму ли я его таким, какой он есть, или попытаюсь напрочь забыть о его существовании.

Он еще сильнее открывает передо мной эту дверь.

— Ты готов похоронить эту чушь между нами, или все еще хочешь держаться за хреново

прошное?

Я снова замираю. Прилипаю к полу посреди камеры. У меня на языке не крутится ни одной резкой реплики. Именно такие слова слетают с моих уст чаще всего.

Хочешь ли ты держаться за хреново прошное?

Я будто бы проживаю все снова. Тот момент, когда мой папа бросает маму. Когда я лгу в течение нескольких лет о том, кем являюсь. Когда чувствую себя потерянным, не понимающим, кто я такой.

Но боже, сколько всего есть у меня на данный момент. Бля, у меня есть больше, чем я когда-либо смел мечтать.

У меня есть девушка, которую люблю.

Есть брат.

Мать, которая любит меня, даже несмотря на ее ошибки.

У меня есть отец, который хочет быть рядом ради меня... Я поднимаю на него взгляд. Он здесь ради меня.

И я — Рик Мэдоуз. Я — альпинист, практикующий сольные восхождения. Я — знаменитость. Я — чертов спонсор для алкоголиков. У меня есть личность, я знаю, кто *такой*. И никто не заберет у меня этого.

Я снова поднимаю взгляд на отца и хочу увидеть в нем злодея, но думаю, возможно, все это время злодеем был я сам. Потому что не оставлял прошное в прошлом, не осознавал, что он тоже человек и может совершать ошибки. Я не знаю, готов ли прямо сейчас ему все простить, но он и не просит меня об этом.

Он дает мне все то чертово время, в котором я нуждаюсь.

Я глубоко вздыхаю и говорю:

— Я никогда не мог увидиться с тобой с глазу на глаз.

Он кивает.

— Я бы предпочел драться с тобой во время каждого воскресного обеда, чем снова разговаривать, — он пожимает плечами. — Это гребаная правда.

— Так ты любишь меня настолько сильно?

Чертовы слезы наворачиваются мне на глаза.

— Сильнее, чем ты можешь себе представить, сын.

Невидимый груз еще сильнее давит на меня, когда я спрашиваю у него то, что никогда бы не стал у него спрашивать. Я просто всегда думал, что знал ответ. Сейчас же я не уверен.

— Ты бы бросил пить ради меня и Ло?

После минуты напряженной тишины, одинокая слеза катится по его щеке. Сейчас я вижу, что вероятно, он ведет внутренний бой, такой же неистовый, такой же болезненный, как у Лорена, как у меня самого.

И то, что сейчас он делает, изменит все.

РИК МЭДОУЗ

— Я все еще не могу в это поверить, — говорит мой брат, пока я веду авто к дому отца. Лили и Дэйзи сидят на заднем сидении моей Infinity, которая несется по дорогам, пока я не торможу перед задними огнями другого авто. Девочки молчат, глядя каждая в свое окно.

— Я тоже, — говорю я. — Это кажется офигенно сюрреалистичным.

— Он потратил тысячи долларов на выпивку, — Ло качает головой. — У него был скотч двухсотлетней выдержки, который он планировал подарить мне в день свадьбы, ты знал об этом?

Я бросаю на него взгляд.

— Он хотел подарить тебе выпивку, тогда как ты не пьешь? — Ло навещал отца почти каждый день с тех пор, как тот начал этот долгий путь. Прошла одна неделя с того момента, как в тюремной камере он заявил, что больше не будет пить, и как ни странно он все еще не отступил от этих слов.

По словам отца *"Он не чертов слабак."*

— Нет, он сказал мне, что собирается выпить его сам на моей свадьбе. А для меня у него был дополнительный стакан, — на секунду Ло отводит взгляд, а затем улыбается. — В результате мы полили этим скотчем растения в саду, — он смеется и добавляет: — Знаешь, этому сукиному сыну требуется три спонсора, чтобы поддерживать его, помогая не сорваться?

Я слышу счастье в голосе брата, и это поднимает меня на новую высоту. Я горжусь отцом, потому что он наконец проходит этот путь ради нас. Это непростое решение. Нелегкая дорога. Это то, что Ло знает лучше меня, и он может сказать не понаслышке, как больно отказаться от этой слабости вместо того, чтобы прибегнуть к ней.

Но мы оба будем рядом с папой, ради него.

— Я ожидал, что потребуется чертова армия, — говорю я Ло. — Если он не отправится на реабилитацию, то реабилитация придет к нему, — я бросаю взгляд на Дэйзи через зеркало заднего вида, она замерла в странной позе. От ее отстраненного взгляда мой желудок сжимается. После моего ареста она игнорирует свою мать. Это не то, чего я когда-либо хотел для Дэйзи.

Я еду через закрытый поселок прямо в пригород Филли и паркуюсь возле подъезда дома отца. Отстегаю свой ремень безопасности, а Лили и Дэйзи выскакивают из машины до того, как мы с Ло успеваем даже открыть дверцы. Я поворачиваюсь к брату, надоедливый вопрос так и грызет меня, пока мы здесь.

— Я хотел кое-что у тебя спросить, — говорю я себе под нос.

Он отводит взгляд от Лили, которая нервно грызет ногти. Она была более нервная, чем обычно, но я не собираюсь говорить об этом с братом. Прямо сейчас ее здоровье — не основная из моих забот.

— Да? — спрашивает он.

— Лили много раз разговаривала с Джонатаном наедине?

Однажды я задавал ей этот вопрос. Когда впервые повстречался с ней. Она ответила мне, что старается избегать поездок в дом Хейла, и поэтому я понял, что они с Джонатаном виделись обычно вне стен этого дома.

— Ты спрашиваешь на счет слухов? — удивляется Ло, хмурясь.

Слухи о домогательствах. СМИ все еще распространяет их... они растут и нагнетаются. Имя Лили тоже в них замешано, но она публично заявила, что все это бред, что Джонатан не имеет ни малейшего отношения к ее зависимости.

Добавьте сюда мое "почти" задержание за изнасилование, плюс неожиданное консультирование нашего отца по вопросу его пристрастия, и в результате наша семья кажется похожей на семейку из мыльной оперы.

— Это на счет Дэйзи, — говорю я. — Я хочу быть уверен, что ты знаешь, сколько дерьма ей приходится сейчас терпеть, учитывая то, что она начала со мной встречаться. Отец все еще мудака, хоть и не пьет.

Ло испускает смешок.

— Ага, он сказал одному из своих спонсоров скинуть двадцать фунтов веса, и только затем вернуться, чтобы указывать ему.

— Так и сказал?

— Не совсем. Но думаю, он довел сорокалетнего мужика до слез, — Ло кивает мне. — Не волнуйся о Дэйзи. Он не станет с ней разговаривать, когда ты рядом.

Я просто не хочу, чтобы ей пришлось терпеть его грубые комментарии. Ло рассеяно проверяет свой телефон, словно кое-что пришло ему на ум.

— Итак, у меня есть список десяти рукописей с комиксами, из которых нужно выбрать три. У меня есть кое-какие проблемы с принятием решения. Я думал, что возможно, ты можешь мне помочь.

Я не скрываю удивления.

— Лили и Коннор оказались недоступны? — знаю, я — его чертов номер три. Всегда им был.

— Я не спрашивал у них, — он выдерживает паузу, и вдруг между нами возникает напряжение. — Но если у тебя нет времени или желания, я могу попросить Лили их прочесть. Это не такое уж и большое дело, — он снова собирается проверить телефон, но я уверен, что там нет никакого нового сообщения.

— Нет, — говорю я быстро. — Я хочу помочь.

Теперь его очередь выглядеть удивленным.

— Ты уверен?

Что-то изнутри наполняет меня. Я на самом деле чувствую себя его братом — не просто чертовым спонсором, которого он вечно отталкивает.

— Ага, — говорю я, кивая. — Но не могу обещать, что ты не возненавидишь мое мнение.

— Я несомненно могу это обещать тебе, — Ло улыбается, и это не полуулыбка, не сухая или полная возмущения, отстраненная ухмылка. Нет, это настоящая гребаная улыбка. — Но тем не менее у меня будет дополнительная точка зрения. Мне нужен кто-то, кто смог бы взглянуть со стороны, кто высказал бы отличное от моего мнение.

А я всегда видел все не так, как Ло. Жизнь. Любовь. Семью. Это похоже на отраженные в зеркале жизни, только одна еще и перевернута с ног на голову. Здорово наконец встретится на середине, в точке, что имеет смысл для нас обоих.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Я лежу голышом под простынью Рика. В его квартире. Моя голова спрятана под подушкой, а рука заслоняет голубое свечение экрана телефона, таким образом я стараюсь не разбудить Рика.

Часы на телефоне показывают 3:14 утра, напоминая мне о том, что несмотря на ночь дикого секса, начавшегося на кухонной столешнице и закончившегося на полу спальни, мне все равно не удалось поспать достаточно долго. В среднем мне удастся спать за ночь 4 часа, что довольно отстойно.

Я открываю целый список непрочтенных сообщений от моей старшей сестры.

Мне нужно выбраться из этого дома. Мы раздумываем о переезде в квартиру, но Лили говорит, что я возненавижу это. Что думаешь? — Роуз

Мы пробыли всю неделю на восточном побережье, что дало СМИ достаточно времени, чтобы выпустить пресс-релиз с заголовком: Роуз Кобальт ждет малыша! Сайты со сплетнями сходят с ума, угадывая, какое имя и пол будет у ребенка. Лили говорила, что несколько дней назад папарацци пытались перелезть через живую изгородь возле их дома, чтобы получить хоть одно фото живота Роуз. У нее еще даже не видно ничего. Я слышала, Коннор усилил безопасность вокруг их дома в Пристоне, но вероятно, Роуз имела это в виду.

Я отвечаю ей: *Ты абсолютно точно возненавидишь жизнь в квартире. Маленькое замкнутое пространство.*

И затем открываю следующее непрочитанное смс.

Мы ищем квартиру в Филли или окрестностях. — Роуз.

Я улыбаюсь. Я в Филли. Рик в Филли. Но есть и другие причины, по которым они тоже выбрали бы это место. Кэллоуэй Кутюр и Кобальт Инк. также расположены здесь. Ничто более не держит их в Пристоне, Нью-Джерси. Ездить туда и обратно безусловно выматывает, к тому же Лили заканчивает последний год в колледже в декабре. Она официально станет выпускницей и будет вольна делать, что пожелает.

Если они решат и дальше жить вместе, то так тому и быть.

Никто еще не говорил о том, чтобы Ло и Лили не жили более вместе с Коннором и Роуз. Они делили один дом так долго, что даже странно представить ребят порознь. Но сейчас Роуз беременна. Возможно, все собираются разъехаться и зажить собственными жизнями.

Моя улыбка увядает. Если такое и правда случится, то у меня осталось совсем немного времени с сестрами, прежде чем они начнут строить свои собственные семьи.

Я — самая младшая их них.

Открываю еще одно сообщение.

Я реально очень хотела бы с тобой поговорить. Пожалуйста, Дэйзи. — Мама

Я удаляю это сообщение за секунду. Не хочу даже думать о ее поступке. Не хочу позволять эмоциям захлестнуть меня, потому закрываюсь в себе так же, как множество раз видела, что делает Рик.

Последнее непрочитанное сообщение:

Фу. Мне нужна чертова выпивка. Беременность вызывает у меня сочувствие к Лорену. Я уже ненавижу это. — Роуз

И тогда подушку срывают у меня с головы. Меня поймали с поличным. Рик медленно

пододвигается ко мне, полностью обнаженный, его ноги соприкасаются с моими, когда он выхватывает мой телефон. Он смотрит на время, и его взгляд становится суровым.

— Ты проспала всего лишь гребаный час, Кэллоуэй.

— Я знаю. Мне из-за этого плохо, — говорю я. — Ты можешь поспать еще. Я больше не буду тебя беспокоить, — я собираюсь выскользнуть из постели, но он тянет свою сильную руку вдоль моей спины, удерживая за живот, прямо здесь на своем матрасе.

Моя киска сжимается. *О боже*. Снова? Меня так нереально тянет к Рику Мэдоуз, что мое тело не знает, как с этим справиться.

Он перекачивается на меня сверху и прикасается губами к моему уху.

— Все это не так работает, сладкая, — выдыхает он. — Я хочу тебя в нашей постели всю гребаную ночь.

Нашей постели. Я улыбаюсь, напоминая себе, что мы съехались и теперь живем вместе. Пока что мы не рассказали об этом никому и бегаем из его квартиры в мою, так что не уверена, в какую именно квартиру мы переезжаем.

Однако мне почему-то кажется, что так и должно быть.

И предполагаю, в некотором роде, мы делаем это еще с тех пор, как я выпустилась из школы, просто до этого данный процесс не включал в себя секс.

Он стягивает с меня простыню, открывая своему взору мою голую спину и попку. Рик целует мои плечи, его язык ласкает кожу неспешными, чувственными поцелуями. Его поцелуи — мука. Они — самые лучшие, потому что усиливают каждое мое ощущение, но с другой стороны, они вызывают неистовую жажду чего-то твердого у меня между ног.

Я поворачиваю голову, чтобы увидеть, как напрягаются его рельефные мышцы, бугрится его пресс. Он настолько потрясающе сексуален. Я моргаю, чтобы убедиться, что не сплю — что действительно нахожусь с задумчивым, грубым и сексуальным парнем, которого знаю много лет.

Его губы опускаются к моей попке, а руки придерживают бедра, когда он целует мою нежную плоть. *Аххх...* Я становлюсь влажной лишь от того, как он смотрит на мое тело. Мы разделяем вместе одни и те же ощущения, одно и то же притяжение.

Рик переворачивает меня, и я с трудом могу дышать. Он стоит на коленях, возвышаясь надо мной, а его глаза скрыты в тени под острыми чертами бровей. Я чувствую себя такой маленькой под ним. Не из-за моего возраста. Просто из-за того, что я женщина. Хрупкая рядом с его мужественностью.

Мне *нужно*, чтобы он оказался внутри меня.

— Думаю... Думаю, я зависима от секса, — говорю я, не в состоянии перевести дыхание, когда просто лежу здесь, глядя на него.

Он почти что улыбается.

— Ты любишь секс. Но это не значит, что ты от него зависима.

— Откуда ты знаешь? — выдыхаю я еле слышно.

— Потому что ты бы не ощущала насыщения. Смотрела бы порно на своем телефоне прямо после того, как я оттрахал тебя сегодня вечером.

Мои губы приподнимаются.

— Дважды.

— Почти что трижды, Кэллоуэй.

Я сжимаю руками простыню по обе стороны от себя и поворачиваю лицо к матрасу.

— Ты не настоящий, — говорю я драматично, при этом широко улыбаясь.

И затем он вдруг слезает с постели и дергает меня за лодыжки, притягивая к себе. Кислород покидает мои легкие. Я смотрю на его член, более твердый, чем это было раньше. Когда он проникает в меня, обычно бывает немного больно, но если я не достаточно влажная для него, Рик использует смазку. Он по-настоящему понимает, что может с легкостью ранить меня, и его внимание в этом вопросе вызывает во мне еще больше любви к этому мужчине.

Но в данный момент он не собирается пока что заполнить мою кистку.

Он сгибает мои ноги в коленях и ныряет между ними. Я ахаю еще до того, как его губы касаются моего чувствительного, болезненного центра, который умоляет о его ласках. Рик хорош во многих вещах, но эта ему дается крайне удачно.

Я хватаю его за волосы, пока его язык и губы синхронно работают надо мной. Мне нравится, что он единственный парень, который когда-либо делал мне кунилингус, который когда-либо целовал это интимное местечко. Он фиксирует мои ноги своими предплечьями и располагает обе сильные руки на моей талии.

Я то сжимаю его волосы, то кладу свою руку поверх его.

— Рик, — задыхаюсь я, мои вдохи становятся все чаще. — О боже... Я не могу... — моя спина выгибается, и я цепляюсь за его голову.

Его рот прямо там.

А голова между твоих ног.

Он целует тебя.

Держит в руках твое тело.

Он голый.

Я почти слетаю с катушек.

Я кричу, мой рот открывается, а пальцы сжимают его густые каштановые волосы. *О мой бог.* Я задерживаю дыхание, наблюдая за тем, как он поднимается и становится одним коленом на матрас. Я видела это движение в его исполнении так много раз до этого — одно колено на кровати, а тело немного склонено к моему. Но никогда до этого я не видела Рика в этой позе без одежды. Никогда в этой позе не видела его с эрекцией и так, чтобы я лежала голой под ним.

Он поднимает мою ногу к своей талии, второй рукой берет свой стояк и медленно направляет его в меня. Думаю, я хнычу сейчас.

Обычно я бы села, чтобы встретиться с ним на полпути, но сейчас мои конечности больше похожи на желе. Так что я позволяю ему толкаться в меня, как ему будет угодно. Я просто наблюдаю за тем, что он делает с нашими телами, за тем, как жестко раскачивает свое тело, вколачиваясь в меня в сладком пульсирующем ритме. Я чувствую себя такой наполненной, что даже не могу описать этого. Во мне нет места для чего-то, кроме него.

Каждый мой нерв пронизан электричеством, и я стону. Ощущения никак не угомонятся. Его взгляд фокусируется на мне. Кажется, Рик опьянен моей реакцией и отзывчивостью моего тела. Его губы приоткрываются на секунду, и он опускает руку на матрас, наклоняясь ближе ко мне так, что его член сейчас проникает еще глубже. Но одна его нога все еще стоит на полу.

— Рик! — кричу я, испытывая слишком сильное удовольствие. Я накрываю лицо руками. И кончаю. Разлетаюсь. На миллион осколков. Хотя, не совсем так. Он все еще продолжает возводить меня к высшему пику. Все настолько интенсивно, что я хочу уже достигнуть этой вершины. Я снова задерживаю дыхание, но мои легкие не выдерживают.

Рик убирает мои ладони с лица, и я тянусь ими к его шее, пока он крепко целует меня в губы. Он помогает меня перевести дыхание, заполняя легкие кислородом, а затем поднимает мою ногу чуть выше, и моя голова автоматически откидывается назад.

Он толкается в меня не останавливаясь. Его скорость нарастает, а взгляд мечется между пульсирующим во мне его членом и моими губами, которые то открываются, то закрываются, когда с них слетают крики.

Рик стонет.

— Блядь, — он движется все быстрее и быстрее. Так жестко. Безумно. Так офигенно приятно. — Дэйз...

— Рик... — мои руки находят его, одну на задней поверхности моего бедра, а вторую на постели рядом с моими разметавшимися волосами. Я хватаюсь за обе его руки, и на следующем рывке он воплощает в жизнь свои обещания.

Он освобождается, и я ощущаю, как мои стеночки сжимаются вокруг него. Я закрываю глаза и вдыхаю. Это был марафон вокруг света за тридцать пять минут.

Рик остается во мне, пока забирается на кровать и тянет меня в свои объятия. Мы целуемся, вероятно, около пяти минут. А затем, когда расслабляемся лежа напротив друг друга, он говорит:

— Это было не для того, чтобы помочь тебе уснуть.

Он много раз говорил мне, что никогда не станет лечить меня сексом.

— Это было *просто ради самого траха*? — спрашиваю я, улыбаясь.

— Нет, — шепчет он, — это было ради *я люблю тебя траха*.

Я сияю.

— Неудивительно, что этот раз стал моим любимым.

Он гладит меня по волосам, а мое дыхание синхронизируется с ритмом его движений.

— Хочешь я проверю двери? — спрашивает он.

— Нет, я в порядке, — сейчас, когда мы вместе, я не настолько страдаю паранойей, как раньше. Не думаю, что именно эти отношения разрешили мои проблемы. Скорее стопроцентное осознание, что Рик будет здесь ради меня, дарит мне то чувство безопасности, которого не было до этого. Это на корню убивает большую часть моего иррационального страха.

Я прикладываю щеку к его груди. Мне не удастся немедленно уснуть. Но Рик тоже бодрствует так долго, как мне нужно, чтобы поддаться дремоте. Он просто обнимает мое обнаженное, уставшее тело, пока я наконец-то не уплываю в спокойное мирное царство сна.

Я засыпаю в его объятиях, там, где знаю, буду в безопасности.

РИК МЭДОУЗ

Ночь, запланированная как ночь просмотра фильмов в принстонском доме Роуз, уже превратилась в чертово сражение. На плоском экране висящего на стене телевизора замер кадр с Сандрой Буллок из фильма *Гравитация*. За исключением мебели в гостиной есть только этот телевизор. Все книги уже упакованы, картины сняты со стен и завернуты в пузырчатую упаковку.

Ло и Роуз последние десять минут спорят, и к сожалению, в роли ответного хода Ло обязан бросать в нее попкорн. Она отбивается от еще одного летящего зернышка.

— Я стараюсь разговаривать с тобой *цивилизовано*, — продолжает поединок Роуз. — Прекрати забрасывать меня своим попкорном.

— Прекращу, когда ты начнешь на хрен меня слушать, — он бросает еще одно ядро, и оно приземляется ей на колени.

Коннору приходится обхватить Роуз вокруг талии, так как кажется, что она вот-вот схватится с дивана.

— Осторожно, Роуз, ты беременна. Ты не собираешься использовать свои коготки в течение следующих семи месяцев, — говорит ей Ло колким голосом.

— Не будь таким засранцем, — перебиваю я его. Я держу Дэйзи на коленях, и мы расположились в большом кресле лицом к телевизору. Дэйзи молчит, оставаясь простым зрителем в подобных спорах, они никогда по-настоящему в них не чувствует. Это не просто совпадение. Она ненавидит все это дерьмо и пытается держаться от него подальше. Я же не настолько мил.

Ло и Роуз продолжают перепалку, и я абстрагируюсь от этого, наблюдая, как Дэйзи удаляет еще одно сообщение от своей матери. Мой желудок сводит.

— Эй, — шепчу я, и ее большие зеленые глаза встречаются с моими. — Не совершай гребаную ошибку, ладно? — я убираю прядь розовых волос ей за ухо. Я — циник, держащий на других обиды. Но она — веселая девушка, которая прощает все всем и открывает свои объятия перед незнакомцами. Я не хочу, чтобы это в ней изменилось.

— Она подала на тебя в полицию, Рик, — бормочет Дэйзи. — Это — ненормально.

— Я уже пережил это, — говорю я. Мои пиарщики отбиваются от СМИ, отрицают обвинения и напоминая людям, что Грег Кэллоуэй подтвердил журналу *People*, что наши отношения начались после того, как Дэйзи исполнилось восемнадцать. Это были его извинения, за опрометчивые, эмоциональные решения жены.

Но воспоминания о моей поездке в тюрьму — заголовки об этом украшают обложки почти всех журналов — все никак не исчезают. Даже после публичного заявления Грега. Эту отрицательную реакцию, которую я почувствовал, даже если бы не читал таблоиды. Косые взгляды в спортзале, кривые лица покупателей в магазинах. Журнал *Time* даже изъял выпуск с тем заголовком из продажи.

Но вся эта витающая вокруг меня ненависть не развеялась. И она направлена не только на меня, но и на Дэйзи, так как она вместе со мной. Меня не волнует чье-либо мнение, кроме людей в этой комнате и наших родных. Но чем больше люди льют дерьмо на "Рэйзи" — как прозвала нас пресса — тем сильнее Дэйзи винит в этом свою мать.

Тем больше она ненавидит шумные места.

— И как же? — спрашивает она. — Я видела, как из-за нее на тебя надели наручники.

— Это был ее способ защитить тебя и послать меня *на хрен*. Как-то так, Дэйз. Она любит тебя, и ты знаешь это, — я делаю паузу. — И ты тоже ее любишь.

Дэйзи смотрит на свой мобильный полными слез глазами. Я обнимаю ее сильнее и целую в голову. Проблемы с нашими мамами всегда были похожи; просто моя длится на несколько лет дольше, чем ее. Я свернул не туда и не хочу, чтобы Дэйзи последовала в этом за мной.

Я приподнимаю ее подбородок, и она произносит:

— Я подумаю о твоих словах.

— Ладно, — киваю я. Мой голос понижается еще на пару октав. — Ты собираешься поговорить с сестрами о своих проблемах со сном?

Ее лицо искажается.

— После этого? — последнюю неделю она была открыта к идее поделиться всеми деталями случившегося в прошлом, даже самыми болезненными.

— Ага, — я смотрю на нее, чтобы убедиться, что Дэйз понимает, о чем я говорю.

Ее плечи немного расслабляются, и она кивает.

— Ладно, после этого.

Ло открывает рот, чтобы снова заговорить, но Коннор перебивает его:

— Мы предлагаем решение. Это не то, что должно вас расстроить.

Ло прижимает руки к груди.

— Я готов жить с тобой. Ты был отличным соседом в течение этих двух лет, но у тебя будет ребенок, мужик, — он качает головой. — Тебе не нужно в добавок к этому наше дерьмо.

— Ты не готов, — встречает Роуз, как делала это раньше. — У тебя случился рецидив всего несколько месяцев назад...

— Я никогда не буду готов, Роуз! — орет Ло. — Если ты ждешь, что я полностью выздоровею, то тебе стоит сдать уже сегодня. Это продлится вечность. Не месяц. Не несколько лет. Я зависим. Я мог бы продержатся и не пить десять лет и снова сорваться. Ты должна принять это.

Ее губы сжимаются в тонкую линию.

— А как же Лили?

— Я могу расстаться с ней на время реабилитации, как делал это ранее, — восклицает Ло.

— О, ты о том времени, когда провел годы, позволяя ей трахаться на стороне каждую ночь с разными мужчинами, — отвечает Роуз. Ради всего святого, у нее из-за беременности отключился фильтр между мозгом и ртом. Она говорит все, что придет ей на ум.

Ло хмурится и смотрит на нее ледяным взглядом, так что я удивлен, что у Роуз не бегут по спине мурашки. Я готов к тому, что придется сказать ей что-то гадкое, чтобы заткнуть. Но тут Ло говорит:

— Спишу сегодняшнюю ночь на твою беременность. Кто бы там не рос у тебя в животе, он — демон. Из-за него ты такая злобная.

Роуз прищуривает глаза, игнорируя свою обиду и снова поднимая недавнюю тему.

— Меня не волнует ребенок. Я беспокоюсь о том, чтобы Лили жила с нами, и если она этого хочет, то тебе не следует спорить со мной на данную тему.

— Она не хочет.

— А ты у нее спрашивал?

— Да!

Я смотрю на диван возле Ло, где обычно сидит Лили. Но она ушла в ванную...

Я возвращаю внимание к Коннору.

Он смотрит на часы. Вероятно, та же мысль посетила и его.

— Как давно она ушла? — мой голос перебивает ссору Ло и Роуз, все смолкают.

Ло вертит головой из стороны в сторону, замечая пустую подушку дивана возле себя.

— Черт, — проклинаят он и встает, его глаза широко открыты от волнения.

— Двадцать минут назад. Возможно, пятнадцать, — говорит Коннор, следя за моими движениями, когда я поднимаюсь на ноги.

Ло даже не сомневается.

Он просто бежит.

РИК МЭДОУЗ

— Ванная возле кухни! — кричит Роуз до того, как Ло рванет вверх по лестнице.

Я прямо за ним, моя рука касается его спины, когда Ло мчится через весь дом. Коннор следует за нами, и я просто думаю... *прошу, чертов господь, пусть все будет хорошо*. Пусть все обойдется без несчастных случаев. Это не первый раз, когда кто-то бросается за Лили, когда она задерживается в туалете, читая журналы. Она потеряла доверие Ло уже давно. Я размышляю, когда он осознал, что ее выздоровление идет не очень-то гладко.

До нас доносится шум воды.

Черт.

Ло мчится быстрее, и когда достигает двери ванны, он ударяет кулаком о дерево, проверяя, заперт ли замок.

— ЛИЛИ! — кричит он, его голос полон чистейшего страха. Он говорил мне вчера, что пытался поцеловать ее, и она отвернулась. Для Лили отвергнуть поцелуй не незначительное событие. Ее оправдание состояло в том, что она плохо себя чувствовала, и Ло позволил ей снова уснуть.

Также последнее время она очень часто спит.

Ло продолжает кричать, дергая ручку.

— ЛИЛИ!

— Отойди, — говорю я ему.

Он отходит, и я ударяю плечом о дерево двери. Требуется два сильных удара, и дверь открывается. Я забегаю в ванную перед Ло и отдергиваю занавеску душа в сторону.

Лили сидит под душем, вода течет на нее, и она полностью одетая. Она дрожит, ее руки обнимают ноги, а колени прижаты к груди. Ее черная рубашка с длинным рукавом намочила и облепила ее худое тело.

Когда отключаю кран, вода из душа попадает мне на руку, и она *ледяная*. Я чуть ли не отдергиваю руку.

Что за чертова одержимость у Лили относительно истерик в ванной.

Ло забирается в душевую, при этом его штаны намокают, и он крепко сжимает ладонями щеки Лили.

— Лил, поговори со мной, — его голос прерывистый, полный боли. Прежде чем вода прекращает течь из душа, она попадает на него, отчего его светло-каштановые волосы намокают, и капли воды стекают по заостренным скулам и щекам.

Лили выглядит такой хрупкой рядом с ним, но мой брат кажется настолько сломленным, мрачным и раздираемым мукой. Мое сердце учащенно стучит, когда наблюдаю, как ее боль разделяется между ними. Когда звук воды стихает, ее всхлипы слышатся более отчетливо. Тяжелые стоны, переходящие в крики.

— Лили, шшш, — говорит Ло. — Ты в порядке.

Я ступаю в душевую за ее спиной и ощупываю пол ногой, отчего мои джинсы моментально промокают, а ступни мерзнут. Затем я приседаю и использую руку для поиска чего угодно: бритвы, секс-игрушек, всего, что на хрен угодно. Я нахожу закрытый водосток и вынимаю пробку, чтобы вода могла слиться из поддона.

— Мне... жаль... — ее зубы стучат, и она зарывает лицо в плечо Ло.

— Из-за чего, Лил? — шепчет он, потирая ее спину, чтобы согреть.

Роуз подходит к раковине, ее телефон наготове, она вот-вот вызовет скорую или психиатра.

Я выбираюсь из душевой, и Коннор кивает мне.

— Что-то нашел? — спрашивает он.

Я качаю головой и стою возле него на пурпурном коврикe ванной Лили.

— Я собиралась рассказать тебе... — говорит Лили себе под нос, ее слезы все еще струятся по щекам, выражая ее чертoво горе, но всхлипы стихают. — Вчера, я собиралась... Я испугалась... — все ее тело содрогается от холодной как лед воды, служившей скорее всего для того, чтобы облегчить борьбу с мучавшей ее жаждой. Я видел, как она делала подобное прежде, но не до такой же степени. Обычно она шутит о холодном душе за пару минут до того, как пронзительно завопить и убежать. "Сексуальное желание долой!" сказала бы она с улыбкой.

Но на этот раз все не так. Все гораздо более серьезно.

Коннор передает Ло полотенце, и он оборачивает мягкий хлопок пурпурного цвета вокруг ее дрожащего тела.

— Лили... ты можешь рассказать мне что угодно, — говорит Ло.

— Не это, — она качает головой, слезы текут по ее щекам. — Не *это*.

Она на фиг ему изменила? Я кладу руки на голову, пытаюсь прогнать это предчувствие.
Она на фиг ему изменила.

Но тут Ло берет ее за руку, медленно переплетая их пальцы, словно каждый следующий палец важнее предыдущего. Его взгляд остается сфокусированным на их руках, словно он не может отвести взгляд. И я гадаю, что если он думает о том же, что и я.

— Ты должна рассказать мне, Лил, — бормочет он. — Я не могу гадать, — его голос переходит на сдавленный шепот. — Прошу, не заставляй меня гадать.

Она кивает несколько раз, словно подготавливая себя к этому. Никто не говорит ни слова, все слишком боятся того, что она распадется на части, если кто-то еще встрянет в разговор. Лили открывает рот, и затем что-то щелкает, потому что ее выражение сменяется от осознанного до полностью разбитого.

— Ты думаешь... думаешь, я изменила тебе?

Ло выглядит сраженный горем.

— Я *не* знаю, Лил, — шепчет он. — Ты держала дистанцию, потом не поехала со мной в Париж, так что какое-то время ты была предоставлена сама себе... Я просто не... Я не знаю.

— Я не изменяла тебе, — говорит она так чертовски уверенно. — Ты должен верить мне, — она заглядывает ему в глаза.

Я выдыхаю. Мой брат выдыхает еще с большим облегчением, чем я.

— Я верю, Лил, — он касается ее щеки. — Но ты должна рассказать мне, что на хрен происходит.

— Я была расстроена... ошеломлена. И хотела сделать вещи и просто думала... что это поможет, — она бросает взгляд на лeйку душа и затем на свои наколенники, снова закрываясь в себе.

— Просто скажи уже это, — настаивает Ло. — Что бы это ни было. Просто выпусти это из себя прямо сейчас, любимая.

Теперь ее очередь смотреть на их руки.

— Я не знаю, как сказать тебе... Я думала, пока ты был в Париже, я найду способ

рассказать об этом, но не... Я не думаю, что это хороший способ. И я просто продолжаю держать это внутри, думая, что *завтра будет подходящий день*, — она быстро вытирает глаза и глубоко вдыхает, а затем говорит: — Я на восьмой неделе беременности, — она едва ли смотрит на Ло.

Мои руки падают вниз. *Что?* Я ломаю голову, размышляя над признаками ее беременности, но не думаю, что что-либо было в Лили необычно — она вела себя как всегда. Возможно, ее грудь стала больше? Она такая скромная и, кажется, стесняется и хранит все в себе, пока вы серьезно не поговорите с ней о том, как сложно замечать все, о чем она умалчивает.

Сейчас я осознаю, как долго она держала в тайне свою сексуальную зависимость.

Ло ошеломленно молчит. Мы все ошеломлены... за исключением. Я бросаю взгляд на Роуз и Коннора, и они выглядят довольными. Они знали. К черту их.

— Ты не можешь быть... — наконец-то говорит Ло. Он поднимает ее мокрую рубашку, и я фокусируюсь на ее животе. Думаю, мы все думали, что она просто разумно прибавила в весе, но сейчас в ответ на данный вопрос, могу сказать, что чертовы пару килограмм достались ей не от поглощения еды.

Все охуенно по-настоящему.

Ло поворачивает голову и встречается взглядом с Роуз.

— Ты беременна.

— Мы обе, вообще-то, — говорит Роуз нежно.

— Это невозможно.

— Вероятность ничтожна, но это возможно, — отвечает Коннор, засунув руки в карманы слаксов. — Их циклы синхронны с тех пор, как девочки стали жить вместе. Я не использовал защиту с Роуз, и уверен, ты тоже с Лили.

— Я забывала принять контрацептивы в течение нескольких дней, — выдыхает Лили. — Я не осознавала этого... — она смолкает и продолжает смотреть на их чертовы руки. Я могу понять, почему она держала эту новость в себе. Моему брату стало лучше во время нашего путешествия, но он до этого он был в ужасном состоянии. И он так решительно заявлял свое мнение по поводу *нежелания* иметь детей.

Я не хочу в это верить, но думаю, данная новость не может изменить его на корню — нельзя просто взять и броситься в омут с головой. Никто не может знать наверняка, но очевидно, что это рулетка, в которую Лили готовилась сыграть. Я не уверен, как бы сам отреагировал будь я на месте брата.

— Ты могла бы рассказать мне раньше, — говорит Ло тихо, но его брови хмурятся, когда он пытается проанализировать этот временной отрезок. Вероятно, осознавая все тоже, что и я.

— Я знаю, ты не хочешь иметь детей, и я не хотела нервировать тебя со всем этим... прости, — она всхлипывает громче, со всех сил пытаясь не заплакать.

— Шшшш, — он крепче обнимает ее. — Все в порядке, Лил.

— Нет, не в порядке, — говорит она, вытирая свои слезы еще быстрее. Она слегка отталкивает его так, чтобы заглянуть в его янтарные глаза. — Ты не хочешь ребенка.

— Это больше не имеет значения, — он шумно выдыхает и касается своей груди. — Мы зависимы. Ты и я, — он указывает на нее и себя, словно они разделяют один и тот же любимый цвет. — Возможно, нам бы не следовало иметь детей, но мы попытаемся воспитать ее или его хорошо.

— И у вас есть мы, — говорит Роуз. Она смотрит на меня.

И я киваю брату.

— У вас есть мы, Ло. Мы здесь с вами обоими, — у Роуз, Коннора и меня есть та уверенность, которой так недостает Ло, и мы поддержим его на все долбаные сто процентов. Я не дам моему брату споткнуться и упасть.

Лили и Ло выглядят ошеломленными. Мой брат кивает мне в ответ, словно хочет сказать *спасибо*. И затем он шепчет Лили:

— Мы сделали это вместе. Это не твоя вина, любимая. Мы справимся с этим.

— Я облажалась, — говорит она.

— Думаю, я налажал больше твоего за последнее несколько месяцев, — бормочет он. — Ты была рядом со мной, поддерживала, а я был таким охуенно глупым.

— Нет, — говорит она с полными слез глазами. — Ты был по-настоящему сильным, — и затем они одновременно обнимают друг друга. Их как по волшебству тянет друг к другу, руки сплетаются, предоставляя друг другу такой душевный комфорт, что я даже не могу на это смотреть.

Мы даем ребятам личное пространство, но Роуз намеренно оставляет дверь открытой, словно, чтобы они осознавали, что не одни в доме. Моя голова идет кругом, когда мы заходим на кухню.

— Как она вообще не забеременела, когда трахалась с кучей разных парней каждый день? — спрашиваю я в неверии.

— Она говорит, что была более осторожна. Тогда это была ее единственная забота, — говорит мне Роуз.

Сейчас, когда мы знаем, что Лили не порезала себе вены или что-то в этом роде, Роуз прислоняется к кухонной столешнице так расслабленно, словно сейчас полдень воскресенья.

— Итак, вы знали о ее беременности все это чертово время, — предполагаю я. — И не подумали сказать об этом Ло?

— Это не мое дело, Рик, — говорит Роуз.

Я бросаю взгляд на Коннора.

— А ты что скажешь? Ты никогда не сдерживал себя, чтобы не лезть в чужое дело.

— Думаю, ты путаешь меня с самим собой, — говорит он легкомысленно, — и если хочешь честный ответ, то нет, я не хотел рассказать об этом Ло. Я не думал, что он сможет с этим справиться. Радуйся, что ты не должен был тоже принимать это решение, потому что оно было пиздец каким непростым.

Я знаю, что солгал бы брату в лицо, если бы думал, что он не в силах справиться с чем-то. Как было во время нашего знакомства, когда я представился не своим именем.

Я не завидую тому, что Роуз и Коннор знали о беременности Лили. Я бы не хотел быть на их месте.

Я осматриваю кухню, гранитные столешницы, ожидая, что на одной из них будет сидеть моя эмоциональная девочка, размахивая своими длинными ногами. Но ее нет поблизости, так что я иду через арочный проем в пустую гостиную, ища Дэйзи, но ее нет и здесь.

Я останавливаюсь на месте, кое-что осознавая... она собиралась рассказать сестрам о том, что произошло несколько месяцев назад. Она собиралась наконец поведать им эти ужасные детали, которые сводили ее с ума в течение многих недель.

И конечно, проблемы Лили всплыли именно сегодня, оттолкнув Дэйзи на задний план. Я могу представить, как она себя чувствует — словно ее проблемы незначительны, словно

они не важны в этом огромном плане построения мира. Ей снова придется заткнуться, заползти обратно в свою нору, туда, где она прячет свои чувства, заслоняясь шутками и сарказмом.

Мое сердце подскакивает к горлу.

— Дэйзи! — кричу я, мои нервы воспаляются. Какого хрена я вообще пошел помогать Лили? Я никогда, никогда не хочу ставить Лили выше Дэйзи. Просто из-за того, что Лили громче плачет. Просто из-за того, что она сильнее кричит. Я не собирался ранить Дэйзи еще больше.

Я бегу обратно через кухню, и Коннор с Роуз спрашивают у меня, что не так. Я качаю головой, проверяя ванную.

На подсознательном уровне у меня появляется очень нехорошее предчувствие.

Я бросаюсь в гараж, параллельно с тем доставая свой телефон и набирая номер охраны у главных ворот. Хватаю ключи от своего мотоцикла из кармана.

— Дэйзи уезжала? — спрашиваю я, когда на том конце берут трубку. Мой черный Ducati одиноко стоит посреди гаража, его красная соседка отсутствует.

— Пятнадцать минут назад, — говорит охранник.

Черт. Я кладу трубку.

— РИК! — кричит Роуз на все легкие, чтобы привлечь мое внимание. — Что происходит? — она заходит в гараж, ворота которого уже почти что открыты, поскрипывая, они ползут вверх.

— Я позабочусь об этом, — говорю я Роуз, надевая шлем на голову. Я завожу чертов мотоцикл, переключаю передачу и затем мчусь на полной скорости прочь, до того как у Роуз появится шанс сказать еще хоть слово.

Я так злюсь на самого себя.

Но больше всего, надеюсь, что с Дэйзи все в порядке.

Надеюсь, что найду ее до того, как она совершит что-то охуенно безумное.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Мне необходим воздух. Тот, что посылает импульс в ваши легкие. Тот, что дает сигнал всему вашему телу прийти в движение с новой силой, энергией и положительным зарядом.

Я хочу проснуться.

Устала находиться в постоянном полусне. Видеть мир сквозь полупрозрачную линзу.

Я паркую свой Ducati на мосту с видом на мутное озеро. Ночной воздух хлещет по лицу, напоминая, что на дворе уже почти что декабрь месяц. Холод пронизывает меня до костей, когда сбрасываю свою зеленую куртку. На мне остаются только тонкая майка и джинсы. Я с легкостью взбираюсь на перила моста, где меня приветствует ледяной ветер.

Мне нужно было покинуть тот дом. Когда у Лили случается рецидив или какое-то эмоциональное событие, я чувствую себя всегда одинаково.словно отломанный кусочек мебели, который всем мешает и досаждаёт. Так что лучше просто уйти с дороги. И из всех мест на земле я лучше буду здесь.

На мосту.

Когда раскидываю руки, кажется, словно воздух щипает меня, будит, наполняет чем-то *большим*.

Я люблю забираться на крыши зданий и кричать во все легкие, но мой голос сегодня вечером сдерживает ком в горле, он застрял так глубоко, что не может вырваться на свободу. Так что я просто хочу лететь по воздуху. Хочу парить.

Я смотрю вниз на воду, кажущуюся почти черной в ночной темноте, только серп луны создает светящуюся рябь на поверхности озера. Я спрыгивала с этого моста раньше. Здесь не слишком высоко, но сегодня вода грязная, и на поверхности виднеется множество обломков сухих веток, к тому же под мостом озеро явно стало мельче. Хотя насколько здесь мелко? Я не знаю.

Не могу объяснить эти чувства.

Давление в груди настолько сильное, что, кажется, вот-вот там загорится пламя.

Просто проснись, Дэйзи.

Прыгни.

Я оглядываюсь по сторонам, проверяя, одна ли я здесь. Нет никаких операторов или фотографов, которые преследовали бы меня до этого места. Только фары вдалеке светят слева.

Я снова сосредотачиваюсь на воде, мурашки покрывают мои руки там, где холод прикасается ко мне своими покалывающими объятиями. Половина каждой ступни свисает над водой. Я обхватываю себя руками.

— КЭЛЛОУЭЙ!

РИК МЭДОУЗ

Она оглядывается через плечо, ее лицо освещено лунным светом, видно, что Дэйзи испугалась звука моего голоса. Она никогда не была против того, что ее найдут. Ее основной целью всегда было привлечь внимание к себе. Каждый раз, когда она убегала и делала это в одиночку, а я постоянно боялся, что однажды она не вернется, всплывет мертвой в каком-то озере, реке или океане.

Но не сегодня.

Сегодня все не так, как всегда.

Я слезаю с мотоцикла, злость отражается в моих чертах лица, в напряженных мышцах тела. Ее отец страдал паранойей, с тех пор как мы вернулись в Филли. И потому он встроил GPS локатор в ее мотоцикл. Так что сделав один звонок Грегу, я выяснил, что она решила прокатиться к озеру Карнеги.

— Эй, — говорит она, словно я застал ее за разглядыванием витрин в торговом центре. Она фальшиво улыбается и поворачивается спиной к озеру, но в то же время Дэйзи ставит ступню так, чтобы пятки опасно свисали с перил. — Вопрос: сальто вперед или назад? — она игриво двигает бровями.

— Ни то, ни другое, — восклицаю я. — На хрен слезай, — я редко говорю ей нет, но вспоминаю, как сопровождал ее в путешествии в честь празднования ее шестнадцатилетия. Тот утес в Акапулько. Я кричал ей "нет", вены вздувались на мой гребаной шее, когда просил ее остановиться.

Глядя на некоторые решения, кажется, что шансы выжить после их принятия меньше, чем шансы умереть. Вот почему я схвачу ее сейчас. Вот, почему попытаюсь снять ее с этих перил.

— Я спрыгивала здесь раньше, — говорит она, пожимая плечами. — Все в порядке.

— Нет, — говорю я ей. — Уровень воды сейчас охуенно низкий, — единственная причина, по которой я это знаю, — Коннор Кобальт — он упоминал об этом несколько дней назад, рассказывая об отмене соревнований Принстонского университета в гребле из-за мелководья.

— Опасность, — говорит она театрально, ее губы изгибаются в ухмылке.

Я взбираюсь на чертовы перила рядом с ней, и она замирает, осознавая мои действия. Все веселье сходит с ее лица.

— Что? — восклицаю я. — Ты пригнешь, я прыгну. Вот как все работает, Дэйз. Потому, если ты хочешь сломать ноги, разбить голову, то знай, что сделаешь тоже самое и с моими рукой и головой. Ты можешь, черт возьми, с этим справиться?

Ее глаза мечутся между мной и водой. А ее голос переходит на шепот, больше никаких игр, никаких шуток, когда она произносит:

— Просто отпусти меня.

Все мое тело наливается холодом.

— Ты хочешь умереть? — спрашиваю я. Я спросил у нее об этом однажды, в Акапулько. Она так и не ответила мне, но я все равно знал ответ на этот вопрос. Если хорошо присмотреться, то вы увидите, как свет внутри нее угасает, она все ищет что-то и ищет. Что-то, что возродит ее дух, даст силы к жизни.

Дэйзи смотрит в мои суровые глаза, я не делаю для нее все проще, ее глаза полны слез.

— Ты знаешь, кто ты на хрен такая? — спрашиваю я, пододвигаясь ближе, моя рука медленно тянется к ее талии.

Она качает головой, наши ботинки соприкасаются, но мы оба балансируем на перилах.

Я протягиваю вторую руку и касаюсь ее щеки со шрамом.

— Ты — тепличный цветок, — говорю я ей. — Ты не можешь расти в природных условиях. Чтобы выжить, тебе нужны приключения. Но в паре с безопасностью и *любовью*.

Ее плечи напрягаются, а ключицы проступают под тонкими лямками майки, когда Дэйзи задерживает дыхание. Она задыхается. И ищет, как бы избавиться от этого давления. Выброс адреналина помогает ей обычно, но эффект от этого довольно временный. Ей нужно нечто большее.

— Распустись, — говорю я ей, все еще прижимая руку к ее щеке.

Она хмурится.

— Что?

— Выпусти все, что угнетает тебя, — говорю я. — *Закричи*.

Она качает головой, словно это что-то невозможное, словно хочет спросить "*и чем это мне поможет?*"

— Я просто хочу... — она выдыхает через рот. Я вижу, как давление внутри нее нарастает, загоняя ее в ловушку. Дэйзи так сильно хочет прыгнуть. Моя рука на ее талии напрягается.

— Я тебя на хрен не слышу, — рычу я.

Злость вспыхивает в ее глазах. *Это хорошо*.

— Охренительно рассердись, Дэйзи. Будь кем-то. ЗАОРИ!

Она открывает рот, но за этим не следует ни звука.

Я давлю на нее сильнее, говоря:

— Ты не можешь поговорить со своими сестрами, потому что пиздец как боишься устраивать сцены, однако что-то внутри тебя гложет, желая выбраться наружу, — я указываю на ее сердце. — Здесь что-то есть, и если ты не отпустишь это, оно разорвет тебя на части.

Она тяжело дышит.

— Прекрати.

— Это охуенно больно, верно?! — кричу я ей.

Дэйзи передергивает, и ее глаза становятся красными.

— Почему ты сдерживаешься? Здесь нет никого, кроме нас с тобой! — моя рука скользит на ее поясницу. — Прекрати притворяться, что с тобой все хорошо, когда на самом деле все, что ты хочешь сделать, так это неистово заорать!

Ее грудь визуально заметно сжимается. Я почти держу ее.

— Сделай это! — кричу я, моя кровь мчится с бешеной скоростью. Я стою к ней лицом, не позволяя Дэйзи закрыться от меня, не позволяя ей отказаться от самой себя. — Наконец-то, впервые в своей жизни, отпусти все это!

И тогда она хватается за мои плечи, и я чувствую ее тело до того, как слышу голос. Она цепляется за меня так, словно хочет ухватиться за что-то офигенно надежное и незыблемое. Ее крик пронзает мои барабанные перепонки; это самая мощная чертова вещь во всей вселенной. Боль и мука вырываются на волю вместе с этим криком.

Она бросается ко мне, встряхивая меня так, будто хочет встряхнуть весь чертов мир. И я поддерживаю нас обоих на краю, осторожно и бдительно, так, чтобы мы оба не свалились с

моста.

Еще около минуты она кричит, выпуская все, что сжигало ее изнутри, и затем Дэйзи распадается в моих руках. Я поддерживаю ее в вертикальном положении, убирая волосы с лица. Взгляд ее зеленых глаз встречается с моим, и я вижу в нем истощение с примесью света. Того самого гребаного света.

Я не говорю ни слова.

Просто целую ее, вдыхая еще больше жизни в ее тело. На краю моста. Над обмелевшим озером. И она отвечает, хватаясь за мой затылок, ее пальцы тянут мои волосы. Ее тело льнет к моему, и я выдыхаю, ощущая тепло ее кожи и стук сердца, бьющегося у моей груди.

Мы находимся вне этого места и времени, пока перед нами не останавливается машина. Любопытный незнакомец открывает двери, но я продолжаю целовать свою девочку. И ее губы изгибаются в улыбке, на этот раз искренней.

— Эй, — орет мужчина, — озеро слишком мелкое! — он щурится и присматривается к нам. — Вы двое сумасшедшие? — он качает головой и забирается обратно в машину.

Губы Дэйзи отрываются от моих, и роскошная чертова улыбка озаряет ее лицо. Ее свет снова горит. Сильно и охуенно ярко.

Мой тепличный цветок, в котором я всегда буду поддерживать жизнь.

— Мы точно сумасшедшие, — шепчет она мне.

Я ерошу ее волосы одной рукой, белокурые пряди дико спутались, и я вспоминаю слова Салли о том, что Дэйзи всегда веселая, а я чертовски мрачен.

— Да? Возможно, наши дети будут такими же сумасшедшими, как и мы.

Она игриво ахает.

— Ты хочешь от меня детей?

Я отвечаю, целуя ее еще сильнее, и она проводит руками по моим волосам. А затем я поднимаю ее на руки и спрыгиваю с перил. И мы возвращаемся домой.

РИК МЭДОУЗ

Коннор наливает кофе в пенополистироловую чашку, так как все другие кружки уже упакованы в коробки. Я сижу на барном стуле возле Ло, тогда как наши девушки общаются наедине в гостиной, в десятке метров от нас. Несколько месяцев назад над аркой, ведущей из кухни в гостиную, висел транспарант с надписью *Bon Voyage, Дэйзи*. Сейчас же это место пусто, такое же голое, как и весь дом. Дом, что хранит в себе столько воспоминаний, которые мы вот-вот оставим.

С моего места не видно диван или сидящую на подлокотнике Дэйзи. Я переживаю за нее, но также испытываю облегчение, что она наконец-то сбросит этот груз со своих плеч. До того как мы уехали с того моста, она сказала "Я больше не хочу тянуть себя ко дну".

Не бывает подходящего времени, чтобы сообщить кому-то скверные новости.

Лили сказала что-то такое сегодня вечером, и я думаю, Дэйзи наконец тоже это понимает.

— Она в порядке? — спрашивает меня Коннор.

— Ей лучше. Дэйз просто нужно было покричать, — говорю я, вертя в руке чертову солонку.

— Это и неудивительно, — Коннор прикладывает ладони к кружке. — Мне приходится заставлять Роуз покричать время от времени. Должно быть, это побочный эффект от воспитания Саманты.

Ло качает головой.

— У Лили с этим нет проблем.

Мы оба смотрим на него. Он машинально рисует долбанные круги и квадраты на бумажной салфетке, и в ответ на наше молчание, его ручка замирает на месте.

Коннор говорит ему, не приукрашивая:

— Это потому что Саманта не воспитывала Лили.

Лучший друг Ло, его девушка, его невеста — она была почти что нежеланной дочерью, я осознал это спустя много лет. Она была той, кого Саманта сослала в дом Хейлов; гадким чертовым утенком, хоть при этом была прекрасна, просто слишком уж застенчива, чтобы мать могла ее понять.

Ло не отрицает заявление Коннора, но он и не добавляет к нему ничего.

— Ты не можешь контролировать прошлое, Ло, — продолжает Коннор. — И если уж на то пошло, я тоже вырос сам по себе. Это не то, чего стоит стыдиться.

Лорен продолжает рисовать на салфетке. Я толкаю его плечо своим.

— Как держишься?

— Спроси меня снова, когда все нахрен прояснится, — говорит он.

— Вы собираетесь оставить ребенка?

— Ага, — кивает он. — И из-за этого я уже чувствую себя ужасно.

— Возможно, у малыша не будет проблем с зависимостью, — говорю я.

— Нет, дело не в этом, — Ло поднимает глаза от салфетки и указывает ручкой на Коннора. — Нашему ребенку придется расти вместе с их малышом. А это уже само по себе отстой, хотя он еще даже не родился.

Я не могу сдержать улыбку. Коннор тоже старается со всех сил скрыть свою усмешку,

заслоняясь чашкой.

— Ребенок Коннора будет еще тем снобом, так что ты можешь быть уверен, твой будет не до конца испорченным мальцом, — говорю я.

Коннор открывает рот, чтобы запротестовать, но вдруг из гостиной до нас доносятся звуки всхлипов. Я выпрямляюсь. Черт, мы все схватываемся на ноги.

— Следует ли нам пойти к ним? — спрашивает Ло, хватаясь за край столешницы, готовый броситься в гостиную.

Коннор единственный кажется спокойным.

— Дадим им еще пять минут.

Надеюсь, я смогу продержаться так долго.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

Лили начинает плакать еще до того, как я дохожу до середины своей исповеди. Я сижу на деревянном полу, пока они ютятся вместе на диване. Девочки предложили мне присесть на подлокотник, но я решила, что хочу видеть их в лицо. Больше никаких отговорок.

Роуз жестом приглашает меня продолжить.

— Рассказывай дальше. Она слишком эмоциональна из-за гормонов.

— Ага, — кивает Лили и принимает салфетку, которую Роуз бросает ей на колени. — Мне жаль, Дэйзи. Я просто думаю, что знаю, куда клонится твой рассказ. Но да, продолжай. Прошу, — она снова кивает и медленно выдыхает.

Сперва я объясняю им, что в течение почти года мой сон был ужасен. Что мне пришлось обращаться к врачам, и все они, изучив мой сон, делали заключение, что я страдаю бессонницей. Что они прописали мне Амбиен, от которого ночные страхи лишь усилились. Я не говорю о *причинах* своих проблем, оставляя это напоследок. Их сложно признать даже перед самой собой.

Роуз быстро заполняет тишину, когда я делаю паузу.

— И все это время ты была совсем одна? — ее выражение лица сразу же переполняет сожаление и вина. Я пытаюсь не фокусироваться на боли в глазах, ее и Лили. Я всегда хотела радовать окружающих, а не доводить до слез. Но сейчас этого не избежать.

— Со мной был Рик, — говорю я. — Он был всегда рядом ради меня.

— Но у тебя не было нас, твоей семьи, — говорит Роуз, сжимая коробку с салфетками в железной хватке. — Ты знаешь, ты могла бы прийти к нам с чем угодно, Дэйзи, верно? Мы любим тебя.

Лили кивает, соглашаясь.

— С чем угодно, мы здесь.

Я верю им, но пока что сестры еще не слышали о причинах моей бессонницы. Они знают часть истории, но я понимаю, что должна прояснить картину до конца. Сначала я описываю легкие случаи. Те, которые я рассказывала своему врачу и Рiku раз сто.

Об операторе, который вломился в мою спальню.

Раздраженном парне, который напал на мой мотоцикл и саму меня.

Но история, которая причиняет больше всего боли следует после всех других. Она просит, чтобы ее освободили, умоляет, чтобы ею поделились и отпустили. Просто нужно начать ее рассказывать.

Однако начать как раз очень сложно, так как она затягивает людей и вызывает желание узнать конец. А конец наиболее болезненный, он может ранить их так сильно, что сестры еще долго будут истекать кровью.

У меня нет времени на молчание. Потому просто начинаю рассказ.

Я смотрю на свои руки, не в силах взглянуть сестрам в лицо.

— Мне было шестнадцать, когда твоя сексуальная зависимость стала мировой сенсацией, Лили, — я делаю паузу и глубоко вдыхаю перед тем, как продолжить. — Я помню день, когда вернулась в школу. Мои друзья все задавали эти вопросы, — сначала я колеблюсь повторять ли их, но поднимаю взгляд, и Лили мне кивает, поощряя продолжать.

Она говорит:

— Все в порядке.

Сила моей сестры передается и мне, и это подталкивает меня к тому, чтобы продолжить, словно порыв ветра в нужном направлении.

Несмотря на боль, я произношу:

— Мои друзья спрашивали меня: *Твоя сестра просто сидит в комнате и трахается днями напролет? А она трахается с девочками?* — меня передергивает, когда вспоминаю еще больше тех вопросов. — *Как сильно ей этого хочется? А она трахнулась бы со мной? А с бездомными она трахается?* — я сглатываю. — И я не знала, что ответить им ни на один вопрос. Я не знала правды, но все равно защищала тебя, — я все еще защищала бы ее и сегодня. И сделала бы это снова. Я не могу даже сожалеть об этом. — Однако со временем вопросы начали меняться.

— На какие? — спрашивает Роуз, хмурясь.

Я пожимаю плечами.

— Они начали спрашивать меня обо мне самой. Типа, *а ты тоже делаешь подобное все это время? Тебе нравится анал, Дэйзи? Ты бы хотела меня трахнуть? Хочешь мне отсосать?*

— Боже, — говорит Роуз, хватая свой мобильный. — Кто это говорил?

Лили тянется к рукам Роуз и шепчет тихим голосом:

— Позволь ей закончить, Роуз.

Моя самая бесстрашная сестра неохотно отключает телефон и ждет, что я продолжу.

Я тру глаза и гляжу на пол, словно серьезно опасаясь, что от меня отвалится кусок. *Прошу, скажи это, Дэйзи. Не будь такой трусихой.* Я глубоко вдыхаю.

— Все время... я думала, мои друзья, Клео и Харпер были все еще моими друзьями. То есть... — я выпускаю тихий плаксивый смешок. — Я выросла с ними. Я знала Клео с шести лет и считала подругой детства, той, кто по крайней мере... похожа на тебя с Ло, — говорю я Лили. Мои глаза сверлят дыры в собственных пальцах. Я соскребаю с ногтя желтый лак.

А тем временем проигрываю конец истории у себя в голове. Я вижу все, будто это было вчера. Вспышки лампочек, воспоминание, всплывающее, чтобы преследовать меня и освободить от этого ада.

Клео и Харпер позвали меня на шоппинг вместе с ними, но от них несло выпивкой. Они были на дневной вечеринке с несколькими другими ребятами из нашей школы. Очевидно, там подавали пунш. И они сказали, что много разговаривали обо мне, но так и не рассказали о чем именно. Они просто хихикали и смеялись в пьяном угаре.

Мне следовало уйти, но я волновалась, что они сделают что-то глупое, типа украдут что-то в магазине. Так что осталась с ними и поехала на лифте в пентхаус Клео — где она тогда жила со своими родителями и их черной кошкой по имени Тень.

И тогда Клео, белокурая девочка с сумкой Birkin в руке, сделала кое-что... она нажала кнопку аварийной остановки.

Я улыбалась в ответ на ее кривую ухмылку, думая, что они хотят немного пошалить.

— Что мы делаем? — спросила я.

— Проверим, подходит ли это, — сказала Клео и заговорчески взглянула на Харпер. Они обе снова захихикали. Клео начала раскачиваться на каблуках, а Харпер засунула руку в пакет с покупками, доставая розовый вибратор.

Моя улыбка тут же исчезла.

— Что происходит? — спросила я.

— Некоторые ребята хотели бы знать, — сказала Клео, — сколько дюймов в тебя помещается. Мы пообещали им выяснить это.

Я попыталась рассмеяться, очаровать ее. Но она была пьяна. А Харпер была под наркотой. Они не знали, что делали, верно?

— Очень забавно, — сказала я. — Пойдем уже к тебе домой, — я попыталась нажать на кнопку этажа Клео, но она загородила собой панель, пока Харпер стояла в стороне с секс-игрушкой в руке.

Волоски на моей шее встали дыбом от волнения.

— Клео, отойди, — мой голос больше не выражал веселья. Я не играла. — Это не смешно.

Харпер помахала передо мной вибратором.

— Ты вероятно все время используешь такие.

— Ага, — сказала Клео. — Ты полюбишь этот. В твоей семье же есть шлюха, — и тогда Харпер схватила меня за руку.

— Остановитесь! — закричала я. Я вырвалась и инстинктивно отошла к стене. Застыла от шока и страха, а затем Клео сделала все еще хуже.

Она сказала:

— Если ты не сделаешь этого, мы превратим твою жизнь в ад до самого выпуска из школы. Каждый день в коридоре и классе будут для тебя невыносимы, — я узнала, что парень, который надоумил Клео сделать это со мной в лифте, был старшеклассник, в которого она втюрилась, Хьюстон Боггс.

Ей пришлось послушаться, так как если бы она не сделала этого, то выглядела бы плохо в его глазах, все бы говорили о ней и дразнили ее. Она просто хотела показать ему, что может играть в большой лиге. Она хотела использовать меня, а я просто хотела, чтобы меня оставили в покое.

— Прекрати, — сказала я. — *Пожалуйста.*

Слезы пришли в тот момент, когда Харпер схватила меня за запястье и толкнула на колени.

— Сделай это, шлюха! — заорала Клео, словно я не была ей подругой. Она смеялась, а Харпер улыбалась. Пока я плакала.

Я начала расстегивать пуговицы на шортах, потому что думала, что *не смогу пережить эту пытку до самого выпускного*. Мне тогда оставалось шесть месяцев. Полгода. Эти шесть месяцев казались вечностью.

А что такое один момент по сравнению с неделями?

Но я все равно продолжала плакать.

Я плакала, пока стягивала шорты. Плакала, когда была вынуждена принять решение, у которого были бы нехорошие последствия. Чем дольше я колебалась, тем больше Клео мне угрожала, а я боялась. Она сказала, что они ворвутся в мою спальню. Что будут наблюдать за мной, пока я буду спать. Сказала, что весь класс придет вместе с ней, ополчится против меня и моей сестры шлюхи.

Она говорила все это под воздействием алкоголя, затуманивающего ей глаза. А затем я подумала — *Я уеду. Они не вспомнят этого утром.*

Так что в трусиках, с секс-игрушкой на коленях, я приняла решение, которое преследовало меня следующие шесть месяцев.

Я встала и закричала:

— Нет, — я мотала головой так, что мои волосы спутались возле талии. Я одела шорты и застегнула их дрожащими руками.

И оттолкнула девочек с дороги. Они орали у меня за спиной, тянули за волосы, но я запустила лифт и когда дверь открылась, я побежала.

Я мчалась вниз по лестнице и продолжала оглядываться, боясь призраков.

На следующий день в школе мой ящик был заполнен презервативами.

А через день два парни загнали меня в коридоре в угол и попытались ущипнуть за соски, шутки ради, но так больно.

Я всегда оглядывалась через плечо. Всегда запирала двери. И молилась, чтобы это закончилось.

Выпускной был уже на носу. Но мои страхи так и остались со мной.

Я бы хотела иметь возможность вернуться в прошлое и выбрать другой вариант. Я говорила это раньше Рику, и он ответил, что вероятно, это не имело бы значения. Возможно, он и прав.

— Дэйзи, — говорит Роуз, ее голос надломлен.

Я осознаю, что плачу изо всех сил. И обе сестры стоят на коленях на полу рядом со мной, и из их глаз тоже струятся слезы. Мое горло горит, и мне требуется мгновение, чтобы осознать, что все происходившее у меня в голове только что слетело с моих уст.

Эта история — они слышали каждую деталь. Каждый кусочек и осколок, и всю мою боль.

— Все закончилось, — говорит Роуз, растирая мне спину. — Они не могут тебя больше ранить. Мы им не позволим.

Я киваю, веря ее словам. Я не сталкивалась ни с кем из одноклассников в течение нескольких месяцев. Рик гарантировал это.

— Дэйзи, — говорит Лили, ее голос такой на удивление уверенный. Она крепко держит меня за руку. Я наконец поднимаю взгляд, глядя в ее покрасневшие и полные слез глаза. — Мне очень жаль, что это случилось с тобой. И я знаю... Знаю, что сложно было поделиться этим с нами, но спасибо, что рассказала.

Моя грудь раздувается, и я киваю пару раз.

Роуз вытирает несколько моих слезинок, проводя пальцами по моей щеке, и затем спрашивает:

— Ты рассказала это своему врачу?

— Частично, — шепчу я.

Роуз качает головой.

— Дэйзи, у тебя посттравматический синдром. Вероятно, поэтому ты и не можешь спать.

Мои слезы продолжают литься, пока молчу.

— Тебе нужно рассказать своему врачу все, хорошо? — добавляет Роуз, шмыгая носом. Она промокает салфеткой свои слезы, осторожно, чтобы не размазать тушь.

— Я рассказывала обо всем Рику, — бормочу я.

— И я рассказывала Ло о своих проблемах, — отвечает мягко Лили. — Но этого недостаточно.

Я смотрю на руку Лили поверх моей. Ее ногти не покрашены и погрызены, но ее хватка такая прекрасно сильная на моей руке, что я ощущаю себя в порядке, в безопасности.

— Парни для нас словно столб, — говорит мне Роуз. — Рик — для тебя тот, на кого

можно опереться. Но они не помогут тебя двигаться дальше. Ты должна сделать это сама.

— Я хочу быть сильнее, — шепчу я. — Я просто не знаю как.

— Один шаг за раз, — говорит Лили.

— И ты уже сделала самый большой, — Роуз целует меня в макушку, и Лили тянется, чтобы обнять меня. Я улыбаюсь сквозь слезы, эта грусть готова уйти.

Не думаю, что когда-то буду снова так сильно плакать.

Но сейчас чувствую себя хорошо.

Я ощущаю свет. Легкость. Словно снова могу дышать.

РИК МЭДОУЗ

Мы так и не вошли в гостиную. Пару раз я хожу взад и вперед по кухне, а затем вижу скрученную на диване Дэйзи и Роуз, оборачивающую вокруг нее фланелевое одеяло. Ее черное платье задирается до бедер, когда она садится возле Дэйзи и гладит ее по волосам. Обычно Роуз поправила бы подол своего платья, но она так сосредоточена на сестре, что не замечает. Роуз шепчет что-то Дэйзи, которая пытается уснуть.

Лили первой приходит на кухню, высохшие слезы все еще видны на ее щеках. Ло притягивает ее к груди, прислоняясь к шкафчику, пока она вытирает лицо.

Я провел последние десять минут, поясняя, что случилось с друзьями Дэйзи Коннору и Ло. Она попросила меня об этом, так что это было не так неловко. Я рассказал бы всем еще несколько месяцев назад, но это было не моим делом. Эта история слишком ебнутая и личная, и ей нужно было рассказать об этом другим людям. Но я не мог сделать это за нее.

Когда каблуки Роуз стучат по полу кухни, в воздухе появляется напряжение. Ее горящие желто-зеленые глаза направлены на меня, и моя спина выпрямляется в чертовой оборонительной позиции.

— Я пытался уговорить ее рассказать...

— Спасибо, — перебивает она меня. Удивление искажает черты моего лица. Я не могу его скрыть, но она все равно продолжает. — Ты был с ней, и если бы тебя не было, не думаю, что она могла бы справиться... Так что спасибо тебе.

Мое горло отекает, и я киваю в ответ.

Коннор становится за спиной жены, и его руки оборачиваются вокруг ее талии. Я замечаю, как его ладонь располагается на ее животе всего на пару секунд. А затем он наклоняет голову и шепчет ей на ухо.

На кухне повисает тишина, и лишь невысказанное сожаление и желание суметь остановить то, что произошло, витает в воздухе. Все, что я мог сделать, так это защищать ее после того события, но это было сложно, пока она жила с родителями. Ей пришлось ходить по тем коридорам и искать в себе внутреннюю силу, которую я был не в силах ей дать. И не думаю, что кто-то другой смог бы.

Роуз первая нарушает тишину.

— Я не могу поверить, что это были ее собственные друзья.

Друзья не навсегда. Дэйзи постоянно говорила мне это. Одна из ее чертовых теорий. Я бы хотел опровергнуть ее, с тех пор как мы стали знамениты, у нас у всех поубавилось друзей. Небольшой куш наличных, и большинство людей готовы заявить что-то угодно.

— Мне никогда не нравились ее друзья, — говорю я, засовывая руки в карманы кожаной мотоциклетной куртки. — Они были какие-то фальшивые.

— Я не удивлен, — добавляет Коннор. — Подростки часто могут быть жестокими. Они считают себя выше закона, особенно те, кто вырос в такой же среде, как мы.

Ло кивает, словно он понимает, о чем речь. В младшей школе он был известен, как чертов задира. Но другие дети тоже над ним насмеялись — говорю это не как оправдание.

Ло опускает взгляд на Лили, когда она, кажется, погружается в собственные раздумья.

— Ты в порядке, любимая? — спрашивает он.

— Я бы хотела, чтобы на ее месте оказалась я, — говорит она тихо.

Ло целует ее в висок и притягивает ближе. Комнату снова окутывает бархатное молчание. Никто ни произносит ни слова. Но думаю, все наши мысли сейчас об одном. Из-за этих коробок и высоких стопок упакованного добра кухня кажется мертвой. Мы все движемся дальше, отделяемся друг от друга, но похоже, так и не находим места, где должны быть.

Любой из нас.

Разделяться чертовски странно, не верно.

— Ваше предложение все еще в силе? — спрашивает Ло, глядя на Коннора.

— Какое предложение?

— То, где мы можем переехать вместе с вами, ребята, — говорит Ло. — Я подумал, что мы могли бы купить дом с охраной. Больше, чем этот. И Дэйзи могла бы жить со всеми нами. Думаю, она могла бы почувствовать себя безопаснее, чем живя с одним Риком. И тогда, когда родятся оба ребенка, мы просто... мы просто пойдем, как жить дальше.

Вероятно, это самое самоотверженное предложение, которое когда-либо делал мой брат. Потому что я знаю, как сильно он ненавидит идею о дальнейшей совместной жизни с Коннором и Роуз. Как неприятно ему ощущать себя малышом на поводке, даже при том, что вероятно, это спасло его задницу от многих бед. Но также я понимаю, как это предложение понравится Дэйзи.

Как сильно это может ей помочь.

Вот почему, никто больше не говорит ни слова об этом.

Все и так понятно.

РИК МЭДОУЗ

Телефон вибрирует у меня в кармане, пока спускаюсь по покрытым ковром ступеням. Я проверяю сообщение и одновременно с тем следую за Ло через проем двухстворчатых массивных дверей. Наш новый ном находится в богатом районе пригорода Филли, в отличном от того, где проживают наши родители, но охуенно близко к нему. По крайней мере этот район закрытый.

Мы можем на хрен ходить по улицам, не боясь попасться на глаза папарацци.

Я снимаю блокировку с телефона.

Я люблю тебя. Может мы могли бы встретиться, если все в порядке. В общем, как захочешь. — Мама

Я останавливаюсь на каменных ступенях у крыльца, птицы поют, и сейчас 6 часов вечера. Мое любимое время дня. Солнце еще не село, но небо уже не такое синее, а воздух чертовски холоднее, чем был днем.

Моя мать.

Она ранила меня даже больше, чем отец. Потому что я любил ее безусловно. Потому что объединился с ней против Джонатана, слепо доверяя. Потому что она разрушила жизнь Лили и ее семьи, и это не изменить.

Но она все еще моя мать.

Она все еще та самая женщина, которая ходила на мои соревнования по легкой атлетике, обнимала меня крепко каждое рождественское утро и записывала меня в любую спортивную и не только секцию, которая начинала меня интересовать, на любой вид спорта, который бы меня ни привлекал. Она подарила мне чертов мир, просто я был немного, бля, потерян в нем.

Но у меня навсегда останутся те хорошие воспоминания. Мне просто нужно сохранить их.

— Ты идешь?! — зовет Ло, он уже возле нашего почтового ящика, разминает ноги.

— Ага! Подожди, — мои пальцы быстро движутся по экрану.

Я бы хотел.

Я нажимаю "отправить" и сую телефон обратно в карман. Это первое сообщение за два года, на которое я ей ответил, первая рука, которую протянул. Время начать с нового листа.

Я иду к Ло и разминаюсь рядом с ним во дворе, не говоря сперва ни слова. Но потом он произносит:

— Итак... Я видел интервью.

Я не смотрю на него. Просто сажусь на гребаную траву и тянусь к носкам кроссовок, мои мускулы растягиваются в тугие нити.

— Да?

— Было сложно? — спрашивает он.

Я смотрю в сторону, разглядывая покрытые росой лезвия травы, холодную землю декабрьским утром. Пару недель назад я встретился с репортером.

Сейчас же я даю Ло честный ответ, не лгу.

— Это был один из самых сложных дней моей долбаной жизни.

Было даже сложнее, чем покорить подряд три горы. Сложнее, чем сидеть в тюремной камере. Сложнее, чем вежливый разговор во время обеда с моим отцом.

— Ты заикался во время интервью, — говорит Ло. — Коннор волновался, что ты забудешь свое имя.

Я испускаю смешок.

— Ага... — вот и все, что я могу сказать. Репортер, женщина в шикарном сером костюме с закрепленным у нее на блузке микрофоном, спрашивала меня в лоб обо всем, что хотела знать страна.

— Трогал ли тебя Джонатан Хейл как-либо неправильно?

Я опроверг каждое утверждение, каждое обвинение, очерняющее моего отца и ранящее брата.

Подошва кроссовок Nike Ло ударяется о мою, когда он тоже начинает растягиваться на земле.

— Ты говорил, что самые сложные в жизни вещи обычно оказываются правильными, верно? — он хмурит брови. Думаю, брат волнуется, не сожалею ли я о том, что сделал заявление перед прессой.

Нет.

Вовсе нет. Все, сказанное мной, было правдой. Не было причин, чтобы и дальше молчать, кроме желания наказать моего отца, а эту цепочку мне охуенно хотелось снять со своей лодыжки.

— Вне сомнений, это было охуенно верное решение, — говорю я уверенно.

Его плечи расслабляются.

— Спасибо, — говорит он. — Правда. Не только за это, но и за то, что заботишься о Дэйзи, что был рядом со мной в течение всех этих сложных месяцев. Я иногда принимал тебя как должное, но никогда на хрен не забуду, что ты и есть причина, по которой я бросил пить.

Я искренне улыбаюсь. Думаю, мое лицо выражает все. Иногда сложно понять, волнует ли его что-то, но когда наступают подобные этому моменты, сложные жизненные роли уже не кажутся такими уж плохими. Оно того стоит.

Одновременно мы встаем и снова направляемся к почтовому ящику, отпуская все это сложное дерьмо, пока бежим.

— Пять миль, — говорит Ло, подпрыгивая, чтобы разогреться. — И на этот раз ты не перегонишь меня, старший брат. Остерегайся!

Я застаю на сказанном им с некой нежностью словосочетании "старший брат". Где-то и как-то я заслужил этот титул. И *он* ощущается охуенно прекрасно.

— Эй ты, смотрящий в никуда, парень, ты меня слышал? — спрашивает Ло, махая мне рукой.

Я бью по его руке.

— Ты спрятал по близости палку для лакросса? Потому что мне пиздец как нравятся мои ноги, так что не переломай их.

Ло раскидывает руки.

— Никакого обмана. Честный забег. Я ожидаю получить гребаный трофей, когда обгоню твою задницу в твоем же виде спорта.

— Это на фиг вряд ли.

И затем мы оба смотрим друг на друга, не отсчитывая от трех до одного. Мы просто одновременно срываемся с места.

Наши шаги синхронны. Движение за движением. Нога в ногу. Шаг за чертовым шагом.

Он бежим прямо рядом со мной, наш ритм движений полностью одинаковый. Он начинает ускоряться, и я отталкиваюсь ногами сильнее. Бегу быстрее.

Мое дыхание становится затрудненным, а голова легкой. Когда я бросаю взгляд в сторону, то впервые не вижу груз на плечах моего брата. Я не вижу ничего, что тянет его назад.

Он охуенно улыбается.

И в свете, пробивающемся сквозь кроны деревьев, мы все ближе к нашему финишу. Гордость за него поглощает меня.

И все четыре мили бок о бок с ним я знаю это.

Он собирается меня обогнать.

ДЭЙЗИ КЭЛЛОУЭЙ

— О боже, как же холодно, — жалуется Лили, кутаясь в одну из белых шубок Роуз. В комплекте с ее Вампа шапкой, она выглядит словно маленькое мохнатое создание. Так и хочется потискать. Вот почему я обнимаю ее за плечи, дотягиваясь до своей старшей сестры.

Наше дыхание клубится в воздухе, когда стоим по колени в снегу, что выпал вчера. Мы скрыты за елью, находясь на центральной лужайке перед домом. Или как называет это дерево Лили: *огромная рождественская ель*.

— Согласна, — говорит Роуз, так холодно, что, кажись, ее тело замерзло в одном положении.

— Я предлагала вам свои свитера, — напоминаю я ей. Она одета в черные легинсы и длинное платье, подол которого мокнет от снега. Ее ботинки полностью утонули в белом снегу. Моя одежда, однако, не намного теплее. Я надела первую попавшуюся обувь возле дверей, торопясь побыстрее вытянуть сестер на улицу.

Этой обувью оказались шлепанцы.

Так что скажу просто, холод несомненно проникает до мозга костей, и мои онемевшие пальцы кричат, требуя горячую ванну.

Роуз сердито смотрит на меня в ответ на мой комментарий, и думаю, она хотела бы дать мне пощечину, сказав, *даже не начинай*. Но ей слишком холодно, чтобы доставать руки из карманов.

— Обещаю, это будет стоить боли, — говорю я, широко улыбаясь. Я тянусь и игриво пожимаю руки им обоим. Я люблю то, что теперь мы можем проводить вместе больше времени, и Лили отвечает мне такой же улыбкой, будто бы заражаясь ею от моей.

Роуз закатывает глаза. Но клянусь, уголок ее губ все же приподнимается. Она достает телефон, и Лили тянется мимо меня, чтобы забрать его у Роуз, но та стоит слишком далеко. Потому с легкостью прижимает телефон к груди.

— Это тайная миссия, Роуз, — шепчет Лили.

Я выхватываю телефон из рук Роуз и передаю его Лили, которая проверяет на нем сообщения.

Роуз упирает руку в бок.

— Почему ты шепчешься? — восклицает она. — Здесь нет никого, кроме нас.

Лили изумленно смотрит на экран. Я наклоняюсь к ее плечу и вижу переписку между ней и Коннором.

— Ты не можешь не отвечать ему на сообщения в течение хотя бы часа? — спрашивает Лили.

— Он доставал меня, — отвечает Роуз. — Мой голос должен быть услышан.

Мой собственный телефон жужжит в кармане, и я быстро проверяю его.

Ты придешь на воскресный обед? — Мама

Дыра образуется у меня в животе. Я пишу в ответ: *Ага, но Рик придет со мной*.

Я жду пару секунд, пока она как всегда напишет быстрый ответ, но мой телефон молчит. Всякий раз, как я заглядываю к ним домой, она отказывается признавать Рика. Думаю, она частично смущена тем, что подала на него в полицию, но слишком горда, чтобы признать свою вину.

Так что она прибегает к обороне в роли защиты.

Но я не могу перед ней притворяться. Не могу быть дружелюбной, тогда как она груба. И я говорила ей много раз, что если она не примет Рика, я не буду с ней милой, веселой дочерью. Я буду вести себя прохладно.

Я готова встретиться с мамой на полпути. Мой отец говорил мне, что она любит меня слишком сильно, чтобы долго упрямиться. Ей просто нужно дать время. Я надеюсь, он прав.

— Шшш, — шепчет Лили, ее глаза расширяются. Как только мы замолкаем, я слышу звук подъезжающего к дому Escalade Роуз.

— Один... — шепчу я, слыша, как открывается пара дверей авто.

Резкий голос Ло раздается в тишине двора.

— Христос, нам нужно нанять кого-то, чтобы снова расчистить подъезд.

— Два, — считаю я для сестер.

— Я могу заняться этим немного позже, — отвечает ему Рик.

Я широко улыбаюсь.

— Три, — мы выбегаем из своего укрытия, или скорее я бегу на замороженных ногах, а девочки идут следом. В их руках в перчатках (и моих без них) лежат снежки.

Я сосредотачиваюсь на парне в кожаной куртке, с упаковками Физз Лайф и картонной пачкой яичного коктейля в руках. И бросаю в него снежок, целясь в грудь, снег рассыпается, смачивая его серую футболку.

Я усмехаюсь. И его мрачные глаза фокусируются на мне, а брови приподнимаются.

— Серьезно, Кэллоуэй?

— Ага, очень серьезно, — говорю я, уже начиная набирать снег для нового боеприпаса.

Лили кричит, и я оглядываюсь, осознавая, что волосы Ло мокрые, и он бежит за ней по засыпанному снегом двору. Она бросает свои заранее заготовленные снежки и бежит прочь, глупо улыбаясь, ее руки накрывают голову, словно Вампа шапка вот-вот может слететь.

— Хороший бросок, Лили! — кричу я.

Она показывает мне большой палец.

И затем холод атакует мою голую кожу. Прямо в лицо. Я мгновенно просыпаюсь. Улыбаюсь и смотрю на Рика, который поставил наземь газировку и яичный коктейль. Он нагибается, чтобы сделать еще один снежок.

Да начнется игра.

Я уклоняюсь от его следующего удара и попадаю своим снежком ему в плечо. Пытаюсь сделать шаг ближе к нему, но мои шлепанцы застряли в снегу. Я раскидываю руки, чтобы удержать равновесие, но это мне не удается, и я падаю, белый омут встречает меня словно ледяная подушка. Мои волосы и длинная теплая футболка пропитываются влагой окончательно.

Вдруг надо мной возникает почти двухметровый парень, заграждая от солнца и безоблачного неба. Его карие глаза буравят меня безжалостно и с долей похоти. Он хватает мои лодыжки из снега и смотрит на мою обувь. Его лицо становится суровым.

— Ты пиздец какая ненормальная, — он снимает с меня шлепанцы и растирает одну из покрасневших ступней.

Я откидываю голову и почти стону.

— Ощущения офигенные.

И затем его взгляд опускается на мою грудь.

Я тоже смотрю на нее. Мои соски затвердели, и тонкая белая футболка стала

полупрозрачной. Надпись на ткани расположена прямо под грудью: *Занятая*.

Он пожимает плечами, скидывая свою кожаную куртку, его суровый взгляд все еще прикован к моей груди, которая вздымается и опадает чаще, чем раньше.

— Ты не слышал? — спрашиваю я, наблюдая, как он смотрит на меня. — Я уже занята.

— Я слышал, — говорит Рик, сгребая меня в охапку и оборачивая куртку вокруг моих плеч. Наши взгляды встречаются. — Я уже слышал это, он — тот единственный, кто может не отставать от тебя, — и затем он поднимает меня на руки, воздух покидает мои легкие.

Поддерживая мою спину и ноги, он несет меня к передней двери. Я осознаю, что мы остались на улице одни, другие ребята уже зашли в теплый дом. Я даже не думаю, что Роуз участвовала в перестрелке, но по крайней мере она выдержала холод и поддержала командный дух.

Я тянусь и провожу пальцами по волосам у Рика на затылке. И его мускулистая рука напрягается, а взгляд еще раз путешествует по моему телу. А потом он целует меня, его язык скользит по моему, согревая каждый дюйм моего тела.

Я в его руках.

Больше не просто сестра девушки его брата.

Или сестра его друга.

Даже не просто друг.

Я его.

И пока он бережно заносит меня в дом, целуя все более и более настойчиво и страстно, я кое-что осознаю, глубоко в душе.

Мы свободны.

Не важно, что общественность ненавидит нас. Не важно, что моя мама не принимает его. Мы сделали все, что могли на данный момент.

Я улыбаюсь, целуясь с ним, а моя рука зарывается в его густые волосы.

— Я не могу сократить список до десяти, — говорит Роуз Коннору, врываясь в наш с Риком момент. Мы оба отстраняемся и поворачиваем головы.

Роуз сидит на диване из замши сливочного цвета, поджав под себя ноги, пока Коннор передает ей кружку с кофе. Его рука поглаживает ее по бедру, удерживая Роуз поближе к своему телу.

— Тебе нужно это сделать, конечно, если ты не хочешь иметь пятьдесят детей, дорогая, — говорит он ей.

Роуз бросает взгляд на Лили и Ло, который смотрит на меня на руках у Рика. Даже несмотря на то, что Ло еще не привык видеть нас вместе, он уже не ругает и не отчитывает Рика. Он просто позволяет нам быть.

— Сколько имен вы уже вычеркнули? — спрашивает Роуз у Лили. — Коннор думает, что нелепо оставлять несколько *вариантов*, — должно быть это и есть предмет их войны по смс.

Коннор вмешивается:

— Ты можешь оставить один или два запасных варианта, более — уже слишком.

— Почему я вообще вышла за тебя замуж? — отвечает она.

Он обращается к ней на французском, и я уверена, что он говорит: *Потому что любишь меня. А я люблю тебя.*

Рика, должно быть, они уже достали по самое не хочу, потому что он разворачивается и начинает нести меня в сторону лестницы. Но я вижу выражение на лице сестры, нечто

чистое, волшебное и прекрасное.

Несомненно, это — любовь.

— У нас осталось только два имени, одно для девочки и второе для мальчика, — говорит Лили Роуз.

Ее челюсть отвисает, и Коннор бросает на нее взгляд, говорящий "*а я тебе говорил*".

Они снова начинают дискутировать, Ло спорит с Роуз.

Я волновалась, что сейчас, когда они ждут детей, ребята изменятся, что сменят свои дерзкие двадцать лет на минивены и отстойное времяпровождение, что кажись, приходит к вам вместе с детьми. Возможно, они и захотят этого в конце концов, но прямо сейчас я упиваюсь войной снежками, ночными играми и обедами, что мы готовим и едим вместе. Мы — соседи, словно живем в студенческом кампусе, экономя на аренде. Но вместе с тем мы живем, как сестры.

Этот каждый день напоминает мне, что мне всего восемнадцать. А им двадцать три и двадцать пять.

У нас еще есть годы, чтобы расти вместе и разделиться.

Но это время еще не пришло.

На полпути вверх Рик ставит меня на ноги, его взгляд исследует меня с головы до кончиков пальцев ног, и в его глазах читается сильная жажда. Я тоже хочу его. Я иду задом наперед, и он следует за мной, близко.

— Ты знаешь, что сблизило бы меня с сестрами? — шучу я. И затем тру свой живот.

Его взгляд становится мрачным.

— Помнишь ту стойку, что сделала сегодня утром?

— Ага.

— И колесо?

— Угу.

— И как попыталась сделать чертово сальто на батуте?

Я улыбаюсь недавнему воспоминанию.

— Это было реально весело, — снег дул мне в лицо с каждым новым прыжком. Я делаю еще несколько шагов по ступеням, идя задом. Он не отстает от меня.

— Представь, что ты не можешь сделать все это в течение девяти гребаных месяцев, Кэллоуэй.

Я останавливаюсь на одной из ступеней, и моя улыбка увядает. Звучит... не весело.

Он тянется ко мне и сжимает щеки ладонями, его губы касаются моего уха.

— Никаких ограничений. Сто пятьдесят миль в час. Ты и я, дорогая.

Моя улыбка возвращается. *Это звучит намного лучше.*

РИК МЭДОУЗ

Есть еще столько вещей, которые я хочу сделать, до того как осяду и заведу семью.

И я хочу сделать их все вместе с Дэйзи.

Каждый раз как представляю себя в другой стране после восхождения на гору, путешествуя, живя — она рядом со мной. Я знаю, мы реализуем это в жизни. Знаю, куда бы она ни пошла, я тоже пойду. А куда бы ни пошел я, она последует за мной.

Мы больше не два отдельных колеса.

Все стало охуенно реальным. И я решил сделать так, чтобы это положение дел не менялось и дальше.

Я снимаю ее мокрую футболку, на ней нет лифчика, но она поворачивается ко мне спиной до того, как я могу взглянуть на ее голую грудь. Она случайно наступает на скейтборд, скрытый под разбросанной одеждой, и он катится под ее ногами. Она спотыкается, и я хватаю ее за талию.

— Что это было? — спрашивает Дэйзи, ее дыхание замирает.

— Твой скейтборд.

Она осматривает комнату. Здесь офигенно грязно. Одежда валяется повсюду, кровать перевернута вверх дном, спутанные простыни и смятые жалюзи. Я почти улыбаюсь, когда вспоминаю, как прошлой ночью прижимал ее к окну, грубо и медленно трахая, но это был веселый секс. Стоя.

Это так и не помогло ей уснуть. Я никогда не ожидаю этого. Сейчас ей удастся поспать около пяти часов в сутки, и я просто надеюсь, что чем больше она рассказывает о своем долбанном прошлом, тем больше сможет проспать без пробуждений посреди ночи.

Однако она, несомненно, все еще боится.

Но это начало.

Дэйз убирает остатки снежков из своих спутанных мокрых волос и затем падает на живот поверх матраса. Один взгляд на ее голую спину затрудняет мое дыхание. Ее джинсы чертовски мокрые, но я хочу снять их по совершенно другой причине. Я стягиваю их вниз по ее бедрам и лодыжкам, тем временем мой взгляд скользит по татуировке между ее лопатками. Я был с ней в тот день, когда она ее набила.

Дэйзи улыбается, а ее голова поворачивается, улавливая мое выражение лица.

Очень легко понять, что сейчас меня снедает желание. Но под ним скрыто кое-что еще. Что-то, чем я не делился ни с кем, кроме нее.

Самая сильная гребаная любовь.

Я забираюсь на кровать, и мои пальцы повторяют контур ее тату перед тем, как эту линию выводит моя язык. Чернила на ее коже изображают ловца снов с тремя перышками.

Но паутинка нарисована так, что проглядывается изображение волка, оберегающего ее от плохих долбанных кошмаров.

Я люблю это тату. Я люблю ее. Я люблю это — то, что могу поцеловать ее, не испытывая страха. Нас все еще осуждают, но я могу с этим справиться.

Она перекачивается на спину, и я прижимаю руки по обеим сторонам от ее головы, удерживая ее своим телом, пока смотрю на свою девочку.

— Коста Рика, — говорю я, глядя в ее смелые зеленые глаза. — Вот куда я хочу взять

тебя в следующий раз.

Она улыбается.

— Мы будем целоваться под водопадами?

— Мы будем больше, чем просто целоваться.

Ее лицо светится на сто процентов. Я провожу по шраму на ее щеке, от подбородка к виску.

Она наблюдает за моим взглядом.

— Я — чудовище по сравнению с твоей красотой сейчас? — спрашивает Дэйзи, а ее глаза мерцают.

Я качаю головой.

— Нет, сладкая, мы два чудовища.

Я покажу тебе это через секунду.

Собираюсь ее поцеловать, но ее улыбка медленно угасает, пока Дэйзи теряется в собственных мыслях.

Я хмурюсь.

— Что не так? — она сказала мне кое-что вчера, и это засело мне в голову. Сказала, что не привыкла, когда из-за нее кому-то некомфортно, а когда кто-то смотрит на ее лицо, то им становится не по себе.

— Это напоминает тебе ту ночь? — спрашивает она. — Я всегда гадаю... что, если те плохие воспоминания настигают тебя, всякий раз как ты смотришь на мой шрам.

Я ощущаю, как мое лицо становится суровым, каменея.

— Нет.

— Ты не должен мне лгать. Все в порядке, — она заливается румянцем и жаром от волнения.

— Я и не лгу, — у меня нет никаких чертовых неожиданных наплывов воспоминаний о той ночи, когда смотрю на ее щеку.

— Тогда что это тебе напоминает?

Я убираю ее волосы со лба и поворачиваю ее голову ко мне так, чтобы мог видеть шрам полностью. И тогда мои губы изгибаются в улыбке, а ответ озаряет меня.

— Он напоминает мне все причины, по которым я пиздец как люблю тебя, — я еще раз провожу пальцем вдоль шрама к ее виску. — Ты дикая и смелая и такая чертовски сумасшедшая, — шрам подходит ее неугомонному характеру — хотя это и кажется странным. Я наклоняюсь и шепчу ей на ухо. — Я горжусь, что у меня есть ты, Дэйз. Именно такая.

Мои губы встречаются с ее губами, а тело прижимается к телу Дэйзи все сильнее, с каждым поцелуем.

Когда я отстраняюсь, мои пальцы зарываются в ее светлые волосы, и я выдыхаю ей на ухо:

— Я хочу услышать, как ты на хрен рычишь, Кэллоуэй.

Ее улыбка озаряет лицо. И я смотрю прямо в эти зеленые глаза, те, в которые не устану смотреть еще много гребанных лет.

Больше книг на сайте — Knigolub.net